
И. В. ВЕРЕЩАГИНА

**МЕЗОЛИТ
И НЕОЛИТ
КРАЙНЕГО
ЕВРОПЕЙСКОГО
СЕВЕРО-ВОСТОКА**

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
PROCEEDINGS. VOLUME XXXII**

I. V. VERESHCHAGINA

**MESOLITHIC AND NEOLITHIC
OF THE EXTREME NORTHEASTERN
PART OF EUROPE**

St. Petersburg
2010

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ТРУДЫ. ТОМ XXXII

И. В. ВЕРЕЩАГИНА

МЕЗОЛИТ И НЕОЛИТ КРАЙНЕГО ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА

Санкт-Петербург
2010

УДК 903
ББК Т4 (2)225.1

*Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда
(проект 09-01-16105 д)*

Ответственный редактор:
канд. ист. наук В. Я. Шумкин

Редактор-составитель:
Л. Г. Шаяхметова

Монография является публикацией кандидатской диссертации И. В. Верещагиной

Верещагина И. В. Мезолит и неолит крайнего Европейского Северо-Востока. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. — 232 с. (Archaeologia Petropolitana).

В работе использованы коллекции более чем 200 памятников эпохи мезолита и неолита крайнего Европейского Северо-Востока, в основном опубликованных, хранящихся в фондах музеев Москвы, Петербурга, Сыктывкара, Архангельска, Воркуты и других городов. В научный оборот вводятся материалы 15 стоянок, исследованных под руководством И. В. Верещагиной в бассейне Северной Двины.

Систематизация всех данных, сравнительный анализ памятников и вещественных остатков материальной культуры проведены по единой классификационной схеме, намечены некоторые общие и особенные тенденции развития материальной культуры и по-новому интерпретирован целый ряд памятников. На основе сопоставления с материалами соседних территорий сделана попытка определить истоки культурных традиций и возможные пути заселения региона в целом и отдельных его районов в голоцене.

Особое значение имеет свод всех зафиксированных ко времени написания работы памятников каменного века этой территории. Обширный иллюстративный материал и таблицы позволяют всем желающим проверить построения автора и включиться в продолжение разработки этой проблематики.

Книга рассчитана на специалистов-археологов, этнографов, палеогеографов, геологов, историков.

На первой странице обложки: Среднее течение р. Вычегда вблизи стоянок Пезмог I и II. Фото А. В. Волокитина, В. Н. Карманова.

Редактор и корректор — *Т. Г. Бугакова*
Технический редактор — *Г. В. Тихомирова*

Макет подготовлен в издательстве «Петербургское Востоковедение»

Подписано в печать 31.10.2009. Гарнитура основного текста типа «Times»
Бумага офсетная. Печать офсетная. Формат 60×90¹/₈. Объем 29 печ. л.
Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП «Типография „Наука“»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 978-5-85803-406-3

© И. В. Верещагина, 2010
© Институт истории материальной культуры РАН, 2010
© Петербургское Востоковедение, 2010

Зарегистрированная торговая марка

Предисловие

Монография недавно ушедшей от нас Ирины Викентьевны Верещагиной «Мезолит и неолит крайнего Европейского Северо-Востока» представляет собой практически итоговую работу в тридцатилетней профессиональной деятельности исследователя.

И. В. Верещагина упорно и последовательно изучала территорию крайнего Европейского Северо-Востока, границами которого являются на западе и юге — бассейн Северной Двины и ее притока Вычегды, на востоке — Северный Урал и Пай-Хой, а на севере — побережье Белого и Баренцева морей. Исследователя интересовали прежде всего вопросы, касающиеся времени первоначального заселения этой территории человеком и последующего освоения ее богатых природных ресурсов, а также изменений в материальной культуре населения в ходе адаптации его в суровых условиях Севера.

В процессе многолетних изысканий в этом регионе многими исследователями неоднократно обобщались накопленные материалы и предпринимались попытки создания культурно-хронологических схем как для отдельных районов (М. Е. Фосс, А. П. Смирнов, В. И. Канивец, А. А. Куратов, В. Е. Лузгин, Г. А. Чернов, В. Л. Мартынов и др.), так и для всего региона в целом (Г. М. Буров). Их исследования (в том числе и работы И. В. Верещагиной) позволили существенно пополнить археологическую источниковедческую базу по ранним периодам древнейшей истории — мезолиту и неолиту. Это привело к необходимости обобщения на современном уровне всех накопленных данных и уточнения имеющихся культурно-хронологических схем развития материальной культуры и культурных связей населения крайнего Европейского Северо-Востока в эпоху мезолита и неолита.

И. В. Верещагиной успешно проведена систематизация всех данных по мезолиту и неолиту, представлен сравнительный анализ памятников и вещественных

остатков материальной культуры. На базе типологической классификации каменного инвентаря и керамики автором создана периодизация памятников мезолита и неолита, дана их культурная интерпретация, выявлены общие и локальные особенности и тенденции развития материальной культуры населения. На основе сопоставления с памятниками соседних территорий сделана попытка определения истоков культурных традиций и, следовательно, возможных путей заселения региона в целом и отдельных его районов.

В работе использованы материалы более чем 200 мезолитических и неолитических памятников, коллекции которых, в основном опубликованные, хранятся в фондах музеев Москвы, Петербурга, Сыктывкара, Архангельска, Воркуты и других городов. Кроме того, в научный оборот вводятся материалы 15 памятников мезолита и неолита, обнаруженных и исследованных под руководством И. В. Верещагиной в бассейне Северной Двины.

О серьезности и востребованности данной работы свидетельствуют и регулярные ссылки современных авторов на автореферат кандидатской диссертации И. В. Верещагиной, который, в силу краткости, свойственной такого рода изданиям, отражает описание источников и доказательную базу исследования крайне сжато. Вопрос о необходимости скорейшей публикации диссертационной работы И. В. Верещагиной неоднократно поднимался на региональных и федеральных конференциях многими специалистами, изучающими мезолит и неолит Европейского Севера.

Публикация и анализ данных материалов, несомненно, заинтересуют всех, кому близки проблемы археологии и истории Европейского Севера, и сохранят для науки итоговое исследование безвременно ушедшего от нас высококлассного специалиста.

В. Я. Шумкин

Глава I

КРАТКАЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПАЛЕОГЕОГРАФИИ КРАЙНЕГО ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА

Территория крайнего Европейского Северо-Востока расположена к северу от шестидесятой параллели и занимает площадь свыше 600 тыс. кв. км. Географически рассматриваемый регион находится на севере и северо-востоке Русской равнины и делится на три участка: Северо-Двинско-Мезенскую равнину между Балтийским кристаллическим массивом и Тиманским кряжем, Тиман и Печорскую низменность с Южно-Печорской равниной между Тиманским кряжем и Приполярным Уралом и Пай-Хоем.

Наиболее характерный тип рельефа: ледниковый, водно-ледниковый — прибрежные морские равнины вдоль побережья Белого и Баренцева морей и озерно-аллювиальные — на месте морских палеозаливов и палеозер, на побережье озерных котловин и озеровидных расширений крупных речных систем Северной Двины, Мезени и Печоры. Эти реки являются основой разветвленной речной сети, которая отчасти унаследовала древнюю речную сеть или озерные расширения на месте водоемов или ложбин стока талых ледниковых вод. Однако в целом планировка речной сети отличается от доледниковой и сформировалась окончательно в послеледниковое время [Деятова, 1982]. В поперечном профиле крупных речных бассейнов прослеживается несколько террасовых уровней и абразионных уступов. В приустьевой зоне выделяются три или четыре надпойменные и одна пойменная террасы. Третья терраса (25—30 м над уровнем воды) — самая древняя — сложена коренными породами или осадками среднего и верхнего плейстоцена. Осадки озерно-аллювиального происхождения не повсеместны. Вторая терраса, высотой 15—20 м, — эрозионно-аккумулятивная. Чаще всего она сложена осадками позднего плейстоцена. Покров их постоянный — от 2 до 10 м.

Первая надпойменная терраса, имеющая высоту 8—15 м над урезом воды, — чаще всего аккумулятивная. Отложения аллювия этой террасы крупных рек связываются с периодом бореального термического максимума [Никифорова, 1982]. Состав их мелкопесчаный или гравийно-галечный.

Пойменная терраса хорошо представлена на реках Севера. Высота ее до 6 м. Отложения — песчаные,

песчано-галечные, торфянистые, глинисто-алевритовые.

Характеризуя геоморфологию района как важный компонент природной среды [Долуханов, Хотинский, 1974. С. 215], следует прежде всего подчеркнуть особенность планировки речной сети, которая представляется существенной с точки зрения определения закономерностей появления и последующего расселения древнейших обитателей данной территории.

Практически весь рассматриваемый регион с запада и юга ограничен бассейном одной реки — Северной Двины. С одной стороны — правый ее приток Вычегда, а с другой — Малая Северная Двина, а также Сухона, берущая свое начало далеко на западе, имеют широтное направление, в отличие от самой Северной Двины, Мезени и Печоры, текущих с юга на север. Южные их притоки — Нем, Локчим, Сысола, Виледь, Юг и т. д. — близко соприкасаются своими истоками с северными (левыми) притоками Волги — Камой, Вяткой, Ветлугой, Унжей, Костромой и т. д. Верховья Вычегды и ее правые (северные) притоки — Вишера, Вымь, Яреньга — смыкаются с истоками Мезени, Печоры и их притоками. Такая планировка речной сети, наличие широтных и меридиональных водных магистралей не могли не сказаться на особенностях освоения территории, степени и характере контактов различных групп населения и, в конечном итоге, на сложении облика материальной культуры в различные периоды древней истории.

Второй особенностью геоморфологии района является наличие озер ледникового происхождения, полоса которых тянется от Каргополья на северо-востоке до Большеземельской тундры. Южная граница их совпадает с границами максимального распространения валдайского оледенения. Это озера водораздельного характера (Синдорское, Красный Окунь, Косминские, Ямозеро, Вашуткины и др.), из которых берут начало притоки различного порядка крупных северных рек или небольшие проточные озера в расширениях речных долин, не всегда связанные с водоразделами (Ковозеро, Пинежское, Клоново, Соозеро и др.).

Длительная обитаемость приозерных районов доказана существованием на некоторых из них довременных поселений различных периодов голоцена.

В работах последних десятилетий, и особенно в последние годы, на соседних территориях большое внимание уделяется высотным отметкам расположения памятников, которые используются для установления не только относительного, но и абсолютного их возраста [Панкрушев, 1978; Ошибкина, 1978; Бадер, 1978].

На территории Европейского Северо-Востока также намечаются некоторые закономерности в расположении памятников определенных эпох на различных высотных уровнях, на чем подробнее остановимся в последующих главах. Однако следует отметить, что эти закономерности носят локальный характер, встречаются и отступления от них. Связывая различный высотный уровень расположения памятников с общими периодами колебания уровня вод, во многом синхронными на обширных территориях, нельзя забывать и о местных особенностях и водном режиме того или иного бассейна. Таковыми являются, например, характер и уровень паводков, которые влияют не только на высоту расположения памятников, но и на продолжительность обитания. Кроме того, из-за размыва террас, особенно интенсивного в период паводков, многие памятники не сохранились и продолжают исчезать в наши дни. Так, за время двух паводков была полностью разрушена мезолитическая стоянка Филичаевская I, открытая в 1972 г. в 3 метрах от края высокой боровой террасы; а от поселения Вонгода I к моменту его открытия остался лишь небольшой участок. Таким образом, не отрицая перспективности этого метода в целом, при современном состоянии археологической изученности и недостатке конкретных палеогеографических данных пользоваться им нужно весьма осторожно.

Более перспективными в этом отношении представляются глубинные районы речных бассейнов, и в частности водораздельные озера, где в меньшей степени сказываются паводки, а следовательно, в большей степени можно опираться на данные, отражающие общие колебания водных уровней, обусловленные трансгрессиями морей и изменением общей увлажненности материков. Но и в этом случае необходима конкретизация палеогеографических, и в частности гидрологических, данных.

В ландшафтном отношении территория Европейского Северо-Востока входит в три зоны: тундровую, лесотундровую, таежную [Мильков, 1977].

Восточно-Европейская тундровая область простирается на материке от полуострова Канин на западе до Пай-Хоя на востоке. Это местами холмистая ледниковая равнина с массой озер, переходящая на севере в полосу морских террас. Климат континентальный. Средняя температура января ниже -20°C . Большую роль играют ерниковые тундры и сфагновые болота. Южнее расположена лесотундра, которая также является зоной субарктического пояса. Лесотундра простирается от горла Белого моря на западе до Урала на востоке. Южная граница проходит несколько южнее полярного круга, доходит до широтного колена Печоры. Климат близок к климату тундровой зоны. Характер растительности — редколесье (сибирская ель, береза, иногда лиственница), чередующееся со сфагновыми болотами.

Часть тундры и лесотундры к востоку от Печоры называется Большеземельской, к западу — Малоземельской и Кулойской.

Основная часть территории входит в зону тайги. В пределах восточно-европейской таежной области выделяются три провинции: Двинско-Мезенская, Тиманская и Печорская, соответствующие основным геоморфологическим подразделениям, о которых говорилось выше. Климат умеренно-континентальный, но с заметной разницей в различных провинциях. Если на западе средние температуры января -12 — -16°C , то в Печорской провинции -18 — -20°C . Средняя температура июля различается незначительно: 13 — 18°C — на западе, 14 — 16°C — на востоке. Территория характеризуется значительной, а Тиманский кряж даже повышенной увлажненностью — 600 мм осадков в год. В силу равнинного характера территории большая часть ее сильно заболочена. Наиболее характерны верховые болота. Состав растительности довольно мозаичный. На глеево-подзолистых, подзолистых, иллювиально-гумусных и торфяно-болотных почвах севера и северо-востока области преобладают еловые леса с примесью сосны и березы. Здесь выделяется подзона северо-таежных лесов. На юго-западе области в подзоне средне-таежных лесов на подзолистых почвах и подзолах также преобладают еловые зеленомошные, кустарничковые, по преимуществу брусничные и черничные, леса с мелкотравьем. Сосновые леса приурочены в основном к придолинным участкам борových террас. Нередко это лишайниковые (беломошные) боры.

Растительный покров особенно разнообразен в долинах рек, где его определяют не только подстилающие породы и климат в целом, но и микроклиматические условия. В состав растительности входят все основные эколого-географические группы [Флора Северо-Востока европейской части СССР, 1974; 1976].

Животный мир в тайге значительно разнообразнее, чем в тундре и лесотундре, и представлен большим количеством видов [Животный мир СССР, 1953], число которых в древности было, по-видимому, значительно больше.

По причине столь северного расположения, сурового континентального климата, недостатка палеогеографических данных для реконструкции климата и природных условий в древности, освоение этой территории вплоть до середины 50-х гг. связывалось с серединой суббореального периода. Еще дольше, до начала 60-х гг., большинством археологов отрицалась заселенность территории в эпоху плейстоцена, поскольку считалось, что она была под покровом ресс-вюрмского ледника [Громов, 1950], а памятники плейстоценового возраста не были известны. Вопреки устоявшемуся мнению, С. Н. Замятнин высказал предположение о возможности обнаружения стоянок плейстоценового возраста на севере Европы. Косвенным свидетельством тому он считал многочисленные остатки животных мамонтового комплекса [Смирнов, 1937], основных объектов охоты палеолитического человека [Замятнин, 1961. С. 24]. Предположение С. Н. Замятнина подтвердилось открытием на Печоре палеолитических

стоянок Медвежья пещера, Бызовая, Крутая гора [Гуслицер, Канивец, 1962; 1965; Канивец, 1976]. Обследование целого ряда местонахождений мамонтовой фауны в бассейне Северной Двины, предпринятое Э. И. Девятовой с целью увязать их с конкретными отложениями, позволило обнаружить в низовьях Ваги, левого притока Северной Двины, остатки стоянки с орудиями палеолитического времени [Девятова, 1982. С. 122—126, 139]. Возраст отложений, как и большинства местонахождений палеофауны, определяется периодом, предшествующим валдайскому оледенению, то есть они синхронны печорским стоянкам. Отдельные находки орудий предположительно палеолитического возраста известны на Северной Двине (Усть-Курья, Усово, Шеньга, Ичково-Ступинские карьеры) [Панкрушев, 1963; Куратов, 1969; 1978].

По мнению сторонников ледниковой теории, во время валдайского оледенения территория Европейского Северо-Востока, скорее всего, не была обитаема. Большая часть ее находилась под покровом ледника, а южнее, по краю ледниковых лопастей и языков, была перигляциальная зона тундростепи и размещались приледниковые водоемы, размеры и уровень которых существенно превышали доледниковые [Потапенко, 1975]. Длительность этого перерыва в обитании определяется не только продолжительностью валдайского оледенения (23—15 тыс. л. н.) и периодом его деградации, но и продолжительностью восстановления структуры природных зон и природных условий, благоприятных для обитания, а геоморфологически — восстановлением и формированием речной сети и образованием на берегах удобных для проживания террас [Девятова, 1982; Никифорова, 1982]. Выяснение этого рубежа очень важно, так как определяет возможную хронологическую дату начала нового этапа освоения территории в целом и отдельных ее районов.

До недавнего времени считалось, что деградация ледника происходила быстро и активно и завершилась в период 15—12 тыс. л. н. Однако в последние годы получено много данных, в том числе и радиоуглеродных дат, свидетельствующих о наличии, помимо материкового, сплошного оледенения шельфа Баренцева моря. Более того, в начале голоцена этот ледник не только продолжал существовать, но периодически наступал на сушу около 9 тыс. л. н. [Гросвальд, 1983. С. 35]. В результате этого предполагается длительное сохранение полей «мертвого» льда на прибрежных территориях материка и сильное подпруживание вод вплоть до конца 7-го тыс. до н. э. Сохранение в северных районах ледовой обстановки не могло не сказаться на климате и, в свою очередь, обусловило неравномерность восстановления структуры природных зон [Никифорова, 1982]. Если на юге и юго-западе территории переход от гиперзонального характера ландшафта к зональному, по предположению палеогеографов, завершился к началу 7-го тыс. до н. э., то в северных районах этот процесс происходил медленнее и завершился лишь к началу 6-го тыс. до н. э. Учитывая это, возможным началом нового этапа освоения южных районов, бассейна Вычегды и Северной Двины,

по-видимому, можно считать рубеж 8-го и 7-го тыс. до н. э. Водный режим бассейна Северной Двины к этому времени уже нормализовался вследствие более раннего, чем на восточных территориях, прорыва горла Белого моря. Северные районы, бассейн Печоры, Мезени, в силу указанных причин, были освоены значительно позднее, во всяком случае, не ранее 6-го тыс. до н. э.

В последние годы существенно пополнились материалы по стратиграфии, палинологии и радиоуглеродной хронологии голоценовых отложений. В результате была разработана палеогеографическая схема подразделений голоцена [Никифорова, 1982], которая дает более детальную картину генезиса природных условий и его особенностей на данной территории и в то же время хорошо сопоставляется с модернизированной схемой Блитта-Сернандера [Хотинский, 1987].

Согласно этой схеме, в голоцене отмечается шесть потеплений. Наиболее ярко выражены три из них: бореальный (8900—8300 л. н.), позднеатлантический (примерно 6000—4900 л. н.) и среднесуббореальный (4300—3200 л. н.) термические максимумы. В эти периоды происходило заметное потепление климата, повышение среднегодовых температур, особенно на севере региона, вследствие чего резко смешались ландшафтные зоны в северном направлении. Особенно характерно это для атлантического и суббореального термических максимумов, когда лесные формации достигали побережья Баренцева моря. На месте современных тундры и лесотундры располагались подзоны северной и средней тайги, а на месте средней тайги — южно-таежные леса с примесью широколиственных пород (дуба, вяза, клена, лещины). Например, северная граница распространения вяза в среднесуббореальный термический максимум доходила до широтного колена Печоры.

Наряду с периодами потеплений отмечались периоды интенсивного похолодания: в конце бореального периода, когда на побережье Баренцева моря впервые в голоцене формируется зона тундры [Никифорова, 1982], а также в начале суббореального периода (5000—4300 л. н.), когда природные зоны резко сместились к югу, а в древостоях исчезли широколиственные породы. Выявились, что и на Европейском Северо-Востоке климатические колебания имели сложный пульсирующий характер. Климат не всегда менялся плавно и постепенно, зачастую это происходило скачкообразно [Хотинский, 1977]. Однако эти колебания не носили глобального характера и не приводили к перерыву в обитании. Помимо температурных колебаний, неустойчивым было и состояние увлажненности материков. В среднем голоцене выделяется несколько таких периодов [Шнитников, 1957]. Первый из них характеризуется повышенным увлажнением, максимум которого приходится на рубеж 5-го и 4-го тыс. до н. э. Он сменяется ксеротермическим периодом (середина 4—начало 3-го тыс. до н. э.), который отчасти совпадает с атлантическим климатическим максимумом. Третий период повышенной увлажненности приходится на вторую половину 3—начало 2-го тыс. до н. э.

Колебания увлажненности, как и морские трансгрессии, сказывались на состоянии водоемов, уменьшая или увеличивая норму стока вод. Следовательно, эти данные, при соответствующей их конкретизации, можно использовать для уточнения относительного возраста памятников, расположенных на различных высотных уровнях, что широко применяют исследователи соседних территорий [Ошибкина, 1978; Халиков, 1969].

Следует отметить, что освоение территории в мезолите и неолите, очевидно, было связано с измене-

ниями природных условий в голоцене и, в частности, с периодами термических максимумов, когда это освоение было более интенсивным.

Как изменения природных условий отражались на образе жизни, характере производственной деятельности — это во многом предмет будущих исследований. Естественно, что результативное решение этих вопросов возможно только при комплексном подходе к изучению археологических объектов и максимально возможном привлечении данных палеогеографии.

Глава II

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ КАМЕННОГО ВЕКА НА КРАЙНЕМ ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ

Археологические исследования на крайнем Европейском Северо-Востоке имеют более чем вековую историю. Ее можно разделить условно на три этапа, отличающиеся по интенсивности, результативности и постановке исследовательских задач.

Первый этап (вторая половина XIX—начало XX в.) отражает процесс накопления материала, состоявшего зачастую из случайных находок и сборов, и связан в основном с территориями Крайнего Севера: Беломорским побережьем, Малоземельской и Большеземельской тундрой, где вследствие развитых оловых процессов материал залегал преимущественно на поверхности выдувов (яреев). Первые открытия были сделаны представителями самых различных профессий. Среди них следует назвать имена А. А. Штукенберга [Штукенберг, 1875. С. 50; 1884, С. 31—33], Ф. М. Истомина [Истомин, 1890. С. 147], Г. Г. Сандберга, Н. К. Зенгера [Зенгер, 1877], А. И. Кельсиева, А. В. Журавского [Журавский, 1909. С. 207—209], Н. А. Кулика [Кулик, 1914]. Публикация материалов и первичная их интерпретация содержится в работах А. С. Уварова [Уваров, 1881], Д. Н. Анучина [Анучин, 1879], В. А. Городцова [Городцов, 1901], А. А. Спицына [Спицын, 1926] и др. Большая часть полученных в этот период находок были отнесены просто к каменному веку, так как исследователи прежде всего сталкивались с обилием изделий из камня, и памятники зачастую так и назывались — «фабрика доисторических каменных орудий» [Зенгер, 1877].

Тем не менее уже в процессе первых исследований отмечается стремление выявить особенности в материале и увязать их с конкретными условиями его залегания. Особенно присуще это деятельности К. П. Рева, местного учителя, краеведа-любителя и большого энтузиаста, которым открыто и исследовано значительное количество памятников Беломорья и Двинской губы: Бык, Лавля, Галдарея, Ненокса, Куя и т. д. [Рев, 1898].

Следует остановиться также на некоторых негативных моментах, имевших место на этом этапе и являвшихся следствием во многом случайного и стихийного характера исследований. Сборы на многих памятниках Беломорья (Зимняя Золотица, Ненокса и т. д.) проводили в общем не менее десяти человек, включая иностранных исследователей. В результате богатейшие

материалы оказались разрозненными, без должной топографической и планиграфической привязки, а значительная часть их были утрачены для отечественной археологии. Например, от многочисленной коллекции шведского профессора Г. Гальштрема, активно исследовавшего памятники Беломорья, остались только некоторые зарисовки. Неизвестна судьба вещей, приобретенных А. Г. Тышинским у населения Среднего Подвинья [Тышинский, 1871]. Упомянутые обстоятельства существенно ограничивают возможности анализа этих материалов.

В конце 20-х гг. XX в. заметно возрос интерес к древнейшей истории Европейского Севера, что нашло свое отражение в организации первых экспедиций центральных научных учреждений (ГИМ, РАНИОН). Это ознаменовало начало нового этапа в археологическом изучении Севера, в котором наиболее важные открытия связаны с именами М. Е. Фосс, А. В. Збруевой, Н. Н. Гуриной, А. Я. Брюсова и других исследователей.

Наряду с основными работами в Ленинградской области, Карелии, Каргополье, были обследованы и первично интерпретированы памятники Беломорья [Збруева, Фосс, 1928; Брюсов, 1928].

Одновременно большая работа по выявлению, исследованию и систематизации археологических объектов этой территории проводилась местными краеведческими организациями. Существенный вклад внес В. И. Смирнов, который обобщил и конкретизировал сведения о памятниках Беломорского побережья и Двинской губы [Смирнов, 1937]. На основе анализа, главным образом керамики, была предпринята попытка разделить беломорские материалы на несколько групп, отражающих различные «стадии развития». Самая ранняя из них представлена керамикой с ямочно-гребенчатым орнаментом со стоянок Галдарея I (шестая гряда дюн), Бык, Зимняя Золотица и Ненокса (сопки). Возраст ее определялся неолитическим временем в пределах 2500—1700 гг. до н. э., в то время как А. Я. Брюсов относил дюнные стоянки Белого моря не ранее чем к бронзовому веку и датировал их концом 2-го тыс. до н. э. [Брюсов, 1928].

Периодизация, предложенная В. И. Смирновым, с рядом существенных дополнений и изменений легла в основу последующих периодизаций памятников дан-

ного района [Фосс, 1952; Куратов, 1971; Мартынов, 1985].

Начало активных археологических изысканий в Большеземельской и Малоземельской тундре связано с именем Г. А. Чернова, который в течение многих лет попутно с геологическими исследованиями проводил поиски археологических памятников. Только в период с 1939 по 1954 г. им было открыто около 150 разновременных стоянок и местонахождений в бассейнах Нижней Печоры, Куи, Б. Роговой, Коротаихи, Черной, Адзвы [Чернов, 1948а; 1948б; 1951а; 1951б; 1962].

В интерпретации первых полученных данных исследователь опирался на разработки В. И. Смирнова, сопоставляя большеземельские материалы со второй и третьей стадиями развития, тем самым первичное освоение Печорского Заполярья связывалось с периодом ранней бронзы (конец 2-го тыс. до н. э.). Восточные районы Большеземельской тундры, по его мнению, были освоены еще позднее — только в начале 1-го тыс. до н. э. Неоднократно отмечалась близость этих стоянок памятникам Северного Зауралья. Однако уже тогда высказывалось предположение о возможно более раннем возрасте стоянок без керамики с пластинчатым инвентарем (Сандибей-ю I, 3, 5 и т. д.).

Со временем, от статьи к статье, выводы Г. А. Чернова относительно возраста и культурной принадлежности памятников Печорского Заполярья уточняются, в том числе наиболее ранние материалы удревняются до конца 3-го тыс. до н. э. Несмотря на некоторые методические недостатки исследований — отсутствие должной фиксации, выборочность сборов, нечеткость публикации и противоречивость интерпретаций, — разведочные работы Г. А. Чернова имеют важное значение. Описание археологических материалов проводилось на фоне природных условий и топографии памятников с попыткой в ряде случаев установить относительный возраст стоянок в соответствии с формированием литологии горизонтов [Чернов, 1948а].

Исследования и сборы в Печорском Заполярье проводились также геологом А. И. Блохиным¹ и другими представителями естественных наук.

В настоящее время труднодоступный район Большеземельской тундры является одним из наиболее обследованных, хотя многие памятники нуждаются в дополнительном изучении.

Итоги многолетних исследований на Европейском Севере были обобщены в монографиях М. Е. Фосс и А. Я. Брюсова [Фосс, 1952; Брюсов, 1952], которые и в настоящее время не потеряли своей научной значимости. М. Е. Фосс были собраны все сведения о памятниках обширного региона, включая случайные находки. К этой сводке и сейчас в первую очередь обращаются археологи, намечая район для обследований, и очень часто в местах случайных находок выявляются перспективные памятники [Куратов, 1970].

Кроме того, на основе детального типологического анализа материалов М. Е. Фосс была предпринята попытка решения таких важных историко-культурных

вопросов, как хронология неолитических памятников, происхождение населения, особенности неолита различных территорий, выделение археологических культур, их генезис, культурные связи и заимствования [Фосс, 1947; 1948; Брюсов, 1952].

На Европейском Северо-Востоке М. Е. Фосс были выделены две культуры — беломорская и печорская [Фосс, 1947; 1952]. Общие хронологические рамки северного неолита вначале определялись от конца 2-го тыс. до н. э. до первой половины 1-го тыс. до н. э. [Фосс, 1947]. Позднее она допускала возможность появления первых памятников с ямочно-гребенчатой керамикой в конце 3-го тыс. до н. э. и связывала их с приходом населения из волго-окского междуречья. По ее мнению, в Беломорье именно они послужили основой для сложения беломорской культуры.

Печорская позднемезолитическая культура, выделенная по материалам Печорского Заполярья, датировалась концом 2—началом 1-го тыс. до н. э. Своеобразие ее М. Е. Фосс видела в отсутствии типичной ямочно-гребенчатой керамики и обилии изделий из пластин, что объяснялось происхождением печорской культуры из-за Урала [Фосс, 1952]. Аналогичная оценка беломорских и большеземельских материалов была дана А. Я. Брюсовым [Брюсов, 1952. С. 143—145]. Такие выводы были вполне закономерны для того времени, поскольку в распоряжении исследователей имелись лишь незначительные материалы, в основном сборы Г. А. Чернова 1939—1947 гг., зачастую смешанные. Поэтому к неолитической культуре были отнесены материалы как 2-го тыс. до н. э., так и 1-го тыс. до н. э., а в керамике этого времени действительно много зауральских черт. Ямочно-гребенчатая керамика была к этому времени известна только по сборам А. В. Журавского на стоянке Шренк-Ярей, но единичные ее фрагменты трудно было выделить из общей массы разновременного материала.

Существенные изменения в выводы о путях заселения Печорского Заполярья были внесены Н. Н. Гуриной в статье, посвященной публикации материалов Печорской стоянки, обнаруженной геологами в 1955 г. близ Нарьян-Мара. Интерпретируя инвентарь стоянки как чистый комплекс эпохи неолита, Н. Н. Гурина отметила наличие сосудов с ямочно-гребенчатой орнаментацией, близких к керамике Каргополья и Костромского Поволжья. На основании этого сходства был сделан вывод о заселении Печорского Заполярья не с востока, а с запада, через Беломорье. Датировка раннего этапа освоения удревнялась до начала 2-го тыс. до н. э. [Гурина, 1957]. Близкая керамика была найдена в это время Г. А. Черновым на Миш-Ваньской стоянке в бассейне Печоры [Чернов, 1959].

В ходе последующих работ и расширения источниковедческой базы исследователи данной территории отказались (или просто не пользовались) от термина «печорская культура» в его первоначальном значении, в силу выявившихся разновременности и разнокультурности входящих в эту культуру памятников [Хлобыстин, 1973].

¹ Воркутинский краеведческий музей, кол. № 377/34.

Таким образом, второй этап в изучении Европейского Северо-Востока характеризуется, в первую очередь, заметной активизацией исследовательских работ, хотя они и не носили еще планомерного и регулярного характера. Вторым существенным моментом является постановка и попытка решения целого ряда важных вопросов историко-культурного плана, связанных с заселением данной территории.

О мезолите на крайнем Северо-Востоке вопрос пока не ставился, хотя именно в этот период в советской археологической литературе появляются первые статьи, в которых отстаивается необходимость выделения исторического периода, промежуточного по времени между палеолитом и неолитом, и вводится термин «мезолит» [Воеводский, 1950; Формозов, 1954].

Третий этап связан с началом планомерных и систематических исследований на Европейском Северо-Востоке в конце 50-х гг. В Коми АССР их возглавил сектор этнографии и археологии Коми филиала АН СССР. В последние годы самостоятельные исследования проводились сотрудниками Коми Республиканского краеведческого музея и Сыктывкарского государственного университета. В Архангельской области работы ведутся Областным краеведческим музеем, Ленинградским отделением Института археологии АН СССР (ныне ИИМК РАН).

Перед исследователями прежде всего стояла задача поиска новых памятников всех периодов, особенно на территориях, расположенных к югу от Беломорья и Печорского Заполярья, поскольку здесь к тому времени вообще не были известны археологические объекты.

В 1957—1967 гг. в бассейне Верхней и Средней Вычегды успешные работы проводились под руководством Г. М. Бурова. Результатом их явилось открытие большого числа памятников различного времени от мезолита до средневековья. Такие мезолитические стоянки, как Пезмог I, Курьядор, Кузьвомын и Ульяново, стали опорными памятниками как для бассейна Вычегды, так и для всего Европейского Северо-Востока.

Особое значение имеют исследования в районе Синдорского озера, где были открыты памятники многократного и длительного обитания и множество кратковременных стоянок различного времени. Раскопки вблизи Синдорского озера поселений Вис I, Вис II, Вис III и прилегающих старичных торфяников, особенно 1-го висского, существенно расширили представления о мезолитической эпохе, пополнив коллекции изделиями из дерева и других органических материалов. Была выработана и впоследствии успешно применялась методика поиска и исследований старичных торфяников. Аналогичные торфяники с культурными остатками различного времени были выявлены и частично обследованы в бассейне Северной Двины: на Пинежском озере, близ поселения Яврньга I и Мармугино [Буров, 1966; 1974]. Раскопки висских поселений значительно дополнили сведения и по неолиту данного региона: выделенные типологически неолитические комплексы до сих пор являются самыми многочисленными на крайнем Европейском Северо-Востоке.

Исследование памятников на Синдорском озере является примером комплексного подхода к изучению археологических объектов, широкое использование данных естественных наук расширило представление о среде обитания древнего населения и, в какой-то мере, способствовало хронологической расстановке выделенных типологически разновременных комплексов.

Результаты археологических исследований в бассейне Вычегды неоднократно публиковались в многочисленных статьях информативного характера [Буров, 1959; 1960; 1962а; 1962б] и были обобщены в ряде монографий [Буров, 1965б; 1967а; 1967б], кандидатской и докторской диссертациях [Буров, 1963; 1986].

Перспективность поиска памятников длительного обитания на водораздельных и проточных озерах или в непосредственной близости от них подтвердилась при последующих изысканиях Г. М. Бурова на Северной Двине: поселение Яврньга I на оз. Красный Окунь (водораздел Северной Двины и Пинеги); стоянки на Пинежском озере и Ковзере [Буров, 1974; 1979]. Результативными оказались исследования под руководством В. Е. Лузгина на водораздельных озерах Центрального и Северного Тимана, где были открыты поселения длительного обитания: Ружникова, Кыско, Алексахина, Пижма I, Пижма II, при раскопках которых получены интересные коллекции эпохи неолита и мезолита [Лузгин, 1973а; 1973б; 1973в]. К сожалению, из-за труднодоступности районов раскопками вскрыты лишь незначительные участки этих больших по площади поселений. В ходе исследований на озерах Тимана не только подтвердилось, но и укоренилось мнение о неременной приуроченности поселений эпохи неолита к озерам, тем более что поиски их на террасах крупных рек были пока безуспешными или ограничивались находками единичных вещей неолитического облика.

Одновременно с исследованиями на Вычегде, под руководством В. И. Канивца и В. Е. Лузгина проводились активные поиски археологических памятников в бассейне верхней и средней Печоры [Канивец, Лузгин, 1963; Канивец, 1965]. Однако исследования большого количества открытых в этом районе памятников носили рекогносцировочный характер или ограничивались сборами на разрушенных участках поселений. На этом уровне изученности они остаются и по сей день. Основное внимание в эти годы уделялось раскопкам открытых в бассейне Печоры [Гуслицер, Канивец, 1962; 1965; Канивец, 1976] позднепалеолитических стоянок Медвежья пещера, Бызовая, Крутая Гора, которые имели несомненно важное значение для решения проблем первоначального освоения человеком Севера.

Более детально обследовались районы Средней Печоры, где были раскопаны мезолитические стоянки Адак II, Топыд-нюр V и произведены сборы на ряде стоянок с разрушенным культурным слоем [Канивец, 1973], а также в бассейне Ижмы — стоянка Турун-нюр I [Лузгин, 1972; 1973а]. Немаловажное значение имело открытие на Ижме стоянки Черноборская III, материал которой — керамика с ямчатым орнаментом и пластинчатая кремневая индустрия —

существенно отличался от известных к тому времени неолитических материалов. В связи с этим был поставлен вопрос о существовании на данной территории более ранних, по сравнению с известными, неолитических памятников.

С открытием большого числа мезолитических стоянок на Вычегде и Печоре стал актуальным вопрос о пересмотре уже известных коллекций памятников Печорского Заполярья, в результате чего были выделены десятки комплексов мезолитического возраста, среди которых наиболее интересной представляется стоянка Сандибей-ю I [Хлобыстин, 1973; Верещагина, 1973]. Результативными оказались и повторные полевые изыскания на некоторых памятниках этого района, существенно пополнившие старые коллекции и выявившие целый ряд новых пунктов [Чернов, 1978а; 1978б].

А. А. Куратовым было проведено исследование некоторых памятников Архангельского Беломорья и на основе обобщения новых и старых материалов была уточнена и существенно дополнена периодизация памятников этого района. В частности, хотя и на ограниченном материале, был выделен мезолитический этап [Куратов, 1978]. Разведочные работы под его руководством в бассейне нижнего течения Северной Двины и на ее притоках Ваге, Пинеге привели к открытию большого числа разновременных объектов, которые, наряду с известными, вошли в Свод археологических памятников Архангельской области [Куратов, 1978]. К сожалению, их материалы до сих пор не введены в научный оборот.

Исследования в верхнем и среднем течении Северной Двины с 1972 г. проводятся автором данной работы. Среди многочисленных разновременных памятников, открытых в этом районе, важное значение имеют раскопки мезолитических стоянок Филичаевская I—IV и неолитических — Прилукская и Вонгода I, давших инвентарь, близкий к инвентарю стоянки Черноборская III [Верещагина, 1977а; 1977б]. Поселения, содержавшие неолитические комплексы, исследуются в настоящее время на Соозере (верховья Сойги) и на Клоновском озере (бассейн Ваеньги).

Возобновление в 1974 г. археологических изысканий в бассейне Средней Вычегды привело к открытию группы интереснейших поселений эпохи неолита — Эньты I, Эньты III, Эньты IV, Вад, — изучение которых продолжается до настоящего времени [Логина, 1977; 1978; 1985а; 1985б; Королев, 1984]. На поселениях сохранились остатки жилищ, «чистые» комплексы которых являются ценными археологическими источниками, позволяющими в той или иной степени корректировать выделение неолитических комплексов на памятниках со смешанным, стратиграфически нерасчлененным культурным слоем (типа висских поселений).

Открытие этих памятников показало перспективность поиска неолитических поселений не только на водораздельных озерах, но и на речных террасах, как правило, удаленных от современного русла реки, при наличии пойменных озер или протоков старичного типа.

Исследование Л. Л. Косинской в бассейне Вымы неолитической стоянки Половники II засвидетельствовало, что кратковременное обитание населения могло быть в пойме реки [Косинская, 1982].

В последнее десятилетие стали планомерными работы на Мезени, хотя сведения по каменному веку этого бассейна пока отрывочны [Стоколос, 1976; 1977; Гаврилова, 1982] и в должной мере еще не введены в научный оборот.

Систематические исследования последних лет на Европейском Северо-Востоке существенно дополнили источниковедческую базу, в результате чего стало возможным по-новому рассмотреть вопросы о времени первоначального освоения, путях заселения этой территории, о месте данных памятников в кругу мезолитических и неолитических культур соседних территорий. Наметились некоторые различия в материале мезолитических стоянок и существенная неоднородность неолитических поселений. Вопросы периодизации, хронологии и культурной принадлежности памятников касались практически все исследователи данной территории, анализируя археологические материалы как отдельных памятников, так и целых районов [Куратов, 1971; Лузгин, 1972; 1973а; Канивец, 1973; Верещагина, 1977а; 1977б; Логинова, 1978]. Наиболее полная периодизация, охватывающая памятники значительного хронологического и территориального диапазона, разработана Г. Н. Буровым. Первоначально она базировалась только на материалах Вычегодского бассейна. Интерпретируя выявившиеся различия, Г. Н. Буров выделил два культурных типа (культуры) в мезолите и три — в неолите [Буров, 1965б; 1967б; 1973]. С привлечением материалов Северной Двины и Печоры они были дополнены еще четырьмя неолитическими культурными типами [Буров, 1974; 1981а; 1981б].

Подробнее на анализе периодизации мезолитических и неолитических стоянок и выделенных Г. М. Буровым культур мы остановимся позднее в соответствующих главах работы. Здесь же, с одной стороны, следует подчеркнуть несомненную научную значимость его историко-культурных разработок как закономерного итога многолетних исследований. Многие положения периодизации, на наш взгляд, достаточно верно отражают своеобразие материалов, происхождение ряда культур и основные тенденции дальнейшего их развития. С другой стороны, следует отметить, что в основу выделения некоторых культур зачастую были положены очень незначительные нестратифицированные коллекции, достоверность которых как самостоятельных комплексов требует дополнительных доказательств. Не всегда ясным является соотношение используемых понятий «культуры» и «культурного типа». Новые памятники, вошедшие в уточненный вариант периодизации, не всегда точно идентифицированы, в силу поверхностного анализа их инвентаря.

Таким образом, в результате получения новых данных стала очевидной необходимость уточнения некоторых положений этой периодизации, что является одной из самых актуальных задач

Глава III

МЕЗОЛИТ НА КРАЙНЕМ ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ

На всесоюзном археологическом совещании, организованном в 1974 г. Ленинградским отделением Института археологии АН СССР (ныне ИИМК РАН), многочисленные его участники — исследователи различных областей СССР в ходе дискуссий еще раз пришли к единодушному мнению о правомерности выделения переходной эпохи от палеолита к неолиту, за которой, вопреки ранее существовавшим разногласиям, достаточно прочно закрепилось название «мезолит». На совещании обсуждались вопросы о сущности этого переходного периода, его хронологических рамках и археологических принципах выделения, тесно связанные с проблемами взаимодействия человека и природной среды, а также об особенностях материальной культуры племен различных регионов [Мезолит СССР, 1977].

В рассматриваемом обширном регионе Европейского Северо-Востока за период с конца 50-х гг., когда

конкретно пошла речь о мезолитических памятниках, и до настоящего времени накоплен достаточно многочисленный источниковедческий материал. Особенностью данного района является то, что после длительной его незаселенности в период оледенения новое освоение территории осуществлялось населением с уже сложившимся укладом хозяйственной деятельности, образом жизни и мезолитическим характером материальной культуры. Поэтому для данной территории вопрос о нижнем археологическом рубеже мезолита не является столь острым и спорным. Хронологическая граница, то есть время начала нового освоения региона, до сих пор остается предметом дискуссий. Тесно взаимосвязанными и актуальными являются также вопросы о путях заселения, общих и локальных особенностях мезолита, их причинах и тенденциях развития материальной культуры во времени.

3.1. Краткий обзор мезолитических памятников, особенности их топографии, стратиграфии и планиграфии

В настоящее время на территории Европейского Северо-Востока известно свыше 130 мезолитических памятников, не считая местонахождений единичных предметов мезолитического облика¹ (прил. II). В бассейне Верхней и Средней Печоры обнаружены 15 мезолитических памятников. Девять из них — стоянки, содержащие материалы только мезолитического облика: Зареченская, Вампи I, Митрофан-Дикост, Черепанька-ди, Топыд-нюр V, Зыбун-нюр II, Турун-нюр I, Кодач-ди, Лек-леса. Остальные: Касьян-Ель, Мартюшевская III, Мартюшевская IV, Петрушинская, Топыд-нюр VIIa, Тыбью — памятники неоднократного заселения, где в одном стратиграфически нерасчлененном культурном слое залегают материалы различных эпох. Тем не менее на этих памятниках, занимающих более обширную площадь, чем предыдущие, планиграфически выделяются участки только с мезолитическими материалами.

Культурный слой на большинстве памятников разрушен или обнажен. Материалы получены в результате

сборов с поверхности или в небольших по площади расчистках и шурфах и, как правило, незначительны. В качестве опорных памятников со сравнительно большим количеством инвентаря можно выделить стоянки Мартюшевская IV, Петрушинская, Топыд-нюр V, Турун-нюр I.

В Большеземельской и Малоземельской тундре в настоящее время известно около 40 стоянок и местонахождений с материалами эпохи мезолита. Большинство из них найдены на притоках различного порядка Нижней Печоры (Адзъва, Адак, Колва, Сандибей-ю, Лая) и несколько — в бассейнах других рек (Черная). На 29 пунктах собран инвентарь только мезолитического облика. В семи случаях отмечается совместное залегание разновременных материалов. За исключением стоянки Адак II, на всех остальных пунктах инвентарь получен в результате сборов в ярегах.

Основными опорными памятниками этого района являются Адак II, Сандибей-ю I. Для количественного сопоставления привлечены также комплексы стоянок Колва-вис 14, Лая II, Адзъва 19, Адзъва 42, но они менее надежны, так как сборы при обследовании были выборочны — отщепы, осколки и орудия в этих коллекциях единичны. Инвентарь остальных памятников

¹ Краткие сведения о памятниках, степени их изученности и авторах исследований, а также более подробное описание опорных стоянок приведены в приложении II.

представлен небольшим количеством предметов, поэтому учитывался только при качественном анализе материалов.

В бассейне Вычегды открыто свыше 25 стоянок и местонахождений. Наиболее обследован участок Верхней и Средней Вычегды. Опорными стоянками являются Пезмог I, Курьядор, Кузьвомын, Ульяново, причем на двух последних произведены раскопки. Остальные памятники представлены незначительным количеством инвентаря, собранного с поверхности (Пожег, Аныб I, II, Палевица II, Кужба, Кужью, Кэбаньель и др.).

На Нижней Вычегде известно всего несколько местонахождений (Сосновицы, Паламыш, Язгора, Сольвычегодск), где найдены единичные изделия на пластинах, не дающие должного представления о характере мезолитических памятников, но свидетельствующие о перспективности их поисков. Лишь на Выми, правом притоке Вычегды, в последнее время открыта и исследуется группа мезолитических стоянок [Косинская, 1985]. До этого материалы были собраны в ряде пунктов при раскопках средневековых могильников (Ветью, Весляны, Божьюдор, Часадор).

На Северной Двине к числу опорных памятников можно отнести стоянки Филичаевская II, Филичаевская III (рис. 1, пункты 103, 104). На остальных — Комарово, Филичаевская IV, Чашовица, Приозерный IV, V, Сойга VI, Осиново, Черная речка 3 — количество материалов незначительно. Многочисленные стоянки, открытые в нижнем течении Северной Двины и особенно Ваги, исследуются. Их материалы пока не введены в научный оборот [Мартынов, 1985].

Отдельно выделяется водораздельный район Тимана и Притиманья. Здесь известно четыре памятника на Синдорском озере (Вис I, включая прилегающий старичный торфяник; Вис II, III, IV) и два памятника на Ямозере (Пижма I, II). К сожалению, многочисленные комплексы этих стоянок выделены типологически из общей массы разновременного материала, поэтому возможности их количественного анализа ограничены. В итоге следует подчеркнуть несколько моментов, характеризующих источниковедческую базу.

Во-первых, несмотря на планомерные исследования последних лет, изученность территории в целом и отдельных ее районов далеко не достаточна и не равномерна.

Во-вторых, обследовались в большинстве случаев берега крупных рек, и недостаточно изученными остаются глубинные районы. Хотя именно на небольших притоках, судя по некоторым данным, чаще встречаются стоянки большей площади с более многочисленным и разнообразным инвентарем в силу лучшей их сохранности или каких-то других причин.

В-третьих, исследования многих памятников носили рекогносцировочный характер и ограничивались сборами с поверхности, небольшими шурфами и расчистками (прил. II, табл. 1). В результате отсутствуют очень важные характеризующие данные, такие как площадь стоянки и планиграфические особенности залегания инвентаря. Эти памятники нуждаются в по-

вторном обследовании, перспективность которого убедительно доказана Г. А. Черновым на примере Сандибей-ю I.

В-четвертых, лишь часть стоянок (не более 50) содержат только мезолитические материалы. В ряде случаев инвентарь мезолитического возраста полностью или частично выделяется стратиграфически, планиграфически или по особенностям сырья. На памятниках многократного заселения с нестратифицированным культурным слоем комплексы выделяются типологически, а это не исключает существенных ошибок.

Все перечисленные особенности характеризуют источниковедческую базу как недостаточно надежную и ограничивают возможности анализа. По этой причине выводы об особенностях мезолита всей этой территории и отдельных ее районов могут носить лишь предварительный характер.

В топографии мезолитических памятников много общего. Большинство из них расположены на приустьевых участках речных террас или в непосредственной близости от впадения другой реки или ручья. Террасы нередко удалены от современного русла реки на несколько километров, что и обеспечило в какой-то мере сохранность этих стоянок. На аналогичных по характеру террасах, непосредственно связанных с современным руслом, у самого края в обрыве или уже на бечевнике зачастую находились лишь единичные пластины и изделия из них (Адак III, Вонгода III, Прилукская, Троица, Филичаевская I и др.). В последнее время на Северной Двине на значительном удалении от края террасы (0,1—1,0 км) была выявлена целая группа небольших стоянок и местонахождений. Они располагались вдоль границы верховых болот (Приозерный V, Черная речка 3, 4, 5, Осиново и др.).

Находятся стоянки чаще всего на второй, реже — на первой и третьей речных террасах, высота которых увеличивается от верховий к низовьям и колеблется от пяти до 22 м над меженным уровнем воды.

При общем преобладании памятников на речных террасах нельзя исключать возможность обнаружения их и в поймах рек, особенно небольших притоков. Это предположение уже подтвердилось открытием в пойме Верхней Вычегды стоянки Парч [Волокитин, 1986].

Выделяется группа памятников на водораздельных озерах (Вис I, II, III, Явроньга I, II, Пижма I, II), высота которых над низкой заболоченной поймой два—пять метров. Отличия, по существу, не так уж велики и отражают особенности глубинных районов. В данном случае памятники расположены также на участках или останцах речных песчаных террас, которые были, по всей вероятности, единственными удобными для обитания незатапливаемыми участками берега. Не случайно, что на них залегают материалы всех эпох от мезолита до средневековья. Первый висский торфяник является старичным, примыкает к суходольной части стоянки и не характеризует гипсометрически иной уровень обитания, как, например, Нижнее Веретье и Погостище в Восточном Прионежье.

Исключением иного характера является стоянка Адак II, расположенная на небольшой площадке ска-

листоного возвышения высотой около 32 м над уровнем воды. Выбор места для нее объясняется, возможно, промысловой необходимостью, например, удобством наблюдений за передвижением оленьих стад в период миграций.

Террасы, на которых расположены стоянки, как правило, боровые (в пределах лесной зоны) с песчаными аллювиальными отложениями. Характер отложений на них почти стандартный: 1-й слой — лесная подстилка из хвои и полуистлевших листьев — 0,02—0,05 м; 2-й — темный гумусовый горизонт с основной массой корней — 0,05—0,10 м; 3-й — элювиальный подзолистый горизонт, почти белый песок, часто вдаётся в нижележащий слой в виде затеков — 0,15—0,50 м; 4-й — иллювиальный более или менее плотный песок желтого или оранжевого цвета, часто ортштейнированный — 0,1—0,2 м; 5-й — светло-желтый среднезернистый песок — материковый.

Находки мезолитического времени чаще всего залегают в нижней части подзолистого горизонта (3) и верхней части иллювиального желтого песка (4). Если эта закономерность нарушается, то есть основания предполагать нарушение верхних слоев, особенно когда отсутствует подзолистый горизонт. Иногда характер вмещающего слоя напоминает супесь, что происходит зачастую в результате смены растительности, например, вследствие лесопользования. Значительно реже вмещающим слоем бывает песок с мелкой галькой (Курьядор).

Особенностью северных районов тундры, лесотундры, где развиты эоловые процессы, является залегание материалов на поверхности выдувов. Выдувается вмещающий слой, а инвентарь оседает, и при этом горизонтального перемещения его почти не происходит. Иногда наблюдается обратный процесс — перекрытие культурных остатков эоловым песком (дюнами).

Вследствие преобладающих на всей территории подзолистых и глеево-подзолистых почв с их кислой средой вещи из растительных и других органических материалов не сохраняются. Более того, исчезает даже гумусированность и окрашенность слоя. Поэтому культурный слой маркируется в основном по глубинам залегания находок. Очень часто следы от кострищ не остаются, но они улавливаются по иному, более плотному заполнению, в котором присутствует костная крошка.

Анализируя площади, занимаемые стоянками, и характер распределения материалов там, где это позволяют данные, можно выделить несколько групп памятников. Первая группа — это небольшие по пло-

щади стоянки, материал которых концентрируется в виде пятна диаметром от 1,5 до 5,0 м. Количество материала, как правило, незначительное. К ним относится большинство стоянок Вычегды и, по-видимому, Большеземельской тундры; на Северной Двине — Филичаевская IV, Приозерный V, Черная речка 3 и др. Стоянка Филичаевская III выделяется особо большим количеством находок (2740 экземпляров без чешуек) и очень четкой их локализацией в виде пятна диаметром 3 м. Эти памятники являются, видимо, стоянками кратковременного обитания небольшого коллектива. Локализацию материала можно связать с кострищем, или, возможно, с легким наземным жилищем типа чума или шалаша.

Вторая группа памятников характеризуется наличием нескольких скоплений инвентаря, которые тянутся вдоль участка террасы и удалены друг от друга на расстояние нескольких десятков метров (Пезмог I, Курьядор). Очевидно, такой характер имели некоторые стоянки на реках Колве, Адзьве и др.: подразумеваются стоянки на близко расположенных яреях и те, что зафиксированы как самостоятельные пункты. Скорее всего, такого рода памятники отражают неоднократное обитание, то есть представляют собой несколько самостоятельных стоянок, возможно, одного и того же коллектива. Сравнение кремневого инвентаря различных скоплений, где позволяла это сделать фиксация (Курьядор), не выявило заметных различий ни в сырье, ни в наборе орудий.

Третью группу составляют стоянки с более значительной площадью обитания, где на фоне незначительной концентрации материала в слое встречаются и его скопления (Кузьвомын, Ульяново, Турун-нюр I, Сандибей-ю I). В центре одного из скоплений на стоянке Ульяново зафиксировано кострище, а на Турун-нюр I — очаг, обложенный камнями.

К четвертой группе относятся памятники с остатками полуземляночных жилищ овальных или подчетырехугольных очертаний — Топыд-нюр V, VIIa, Чертаc II [Канивец, 1973; Логинова, 1985a; Волокитин, 1987]. Находки фиксировались только в заполнении жилищных котлованов или поблизости от них.

Таким образом, преобладание памятников небольшой площади с немногочисленным инвентарем свидетельствует о кратковременности обитания на них небольших коллективов и в этой связи — о подвижном (примитивно-кочевом) образе жизни. Более точная интерпретация на имеющемся материале затруднена. Поэтому по отношению к мезолитическим памятникам мы пользуемся пока только термином «стоянка», отмечая некоторые их особенности.

3.2. Классификация каменного инвентаря и его особенности на мезолитических стоянках различных районов

Выявление особенностей инвентаря различных районов, его генезиса возможно прежде всего на основе классификации, то есть создания системы соподчиненных подразделений инвентаря, выделенных по

функциональным или морфолого-технологическим признакам. Классификация, будучи результатом качественного анализа инвентаря, является необходимой базой для количественного его сравнения.

В качестве основных таксономических подразделений используются категория и тип. Категории выделены по предполагаемому функциональному назначению изделий [Городцов, 1927; Федоров-Давыдов, 1970. С. 126]. Трасологическое исследование коллекций не проводилось, поэтому функции определены в некоторой мере условно, с учетом аналогий и накопленных в этой области данных.

Тип выделяется как таксономическое подразделение внутри категорий и характеризуется устойчивым сочетанием признаков [Лебедев, 1979; Бочкарев, 1975; Массон, 1975; Каменецкий и др., 1975].

В качестве дополнительных используются понятия варианта и разновидности, отражающие второстепенные, менее значимые признаки внутри типа [Федоров-Давыдов, 1970]. При количественном анализе появляется необходимость введения в рамках категории еще одного подразделения — группы типов, так как категория объединяет изделия по слишком общим признакам, а типы часто представлены единичными экземплярами и количественное их сравнение (в процентах) невозможно. Группы выделены в основном по характеру заготовки, что также важно для выявления особенностей техники расщепления.

Из-за недостаточной серийности большинства изделий количественная их оценка (в процентах) производилась только на опорных стоянках с относительно большим количеством инвентаря. Для того чтобы выявить особенности инвентаря стоянок различных районов, учитывая при этом материалы всех стоянок, в том числе кратковременных с малочисленным инвентарем, использовались следующие формальные критерии оценки встречаемости конкретных типов изделий: 1 — характерные, встречающиеся в большом количестве; 2 — характерные, встречающиеся реже, но на большинстве памятников; 3 — единичные, нехарактерные орудия.

Основным материалом для производства орудий служил кремень. В редких случаях для изготовления крупных орудий использовались кварцит (Курьядор, Ульяново, Сойга 6), кремнистая и глинистая опока, алевролит (Топыд-нюр V, Чертас II), сланец (первый висский торфяник). Кремень различается по цвету, структуре и качеству. Так, на памятниках юго-западных районов, бассейна Вычегды, Северной Двины чаще встречается гладкий блестящий кремень красновато-сиреневых, красновато-коричневых и серых оттенков. При расщеплении он дает хорошо заметный раковистый излом, четко выраженный ударный бугорок. На более северных стоянках преобладает кремень различных оттенков серого цвета: от почти белого (Турун-нюр I) до темно-серого и черного. Иногда он напоминает кремнистый сланец или кварцит. В бассейне Печоры нередко использовался плитчатый кремень (Топыд-нюр V). Эти различия свидетельствуют об использовании различных источников кремня. В низовьях Северной Двины, Пинеги выходят на поверхность и прослеживаются в обрезах речных террас доломиты и известняки среднекаменноугольного периода с темным блестящим и светло-серым кремнем

[Ковнурко, 1972. С. 39—40]. Выходы кремня различного возраста отмечаются в долинах Печоры и Адзвы [Чернов, 1932; 1948a]. Наиболее часто использовался желвачный и галечный кремень, вымываемый из моренных суглинков и в изобилии встречающийся на бечевниках.

Стоянки-мастерские по первичному расщеплению открыты и исследуются только в последнее время. Одна из них расположена вблизи Орлово-Ступинских карьеров, одного из крупнейших на Северной Двине месторождений кремня [Куратов, 1978; Куратов, Овсянников, 1978]. Несколько мастерских открыто на Пинеге [Куратов, 1978] и Выми. Материалы их еще не введены в научный оборот. Как мастерская интерпретируется стоянка Курьядор II, открытая на Вычегде недалеко от стоянки Курьядор [Логинова, 1985a. С. 23].

В целом в материалах большинства стоянок слабо представлены первичные стадии расщепления кремня. Причины этого различны, в их числе выборочность первых сборов и недостаточная исследованность памятников. Например, в коллекции 1939 г. стоянки Сандибей-ю I и другие памятники Большеземельской тундры представлены в основном пластинами, небольшим количеством отщепов и орудий на них и единичными нуклеусами [Чернов, 1948a; Верещагина, 1973]. В 1975 г. на стоянке Сандибей-ю I собирался весь инвентарь, в результате чего, помимо пластин, в большом количестве были найдены аморфные обломки, отщепы различной величины, первичные, продольные и поперечные сколы с нуклеусов, нуклеусы на различной стадии их использования.

Стоянки далеко не всегда располагались в непосредственной близости от источников сырья. Естественно, в таких случаях первичная подготовка нуклеусов производилась иногда за пределами стоянок, поэтому в инвентаре большинства из них отсутствуют конкреции кремня, гальки и даже крупные обломки и отщепы со следами корки. С другой стороны, отсутствие последних не всегда свидетельствует о первичном расщеплении за пределами стоянки. По-видимому, когда в качестве сырья использовались небольшие гальки или, особенно, обломочный материал, не всегда требовалась подготовка (оббивка) всей поверхности, так как использовались естественные грани обломка. Сколами небольших размеров подготавливались зачастую только площадки. Например, на стоянке Филичаевская III отсутствовали заготовки нуклеусов, нуклеусы в начальной стадии использования, крупные сколы и отщепы со следами корки. На этом основании можно было бы сделать вывод о первичной подготовке нуклеусов за пределами стоянки. Тем не менее на многих мелких отщепах, чешуйках и даже пластинах на спинке встречаются участки корки или сильной окатанности. Они-то и являются первичными сколами, отщепами, свидетельствуя в какой-то мере о том, что исходным сырьем служили гальки и окатанные обломки, а расщепление производилось на стоянке. От формы и размеров исходного сырья зачастую зависели форма и размеры нуклеусов. Отсутствие крупных нуклеусов на стоянках бассейна Вычегды, верхнего те-

чения Северной Двины, то есть в южных и юго-западных районах региона, не является случайным. Их значительно больше на стоянках северных районов, где исходным сырьем служили более крупные конкреции.

Нуклеусы. Категория представлена небольшим количеством целых экземпляров и обломками. Они подразделяются на две неравноценные по количеству группы. Первую составляют экземпляры, которые, скорее всего, можно расценивать как заготовки нуклеусов второй группы, предназначенных для снятия пластин. Типы выделены по форме нуклеусов, обусловленной направлением скалывания и количеством площадок. Варианты дополнительно характеризуют поверхность скалывания, форму и размеры площадки и отражают в большинстве случаев стадию их использования.

1. Аморфные нуклеусы представляют собой двусторонне оббитые конкреции кремня. Характер скалывания беспорядочный, в единичных случаях конвергентный. В качестве площадок использовались негативы предыдущих сколов.

2. Заготовки нуклеусов второго типа отражают следующую стадию их подготовки и представлены немногочисленными экземплярами, у которых подготовлены одна горизонтальная площадка и, частично, посредством снятия одного или нескольких отщепов, поверхность для дальнейшего расщепления. На противоположных и боковых сторонах сохранились негативы от снятия первичных отщепов или участки галечной корки.

II. Нуклеусы для снятия пластин.

1. Конические одноплощадочные нуклеусы (направление скалывания — на конус). Площадка горизонтальная или слабо скошенная: а) конические нуклеусы с односторонним скалыванием. На противоположной стороне сохраняется слабо выступающее ребро, участок первично обработанной поверхности или галечной корки. Площадка подокруглая с небольшим треугольным выступом, соответствующим ребру. Иногда встречаются разновидности уплощенной формы с площадкой почти овальных очертаний, что, по-видимому, объясняется особенностями первичной заготовки или степенью сработанности (рис. 81, 126); б) конические нуклеусы с круговым скалыванием. Характеризуются почти правильным ограничением и округлой формой площадки (рис. 81, 122, 123); в) карандашевидные нуклеусы близки по форме предыдущим, но отличаются более правильным ограничением с негативами от снятия микропластинок и малыми размерами, свидетельствующими о высокой степени их сработанности (рис. 81, 124).

2. Призматические двухплощадочные нуклеусы. Форма неустойчивая, ограничение не всегда правильное. Площадки подчетыреугольных или подокруглых очертаний. Варианты по характеру поверхности скалывания те же, что у предыдущего типа:

а) скалывание частичное: с одной, двух или трех сторон;

б) по всему периметру;

в) микронуклеусы с правильным круговым ограничением (рис. 81, 125).

Наличие некоторых переходных форм позволяет предположить, что в ряде случаев призматические нуклеусы в процессе их использования превращались в конические: в результате нескольких диагональных или неудачных сколов аннулировалась одна из площадок и в дальнейшем расщепление производилось на конус.

В качестве основных типов заготовок использовались пластины, отщепы или пластинчатые отщепы. Последние характеризуются сочетанием признаков пластины и отщепа: удлиненность пропорций, но длина превышает ширину не более чем в два раза; ровные края и правильное ограничение спинки, но с дивергентностью краев и ребер. Изредка заготовками служили поперечные и продольные сколы с нуклеусов, сами нуклеусы, сработанные или расколотые, аморфные обломки и куски.

Среди пластин преобладают правильные ножевидные, характеризующиеся параллельными ровными краями и правильным ограничением спинки. Неправильные пластины (неудачные), а также ребристые встречаются значительно реже.

Пластины различаются по ширине. Выделены следующие их группы: 1) менее 0,5 см — микропластинки; 2) 0,6—1,0 см — узкие; 3) 1,1—1,5 см — средние; 4) 1,6—2,0 см — широкие; 5) более 2 см — очень широкие.

Анализ распределения пластин по ширине на опорных стоянках (рис. 46; 47) выявил некоторые локальные особенности. На памятниках Северной Двины и Вычегды резко преобладают узкие пластины. При этом на стоянках Филичаевская II и III, а также на стоянке Турун-нюр I существенную роль играют микропластинки, а на вычегодских — средние. Более широкие пластины единичны. Большое количество микропластин на северодвинских стоянках отчасти объясняется просеиванием культурного слоя в процессе раскопок. Естественно, что на стоянках с нарушенным культурным слоем такие пластинки сохраняются в меньшей степени.

На памятниках бассейна Печоры пластины более разнообразны по ширине. Доминируют узкие и средние экземпляры. При этом на некоторых стоянках (Сандибей-ю I, Адак II, Мартюшевская IV) много микропластинок (рис. 47), а на остальных они единичны, в то время как широкие и очень широкие встречаются значительно чаще.

Пластины, включая изделия на них, существенно преобладают на большинстве мезолитических памятников, составляя 60,0—87,2 % от всего инвентаря (рис. 44). Лишь на некоторых стоянках бассейна Печоры доминируют другие типы заготовок, преимущественно отщепы, а пластины и изделия на них составляют всего 29—43 %. Однако эти показатели еще не означают преобладания на них техники отщепа, хотя в целом они широко используются для сравнения мезолитических индустрий. Большое количество отщепов, сколов, как уже отмечалось, может объясняться осо-

бенностями используемого сырья и полным циклом его обработки на стоянке.

Более показательным в определении преобладающей техники является сравнение количества орудий на различных типах заготовок и степень использования тех или иных заготовок для изготовления орудий (рис. 44). Орудия на пластинах существенно преобладают на всех стоянках — 67—94 % от общего числа орудий, только на Лае II они составляют всего 29 %.

Сравнение степени использования различных заготовок выявило, что большая часть пластин употреблялась в качестве орудий, в то время как количество орудий на отщепах и прочих типах заготовок по отношению к общему числу очень незначительно (рис. 45). Кроме того, набор орудий на пластинах значительно разнообразнее. Все это еще раз подтверждает то, что пластинчатая техника была доминирующей почти на всех стоянках.

В качестве приемов вторичной обработки использовались ретушь, резцовый скол, а при изготовлении рубящих орудий — оббивка, пикетаж, шлифование. По характеру, размерам фасеток, расположению относительно сторон и края заготовки встречаются различные разновидности ретуши: крупная и мелкая, параллельная, конвергентная; односторонняя, двусторонняя, противолежащая, регулярная и нерегулярная; пологая (менее 30°), полукрутая (30°—60°), крутая (более 60°), отвесная или перпендикулярная (90°).

Вторичная обработка использовалась для изготовления лишь некоторых категорий орудий: скребков, скобелей, резцов, наконечников стрел, рубящих орудий и т. д. Большая часть пластин и их сечений употреблялась без предварительной обработки (рис. 48), о чем свидетельствуют следы сработанности в виде выкрошенности края, реже — заполированности. Иногда следы утилизации напоминают мелкую ретушь, отличаясь от последней нерегулярностью и разноразмерностью фасеток. Изделия со следами сработанности отнесены нами к орудиям. Сравнение количества изделий с ретушью и следами сработанности позволило выявить большую роль вторичной обработки на стоянках с более широкими пластинами (рис. 47—48).

Соответственно предполагаемому назначению и с учетом морфологических особенностей выделено девять категорий кремневых и других каменных орудий: режущие орудия, геометрические микролиты, резцы, специализированные орудия охоты (наконечники стрел), острия (перфораторы), скребки, скобели, рубящие и камнеобрабатывающие орудия. Каждая из перечисленных категорий представлена несколькими типами и вариантами, которые в ряде случаев объединены в группы по характеру заготовки.

Перечисленные категории каменных орудий дополняются (помимо орудий охоты) еще двумя категориями деревянных изделий из первого висского торфяника, которые рассмотрены отдельно.

Режущие орудия. Категория выделена по предполагаемым функциям резания или строгания. Непременным условием (признаком) для этих изделий является наличие острого режущего рабочего лезвия. По

характеру заготовки выделены три группы режущих орудий: 1 — на пластинах; 2 — на сечениях пластин; 3 — на отщепах.

I. 1. Пластины с притупляющей краевой ретушью или макроследами сработанности. Ножевидная пластина как тип заготовки имела острые ровные края и в большинстве случаев обработки не требовала. Ретушь на краях пластин встречается редко. По всей вероятности, она использовалась лишь в тех случаях, когда нужно было выровнять край заготовки или сработанный участок уже используемого орудия.

Во-первых, ножевидные пластины варьируют по количеству лезвий и расположению обработки или сработанности относительно сторон заготовки: а) однолезвийные — пологая ретушь или сработанность располагается по одному краю со спинки или брюшка; б) двухлезвийные — с ретушью по двум краям со спинки или брюшка (встречаются редко) или противоположащей.

Во-вторых, ножевидные пластины различаются по степени обработки и сработанности края, по характеру распределения ретуши и следов сработанности края: а) ретушь, регулярная по всему краю (краям), край пластины ровный; б) следы сработанности на углу или углах пластины; в) ретушь и сработанность нерегулярные. Край, как правило, неровный. Пластины, возможно, использовались для строгания. Иногда следы сработанности фиксируются по одному и тому же краю со спинки и с брюшка.

При количественном сравнении установлено, что наиболее часто встречаются пластины с нерегулярной ретушью или следами сработанности на углу. Нередко имеет место сочетание вышеуказанных признаков на одних и тех же орудиях.

II. 1. Сечения пластин составляют вторую группу режущих орудий. Прием получения наиболее ровных участков пластины путем отсечения ее концов и последующего членения широко использовался на мезолитических памятниках. В этом плане пластина может быть рассмотрена как промежуточная форма заготовки.

Сечения-вкладыши варьируют по пропорциям: а — длинные сечения (отношение длины и ширины больше двух); б — средние сечения (длина превышает ширину не более чем в два раза); в — короткие сечения (длина равна ширине или меньше ее).

По степени использования выявилось резкое преобладание длинных сечений (60—80 %) на стоянках Северной Двины — Филичаевская II и III (рис. 49).

На вычегодских памятниках и стоянке Турун-нюр I при преобладании длинных сечений (40—50 %) существенную роль играют также средние и короткие (рис. 49).

Короткие сечения доминируют на памятниках Средней Печоры, а средние, при существенной роли длинных, — на памятниках Нижней Печоры и Большеземельской тундры (рис. 50).

Распределение вариантов сечений на стоянках различных территорий и выделенные с учетом этого группы памятников (рис. 49; 50) совпадают, за редким

исключением, с группами памятников, выделенными по ширине пластин (рис. 46; 47).

Таким образом, прослеживается закономерность: чем шире пластины, тем чаще использовались короткие сечения, и наоборот — на памятниках с преобладанием микропластин значительно чаще применялись длинные сечения.

Являясь в большинстве случаев вкладышами составных режущих орудий, сечения по характеру расположения ретуши, следов сработанности по краю и относительно сторон заготовки имеют те же варианты, что и пластины. Доминируют сечения с нерегулярной краевой ретушью или сработанностью. Нередко отмечается сработанность по одному и тому же краю как со спинки, так и с брюшка (рис. 15, 1, 12, 13, 16, 19, 20).

Часто встречаются сечения со скошенным углом или углами, противоположными или смежно расположенными относительно края или торца. В одних случаях скос плавный (скругленный), ретушь очень мелкая, полукруглая со спинки или с брюшка (рис. 2, 5; 3, 2, 3, 6; 10, 4; 23, 11; 29, 12). Это отмечается у сечений всех пропорций и является, скорее всего, результатом сработанности.

В других случаях, преимущественно у коротких сечений, углы скошены более резко, ретушь крутая или отвесная, фасетки заметно крупнее (рис. 8, 3; 12, 8, 10; 15, 11; 25, 2, 3; 26, 5). Эти черты свидетельствуют о возможном преднамеренном отсечении углов, что либо имело функциональное назначение, либо, как нам кажется, производилось для более прочного крепления в пазу и подгонки одного вкладыша к другому.

Сечения с притупленным краем встречаются чаще, чем пластины. Крутая, в единичных случаях отвесная, ретушь наносилась с брюшка, реже — со спинки и, очевидно, не только имела, как и в предыдущем случае, функциональное назначение, но и служила для удобства креплений в пазу основы. Последнее подтверждается отчасти тем, что на другом краю таких сечений фиксировались обычные следы сработанности (рис. 3, 5, 8, 9; 10, 8; 15, 18; 22, 25).

В незначительном количестве, преимущественно в коллекциях печорских стоянок, представлены сечения с мелкой ретушью на торце, наряду с краевой обработкой или сработанностью (рис. 4, 5, 21; 10, 14; 18, 14, 15; 23, 8, 19; 26, 4). На наш взгляд, это утилитарная ретушь или ретушь подправки торца слома.

2. Как самостоятельный тип выделены пилки на сечениях удлиненных пропорций с характерной пильчатой ретушью по краю, нанесенной с брюшка. Пока известно только четыре таких орудия на значительно удаленных друг от друга стоянках: Филичаевская III (рис. 29, 8), Приозерный 5, Пижма II (рис. 11, 7). Сандибей-ю II.

III. Отщепы с ретушью или следами сработанности. В качестве режущих орудий использовались, по всей вероятности, не все отщепы и далеко не на всех памятниках. Таковыми, например, могли быть отщепы средних и крупных размеров, плоские, но не тонкие, с заметным перепадом толщины от бугорковой части к краю. Один из участков края сравнительно ровный,

острый, обработан мелкой некрутой ретушью или имеет следы сработанности. Такие отщепы встречаются только на стоянках бассейна Средней и Нижней Печоры, где отмечается наличие прочих орудий на отщепках, и лишь в единичных экземплярах представлены на Вычегде. Выделение типов из-за отсутствия серий затруднительно.

Геометрические микролиты. Эти изделия, несмотря на их малочисленность, выделены в особую категорию и, вероятно, имели различное функциональное назначение. Они являются заметным показателем если не культурной принадлежности памятников, то, во всяком случае, культурных связей и контактов.

Заготовками для них служили сечения пластин различных геометрических очертаний. По форме, пропорциям и характеру обработки представлены следующие их типы:

1. Трапеции средневысокие с прямыми или слегка вогнутыми круторетушированными боковыми краями (3 экз.): Пезмог I, Синдорское озеро I, Топыд-нюр V (рис. 4, 6; 23, 13). Предполагаемое назначение — поперечнолезвийные наконечники стрел.

2. Трапеции низкие с круторетушированным длинным основанием со стороны брюшка и одним боковым краем со спинки — Сандибей-ю I и, возможно, Колва-вис 13 (рис. 17, 13; 21, 6).

3. Прямоугольники на сечениях средних пропорций, обработанные по трем-четырем краям крутой или полукруглой ретушью, со стоянок Большеземельской тундры (5 экз.) (рис. 15, 8; 18, 6, 7; 20, 2, 21).

Резцы. На большинстве памятников категория резцов по количеству занимает третье место среди других категорий орудий. Исключение составляют некоторые стоянки Средней Печоры (Мартюшевская IV, Петрушинская, Турун-нюр I, Топыд-нюр V, Мартюшевская III и др.; прил. I, табл. I), где резцы единичны или отсутствуют. Представлены одним типом углового резца (на углу пластины или сечения).

Выделяются два варианта резцов по способу получения рабочей кромки: а) — посредством резцового скола; б) — посредством крутой ретуши.

Последние встречаются значительно реже, и визуально иногда их трудно отличить от пластин и сечений со сработанным углом.

По количеству резцовых сколов преобладают разновидности с одной резцовой кромкой, реже встречаются с двумя-тремя и единичны — с четырьмя. Иногда весь край сечения снят посредством резцового скола, что, как и притупление края ретушью, возможно, не имело функционального назначения, а служило для удобства крепления в пазу.

Принадлежность к мезолиту некоторых угловых резцов на массивных пластинах и одного срединного резца на отщепе со стоянки Явроньга I (рис. 40, 9, 12) не вполне доказана, тем более что некоторые из них изготовлены из кремня, характерного для неолитических комплексов.

Наконечники стрел. Наконечники стрел являются категорией специализированных орудий охоты. Пред-

ставлены 35 экземплярами (включая обломки) с 15 стоянок. Заготовками для всех наконечников были пластины, поэтому они составляют одну группу. Типы выделены по форме, степени и характеру обработки.

1. Наконечники постсвидерского типа на правильной ножевидной пластине с частичной подправкой ретушью острия и насада. Характеризуются в целом симметричностью формы относительно продольной оси.

Варианты выделены по форме насада: а) бесчерешковые — 1 экз. (рис. 30, 33); б) черешковые — составляют большинство (рис. 11, 11; 13, 19; 17; 35; 42).

Черешковые наконечники имеют несколько разновидностей по форме черешка. На одних черешок слабо выражен посредством полукрутой противоположающей ретуши. На других он слегка приострен или имеет подчетырёхугольное очертание и выделен круторетушированными симметричными выемками. Ретушь при этом противоположащая или односторонняя на брюшке или спинке. Иногда использовалась полая ретушь с брюшка для выравнивания и уплощения черешка. Аналогичные приемы ретуширования применялись при оформлении острия.

Многообразие способов оформления острия и черешка объясняется особенностями исходной пластины-заготовки, что некоторым образом подтверждается наличием на одних и тех же стоянках (Сандибей-ю I, Висские поселения) различных приемов ретуширования (рис. 17, 1—10; 35, 1—6).

2. Наконечники на пластинах листовидной формы, полученные посредством краевой ретуши по всему периметру, — 2 экз. (рис. 3, 16; 42, 4). Принадлежность одного из них (Явроньга I) к мезолиту не вполне доказана.

Острия. Категория выделена по предполагаемой функции прокалывания-провертывания (орудия-перфораторы по Л. В. Кольцову). Общим для всех орудий является выделение тем или иным способом рабочего конца. Морфологически они неустойчивы, количественно представлены слабо.

По характеру заготовки и способу оформления рабочего конца выделяются несколько типов:

1. Острия на пластинах с сильно скошенным краем. Скос прямой или слегка вогнут, обработан крутой ретушью. Встречаются в единичных экземплярах на некоторых памятниках (рис. 37, 17, 18).

2. Пластины с симметрично расположенным жальцем на конце. Жальце оформлено крутой или полукрутой ретушью: а) противоположащей; б) односторонней, нанесенной чаще всего с брюшка. Использовались, видимо, в качестве проколов (рис. 81, 67, 68, 70; 17, 11, 12). Встречаются на стоянках различных районов.

3. Острия на массивных в сечении пластинах, рабочий конец менее острый, оформлен противоположащей ретушью и имеет округлое или подчетырёхугольное сечение. Встречаются в единичных экземплярах. Использовались, по-видимому, в качестве сверл или проверток (рис. 12, 20; 18, 28).

4. Острия на массивных изогнутых пластинах. Рабочий конец дополнительно подретуширован со сто-

роны брюшка или спинки. Предположительное использование — проколки, сверла, резчики (рис. 4, 14; 22, 22; 30, 30).

Скребки. Категория скребков подразделяется на три группы по типу используемой заготовки. Типы скребков выделены по форме заготовки или готового изделия, количеству лезвий и расположению их относительно оси заготовки. Варианты и разновидности — по особенностям лезвия и характеру его обработки.

I. Скребки на пластинах.

1. Концевые на удлинённых, иногда целых или укороченных, сравнительно широких пластинах с лезвием: а) прямым; б) слабывыпуклым; в) слегка скошенным. В обработке преобладает полукрутая ретушь (рис. 81, 53—57);

2. Концевые-боковые скребки, единичны; метод обработки — полукрутая ретушь (рис. 81, 58—59).

3. Концевые двойные, как правило, на укороченных пластинах. Лезвия расположены на противоположных краях заготовки, обработаны полукрутой ретушью — единичны (рис. 23, 31; 35, 10).

II. Скребки на пластинчатых отщепях.

1. Концевые на пластинчатых отщепях (рис. 11, 15, 16; 25, 19; 31, 38). Варианты выделены по форме и характеру обработки лезвия: а) слабывыпуклые, б) округлые, обработанные конвергентной полукруглой ретушью (рис. 28, 30).

2. Концевые смежно-лезвийные на пластинчатых отщепях. Форма лезвия (лезвий) слабывыпуклая или прямая; ретушь крутая или полукрутая (рис. 9, 4).

III. Скребки на отщепях.

1. Концевые однолезвийные на отщепях трапециевидной или треугольной формы (рис. 81, 62, 63). Лезвие: а) прямое; б) слабывыпуклое.

2. Скребки концевые однолезвийные на массивных отщепях или нуклеидных обломках с выступом в центре прямого круторетушированного лезвия (рис. 10, 31, 32).

3. Скребки однолезвийные на отщепях случайной формы.

IV. Скребки на продольных нуклеидных сколах (рис. 5, 3—5).

Скобели. Характерной особенностью изделий этой категории, как и режущих орудий, является редкое применение преднамеренной обработки, поэтому определяющим следует считать характер сработанности. Типы выделены по форме заготовки, расположению рабочего лезвия относительно оси заготовки и его характеру.

I. Скобели на пластинах.

1. Пластины с выемчатым рабочим краем (краями). Выемки обработаны крутой ретушью или получились в процессе использования (рис. 11, 4—6; 12, 13—14; 15, 26; 28, 8; 37, 16).

2. Пластины с ретушью или следами сработанности на конце. Пластина массивная или ребристая, иногда изогнутая. Лезвие узкое, прямое или слегка вогнутое. Мелкая ретушь или следы сработанности встречаются как на спинке, так, иногда, и со стороны брюшка.

Возможно, они использовались как долотца (рис. 26, 20; 30, 23—28).

II. Скобели на отщепках.

1. Скобели на отщепках случайной формы с прямым или слегка вогнутым лезвием, обработанным крутой ретушью с брющка (рис. 16, 32, 33).

2. Скобели на отщепках случайной формы. Характер рабочего лезвия выемчатый или выемчато-зубчатый.

Рубящие орудия. Категория представлена единичными экземплярами всего с шести памятников. К ней относятся топоры и тесла, отличающиеся способом крепления в рукояти. Морфологически это находит выражение в характере профиля лезвийной части: симметричном — у топора и несимметричном — у тесел.

Типы выделяются по форме целого изделия и отдельных его частей, а также по характеру и способу его обработки.

I. Топоры. Они представлены тремя типами.

1. Овальные со слегка суженным обухом или небольшим выступом на нем (рис. 27, 1; 43, 1), лезвие выпуклое. Обработаны двусторонней оббивкой крупными сколами с дополнительной подправкой лезвийной части крупной ретушью. Материал — кремний или кварцит.

2. Топоры с перехватом (рис. 27, 2—4). Лезвие у всех экземпляров в плане немного шире обушковой части, почти симметричное. Перехват получен посредством встречных крупных сколов. Характер обработки — оббивка двусторонняя или частично двусторонняя. На некоторых экземплярах на одной стороне полностью или частично сохраняется галечная корка. Изготовлены из кварцита.

3. Топоры подпрямоугольной формы (рис. 6, 7), поперечное сечение — овально-четырёхугольное. Лезвие прямое или слегка выпуклое, обработано шлифованием двусторонним или частичным, только по лезвию. Материал — кремнистая или глинистая опока, алевролит.

4. Топоры трапециевидной формы, уплощенные, с поперечным сечением четырёхугольной формы и прямым лезвием. Характер обработки — двусторонняя тщательная шлифовка. Материал — сланец или арголит (рис. 43, 6).

II. Тесла. К ним ориентировочно отнесены всего два экземпляра, отличающиеся от топоров более плоским характером одной из сторон и асимметричностью профиля лезвия.

1. Остро-обушное тесло треугольной формы (рис. 7, 3). Поперечное сечение трапециевидное, лезвие прямое. Выпуклая сторона отполирована полностью, плоская — только у лезвия. Материал — кремнистая опока.

2. Тесло подпрямоугольной формы (рис. 7, 2) с поперечным трапециевидным сечением и прямым лезвием, изготовлено из алевролита. Обработка: выпуклая сторона отшлифована полностью, плоская — у лезвия и обушка.

Орудия камнеобработки. Категория немногочисленна, представлена небольшими гальками и массивными сколами с забитостью и смятостью на концах,

служившими, по-видимому, в качестве отбойников и ретушеров.

Помимо каменных изделий, на стоянке Вис I, а точнее, в прилегающем к ней старичном торфянике были найдены многочисленные вещи из дерева и других растительных материалов. Исчерпывающий анализ их и типология некоторых категорий неоднократно проводились Г. М. Буровым. Для интерпретации этих изделий исследователем проводились многочисленные аналогии с памятниками удаленных территорий Западной Европы и Прибалтики. Территориально ближайшими памятниками с находками деревянных предметов являются стоянки Восточного Прионежья и торфяники Зауралья, исследование которых продолжается. На данной территории это пока единственные памятники. Поэтому привлечение этих малочисленных материалов для выявления особенностей региона, и тем более, решения вопросов культурно-исторического плана является пока преждевременным. В настоящей работе ограничимся только кратким описанием предметов с учетом их систематизации по Г. М. Бурову [Буров, 1966; 19816].

Специализированные орудия охоты.

I. Первая группа орудий — луки. По форме, характеру обработки и оформлению различных их деталей они подразделяются Г. М. Буровым на три типа:

1. «Висский» (31 экз.), представленный тремя вариантами.

К нему отнесены луки-самострелы тщательной выделки длиной 134—156 см. Нижняя часть длиннее и массивнее. Верхний конец имеет утолщение в виде козырька, под которым проделано отверстие для регулирования натяжения тетивы. Посередине луков уступ или отверстия для направления стрел [Буров, 1966].

Второй тип представлен десятью луками-самострелами и их фрагментами больших размеров длиной до 3,5 м. Нижний конец оформлен в виде головки или отделен перехватом (зарубками).

К третьему типу относятся фрагменты средней части лука, изготовленного из дерева лиственных пород. По сечению: ширина — 6,8 см; толщина — 3,0 см. Обе стороны орнаментированы V-образными насечками.

Несколько луков (лучков) выделены в особую группу. Они имеют укороченные пропорции (длина 25—50 см), на концах миндалевидные утолщения. Их особенностью является отсутствие ряда важных деталей, присущих предыдущим типам: изогнутости в профиле и направляющей выемки для стрел. Это послужило Г. М. Бурову основанием для предположения об использовании их для сверления отверстий или добычи огня.

II. Вторая группа орудий охоты представлена деревянным наконечником стрелы с конусовидной головкой; древками с расщепом для наконечника или берестяной полоской для их крепления; кольями из молодых деревьев длиной 1,5—2,0 м; изделиями прямой, Г-образной или S-образной формы, интерпретированными исследователем как метательные дубинки.

Предметы рыболовства. Немногочисленная категория представлена поплавками, наконечником ботала, фрагментом верши из нескольких лучин, переплетенных парами жгутов, несколькими обручами с отверстиями по всей окружности (вентери), фрагментом сетного полотна из двупрядной веревки с длиной шага 4,5—5,5 см и шкотовыми узлами.

Предметы средств передвижения. Категория представлена лыжами, многочисленными обломками санных полозьев и веслами.

Лыжи орнаментированы, имеют заостренный и загнутый кверху передний конец и бортики по обоим краям. У одной из лыж закругленный передний конец завершается лосиной головкой.

Санные полозья подразделяются Г. М. Буровым на два типа. Первый, «висский», представлен изделиями с валиком по одному краю и несколькими парами вертикальных отверстий для крепления поперечных перекладин. Ко второму типу отнесено корытообразное изделие с бортиком по краю и двумя парами горизонтальных отверстий у концов.

В е с л о представлено единственным экземпляром с заостренным концом. Характерной особенностью некоторых деревянных изделий (луков, лучков, обручей, лыж, саней) является наличие орнамента в виде зигзага, насечек, крестов, косой сетки и V-образных фигур.

Сравнительный анализ памятников различных районов и их инвентаря позволил выделить следующие общие черты мезолита всего рассматриваемого региона.

1. В топографии — приуроченность подавляющего большинства стоянок к боровым террасам различной высоты.

2. Слабая выраженность культурного слоя вследствие неглубокого залегания в песчаных аллювиальных отложениях с кислой средой и отсутствие по этой причине изделий из растительных и других органических материалов.

3. Разнотипность стоянок: по площади, характеру распределения инвентаря, его количеству и составу, что, очевидно, объясняется различной продолжительностью обитания и разносезонностью:

а) на стоянках большей площади, как правило, более разнообразный инвентарь, представленный как продуктами первичного расщепления кремня, так и более разнотипным набором орудий.

б) на преобладающих кратковременных стоянках количество инвентаря незначительно, слабо представлено первичное расщепление, а из орудий, как правило, присутствуют пластины, их сечения и обломки. Остальные типы редки, единичны или вовсе отсутствуют.

4. Стоянки по первичному расщеплению кремня пока единичны, а на остальных памятниках представлены далеко не все его стадии. Характер отходов, их размеры и количество, размеры и типы нуклеусов во многом предопределялись еще и кремневым сырьем, которое при общем богатстве сырьевой базы было различным.

5. В производстве орудий — господство развитой пластинчатой техники. Это подтверждается преобла-

данием пластин и орудий на них и большим разнообразием орудий на пластинах, по сравнению с прочими, непластинчатыми типами заготовок.

6. Широко применялось преднамеренное рассечение пластин на части, что, наряду с малыми размерами изделий, свидетельствует о вкладышевом характере большинства орудий.

7. Пластины и сечения использовались в большинстве случаев без вторичной обработки.

8. Среди приемов вторичной обработки доминируют мелкая краевая ретушь и резцовый скол.

9. В наборе орудий характерными и преобладающими являются пластины и их сечения различных пропорций, использовавшиеся, судя по характеру и расположению ретуши и следов сработанности, для резания, строгания, скобления и т. д.

10. Характерными для большинства стоянок являются резцы одного типа — на углу пластины или сечения.

11. К числу характерных, но представленных в меньшем количестве относятся скребки на различных типах заготовок, скобели-долотца на конце пластин, резчики на изогнутых краевых пластинах, различные острия неустойчивых типов, наконечники стрел на пластинах.

12. Рубящие орудия встречаются редко, типологически неустойчивы и разнообразны.

13. Единичными и в целом не характерными изделиями являются пластины со скошенным краем, пластины-скобели с глубокими ретушированными выемками, пластины с пильчатой краевой ретушью, геометрические микролиты.

14. Набор орудий можно назвать охотничьим. Существенное место в нем занимают орудия, связанные с обработкой продуктов охоты, изготовлением самих орудий труда и прочими бытовыми нуждами.

Основными объектами охоты служили, очевидно, различные популяции северного оленя, лось, боровая и водоплавающая дичь, хотя какие-либо фаунистические остатки на стоянках отсутствуют. Не противоречит этому и характер стоянок, свидетельствующий о сезонном, в различной степени кратковременном обитании на них небольшого коллектива людей, ведущих подвижный (примитивно-кочевой) образ жизни. Существенное место в хозяйственной деятельности, благодаря богатству северной флоры занимало собирательство. Несомненным представляется знакомство населения с рыбной ловлей, хотя прямые свидетельства этому очень фрагментарны и сохранились лишь в первом висском торфянике.

Наряду с общими чертами, присущими всем мезолитическим стоянкам рассматриваемого региона, наметились различия, позволяющие выделить две группы памятников.

К первой группе можно отнести большинство стоянок бассейна Северной Двины и Вычегды: Филичевская II, III, IV, Приозерный IV, V, Сойга IV, Черная речка 3, Пертоминск, Курьядор I, II, Пезмог I, Кузьво-мын, Ульяново, Черкас I, Озьянг, Аныб I, II; некоторые

стоянки бассейна Печоры и Большеземельской тундры: Мартюшевская IV, Адак I, II, Зыбун-нюр II, Сандибей-ю 3, 5, 9, Адзъва I, 13, 42.

Инвентарь их характеризуется следующими чертами.

1. В группе продуктов первичного расщепления представлены отходы в основном некрупных размеров.

2. Нуклеусы сработаны до малых размеров. Среди них доминируют конусовидные с круговым или односторонним снятием пластин и карандашевидные. Реже встречаются клиновидные и призматические микро-нуклеусы.

3. Преобладающим типом заготовки являются пластины (рис. 44), составляющие 65—87 % всего инвентаря (без учета чешуек), а среди них — средние и узкие пластины правильного очертания и микропластинки (рис. 46).

4. Существенное место занимают сечения пластин. Преобладают длинные, большое количество средних (рис. 49).

5. Большая часть пластин использовались без предварительной обработки. Пластины и сечения с ретушью составляют примерно от 3 до 35 % (рис. 48).

6. Орудия на пластинах резко преобладают над изделиями на других типах заготовок, составляя 67—98 % от числа всех орудий (рис. 45; 51).

7. Характерными и доминирующими являются ножи и скребки на пластинах и сечениях, угловые резцы, встречающиеся на большинстве даже кратковременных стоянок (рис. 52; 53).

8. Заметно уступают в количестве скребки. Характерной среди них является группа концевых скребков на пластинах различных типов. Скребки на отщепках и других заготовках встречаются редко.

9. Характерными, но реже встречающимися являются черешковые наконечники стрел на пластинах постсвидерского типа, скребки-долотца на конце массивных в сечении пластин.

10. Немногочисленные рубящие орудия различных типов обработаны исключительно посредством сколов и крупной ретуши.

11. Прочие категории и типы орудий — геометрические микролиты, остря — встречаются редко и морфологически неустойчивы.

12. Ни на одной из стоянок этой группы не выявлены углубленные жилища, хотя локализация инвентаря на некоторых из них позволяет предполагать наличие сооружений легкого наземного типа.

Ко второй группе относятся большинство стоянок бассейна Печоры и Большеземельской тундры: Топыд-нюр V, VIIa, Петрушинская, Черепанька-ди, Сандибей-ю 8, Колва-вис 8, 14, Адак III, Пижма II, Черная I и целый ряд кратковременных стоянок; некоторые стоянки в бассейне Северной Двины и Вычегды: Чертаc II, Нидзь II, Пожег, Ягкодж III.

Их отличает следующее.

1. Отмечается более укрупненный характер всей кремневой индустрии: нуклеусов, заготовок, орудий и отходов.

2. Чаще встречаются заготовки нуклеусов, ядрища более крупных размеров, призматические, клиновидные. Карандашевидные и конические нуклеусы малых размеров единичны.

3. В общей массе инвентаря непластинчатые типы заготовок, особенно отщепы, включая изделия на них, преобладают над пластинами (рис. 44), составляя от 40 до 70 %.

4. Изменяется степень использования различных типов заготовок для изготовления орудий: при существенном преобладании орудий на пластинах заметно возрастает число орудий на отщепках, пластинчатых отщепках и различных сколах (рис. 45).

5. Значительно чаще использовались неправильные пластины, ребристые и первичные с коркой.

6. Существенную роль по-прежнему играют сечения, но преобладают среди них короткие и средние (рис. 50).

7. Доминирующими являются пластины средней ширины при существенной роли широких и узких (от 0,8 до 2,0 см) (рис. 47).

8. Заметно возрастает роль вторичной обработки, в том числе увеличивается число пластин с ретушью по сравнению с пластинами, использовавшимися без обработки (рис. 48).

9. В наборе орудий на пластинах по-прежнему преобладают ножи и скребки, но увеличение их размеров свидетельствует о возможном самостоятельном использовании их, то есть, в определенной мере, об упадке вкладышевой техники.

10. Резко уменьшается количество резцов. На некоторых стоянках они вообще отсутствуют.

11. Увеличивается число скребков. Ведущее место среди них занимают скребки более крупных размеров различных типов на отщепках, пластинчатых отщепках, нуклевидных сколах. Скребки на пластинах единичны.

12. Возрастает количество скребковидных орудий на отщепках и прочих орудий неясного назначения на непластинчатых типах заготовок.

13. Чаще встречаются остря, особенно на изогнутых пластинах с ретушированным концом (предполагаемые резчики). Остальные перфораторы (проколки, сверла) морфологически более выражены.

14. Наконечники стрел единичны и сохраняются в основном на более западных стоянках.

15. Геометрические микролиты практически отсутствуют.

16. Появляются частично или полностью шлифованные рубящие орудия.

17. На некоторых стоянках открыты жилища полуземляночного или земляночного типа (Топыд-нюр V, VI, Чертаc II).

Некоторые стоянки по целому ряду показателей занимают промежуточное место. Например, Турун-нюр I характеризуется, с одной стороны, высокой степенью микролитизации пластинчатого инвентаря, незначительным числом пластин и сечений с ретушью, а с другой — преобладанием скребков над резцами, и среди них — скребков на крупных отщепках и расколотых нуклеусах. Аналогична структура инвентаря

стоянки Сандибей-ю I. Высокая степень микролитизации, большое число длинных сечений и резцов сближают этот памятник с вычегодскими стоянками. Высокий процент пластин со вторичной обработкой, использование неправильных пластин, ребристых сколов, а также отщепов для производства орудий и большое их разнообразие отвечают, скорее, признакам второй группы стоянок.

Определенные трудности возникли при идентификации комплексов Синдорского озера (Вис I, II, III), Яврньги I в силу невозможности достоверного их вычленения из общей массы разновременного инвентаря. По общему набору изделий они в большей степени тяготеют к памятникам первой группы. Однако нельзя исключать также вероятность неоднократного обитания на них и в эпоху мезолита.

3.3. Культурная принадлежность, хронология и периодизация мезолитических памятников крайнего Европейского Северо-Востока

Вопросы периодизации, хронологии и культурной интерпретации мезолитических памятников Европейского Северо-Востока в той или иной мере для отдельных его районов рассматривались многими исследователями.

Стоянки бассейна Средней Печоры были подразделены В. И. Канивцом на две хронологические группы на основе сопоставления и синхронизации с памятниками Прикамья и волго-окского междуречья. Ранняя группа характеризовалась более микролитическим инвентарем, преобладанием изделий на пластинах, а также преобладанием резцов над скребками (Адак I, II, Адзва I, Зыбун-нюр II) и датировалась в пределах 6-го тыс. до н. э. Инвентарь стоянок второй группы отличался укрупненным характером пластин и изделий на них, возрастанием числа орудий на других, непластинчатых типах заготовок и наличием подшлифованных рубящих орудий (Топыд-нюр V, Черепанька-ди). Датировка — в пределах 5-го тыс. до н. э. [Канивец, 1973. С. 22—23].

В Северодвинском бассейне по существу те же признаки послужили А. Я. Мартынову основанием для выделения групп стоянок, но с обратной хронологической расстановкой: наиболее ранними, по его мнению, являются стоянки с укрупненным инвентарем, а более поздними — с преобладанием изделий на микропластинах. Первая группа датируется им периодом развитого мезолита (7-е тыс. до н. э.), вторая — поздним мезолитом (6—5-е тыс. до н. э.). Дополнительно была выделена третья группа стоянок «переходного периода от мезолита к неолиту» (4-е тыс. до н. э.). В их инвентаре, помимо мезолитических типов изделий, присутствуют двусторонне обработанные орудия на непластинчатых типах заготовок [Мартынов, 1983; 1985. С. 6—8, 12, 13].

Предложенная А. Я. Мартыновым периодизация стоянок была бы допустима при наличии в наборе орудий памятников первой группы каких-либо ранних типов

В инвентаре стоянок внутри одной группы также наблюдаются различия: в отсутствии или наличии тех или иных категорий орудий, неполном наборе типов и их количественном соотношении. Эти различия носят, скорее всего, случайный или частичный характер и могут быть следствием различной сохранности памятников и степени их изученности или же объясняются разнотемпностью стоянок, а значит — различной промысловой деятельностью их обитателей.

Наличие стоянок, занимающих промежуточное место, а также нестабильность количественных показателей внутри каждой группы в определенной мере позволяют предположить постепенное развитие индустрии, а выявленные отличия рассматривать как тенденции этого развития во времени, то есть считать большинство из них хронологическими показателями.

изделий, но таковые отсутствуют. Более того, необходимо уточнение хронологического места некоторых конкретных стоянок. Так, в коллекции сборов на стоянке Усть-Кизема большое количество отщепов и изделий на них объясняется более поздними примесями, что доказывается присутствием нескольких фрагментов керамики раннеананьинского времени. Мезолитическая же часть коллекции вполне соответствует признакам, характеризующим более ранние стоянки [Овсянников, 1982]. Инвентарь стоянки Корбала на Ваге, отнесенной А. Я. Мартыновым к переходной группе, отвечает признакам более поздних мезолитических стоянок, а какие-либо двусторонне обработанные орудия на ней отсутствуют [Верещагина, 1979. С. 9].

Недостаточно убедительно выделение в бассейне Северной Двины трех культурных групп мезолитических стоянок: сухонской, северодвинской и синдорской [Мартынов, 1980. С. 120; 1985. С. 12]. Отличия между ними, особенно между двумя последними, незначительны и проявляются в наличии или отсутствии некоторых типов орудий, что вполне может объясняться характером производственной деятельности на стоянках или их разнотемпностью. Тем более что сам исследователь отмечает большую близость мезолитических стоянок левобережья и правобережья Северодвинского бассейна [Мартынов, 1985. С. 12].

А. В. Волокитиным [Волокитин, 1985. С. 192; 1986а—б; 1987. С. 6—15] высказано предположение о возможном выделении в особую культурную группу пойменной стоянки Парч и некоторых стоянок Печоры (Топыд-нюр V, VIIa). Предполагается также более ранний их возраст по сравнению с другими известными мезолитическими памятниками региона. Основанием для этого послужили некоторые особенности первичного расщепления, наличие большого числа изделий на отщепках, расколотых нуклеусах и прочих непластинчатых типах заготовок и их обломках. На наш взгляд, особенности первичного расщепления, в частности

скребловидная форма заготовки нуклеуса, могут объясняться специфичностью исходного сырья. Анализ инвентаря более поздних памятников с обилием кремня показал, что если сырьем служили плоские кремневые конкреции или плитчатый кремень, то заготовки нуклеусов после снятия корки имели уплощенную форму и напоминали иногда скребла или бифасы. На стоянке Топыд-нюр V использовался плитчатый кремень [Канивец, 1973. С. 8].

Обилие обломков, осколков со следами использования и высокий процент орудий в целом может объясняться дефицитом необходимого сырья, например в зимнее время. Такой характер индустрии отмечается на стоянках с углубленными жилищами (Чергас II, Топыд-нюр V, VIa). Скребки на расколотых нуклеусах нередко встречаются на других памятниках Печорского бассейна.

Расположение стоянки Парч на пойме также не является определяющим показателем более раннего ее возраста, хотя в верховьях Вычегды пойма сформировалась несколько раньше, чем на более крупных реках.

Дальнейшее исследование этой интересной стоянки, возможно, рассеет некоторые возникшие сомнения относительно ее культурного своеобразия и датировки.

При анализе инвентаря стоянок Большеземельской тундры (по материалам Г. А. Чернова) мною был высказан ряд предварительных суждений об их датировке и культурной принадлежности, которые также нуждаются в некотором уточнении. В частности, вывод о возможном заселении из волго-окского междуречья [Верещагина, 1973. С. 19—20].

Наиболее полно вопросы периодизации и культурной интерпретации применительно к памятникам всего региона отражены в работах Г. М. Бурова. Им выделены два культурных типа: висский и камско-вычегодско-печорский [Буров, 1967б; 1974. С. 86; 1986. С. 5—9]. К первому отнесены стоянки Синдорского озера (Вис I, включая 1-й висский торфяник, Вис II, III); Явроньга I и, предположительно, Топыд-нюр V. По аналогии с памятниками Восточного Прионежья типа Нижнее Веретье I, происхождение их связывается с культурами балтийского круга. Существенные возражения вызывают принципы выделения висского культурного типа: расположение стоянок на водораздельных озерах и более низкий их гипсометрический уровень, по сравнению с памятниками на речных террасах; наличие изделий из растительных материалов, шлифованных топоров, укрупненный и отщеповый характер кремневого инвентаря.

Прежде всего представляется преждевременным и недостаточно убедительным выделение культурного типа или культуры всего по нескольким ненадежным, типологически выделенным комплексам. Нельзя рассматривать в качестве чистого комплекса и предметы из 1-го висского старичного торфяника. Они являются случайным набором вещей, составной частью комплекса сухоходольной стоянки (или стоянок) Вис I и, судя по датам и различной глубине залегания, накапливались на протяжении не менее чем тысячелетия.

По той же причине нельзя в полной мере достоверно оценить коллекции по степени пластинчатости и микроролитизации инвентаря. Так, на стоянке Явроньга I большая часть пластин относится к эпохе неолита. Это подтверждается различием в сырье и иным, по сравнению с мезолитическим, характером и степенью обработки.

Основные же типы изделий на сухоходольных стоянках Синдорского озера в полной мере представлены на памятниках камско-вычегодско-печорского типа, в том числе и шлифованные рубящие орудия. Стоянка Топыд-нюр V отнесена к висскому культурному типу фактически только на основании большого числа изделий из отщепов, шлифованных топоров и тесел.

Наличие деревянных изделий в торфянике объясняется всего лишь благоприятными условиями для их сохранности и вовсе не означает, что ими не пользовались на речных стоянках. Наоборот, малочисленность или отсутствие некоторых категорий кремневого инвентаря на речных стоянках (наконечники стрел, проколки и др.) предполагает существование их заменителей из кости или дерева, а вкладышевый характер инвентаря — использование костяных или деревянных основ-рукоятей.

Низкий уровень расположения стоянок над водой на озерах также не является культурно значимым показателем, а отражает особенности геоморфологии глубинных районов. Поэтому неслучайно, что на одних и тех же останцах террас Синдорского озера и Явроньги мы находим остатки поселений различных эпох: от мезолита до средневековья. Стоянка Топыд-нюр V расположена на высокой речной бортовой террасе.

Происхождение памятников второго культурного типа связывается Г. М. Буровым с территорией Волго-Камья и Приуралья. Стоянки Верхней и Средней Вычегды (Пезмог I, Курьядор, Ульяново, Кузьвомын) выделены в особую мезолитическую культуру. Универсальное использование понятия «культурный тип» [Буров, 1986. С. 1] оставляет непонятным конкретное его содержание. По этой причине неясно соотношение выделенных культурных типов и культуры.

В результате сравнения мезолитических стоянок различных районов и типолого-статистического анализа их инвентаря можно сделать вывод о большой близости в культурном отношении всех известных мезолитических памятников рассматриваемого региона.

Однако это вовсе не означает, что заселение происходило из одного центра. Наоборот, представляется более вероятным, учитывая значительную протяженность региона, что проникновение мезолитического населения на крайний Европейский Северо-Восток происходило с достаточно большой территории, включающей восточные районы Верхнего Поволжья и волго-окского междуречья и Прикамья. В какой-то мере благоприятствовала этому особенность планировки речной сети в том и другом регионах, в частности, наличие широтных и меридиональных водных магистралей. Подтверждают это предположение и многочисленные аналогии с памятниками как Волго-Камского бассейна, так и волго-окского междуречья.

Наибольшее сходство отмечается с позднемезолитическими памятниками Среднего Прикамья (Ниже-Адищевская, Кама-Жулановская) и, особенно, камско-вятского междуречья (Баринка I, II, Степинцы II, Кичаны, Муки-каксы I, II и др.). Сходство проявляется не только в общем характере инвентаря, соотношении различных его категорий и конкретных типов, но и в тенденциях развития материальной культуры во времени [Гусенцова, 1981а. С. 4—8; 1981в. С. 130—147; Гусенцова, Голдина, 1977. С. 45—62].

Почти в той же мере близкими являются памятники романово-ильмурзинской культуры Южного Приуралья, при большей серийности на последних основных типов изделий, наличии ранних типов, а также орудий, отражающих контакты с другой южноуральской культурой — янгельской [Матюшин, 1976].

Очевидное сходство просматривается с культурой группы памятников с микролитическим инвентарем Нижнего Прикамья и Среднего Поволжья: Татарско-Азибейская III, V, Юртовская IV, Нижне-Марьянская I, Комаровская и др. [Косменко, 1972. С. 3—18; 1977. С. 97—99]. По мнению М. Г. Косменко, эти памятники не являются автохтонными и синхронизируются с третьим этапом развития другой выделенной здесь культуры — усть-камской, генетически связанной с поздним палеолитом. Усть-камская культура, при заметном ее своеобразии, вызывает интерес некоторыми особенностями генезиса инвентаря. На ранних этапах ее развития отмечается тенденция к микролитизации кремневого инвентаря, достигающая расцвета на стоянках третьего этапа, которые наиболее близки к памятникам с микролитическим инвентарем. В дальнейшем, в позднем и финальном мезолите, происходит обратный процесс — укрупнение индустрии, уменьшение индекса пластинчатости, числа вкладышей, резцов и увеличение числа орудий на отщепах, широкое распространение рубящих орудий, в том числе подшлифованных: Русско-Луговская II, Деуковская II, Кабы-Копрынская и др. [Халиков, 1969. С. 27—32; Косменко, 1977].

Неоднократно отмечалось сходство памятников северо-восточного мезолита со стоянками Верхнего Поволжья и волго-окского междуречья [Бадер, 1966. С. 197—202; Канивец, 1973; Верещагина, 1973; 1977а]. Показателями сходства считались пластинчато-вкладышевый характер инвентаря, соотношение различных его категорий и типов, наличие наконечников стрел на пластинах, близких к постсвидерским, и отсутствие геометрических микролитов.

Расширение источниковедческой базы позволяет более конкретно подходить к выявлению степени их близости. Более очевидным представляется сходство со стоянками и комплексами Костромского Поволжья [Третьяков, 1963. С. 9—23; Гаврилова, 1973б. С. 74—79; 1981. С. 98—102]. Заметно близкими, но далеко не по всем признакам, выглядят памятники позднебутовской культуры: Елин Бор, средний слой; Соболево V, Некрасово, Микулино, Петрушино и др. [Кольцов, 1984. С. 90—91; Сорокин, 1984. С. 46—64]. Последние характеризуются укрупненным характером пластинча-

той индустрии, большим количеством пластин и сечений со вторичной обработкой, в том числе вкладышей с притупленным краем; серийностью некоторых категорий и типов орудий (острия, наконечники стрел на пластинах, скребки, пластины с усеченным концом); наличием орудий более ранних типов (боковые и срединные резцы), а также изделий, свидетельствующих о связях с культурами более западных и юго-западных территорий (наконечники стрел аренсбургского типа, геометрические микролиты, скребки округлых и подокруглых очертаний, включая их микроформы).

И все же при рассмотрении стоянок в направлении с востока на запад нельзя не отметить, что происходит постепенное нарастание признаков, свойственных позднебутовской культуре. Наблюдается некоторое увеличение числа орудий на более крупных пластинах. На поздних стоянках эпизодически встречаются резцы на отщепах, острия со скошенным краем, увеличивается число наконечников стрел, учитываемые их местонахождения. Таковы стоянки сухонской мезолитической культуры: Яснополянская, Колупаевская [Ошибкина, 1983. С. 13—69], которые, на наш взгляд, обладая специфическими чертами, с одной стороны, очень близки к позднебутовским, а с другой — имеют несомненное сходство с северо-восточными мезолитическими стоянками.

Недостаточная серийность большинства категорий и типов орудий при поисках аналогий вынуждает обращать внимание на единичные, не характерные орудия, которые если и не отвечают напрямую на вопрос о происхождении, то могут служить показателями культурных контактов. В связи с этим также возникает целый ряд частных вопросов. Например, свидетельством каких культурных связей являются немногочисленные прямоугольники, найденные пока только на некоторых стоянках Большеземельской тундры. С одной стороны, происхождение их можно связать с позднебутовской культурой, где они составляют небольшие серии. С другой стороны, отсутствие их на промежуточных территориях — Северной Двине, Нижней Вычегде, Ваге — удерживает от такого вывода. Тем более что прямоугольники известны на некоторых стоянках лесного Зауралья [Сериков, 1984] при отсутствии их в Приуралье и Прикамье.

Трапеции эпизодически малыми сериями встречаются в Прикамье, камско-вятском междуречье и на стоянках позднебутовской культуры. Более того, иногда их находят совместно с наконечниками стрел на пластинах на одних и тех же стоянках (Пезмог I, Сандибей-ю I, Баринка I, Степинцы II). Следовательно, ни наконечники стрел на пластинах, ни единичные геометрические микролиты на данной территории пока не могут служить в качестве надежных культурных показателей и должны рассматриваться лишь в комплексе с другими признаками.

Таким образом, мезолитические памятники крайнего Северо-Востока в той или иной мере проявляют сходство с различными культурами Камско-Уральского и Волго-Окского регионов. Однако территориально локализовать стоянки соответственно выявленному сход-

ству пока не удалось, тем более что те и другие черты присутствуют в инвентаре одних и тех же стоянок. Возможно, что в силу обитания в одинаковых природных условиях, одноплановой хозяйственной деятельности и тесных контактов населения происходит в какой-то мере нивелировка культурных традиций. Кроме того, различия между некоторыми группами памятников на соседних территориях, интерпретируемые исследователями как культурные, носят, возможно, хронологический характер или объясняются особенностями конкретной промысловой деятельности. Так, например, не совсем ясным представляется соотношение группы памятников с микролитическим инвентарем и усть-камской мезолитической культуры. Расходятся точки зрения исследователей в культурной интерпретации стоянок типа Красново I в волго-окском междуречье [Жилин, 1987. С. 17—18; Сорокин, 1987. С. 10]. Вызывает интерес соотношение их с позднебутовскими памятниками, с одной стороны, и волго-камскими — с другой. Многие вопросы культурной интерпретации мезолитических памятников крайнего Европейского Северо-Востока будут, по всей вероятности, уточнены в ходе дальнейших исследований и пополнения источниковедческой базы, но непременным условием этого является выработка единых принципов и критериев выделения археологических культур эпохи мезолита. В любом случае, приведенные в качестве аналогий памятники по многим признакам близки между собой и, по всей вероятности, входили в одну большую культурную общность.

Относительная и абсолютная хронология мезолитических памятников крайнего Европейского Северо-Востока в основном устанавливается по аналогиям с памятниками соседних территорий. Две хронологические группы стоянок камско-вятского междуречья отнесены, соответственно, к 8—7-му и 6—5-му тыс. до н. э., что подтверждается радиоуглеродными датами, полученными для разновременных стоянок Баринка I и Баринка II [Гусенцова, 1981а]. Позднебутовские стоянки по целой серии дат относятся ко второй половине 8—7-го тыс. до н. э. [Кравцов, 1987; Сорокин, 1987]. Известна радиоуглеродная дата для стоянки Водыш в Костромском Поволжье — 5485 ± 170 лет до н. э. [Гаврилова, 1981]. Памятники сухонской мезолитической культуры по палинологическим данным датируются в пределах 7—5-го тыс. до н. э. [Ошибкина, 1984б. С. 9].

Учитывая приведенные данные, мезолитические памятники крайнего Европейского Северо-Востока могут быть датированы концом бореального—началом атлантического периодов (7—5-е тыс. до н. э.). Пред-

полагаемая датировка первой, более ранней группы стоянок — 7—6-е тыс. до н. э., а второй — 6—5-е тыс. до н. э. Немногочисленные радиоуглеродные даты согласуются с предлагаемой периодизацией. Пять дат получены по деревянным изделиям первого висского торфяника (6130 ± 90, 5870 ± 80, 5200 ± 60, 5140 ± 80, 5140 ± 70 лет до н. э.) [Буров, Романова, Семенов, 1972. С. 78] и одна дата — по углю из очага стоянки Явроньга I (6580 ± 60 лет до н. э.). В последние годы две даты получены для стоянки Топыд-нюр VII, которая открыта в 300 м от Топыд-нюр V и очень близка последней по характеру инвентаря [Волокитин, 1987]. Одна из дат — 4500 ± 60 лет до н. э. — вполне подтверждает предположительную датировку стоянки Топыд-нюр V, а вторая — 2690 ± 150 лет до н. э. — представляется омоложенной.

Локализация большей части стоянок второй группы в бассейне Печоры и Большеземельской тундре позволяет предположить более позднее заселение их, по сравнению с бассейном Вычегды и Северной Двины. Некоторым подтверждением тому служат данные палеогеографии о более позднем восстановлении в этих районах благоприятной природной обстановки и нормализации стока вод.

Таким образом, заселение территории крайнего Европейского Северо-Востока в эпоху мезолита началось предположительно в 7-м тыс. до н. э. и, очевидно, было связано с существенным потеплением климата в северной половине Европы (бореальный термический максимум).

Продвижение населения происходило, по всей вероятности, с территорий, расположенных к югу и юго-западу, — восточных районов Верхнего Поволжья и волго-окского междуречья и Волго-Камья.

При современном состоянии изученности пока не удалось выделить какие-либо археологические культуры, но наметились тенденции развития кремневой индустрии во времени, в соответствии с чем выделены две хронологические группы стоянок.

Мезолитическая эпоха завершается в рассматриваемом регионе на рубеже 5-го и 4-го тыс. до н. э. с приходом населения, знакомого с производством керамики. Часть мезолитического населения, возможно, некоторое время сосуществовала с неолитическим, сохраняя почти в неизменном виде свой образ жизни и культуру, другая часть — довольно быстро восприняла новые производственные навыки и элементы материальной культуры, в частности керамику, и приняла участие в формировании культур эпохи неолита.

Глава IV

КРАЙНИЙ ЕВРОПЕЙСКИЙ СЕВЕРО-ВОСТОК В ЭПОХУ НЕОЛИТА

Со времени последнего валдайского оледенения, как уже отмечалось, не происходило кардинальных изменений климата, которые бы обусловили перерыв в обитании на данной территории. В процессе освоения региона и адаптации населения в суровых условиях Севера, где вплоть до средневековья ведущими оставались присваивающие формы хозяйства, происходило постоянное совершенствование приемов охоты и рыболовства. Это не могло не отразиться на образе жизни населения и облике его материальной культуры. Однако многие изменения в силу постепенного их накопления, недостаточной источниковедческой базы, слабой разработанности критериев в процессе исследования остаются трудноуловимыми, что и является причиной дискуссионности вопросов археологической периодизации и выявления рубежа между эпохами. Наиболее заметным, хотя во многом условным, признаком наступления неолитического периода является появление глиняной посуды.

Возможно, еще более сложным представляется выявление рубежа между неолитом и энеолитом. Находки предметов, свидетельствующих о плавке металла и производстве металлических изделий, являются, несомненно, показательными, но по причине плохой сохранности — очень редкими. В этих случаях прихо-

дится опираться в основном на аналогии с памятниками соседних территорий.

Другая сторона проблемы переходных периодов в том, что начало эпохи неолита, то есть появление памятников с керамикой, вовсе не означает исчезновения стоянок с мезолитическим характером инвентаря. Аналогично, поселения со следами металлургии могли сосуществовать некоторое время с поселениями неолитического облика. Далеко не всегда такие важные новшества, как керамика и металлургия, были собственным приобретением аборигенного населения. На наш взгляд, процесс освоения региона был сложным и многогранным. Существенную роль в нем, наряду с автохтонным развитием, особенно на ранних этапах истории, играли миграции населения с соседних территорий, культурные контакты и взаимовлияния. По всей вероятности, именно это и явилось причиной довольно пестрой в культурном отношении картины в неолите в последующую эпоху. Достаточно напомнить, что, например, Г. М. Буровым, выделено на данной территории семь неолитических культурных типов и (или?) культур [Буров, 1986].

В последующих разделах работы попытаемся еще раз проанализировать имеющиеся неолитические материалы.

4.1. Краткий обзор неолитических памятников и сравнительная их характеристика

К настоящему времени в регионе известно свыше 70 памятников, относимых исследователями к неолиту. Территориально они распределяются следующим образом.

В бассейне Верхней и Средней Печоры открыто семь памятников. Из них только стоянка Черноборская III представлена чистым комплексом инвентаря. На остальных (Бердинская, Деминская, Усть-Ляга I, Затон I, Рогодинская I, II) неолитические материалы немногочисленны и выделены типологически.

На Нижней Печоре и ее притоках в Большеземельской тундре известно около 15 памятников и местонахождений с находками неолитического облика. Как будто бы в чистом виде неолитические материалы получены с Печорской и Миш-Ваньской (Лая I) стоянок. В остальных пунктах (Сандибей-ю 8, Куя 5, 7 и др.) в

процессе сборов с поверхности выдувов получены смешанные материалы.

На водораздельных озерах Тимана и Притиманья открыто девять поселений. Все они относятся к числу памятников многократного и долговременного обитания (Ружникова, Кыско, Алексахина, Пижма I, II, Вис I, II, III). Культурный слой на них стратиграфически не расчленяется и содержит материалы от мезолита до средневековья. На некоторых из них (Вис I, II) неолитические материалы представлены также несколькими комплексами.

На Верхней и Средней Вычегде открыты и исследуются большими площадями, пожалуй, самые надежные в археологическом отношении поселения: Эньты I (два разновременных планиграфически разделимых комплекса), Эньты III, IV, Вад, на которых

выявлены жилища наземного или полужемляночного типа. Остальные памятники (Ягкодж I, Керчемья, Ванвиздино и др.) дали малочисленные комплексы и нуждаются в дальнейших исследованиях. Группа разновременных неолитических памятников исследована и исследуется на Выми: Половники II, Кочмас [Косинская, 1982].

На Северной Двине количество неолитических памятников пока незначительно. Однослойными из них являются Прилуцкая, Вонгода I, Лавля, Бык и, по предварительным данным, Клоново I, II, III, Пинежское озеро III, IV. На остальных (Соозеро I, Орлецы I, Ненокса-Сопки, Зимняя Золотица, Куя, Кудьмозеро, Галдаря I, Явроньга I) материалы выделены типологически, иногда с учетом планиграфических особенностей залегания. Поселения левобережных притоков Северной Двины, Ваги и Устья (Федорково, Рудинская, Сельменьга, Осиново и др.) исследованы пока рекогносцировочно и не дают достаточно полного представления о характере неолита левобережья [Мартынов, 1985].

Из всех открытых памятников в бассейне Мезени в научный оборот введены материалы только поселения Кыстырью [Стоколос, 1977].

Характеризуя источниковедческую базу, следует подчеркнуть, во-первых, далеко не достаточную и не равномерную изученность региона.

Во-вторых, лишь немногие поселения и стоянки эпохи неолита можно считать полностью или большей частью раскопанными. В основном это поселения, исследовавшиеся в последние годы.

В-третьих, на памятниках многократного обитания с нерасчленяемым культурным слоем (а таких большинство) недостаточно дифференцированно фиксировалась неолитическая и прочая керамика в плане и по вертикали. Это затрудняет выявление этапов обитания и их относительной хронологии.

В-четвертых, подтопляемость многих неолитических поселений вследствие низкого расположения над водой затрудняет своевременное и последовательное их изучение. Видимо, по этой причине на значительных участках крупных водных магистралей не удалось пока выявить неолитические памятники, так как здесь редко где сохранилась древняя пойма — место возможного обитания неолитического населения.

Топография неолитических памятников более разнообразна, по сравнению с мезолитическими. Однако уже сейчас можно отметить некоторые закономерности в расположении поселений с типологически различным инвентарем.

Памятники с ямчатой и гребенчато-ямчатой керамикой (Вонгода I, Прилуцкая, Черноборская III, первый комплекс Эньты) расположены на борových террасах высотой от 7 до 26 метров над уровнем водоемов. Это свидетельствует о высоком, возможно сезонном, уровне воды. Очертания профиля террасы и распространение находок по склону стоянки Прилуцкая позволяют предположить, что уровень воды Прилуцкого поля в период обитания стоянки был на 12—15 метров

выше современного меженного и на 7—10 метров выше максимального паводкового уровня в этом районе.

Стратиграфия этих стоянок близка стратиграфии мезолитических памятников и типична для борových террас: культурные остатки залегают неглубоко, в нижней части подзолистого горизонта и верхней части желтого песка. Культурный слой иногда маркируется только находками, но в местах более интенсивной деятельности, особенно около кострищ, имеет серовато-зольную окрасченность, в ряде случаев — прокаленность, и содержит костную крошку. Фрагменты кальцинированных костей встречаются в слое как разрозненно, так и в виде скоплений различной насыщенности и в ямах, выявленных на площади стоянок и на периферии. Они принадлежат в большинстве своем северному оленю и лосю.

Площади перечисленных памятников заметно больше мезолитических: от 100 до 800 кв. м. Культурные остатки залегают неравномерно: на фоне их редкого распределения встречались многочисленные скопления. Найдены кострища и хозяйственные ямы. Контуры жилищ не выявлены. По-видимому, они были наземного типа.

Памятники с преобладанием ямочно-гребенчатых традиций в орнаментации керамики в подавляющем большинстве случаев расположены на озерах различного типа — водораздельных, проточных, пойменных старичных, на невысоких речных или озерных террасах или их останцах, донных всхолмлениях, нередко — в пойме. Высота расположения колеблется от полутора до пяти метров над меженным уровнем водоемов. Некоторые из памятников периодически затапливались и затапливаются в паводки.

В зависимости от расположения различается и характер содержащего культурные остатки слоя. На суходолах материалы залегают в супесчаных или песчаных отложениях на небольшой глубине (стоянки Косминских озер, Ямозера, Соозера и т. д.). Иногда культуросодержащим слоем являются суглинки или глина (стоянки Клоновского озера, Пинежское озеро III, IV). Инвентарь пойменных памятников залегают в отложениях пойменного аллювия различного характера — песчаного, супесчаного, глинистого.

В зависимости от времени и условий формирования культурного слоя, последующей его естественной консервации и сохранения, он может быть интенсивно окрашен или выделяться только по наличию находок. Хорошо выражен культурный слой на озерных памятниках длительного и многократного обитания. Однако очень редко и с большими допусками из общей массы разновременного инвентаря удается выделить неолитические материалы, а также выявить локализацию их на плане. Памятники с чистыми комплексами ямочно-гребенчатой керамики чаще всего кратковременны, дают малочисленный инвентарь. Они пока единичны или исследованы рекогносцировочно (Половники II, Клоново I, II, III, Пинежское озеро VI и др.).

Немногочисленные поселения с преобладанием гребенчатой и гребенчато-ямочной керамики известны как на речных террасах, чаще борových, высотой от пяти

до десяти метров над меженным уровнем воды (Эньты I, III, IV, Вад), так и на озерах. Но и здесь они также приурочены к суходолам (Вис I, II, III) или дюнным всхолмлениям. Стратиграфия типична для борových террас. На большинстве поселений выявлено от одного до пяти жилищ. Преобладают слабо углубленные жилища удлиненной прямоугольной формы с очагами по продольной оси. Встречаются также постройки удлиненно-овальных очертаний (Вад) и подпятиугольных (Эньты III). Кострища, хозяйственные ямы, скопления каменного и керамического инвентаря встречаются и за пределами жилищных котлованов. Жилища на поселениях Вис I, II имеют также четырехугольные очертания, но более укороченные пропорции и иное расположение очагов [Буров, 1967а]. Культурный слой и даже заполнение жилищ слабо выделяются окраской, за исключением ям, очагов и их окружения.

Вопрос о том, являются ли выявленные отличия в топографии, стратиграфии, планиграфии культурно значимыми, то есть закономерными, или же во многом определяются иными причинами: сезоном обитания, функциональной направленностью или, зачастую, различными условиями формирования и сохранения культурного слоя, остается пока открытым из-за недостаточного количества хорошо и полно исследованных памятников. Не исключено, что в дальнейшем анализ различий в топографии поселений, особенно в пределах одного водного бассейна, может дать сведения хронологического плана, о которых сейчас можно говорить лишь предположительно.

Поселения более длительного обитания занимают иногда сравнительно большую площадь: свыше 1000 кв. м (Ружникова). Но ни на одном из них не удалось пока

выявить жилища. Возможно, они были наземного типа или не фиксируются вследствие сильного нарушения неолитического культурного слоя в последующие периоды обитания. Правда, и в этих условиях удается иногда связать с эпохой неолита некоторые очаги (Соозеро I).

На озерах разнотипные материалы залегали в основном в одних и тех же условиях и даже в одном слое, за исключением нескольких поселений. Так, например, на поселении Вис I почти вся керамика с ямочно-гребенчатым орнаментом была найдена в пойменных отложениях глинистого сапропеля над 1-м висским торфяником, иногда на значительном удалении от суходола [Буров, 1967б].

На Явроне I, как отмечает исследователь, ямочно-гребенчатая керамика встречалась чаще и лучше сохранилась в шурфах, заложённых в нижней части склона террасы [Буров, 1974].

Единичные и малочисленные находки неолитического облика встречались иногда и на более высоких террасах (Приозерный, Осиново, Сойга I), являясь, очевидно, остатками кратковременных стоянок.

В заключение следует отметить, что памятники с ямчатой керамикой по топографии, характеру и распределению культурных остатков больше напоминают мезолитические стоянки. Поселения с ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной керамикой в большинстве своем свидетельствуют о более оседлом и длительном обитании. Доказательством тому служат увеличившиеся площади поселений, мощность и выраженность культурного слоя, наличие жилых и хозяйственных объектов, большее количество и разнообразие инвентаря.

4.2. Классификация неолитической керамики

Определяющая роль в выявлении археологических культур, их развития и взаимодействия во времени и пространстве, особенно при недостатке на сегодня однослойных надежно исследованных памятников и данных естественных наук, отводится сравнительному анализу вещественных остатков материальной культуры и прежде всего керамики как самого массового и чувствительного материала.

Решение этих общих вопросов возможно на базе систематизации керамики, что делает сопоставимой глиняную посуду как отдельных поселений, так и более крупных районов. Кроме того, классификация керамики позволяет, учитывая специфику большинства памятников данного региона (многократность и длительность обитания, стратиграфическая нерасчлененность разновременного инвентаря, длительность бытования многих типов каменных орудий), в какой-то мере расчленить материалы на комплексы, соответствующие этапам обитания на поселениях и в итоге — наметить этапы заселения региона в целом.

Как и любая другая систематизация, классификация керамики имеет два уровня исследования: 1 — выделение и систематизация признаков, 2 — анализ кон-

кретного материала с учетом этих признаков. Керамика характеризуется двумя большими группами признаков: морфолого-технологическими и орнаментальными (декоративными). Морфолого-технологические признаки более устойчивы (консервативны), но при изучении генезиса той или иной культуры они имеют ничуть не меньшее значение, чем орнаментальные. Так, например, появление заметных изменений в технологии изготовления посуды вряд ли может быть объяснено только заимствованиями; скорее всего, оно наводит на мысль о более тесных контактах или даже о приходе нового населения.

Морфолого-технологические признаки группируются следующим образом:

1) признаки, отражающие форму сосудов: размеры и пропорции, форма венчиков и днищ, характер профилировки стенок и их толщина;

2) признаки, характеризующие технологию приготовления материала: способы формовки, состав глиняного теста и количество примесей (отошителей), качество обжига;

3) признаки, характеризующие способы обработки внешней и внутренней поверхности: заглаживание различными предметами, лощение, подкраска.

Информативность морфолого-технологических признаков потенциально достаточно велика, но привлечение их для качественного и количественного анализа керамики пока очень ограничено, что объясняется целым рядом причин. Так, например, реконструкция формы сосудов зависит от степени исследованности памятника и сохранности материалов, уровня камеральной обработки. Для более точной характеристики состава глиняного теста и обжига необходимы специальные исследования. Характер поверхности и цвет очень часто меняются в зависимости от условий залегания керамики. Из-за отсутствия достаточного количества данных количественный анализ можно было провести лишь по некоторым признакам.

В группе признаков, характеризующих форму сосудов, более подробно были проанализированы венчики сосудов (рис. 82), так как реконструированные сосуды единичны, а днища сохраняются очень редко. По профилировке венчиков (степени их изгиба), отражающей в какой-то мере степень прикрытости сосудов и профилировку стенок, выделены три группы: венчики, вогнутые внутрь, прямые и отогнутые наружу. Вогнутые внутрь венчики обычно бывают у сосудов полуяйцевидной формы с прикрытым горлом и выпуклыми стенками. Прямые венчики — у сосудов митровидной формы с прямыми или почти прямыми стенками. Отогнутые венчики могут быть и у тех и у других сосудов. По форме венчики подразделяются на венчики без утолщения и с утолщением. Каждый из этих вариантов имеет множество разновидностей по характеру оформления среза и форме утолщения. При этом вогнутые и прямые венчики варьируют по данным признакам примерно одинаково.

Венчики без утолщения: вогнутые и прямые венчики: 1 — с прямым горизонтально уплощенным срезом; 2 — со слабо скошенным внутрь срезом; 3 — с сильно скошенным внутрь срезом; 4 — с двойным срезом, горизонтальным и скошенным внутрь; 5 — с двойным встречным срезом (внутри и наружу). Венчики с утолщением: 6 — с плавным незначительным утолщением к краю, срез горизонтально уплощен или слегка скошен внутрь (рис. 82, 6; 102, 1, 2); 7 — с утолщением подтреугольной формы различных пропорций, срез, заметно скошенный внутрь сосуда, прямой или слегка скругленный (рис. 82, 7; 102, 4–6); 8 — с утолщением в виде низкого карниза подтреугольных очертаний (рис. 82, 8; 117, 6–7); 9 — с утолщением в виде высокого горизонтального карниза с внутренней стороны, срез горизонтальный или слегка скошенный внутрь (рис. 82, 9; 110, 5); 10 — утолщение в виде наплыва, срез, как правило, сильно скошен внутрь (рис. 82, 10; 126, 9–13). Венчики, отогнутые наружу. Без утолщения: 11 — с горизонтальным прямым срезом (рис. 82, 11; 135, 7; 91, 1, 2, 4); 12 — с плавно скошенным внутрь срезом (рис. 82, 12; 128, 5–6); 13 — с симметрично суженным скругленным срезом (рис. 82, 13; 135, 12–13). С утолщением: 14 — срез венчика округлый, утолщение слабо выступает наружу (рис. 82, 14; 135, 14); 15 — венчик утолщенный, с округлым срезом и отворотом наружу (рис. 82, 15; 128, 7); 16 —

венчик с карнизообразным утолщением с наружной стороны (рис. 82, 16; 128, 8).

Некоторые особенности наметились при анализе толщины стенок сосудов. При подсчетах эти различия оказались практически незаметны. Причиной этого, как выяснилось при сравнении обломков одних и тех же сосудов на некоторых памятниках, явились существенные перепады толщины стенок различных частей сосуда, составляющие иногда около 0,5 см. Тем не менее этот факт можно рассматривать в качестве одной из особенностей керамики этих комплексов (Висс II и суходольный комплекс Вис I).

В группе технологических признаков сравнивалась встречаемость различных примесей. Визуально были выделены четыре основные их разновидности: дресва крупная, в незначительном количестве, иногда практически невидимая в изломе; дресва мелкая, обильная, иногда с большим количеством слюды, а в ряде случаев, возможно, песок; шамот и смешанная примесь дресвы и шамота (рис. 83).

В остальных случаях констатировалось наличие или отсутствие тех или иных характеристик.

Анализ орнамента сосудов состоит из нескольких этапов, соответствующих анализу отдельных составляющих орнамент компонентов. Таковыми являются элементы, мотивы, композиции. Эти основные понятия используются во всех областях декоративно-прикладного искусства, но зачастую несут, в силу большого разнообразия техники выполнения узоров и материалов, различную изобразительную и структурную нагрузку. Нет единства и должной унификации при описании керамики и в работах археологов. Поэтому целесообразно уточнить, что в данной работе подразумевается под каждым из этих терминов.

Элемент орнамента — самый простой исходный компонент орнамента. С точки зрения способа нанесения, элемент в большинстве случаев соответствует единичному оттиску или вдавлению орнамента.

Мотив — более сложный по структуре компонент орнамента, представляет собой горизонтальные, вертикальные, диагональные пояса или фигуры, образованные из отдельных элементов (простые мотивы) или их простых сочетаний (сложные мотивы).

Термин «орнамент» используется применительно к целому сосуду.

Композиция — отражает структуру орнамента, характер взаимосвязи составляющих его компонентов (элементов и мотивов). На практике приходится иметь дело чаще всего с фрагментами композиции.

В качестве дополнительного термина при описании композиции орнаментальная зона используется в трех конкретных случаях: 1) — для обозначения сочетания нескольких одинаковых мотивов; 2) — для обозначения сочетания нескольких различных мотивов, каким-либо образом выделенных в общей композиции; 3) — для обозначения неорнаментированных участков (неорнаментированная зона).

При выделении признаков, названий тех или иных компонентов орнамента мы старались использовать разработки других исследователей, особенно соседних

территорий [Калинина, 1974; 1979; 1981; Ошибкина, 1978].

При количественном анализе встречаемости тех или иных выделенных признаков керамики различных памятников подсчеты проводились по количеству сосудов, а не фрагментов. Этому предшествовал разбор керамических материалов по сосудам с учетом имеющих венчиков и по другим признакам морфолого-технологического и орнаментального характера. В силу количественной неравнозначности коллекций степень характерности (встречаемость) тех или иных признаков оценивалась не числовыми показателями, а условно выделенными на их основе относительными критериями: 1) характерные, часто встречающиеся признаки; 2) характерные, но реже встречающиеся признаки; 3) единичные или редко встречающиеся, не характерные признаки. Для сравнения приведены и выраженные графически числовые данные по некоторым наиболее характерным комплексам (рис. 83—84, 87—90).

Элементы орнамента

Всего выделено 20 элементов орнамента как основных единиц для количественного анализа (рис. 85, 86). Каждый из них имеет большое число разновидностей, отличающихся некоторыми менее значимыми деталями.

Гребенчатые и имитирующие их элементы.

1. Прямозубый гребенчатый (оттиски прямозубого гребенчатого штампа). Варьируют по длине и ширине, но заметно преобладает оттиск средней длины и ширины (1,0—3,0 см; 0,15—0,3 см). Многочисленны разновидности по форме зубчиков (рис. 85, 1; 97; 103).

2. Прямозубый широкий элемент с овальными короткими зубчиками, ширина оттиска более 0,3 см (рис. 85, 2; 99, 8).

3. Пунктирный элемент («пунктирная гребенка»). Оттиск, как правило, длинный с четкими зубчиками прямоугольно-удлиненной формы (рис. 85, 3; 95; 96).

4. Косозубый узкий гребенчатый элемент. Оттиск обычно длинный шириной до 0,15 см, поверхностно нанесенный (рис. 85, 4; 108, 13—14).

5. Косозубый длинный (до 6—8 см), среднеширокий (0,15—0,3 см). Варьирует по форме зубчиков, их количеству и степени скоса (рис. 85, 5; 118).

6. Косозубый гребенчатый средней длины и ширины (рис. 85, 6; 131, 8—10).

7. Косозубый короткий. Длина оттиска около 1 см, ширина — более 0,3 см. Встречаются разновидности по форме и длине зубчиков, степени скругленности концов. Иногда оттиск имеет почти овальные очертания (рис. 85, 7; 115; 119, 4).

8. Угловой гребенчатый элемент: выполнен углом гребенчатого штампа (рис. 85, 8; 124, 1—5; 125, 9).

9. Овально-зубчатый элемент. Иногда называется гусеничным, челночковым. Оттиски имеют овальные очертания и характеризуются различной зубчатой насечкой: прямозубой, косозубой, ромбической, зигзагообразной, рамчатой. Преобладают первые три разновидности (рис. 85, 9; 115, 4—6; 118, 3, 10, 12).

10. Специфический элемент, имитирующий гребенчатый оттиск, но выполнен, возможно, не штампом, а посредством отдельных наколов (тычков) палочкой или лопаточкой (рис. 85, 10; 99, 3, 9).

11. Веревоочный элемент (оттиски палочки с намотанной веревочкой). Встречаются варианты: а) одновитковый, б) многовитковый перекрестный (рис. 85, 11; 113, 9—13; 114, 1—3).

12. Фигурнозубчатый элемент, фигурные оттиски различных очертаний получались в результате постановки гребенчатого штампа под углом или от различных штампов (рис. 85, 12; 114, 7).

13. Гладкий элемент — оттиск гладкого штампа, в качестве которого использовалась, например, плоская галька (рис. 85, 13; 98, 6, 7, 11).

14. Круглая глубокая коническая ямка. В большинстве случаев таким ямкам на внутренней стороне поверхности сосудов соответствует бугорок. Орнамент — круглая приостренная косточка или палочка (рис. 85, 14; 97).

15. Круглая цилиндрическая ямка средней глубины с округлым дном. Бугорки на внутренней стороне поверхности сосудов отсутствуют или слабо заметны (рис. 85, 15; 115, 131).

16. Овальная ямка средней глубины, варьирует по пропорциям (рис. 85, 16; 100; 127).

Ямчато-накольчатые вдавления.

17. Округло-ямчатые элементы. Поверхностные вдавления диаметром 0,3—0,4 см (рис. 85, 17; 91, 1; 93, 3—9).

18. Ямчатые вдавления неопределенных очертаний. Способ выполнения тот же (рис. 85, 18; 91, 1; 93, 3—9).

19. Накольчатый элемент каплевидной формы. Орнамент — косточка или палочка. Способ нанесения — накалывание под углом к поверхности сосуда (тычок) (рис. 85, 19; 91, 2).

20. Элементы подтреугольных и подчетыреугольных очертаний. Они наносились палочкой или лопаточкой под углом к поверхности.

Мотивы орнамента

Своеобразие орнаментальным мотивам придают не только составляющие их элементы, но и способ их выполнения и компоновки, а также ориентация мотивов на поверхности сосудов. Поэтому количество мотивов определяется произведением способов компоновки элементов (схема мотива) на их количество. Таким образом выделено свыше 90 мотивов. Поскольку встречаемость элементов исследуется отдельно, то при анализе на уровне мотивов основное внимание уделялось технике их выполнения, то есть способу компоновки составляющих элементов — схеме. Тем самым выделено 23 схемы мотивов (рис. 86—88).

1. Горизонтальный опоясывающий мотив из наклонных единичных оттисков штампа (рис. 86, 1; 107, 4, 10).

2. Горизонтальный мотив из плотно поставленных наклонных оттисков штампа. Напоминает тесьму, осо-

бенно если выполнен короткими или овальными гребенчатыми элементами (рис. 86, 2; 115, 7—8).

3. Горизонтальный мотив из вертикальных оттисков штампа, как правило, косозубого гребенчатого (рис. 86, 3; 118, 8—11).

4. Горизонтальный мотив проташенной или прокатанной гребенки (рис. 86, 4; 134, 8—9).

5. Горизонтальный мотив «шагающей гребенки» (рис. 86, 5; 127, 1—3; 130, 8).

6. Горизонтальный сплошной поясок, гребенчатый или гладкий (рис. 86, 6; 97, 8).

7. Горизонтальный поясок из отдельных оттисков штампа (рис. 86, 7; 101, 1).

8. Диагональный мотив из горизонтальных оттисков — гребенчатая «лесенка» (рис. 86, 8).

9. Мотив «уточки» выполнен оттисками гребенчатого штампа (рис. 86, 9).

10. Веерный мотив. Выполнен расходящимися из одной точки гребенчатыми элементами (рис. 86, 10; 132, 4).

11. Мотив заштрихованного ромба оконтурен и заполнен гребенчатыми элементами. Образует горизонтальную зону «плетенки» или поясок из стыкующихся ромбов (рис. 86, 11; 132, 3).

12. Горизонтальный мотив из вдавлений, ямочных или ямчато-накольчатых (рис. 86, 12; 91; 93, 2—3; 95, 3, 5; 97).

13. Диагональный мотив из вдавлений (рис. 86, 13; 93, 4, 6; 95, 5).

14. Горизонтальный зигзаг (рис. 86, 14; 131, 12).

15. Мотив треугольника, заполненного вдавлениями. Образует зону из стыкующихся треугольников (рис. 86, 15; 95, 1).

16. Горизонтальный мотив «отступающей палочки» (лопаточки) (рис. 86, 16; 98, 8, 10).

17. Мотив из ямок на концах наклонных оттисков гребенчатого или гладкого штампов. Образует горизонтальные одно-, двух- или трехрядные зоны (рис. 86, 17; 100).

18. Мотив горизонтального гребенчатого пояса с нанесенными поверх него («нанизанными») ямками (рис. 86, 18; 117, 3; 120).

19. Горизонтальный зигзаг с ямками в углах (рис. 86, 19; 98, 1—5).

20. Мотив горизонтальной елочки: простой или «со стеблем» (рис. 86, 20; 96, 1, 4).

21. Вертикальный зигзаг (рис. 86, 21).

22. Ромбическая сетка с ямками в углах. Образует зоны различной ширины (рис. 86, 22; 98, 4, 7).

23. Валик оттиснутый (не налепной) (рис. 86, 23; 91, 3; 94, 3—5).

Композиции

На практике чаще всего мы имеем дело с обломками сосудов, и следовательно, лишь с фрагментами композиции их орнамента, по которым далеко не всегда можно представить орнамент в целом. Потому на этом уровне возникли определенные трудности: подсчеты встречаемости определенных сочетаний мотивов по

фрагментам керамики не выявили заметных различий, хотя визуально они были очевидными. По всей вероятности, различия сгладнились в силу различной степени фрагментированности сосудов и различного количества их на поселениях. Поэтому были выделены несколько общих признаков, характеризующих орнамент и его композицию, по которым и сравнивалась керамика, а конкретные сочетания мотивов максимально разнообразно представлены в иллюстрациях.

1. Сплошное густое заполнение орнаментального поля.

2. Разреженность орнамента (по вертикали) равномерная (рис. 91—94).

3. Наличие в орнаменте четко выраженных неорнаментированных зон (рис. 111, 2—3; 119, 4; 134, 1, 3).

4. Композиция представляет собой горизонтальное чередование мотивов или зон.

5. Наличие вертикальных или диагональных мотивов или зон.

6. Композиция ритмичная: ритмичное чередование мотивов или зон.

7. Зонально-ритмичные композиции: ритмично чередуются мотивы на части поверхности сосуда (рис. 117, 7).

8. Неритмичные композиции: закономерности в чередовании мотивов не выявляются (рис. 122, 17; 127, 3).

9. Одномотивная композиция (рис. 97, 1, 2).

10. Двухмотивная композиция (рис. 103, 3—6).

11. Трех- и более мотивные композиции (рис. 100, 1, 10).

При оценке разнообразия узоров (9, 10, 11) не учитывались мотивы, выделяющие особо венчики или днища.

12. Нанесение одних элементов и мотивов поверх других (рис. 116; 124; 131—132).

13. Орнаментальное выделение венчика (бордюрной зоны) мотивами, не характерными для остальной поверхности сосуда (рис. 96; 117; 123; 130).

14. Наличие орнамента по срезу венчика.

При классификации керамики на современном этапе изученности неолитических памятников мы отказались от такого таксонометрического подразделения, как «тип керамики», хотя оно широко использовалось Г. М. Буровым при систематизации керамики данной территории. В целом понятие «тип керамики» используется в археологической литературе далеко не однозначно, то есть несет различную смысловую нагрузку. Иногда тип соответствует керамике одной археологической культуры (керамика льяловского или балахинского типа), хотя в рамках этих культур она не всегда характеризуется устойчивым сочетанием признаков. Нередко тип керамики соответствует целой этнокультурной области (керамика волго-окского или волго-камского типа и т. д.), а в ряде случаев тип керамики выражен по своеобразному комплексу одного памятника (керамика котчищенского типа). Этот вопрос нуждается в специальных теоретических разработках и уточнениях.

Большая часть неолитической керамики рассматриваемой территории характеризуется гибридными чертами как в орнаменте, так и в технологии. Некото-

рые устойчивые сочетания признаков только намечаются и нуждаются в подтверждении на более широкой источниковедческой базе. Поэтому представляется правомерным подразделение керамики по типу орнаментации и отдельно по морфолого-технологическим характеристикам.

В основу выделения типов орнаментации были положены элементы орнамента как основные исходные компоненты. По преобладанию тех или иных групп элементов они получили свое название. Дополнительно они характеризуются по способу компоновки элементов, то есть мотивами и композициями.

А — ямочный тип орнаментации: орнамент состоит исключительно из ямочных элементов¹.

Б — гребенчатый тип орнаментации: при орнаментации использованы только гребенчатые и имитирующие их элементы в различном сочетании. Этот тип орнаментации представлен двумя вариантами.

В — ямчатый тип орнаментации: орнамент состоит из ямчатых и накольчатых элементов.

АВ — ямочно-гребенчатый тип орнаментации; в орнаменте использованы ямочные и гребенчатые элементы с преобладанием первых. Наметились два варианта этого типа орнаментации.

БА — гребенчато-ямочный тип орнаментации: преобладающими являются гребенчатые элементы. Представлен также в двух вариантах.

ВВ — гребенчато-ямчатый тип орнаментации.

АВВ — ямочно-гребенчатый тип орнаментации с использованием ямчато-накольчатых элементов.

ВГ — ямчато-валиковый тип орнаментации: наряду с ямчатыми вдавлениями для украшения использовались валики.

Варианты орнаментации наметились при рассмотрении конкретных керамических комплексов. При анализе керамики прежде всего однослойных поселений и более или менее надежных комплексов выяснилось, что она представлена сосудами с различными типами орнаментации в том или ином сочетании. На этом основании были выделены три группы керамики как более крупные таксономические подразделения, сочетавшие в той или иной мере устойчивые орнаментальные и технологические характеристики. Не исключено, что в ходе дальнейших исследований каждая из трех групп распадется на несколько самостоятельных или удастся выделить типы керамики с устойчивым сочетанием признаков.

Первая группа керамики представлена сосудами с ямчатым (В), гребенчато-ямчатым (ВВ) и ямчато-валиковым (ВГ) типами орнаментации.

Ямчатый тип орнаментации встречается на всех памятниках с керамикой первой группы (однослойные: Прилуцкая, Вонгода I, Черноборская III; многослойные: Явроньга I, Вис I, II, Синдорское озеро I).

Преобладающими элементами являются ямчатые вдавления различных очертаний: неглубокие округлые, подтреугольные, неопределенных очертаний, а также наколы каплевидной формы. Они скомпонованы в го-

ризонтальные ряды или образуют диагональные перекрещивающиеся мотивы, крупные зигзаги. Иногда встречаются неширокие зоны, выполненные этими элементами, нанесенными в шахматном порядке. К числу единичных относятся зоны из треугольников, заполненных наколами (рис. 91—95).

Орнамент сильно разреженный. Иногда элементы нанесены по срезу или ребру венчика. Об остальных его особенностях судить трудно из-за сильной фрагментированности.

Гребенчато-ямчатый тип орнаментации встречается только на сосудах первого комплекса Эньты I и одном фрагменте с Явроньги I. Все орнаментальные мотивы горизонтальные и образованы наклонными или вертикальными оттисками гребенчатых штампов, преимущественно длинных пунктирных и узких косозубых. В композициях они являются основными. Разделительную роль играют мотивы или неширокие зоны из горизонтальных оттисков тех же штампов или ямчатых элементов (рис. 95, 1—4). К числу единичных мотивов относятся ромбическая сетка без ямок; горизонтальный гребенчатый зигзаг с маленькими ямками в углах (встречается исключительно по венчику сосуда); горизонтальная елочка и вертикальный зигзаг (рис. 95, 2; 96).

Композиционными особенностями орнамента на посуде с Эньты I являются: густое заполнение орнаментального поля, чаще встречающееся украшение среза венчика и выделение венчика мотивами, нехарактерными для остальной поверхности сосудов (горизонтальный зигзаг с ямками или проколами в углах или нанесенными поверх гребенчатого узора). Чередование мотивов — ритмичное или зонально-ритмичное. В единичных случаях встречаются вертикально-зональные композиции.

Сосуды с ямчато-валиковой орнаментацией встречаются в основном на поселениях Вис I, II и представлены единичным экземпляром на Прилуцкой стоянке. Валики горизонтальные, оттиснутые, а не налепные, расположены в большинстве случаев в верхней части сосудов. Дополнительным украшением являлись различные ямчатые вдавления и наколы, которые наносились на валик, ребро венчика и днища, а также на остальную поверхность сосуда. Мотивы горизонтальные или диагональные. Орнамент разреженный.

В морфологии и технологии изготовления керамики, наряду с общими чертами, выявились особенности, присущие только сосудам с определенным типом орнаментации. Сосуды в большинстве случаев имеют довольно крупные размеры, полуяйцевидную форму со слегка прикрытым горлом, слабовыпуклыми или почти прямыми стенками. Встречаются округлые, приостренные, а в единичных случаях уплощенные днища. Венчики — прямые, слегка вогнутые внутрь или отогнутые наружу, без утолщений, имеют горизонтально уплощенный, иногда слегка скошенный внутрь срез. В единичных случаях отмечается приостренно-скругленная форма венчика. Толщина стенок сосудов на При-

¹ Буквенные обозначения введены для таблиц.

лульской, Вонгоде I, Явроньге I колеблется от 1,0 до 1,5 см, а на остальных стоянках — от 0,6 до 1,0 см.

В глиняном тесте сосудов с ямчатым орнаментом, как правило, преобладает примесь сравнительно крупных зерен шамота. В тесте сосудов с Эньты I встречается смешанная примесь дресвы с шамотом, а иногда только дресва (рис. 83).

Поверхность посуды чаще всего красновато-коричневого или желтовато-коричневого цвета, хорошо заглажена ровным предметом, в некоторых случаях подложена с подкраской. На стоянке Прилуцкая найдена плоская сланцевая галька овальной формы с хорошо заметными царапинами, забитыми глинисто-охристой крошкой (рис. 66, 4). Очевидно, этот предмет служил для заглаживания поверхности сосудов. На висских поселениях чаще встречаются фрагменты серого, иногда почти черного цвета. В качестве еще одной особенности этой керамики следует отметить незначительное ее количество на большинстве стоянок, исключая Эньты I, сильную фрагментированность, трещиноватость поверхности на большую глубину. По-видимому, причина отчасти кроется в плохом качестве глиняного теста или обжига, хотя в изломах обжиг выглядит равномерным.

Подводя итог характеристике керамики первой группы, следует отметить несомненное ее сходство на различных, порой значительно удаленных друг от друга, стоянках. Оно проявляется как в технологии, так и в орнаменте: элементы орнамента, одинаковые с изобразительной точки зрения и по способу их выполнения, сходство мотивов и композиций, разреженность орнаментального поля.

При более детальном рассмотрении становятся заметными отличия в керамике различных стоянок. Более близкими выглядят сосуды стоянок Прилуцкой, Вонгоды I, Явроньги I, Черноборской III. Они имеют очень похожий внешний вид, степень сохранности, характер теста, обработку и цвет поверхности, идентичные элементы, мотивы и композиции орнамента.

На висских памятниках идентичны предыдущим лишь единичные фрагменты (рис. 94, 1, 4). Остальные отличаются более плотным тестом, меньшей толщиной стенок, другим цветом поверхности, заметной профилировкой стенок верхней части сосудов, наличием в орнаменте большинства сосудов одного или нескольких валиков, расположенных в верхней их части (рис. 93, 3—5; 94, 2, 5). С другой стороны, нельзя не отметить наличие валика на одном из сосудов стоянки Прилуцкой (рис. 91, 3), хотя он заметно отличается от валиков на висской посуде расплывчатыми скругленными очертаниями и расположен по тулову, а не по горлу сосуда. Близкой является и манера нанесения ямчатых вдавлений на валик и ребро венчика.

Более своеобразным выглядит комплекс керамики Эньты I. Прежде всего, это наличие гребенчатых мотивов и густое заполнение орнаментального поля, более разнообразные и сложные композиции. При этом сосуды с ямчатой орнаментацией характеризуются теми же признаками, что и посуда стоянок Прилуцкой и Черноборской III. Керамика этого комплекса выглядит

гибридной как по орнаменту, так и по технологии приготовления теста и отражает, видимо, смешение различных традиций. Пока это единственный на данной территории памятник с керамикой такого облика. Не исключено, что с открытием новых стоянок с такой керамикой они будут выделены в самостоятельную группу.

Совпадение многих признаков керамики первой группы на всех памятниках и перекрестное — на некоторых из них свидетельствует об одной или близких традициях в ее изготовлении. Тем не менее выявленные существенные различия вызывают сомнения в одновременности бытования различных памятников и общности их происхождения.

Вторая группа керамики представлена сосудами с ямочным (А), ямочно-гребенчатым (АБ) и ямочно-гребенчатым с использованием ямчато-накольчатых элементов (АБВ) типами орнаментации. Существенно преобладает ямочно-гребенчатый орнамент. Остальные типы представлены в меньшем количестве (рис. 90).

Сосуды с ямочным типом орнаментации встречены не на всех памятниках. Основу композиции их орнамента составляют горизонтальные мотивы из ямок, нанесенные чаще всего в шахматном порядке. Преобладают круглые конические глубокие ямки с соответствующими им бугорками на внутренней поверхности сосуда (рис. 103, 1, 2). Цилиндрические, менее глубокие ямки встречаются очень редко, иногда мотивы из ямок образуют неширокие горизонтальные зоны, разделенные зонами без орнамента (рис. 111, 2, 3, 5, 6). В большинстве случаев орнамент характеризуется сплошным густым заполнением орнаментального поля. Композиции всегда ритмичны. Орнаментальное выделение венчика в целом не характерно, но иногда встречаются сосуды с неорнаментированным краем венчика (рис. 111, 3, 6).

Для украшения сосудов с ямочно-гребенчатым типом орнаментации почти в равной степени использовались ямочные и различные гребенчатые и имитирующие их элементы. Среди первых преобладают кругло-конические ямки, они встречаются в орнаменте всех сосудов. Характерными являются овальные ямки, которые не заменяют круглоконические, а используются вместе с ними, образуя аналогичные мотивы или неширокие зоны (рис. 100, 3, 6—10). Реже и не на всех памятниках встречаются цилиндрические неглубокие ямки.

Среди гребенчатых преобладают оттиски прямоугольного штампа средней длины и ширины. Характерными, но реже встречающимися являются широкие с короткими овальными зубчиками, а также оттиски перевиной веревочки и гладкого штампа (рис. 84, 85). Все они образуют горизонтально-опоясывающие мотивы из наклонных, реже — горизонтальных оттисков (рис. 86—88). Характерными для этой группы сосудов являются сложные мотивы (ямки, «наколотые» на оттиск штампа; горизонтальный зигзаг с ямками в углах; ромбическая сетка с ямками в перекрестьях), образующие горизонтальные зоны, чаще однорядные, реже —

двух- или трехрядные. Остальные элементы и мотивы встречаются очень редко, единичны и в целом для этой группы не характерны.

Орнамент покрывает всю поверхность сосуда и примерно у 20—30 % посуды расположен по срезу венчика. Неорнаментированные зоны встречаются редко. Композиции ритмичные или зонально-ритмичные, если состоят более чем из трех различных мотивов, что встречается довольно часто; орнаментальное выделение венчика и нанесение одних элементов и мотивов поверх других для них не характерно.

На некоторых сосудах, наряду с ямочно-гребенчатыми элементами, широко используются элементы и мотивы, выполненные в технике накола. На этом основании был выделен самостоятельный тип орнаментации (АБВ), так как он придает своеобразие керамике второй группы, при этом следует сразу же отметить, что они не идентичны элементам на керамике первой группы с ямчатым орнаментом. Совпадает лишь способ нанесения элементов: вдавления косточкой или палочкой, поставленной под углом к поверхности. Мотивы же, образованные этими элементами, как бы имитируют гребенчатые и ямочные и вместе с ними образуют общие композиции. К их числу относятся своеобразные гребенчато-накольчатые элементы с округлыми, овальными, каплевидными, подтреугольными зубчиками, имитирующие гребенчатые оттиски (рис. 99, 3, 6, 9; 105, 7—9; 107, 7—8). Характерными можно считать горизонтальные мотивы из единичных наколов, нанесенных перпендикулярно направлению мотива, а также выполненных в технике отступающей лопаточки (рис. 98, 8—10; 99, 2, 4; 100; 111, 8—10). В композициях эти мотивы во всех случаях встречаются вместе с ямочными и гребенчатыми, существенно разнообразя орнамент. Едиными являются и морфолого-технологические характеристики, поэтому, на наш взгляд, нет оснований для выделения этих сосудов в самостоятельную группу, как это делает В. Е. Лузгин [Лузгин, 1973а].

На всех поселениях с керамикой второй группы представлены все перечисленные типы орнаментации, но в различном количественном соотношении (рис. 90). В целом вторую группу можно назвать керамикой с ямочно-гребенчатым орнаментом.

В группе керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом на всех памятниках преобладают сосуды крупных размеров с диаметром по венчику от 30 до 50 см, полуяйцевидной, реже митровидной формы с приостренными или округлыми днищами. Значительно чаще встречаются венчики, вогнутые внутрь, реже — прямые. Почти в равной степени представлены венчики с утолщениями и без утолщений (рис. 82). По форме преобладают срезанные горизонтально или слегка скошенные внутрь венчики со слабым или подтреугольным утолщением края с внутренней стороны. Лишь в единичных случаях встречаются венчики с небольшим утолщением в виде отворота с наружной стороны (Явроньга I, Пижма II).

Подавляющее большинство сосудов этой группы независимо от типа орнаментации имеют толстые

стенки — 9,0—1,5 см. Несколько менее толстостенными выглядят сосуды с поселения Явроньга I, Пижма I, II, Сойга I. Глиняное тесто обычно очень плотное, тяжелое. Доминирует примесь довольно крупной дресвы с преобладанием зерен кварца. Количество ее незначительно, иногда примесь вообще не видна в изломе. Такой характер теста отмечается для большинства сосудов поселений Ружникова, Вис I (пойменный комплекс), Вис III. На остальных поселениях (Пижма I, Пижма II, Явроньга I) в тесте несколько чаще встречается мелкая дресва или песок.

Обжиг сравнительно равномерный. Лишь иногда и не на всех памятниках встречаются двуслойные или трехслойные в изломе фрагменты.

Цвет поверхности сосудов и характер ее обработки неодинаков на различных поселениях. Например, на Ружникова преобладает посуда красновато-коричневого и желтовато-коричневого цвета с хорошо заглаженной, а у 30 % сосудов — подлощенной до блеска поверхностью. На близлежащих памятниках Тимана — Пижма II, Пижма I — керамика серого или серовато-коричневого цвета. Поверхность сосудов хорошо заглажена (без лощения), но не выглядит гладкой из-за проступающей примеси. Керамика пойменного комплекса поселения Вис I имеет серый, иногда белесый цвет в силу залегания в постоянно влажном слое оливково-серого глинистого сапропеля, заполнившего все мельчайшие ее поры. Это послужило одним из первых хорошо заметных признаков для выделения этой керамики как самостоятельного комплекса, что впоследствии подтвердилось при сравнении ее по всем прочим признакам.

Таким образом, технологические характеристики выглядят сравнительно едиными у сосудов с различными типами орнамента на одних и тех же поселениях, что подтверждает справедливость объединения их в одну группу. Наряду с этим отмечены некоторые особенности технологии на посуде различных памятников.

Керамика второй группы составляет подавляющее большинство в неолитических комплексах на поселениях Северного Тимана: Ружникова, Кыско, Алексахина (рис. 97—100; 102; 115). Наиболее близка ей керамика пойменного комплекса Вис I на Синдорском озере (рис. 103—106), большая часть посуды комплексов Явроньга I (рис. 111—112), Пинежское озеро IV, VI, Клоново 2, Половники II (бассейн Северной Двины, Пинеги и Вычегды). Она составляет около половины всей неолитической керамики на поселениях Пижма I, II (рис. 122), Вис III (рис. 107, 1—6); представлена единичными сосудами на суходоле Вис I и Вис II, на поселениях Энты IV, Сандибей-ю 8, Кыстырью, а также на Мишь-Ваньской стоянке. В орнаменте посуды с поселений нижнего течения Северной Двины и Беломорья (Галдаря I, Лавля, Бык, Кудьмозеро) чаще встречается ямочный орнамент, и вообще роль ямок в ямочно-гребенчатых композициях значительно выше. Отсутствуют мотивы отступающей лопаточки.

В ряде комплексов в небольшом количестве встречается керамика с ямочно-гребенчатым орнаментом второго варианта. Отличие ее от охарактеризованной

ранее проявляется в следующем. В группе ямочных элементов преобладают неглубокие конические или цилиндрические ямки без бугорков на внутренней поверхности. Среди гребенчатых элементов доминируют оттиски коротких, нередко косозубых штампов, плотно поставленных друг к другу. Композиции довольно просты и образованы чередованием поясков или нешироких зон из ямок с гребенчатыми мотивами. Более сложные мотивы единичны или отсутствуют. Отмечается равномерная или зональная разреженность орнамента по вертикали. Выявляются отличия и в технологии изготовления. Преобладают сосуды митровидной формы с прямыми стенками и приостренными днищами. Венчики — прямые или отогнутые наружу с прямым, скругленным или скошенным внутрь срезом. Иногда встречается небольшое утолщение в виде отворота наружу (рис. 82). Толщина стенок меньше, чем у предыдущей керамики, — от 0,6 до 1,0 см. В тесте — обильная примесь мелкой дресвы, иногда с большим количеством слюды, на некоторых памятниках встречается песок.

Роль и место такой керамики пока не до конца ясны и, видимо, неодинаковы на различных территориях. В бассейне Северной Двины она встречается в очень небольшом количестве и более органично сливается с остальной керамикой с ямочно-гребенчатым орнаментом. На более восточных поселениях эта керамика встречается чаще и преимущественно там, где есть комплексы с гребенчато-ямочной керамикой (Явроньга I, Пижма II и Вис III). Не исключено, что в этих случаях она составляет с последней один комплекс. Иногда эта керамика представляет собой самостоятельный комплекс, отражающий определенный этап обитания на поселении, например, на суходолах Вис I и Вис II. Здесь она довольно многочисленна и более выразительна орнаментально и технологически (рис. 115; 131, 1—7, 11). По всей вероятности, такая керамика отражает в какой-то мере тенденции развития во времени посуды с ямочно-гребенчатым орнаментом. Не исключается при этом воздействие со стороны других культурных традиций.

Третья группа керамики.

В состав этой группы входят сосуды с различными типами орнаментации: гребенчатым (Б) — в двух вариантах; гребенчато-ямочным (БА) — в двух вариантах. Преобладает в комплексах гребенчато-ямочный орнамент (рис. 90).

Сосуды с гребенчатым орнаментом характеризуются наличием исключительно гребенчатых элементов. По особенностям изобразительно-композиционного характера выделены два варианта гребенчатой орнаментации.

В орнаменте сосудов первого варианта преобладают длинные узкие или среднеширокие оттиски косозубого штампа, нанесенные поверхностно, со слабым наклоном или вертикально, ширина мотивов (исследователями камской керамики они называются зонами) колеблется примерно от 4 до 9 см. Они вплотную стыкуются, создавая впечатление очень густого орнамента. Эффект разделения между мотивами получается путем

более сильного вдавления одного из концов штампа либо за счет различного наклона элементов соседних мотивов. Иногда роль разделителей играют мотивы, выполненные углом штампа, либо нанесенные с сильным наклоном или горизонтально более короткие гребенчатые элементы. Композиции простые, чаще всего ритмичные и построены на чередовании одного или двух мотивов. Венчик нередко выделен пояском из угловых элементов или ямками, нанесенными поверх горизонтального гребенчатого мотива. Встречаются сосуды, единственным украшением которых является поясок по венчику из угловых элементов.

Такая керамика найдена на средневычегодских поселениях: второй комплекс Эньты I, Эньты III (рис. 117, 1—6; 118, 8—9), Вад [Королев, 1984] а также на Печорской стоянке (рис. 120); кроме того, она типологически выделена на поселениях Вис I (рис. 124; 125, 9, 10). При этом следует отметить некоторые различия в керамике перечисленных памятников. В орнаменте средневычегодских поселений и Печорской стоянки используется более длинный гребенчатый элемент и ни разу не встречен мотив «шагающей» гребенки. Чаще встречается нанесение одних элементов поверх других. Особо заметны различия в форме сосудов и технологии приготовления теста. Сосуды с висских поселений более толстостенны, прикрытой яйцевидной формы с выпуклыми стенками и округло-приостренными днищами, венчики имеют утолщение в виде наплыва с внутренней стороны (рис. 126, 9—13). В тесте — примесь крупных зерен шамота. Обжиг неравномерный. Внешняя поверхность хорошо подлощена, зачастую с подкраской. На средневычегодских поселениях только один фрагмент, найденный в жилище Эньты I, полностью идентичен вышеописанной керамике. Остальные сосуды имеют более открытую форму, близкую к митровидной, прямые или слегка выпуклые стенки. Венчики срезаны прямо, иногда с небольшим скосом внутрь. Встречаются утолщения с внутренней стороны в виде подтреугольного карниза. В тесте — примесь более мелкого шамота, иногда с добавлением дресвы или песка. Поверхность хорошо заглажена, но без лощения.

Теснейшим образом с гребенчатой керамикой первого варианта связана гребенчато-ямочная керамика первого варианта. Она встречается на тех же памятниках в тех же условиях и отличается от вышеописанной несколько большей ролью ямок в орнаменте. Горизонтальные мотивы из ямок выполняют роль разделителей. Они редко встречаются по тулову сосуда, но в некоторых случаях полностью украшают дно или нанесены поверх гребенчатого узора в верхней части сосудов. Ямки глубокие, конические, с бугорками на внутренней поверхности (рис. 117; 118; 120). Несколько чаще встречаются горизонтальные мотивы из коротких, плотно скомпонованных гребенчатых косозубых, реже фигурнозубых элементов. Зоны из таких мотивов разделены рядами редко нанесенных ямок. Композиции равномерно разрежены по вертикали (рис. 118, 5; 121). Отмечается некоторое сходство по-

следних с керамикой с ямочно-гребенчатой орнаментацией (вариант 2).

В целом керамика средневычегодских памятников выглядит гибридной. Однако смешение орнаментальных традиций — гребенчатой и ямочно-гребенчатой — проявляется в различной степени на различных памятниках и даже в комплексах различных жилищ на одном памятнике (Эньты III), что, возможно, свидетельствует о некоторой разновременности последних. Так, например, на этом поселении комплекс керамики в жилище 1 выглядит по орнаменту более гребенчатым, чем в жилище 2. Особенно интересна в этом отношении керамика с соседнего поселения Эньты IV (рис. 119). Здесь, наряду с сосудами с гребенчатой орнаментацией, представлены сосуды с ямочно-гребенчатым орнаментом, почти идентичные второй группе керамики. В их орнаменте хорошо представлены ямочные элементы, зигзаг с ямками в углах, ромбическая сетка, мотивы отступающей лопаточки. Композиции также полностью аналогичны ямочно-гребенчатой керамике (рис. 119, 1—3).

Наряду с этим встречаются сосуды, в орнаменте которых органически переплетаются те и другие традиции. На наш взгляд, близкими чертами характеризуется комплекс из двух сосудов одного из жилищ поселения Кыстырью на Мезени [Стоколос, 1977. Рис. 2], где орнамент одного сосуда в большей степени тяготеет к гребенчатым орнаментальным традициям, а другого — к ямочно-гребенчатым.

Гибридные черты проявляются и в технологии: нивелируется форма сосудов и оформление венчика, в тесте наряду с шамотом чаще встречается дресва или песок.

Еще большая степень смешения традиций наблюдается в керамике более северных памятников — суходольных комплексов Вис I, II, связанных с жилищами; частично на Пижме I, II (рис. 127; 130—135)². В орнаменте этой керамики (гребенчато-ямочная, вариант 2) можно найти все элементы и мотивы, характерные для ямочно-гребенчатой и гребенчатой керамики. Причем в большинстве случаев в украшении одних и тех же сосудов довольно часто встречаются ямочные элементы, округлые и овальные, глубокие и поверхностные, образующие разделительные мотивы и неширокие зоны. В сочетании с гребенчатыми элементами они образуют мотивы, характерные для ямочно-гребенчатой керамики (гребенчатый отгиск с ямками на концах, зигзаг и ромбическая сетка с ямками в перекрестьях), а также могут быть нанесены поверх гребенчатого узора или орнаментально выделять венчик, что не характерно для керамики второй группы.

Особенно разнообразно выглядят гребенчатые элементы — прямозубые и косозубые (преобладают) различной длины и ширины. Увеличивается роль всевозможных оттисков овальных очертаний с различной зубчатой нарезкой, а также фигурнозубых элементов. Иногда на одном сосуде можно наблюдать оттиски

более чем трех различных штампов, в том числе прямозубого и косозубого. Разнообразными являются и мотивы. Преобладают среди них пояса из наклонных или вертикальных, реже — горизонтальных элементов. Отмечается более частое использование мотива шагающей гребенки с различной шириной «шага», горизонтальной елочкой, проташенного гребенчатого штампа. В единичных случаях встречаются такие мотивы, как «уточки», заштрихованные стыкующиеся ромбы, веерный. На одних сосудах встречаются довольно простые композиции, представляющие собой чередование не более чем двух мотивов. В ряде же случаев композиции настолько многомотивные, что уловить какую-либо закономерность практически не удается. Такие сосуды очень сложно реконструировать.

При всей гибридности орнамента следует отметить заметное преобладание гребенчатых элементов. Это подтверждается еще и тем, что по условиям залегания с гребенчато-ямочной керамикой сочетается часть посуды с гребенчатой орнаментацией (вариант 2). В отличие от первого варианта, в орнаменте ее представлены более разнообразные гребенчатые элементы. Оттиски становятся значительно короче и шире. Чаще встречается шагающая гребенка, иногда проташенный гребенчатый штамп (мотив, на наш взгляд, сравнительно более позднего происхождения). Орнамент выглядит более разреженным, иногда встречаются неширокие неорнаментированные зоны. Композиции просты и в большинстве случаев ритмичны. Почти не встречается орнаментальное выделение венчика и орнамент по его срезу. Часть такой посуды, по всей вероятности, входит в один комплекс с гребенчато-ямочной керамикой, а часть относится к более позднему времени, эпохе энеолита. Более точно расчленить ее на комплексы пока не представляется возможным.

Морфолого-технологические характеристики гребенчато-ямочной и гребенчатой керамики (вариант орнаментации 2) являются столь же разнообразными, как и орнамент. Наряду с сосудами полуяйцевидной формы с закрытым горлом, увеличивается количество сосудов с выпуклыми или прямыми стенками, округлым дном и слегка отогнутым венчиком. Столь же разнообразно оформление венчика (рис. 82; 126; 128; 135). Отмечается заметный перепад толщины стенок как у различных сосудов, так и у одних и тех же: толщина стенок горла и дна может быть тоньше, чем тулова, и наоборот. В тесте встречается примесь мелкого шамота, дресвы, песка или смешанная примесь. В ряде случаев визуально установить примесь довольно сложно. Иногда тесто выглядит слоисто-спрессованным, что не исключает наличия органических примесей. Характер обработки поверхности разнообразный: доминирует хорошее заглаживание, иногда подлощенность с подкраской. Однако характер поверхности во многом определяется примесями: например, при обильной добавке песка или мелкой дресвы даже хорошо обработанная поверхность выглядит шероховатой. Цвет фрагментов различный — от почти черного до красновато-коричневого. Возможно, в дальнейшем при изу-

² В работе использованы материалы только предварительного исследования памятника.

чении керамики, найденной в одинаковых условиях залегания, следовало бы обратить большее внимание на этот признак как способствующий более детальному расчленению смешанных материалов на комплексы.

Подводя итог анализу керамики третьей группы, следует подчеркнуть ее гибридный характер. Точнее, ее можно назвать керамикой с преобладанием гребенчато-ямочных традиций в орнаменте. Особенности ее на отдельных памятниках, проявляющиеся в различной степени слияния культурных традиций, отражают степень контактов между носителями этих традиций на различных территориях и во времени. Помимо перечисленных ранее памятников, где такая керамика преобладает, следует назвать еще несколько поселений, где она представлена в меньшем количестве и, очевидно, не составляет самостоятельных комплексов: Явроньга I, Вис III, Кыско, Шренк Ярей, Сойга I, Ненкса-Сопки.

Таким образом, выделенные три группы керамики отражают различные орнаментально-технологические традиции, при этом различия между ними не равнозначны.

В большей степени обособленно выглядит керамика первой группы с ямчатой, гребенчато-ямчатой и ямчато-валиковой орнаментацией. Только комплекс поселения Эньты I в какой-то мере может быть сопоставим с гребенчатой керамикой третьей группы.

Иные результаты дает сравнение керамики второй и третьей групп. При анализе встречаемости керамики этих групп на конкретных памятниках выяснилось, что на подавляющем большинстве поселений есть и та и другая керамика, но в различном количественном соотношении. На одних поселениях (Ружникова, Кыско, Алексахина, пойменный комплекс Вис I, Явроньга I,

Клоново I, II, Соозеро I, Половники II, Пинежское озеро IV, VI, Бык, Лавля, Галдарея I и некоторые другие) керамика с ямочно-гребенчатыми традициями в орнаменте представлена в чистом виде или существенно преобладает, на других доминирует гребенчатая и гребенчато-ямочная керамика. Влияние ямочно-гребенчатых орнаментальных традиций заметно, но незначительно. К ним относятся средневычегодские поселения Эньты I (второй комплекс), Эньты II, Вад, а также Печорская стоянка.

На некоторых поселениях та и другая керамика представлена почти в одинаковом количестве. С учетом условий залегания и общности технологических характеристик разделять ее на два самостоятельных комплекса существенных оснований нет. Это дополнительно подтверждается наличием посуды с отчетливо выраженным гибридным характером орнамента, когда на одних и тех же сосудах органично сливаются те и другие орнаментальные традиции. К таким памятникам можно отнести поселения Пижма II, I, Вис III, Кыстырью, Эньты IV. Более гибридной выглядит керамика жилищных комплексов поселений Вис I, Вис II. Таким образом, вторая и третья группы керамики значительно ближе друг другу. Более того, наблюдается интенсивный процесс слияния различных орнаментальных традиций. Скорее всего, это объясняется не только тесными контактами между их носителями, но и, в какой-то мере, смешением населения в силу обитания его на одной территории и в одно время. Степень слияния орнаментально-технологических традиций, наблюдаемого в керамике конкретных поселений, по всей вероятности, можно рассматривать как показатель их относительной хронологии.

4.3. Анализ каменного инвентаря стоянок с ямчатой, гребенчато-ямчатой и ямчато-валиковой керамикой

Еще в процессе исследования синдорских поселений Г. М. Буров высказал предположение о возможной связи ямчатой керамики (тогда валиковой) с кремнем красно-коричневого цвета, заметно отличающегося от цвета кремня более ранних и более поздних комплексов. Это предположение подтвердилось при исследовании стоянок Прилукской и Вонгоды I на Северной Двине, где каменные изделия из этого своеобразного коричневатого-желтого, красно-коричневого и красного кремня зернистой на вид структуры составляют подавляющее большинство. При последующем анализе сырья на поселении Явроньга I выяснилось, что изделия и отходы из такого кремня составляют 42 % от всего разновременного кремня. Это послужило дополнительным показателем для вычленения комплекса кремневых изделий, сопутствующего ямчатой керамике.

Судя по характеру отходов, среди которых много экземпляров с участками корки довольно крупных размеров, можно предположить, что исходным сырьем служили крупные конкреции, возможно, плитчатый кремень с толстой известковой коркой. Увязать его с

конкретными сырьевыми источниками пока не удалось. Скорее всего, он местного происхождения, так как часто встречается в обломках на бечевниках Северной Двины и ее притоков и широко представлен на памятниках эпохи раннего металла.

На стоянках Черноборская III и Эньты I (первый комплекс) использовался другой кремень — серый различных оттенков, желтый и пестрый (яшмовидный).

Стадии первичного расщепления кремня на стоянках представлены недостаточно. Нуклеусы малочисленны или расколоты. По обломкам трудно определить их первоначальную форму и характер скалывания. Наиболее часто среди них встречаются аморфные (рис. 68, 5). В отличие от мезолитических, они не являются заготовками, а предназначены для снятия отщепов и пластинчатых отщепов. Ко второму типу относятся представленные обломками нуклеусы приближенно призматической формы, одно- или двухплощадочные (вторая площадка, как правило, не сохранилась) с негативами снятия широких пластин или пластинчатых отщепов (рис. 68, 2). На стоянке Прилукская были найдены два призматических двухпло-

щадочных нуклеуса укороченных пропорций (высота превышала ширину только в 1,5 раза) с негативами от снятия пластин шириной от 1,0 до 1,3 см (рис. 66, 3). Нуклеусы, как и большая часть инвентаря, на этой стоянке сильно пострадали от огня и рассыпались на множество мелких осколков. Тем не менее пластины в инвентаре играют существенную роль, хотя большая их часть заметно отличается от пластин с мезолитических стоянок, особенно более ранних. Во-первых, среди них много экземпляров с неровными краями и неправильным ограничением спинки, нередко изогнутых в профиль; во-вторых, они более крупных размеров, преобладающими являются заготовки шириной 1,0—1,5 см — на Прилукской стоянке и Вонгоде I; 1,6—2,0 см — на Черноборской III и 1,0—2,5 см — на Эньты I (рис. 57, а). Микропластины на всех стоянках единичны, кроме Вонгоды I, где они составляют около 12 %. Пластины шире 2 см представлены на всех стоянках, а на Эньты I даже преобладают (33 %).

Естественно, что более массивные, не всегда правильной формы пластины требовали дополнительной подправки рабочего края. Поэтому не случайным является возрастание роли вторичной обработки пропорционально увеличению ширины пластин. На стоянке Вонгода I несколько чаще использовались пластины без обработки, а на Черноборской III и Эньты I большинство из них были предварительно ретушированы. На Прилукской стоянке пластины с ретушью и пластины со следами сработанности представлены почти в одинаковом количестве (рис. 58).

Как и на мезолитических стоянках, использовался прием рассечения пластин и вычленения наиболее ровных их участков (рис. 57, б).

В общей массе инвентаря пластины и изделия из них уступают другим заготовкам, составляя на Прилукской — 33,7 %, на Вонгоде I — 32,3 %, на Черноборской III — 27,0 %, на Эньты I — 12,3 % (рис. 54).

Тем не менее орудия на пластинах заметно преобладают на Прилукской и Вонгоде I, составляя, соответственно, 62,2 и 64,4 % от общего числа орудий (рис. 56). Кроме того, степень использования пластин для производства орудий значительно выше: неиспользованные пластины составляют всего 20,0 и 13,7 % от общего их количества, в то время как прочие неиспользованные заготовки — 62,7 и 63,0 %.

Набор орудий на пластинах на этих стоянках значительно разнообразнее изделий на прочих типах заготовок. Поэтому можно говорить о преобладании пластинчатой техники на стоянках Прилукская и Вонгода I.

На Черноборской III и Эньты I (первый комплекс) изделия на пластинах уступают орудиям из других заготовок, составляя всего 38 и 26 % от общего числа орудий. Доминируют орудия на пластинчатых отщепах и отщепках. На Черноборской III они представлены, соответственно, 31,6 и 20,7 %, а на Эньты I — 52,2 и 19,0 % от общего количества орудий (рис. 54). Таким образом, на этих памятниках для производства орудий чаще всего использовались пластинчатые отщепы.

Стоянка Черноборская III занимает в ряду этих памятников промежуточное место.

Орудия представлены теми же категориями, что и на мезолитических стоянках, но типы их более многочисленны, в силу использования разнообразных заготовок и большей роли вторичной обработки.

Резущие орудия. Орудия этой категории на памятниках с ямчатой керамикой, по сравнению с мезолитическими, характеризуются более выраженными морфологическими чертами, что позволяет некоторые из них назвать ножами.

I. 1. Пластины с ретушью или следами сработанности по одному или двум краям. Обработка носит как регулярный, так и нерегулярный характер.

2. Ножи на массивных широких пластинах. Лезвия обработаны по всему краю или частично, у острия. Ретушь пологая, иногда далеко заходящая на спинку (рис. 62, 3—7; 67, 15—17, 19; 69, 1—8). У некоторых экземпляров намечается обушковая часть, обработанная более крутой ретушью, нередко со стороны брюшка.

3. Ножи с выделенным черенком (рукоятью) на пластинах. Обработка лезвия аналогична предыдущему типу. Черенок оформлен по-разному:

а) посредством скоса этой части пластины в правую или левую сторону;

б) путем сужения его и обработки более крутой ретушью (рис. 62, 1, 2, 9, 11).

4. Ножи удлинненно-треугольной формы на пластинах с обработкой:

а) по всему периметру краевой полукрутой или пологой ретушью (рис. 72, 16);

б) по двум длинным краям противоположащей ретушью, причем с брюшка ретушь, как правило, более крутая, образующая обушковый край (рис. 69, 14).

II. 1. Ножи овальные на пластинчатых отщепах с обработкой:

а) по всему периметру краевой односторонней ретушью, исключая небольшой участок у бугорка (рис. 69, 9, 13);

б) частичной односторонней по краям и острию (рис. 72, 11—15);

в) частичной противоположащей ретушью, с брюшка в некоторых случаях более крутой (рис. 69, 9—12).

2. Ножи-резаки на отщепах подчетыреугольной или овальной формы, двусторонне обработанные крупными сколами по всей поверхности и мелкой ретушью по одному из краев. Представлены только обломками на Эньты I (рис. 72, 21, 22).

3. Отщепы с мелкой краевой ретушью или следами сработанности на одном из участков края.

Геометрические вкладыши. Геометрические микролиты найдены на стоянках Прилукская (2 экз.) и Эньты I (свыше 300 экз.). По материалам первого комплекса Эньты I Э. С. Логиновой проведена детальная их систематизация [Логинова, 1978. Табл. 3], выделены две группы — на сечениях пластин и на отщепах. Наличие микролитов на отщепах является существенной специфической особенностью памятников данной территории.

По форме вкладыши подразделяются на следующие типы: трапеции, треугольники, прямоугольники, параллелограммы и аморфные микролиты. Они варьируются по пропорциям: низкие, средние (средневысокие), высокие и очень высокие. Преобладают средневысокие и высокие трапеции.

Микролиты различаются также по количеству ретушированных краев. Среди трапеций преобладают экземпляры с обработкой по двум боковым (торцевым) краям. Значительно реже встречаются трапеции с одним ретушированным краем, как правило, боковым. Вкладыши остальных типов обработаны чаще всего по одному торцевому краю. Ретушь крутая (80—90°) с преобладающим наклоном в сторону спинки.

Функциональное назначение геометрических микролитов, по-видимому, различное. Некоторые экземпляры трапециевидной и треугольной формы использовались, по всей вероятности, в качестве наконечников стрел. Наличие следов сработанности на неретушированных краях (крае) позволяет предположить использование некоторых микролитов как вкладышей составных режущих орудий.

Резцы. Категория представлена единичными экземплярами на Вонгоде I, Черноборской, Явронье I:

1. Угловые на широкой массивной пластине или отщепе.

2. Срединные на отщепе.

Наконечники стрел. Большое количество найдено на Черноборской III (39 экз.), встречаются наконечники на Прилукской и Вонгоде I.

1. Листовидные обоюдоострые с односторонней или частичной двусторонней обработкой (рис. 67, 18; 70, 1—7).

2. Листовидные с усеченным основанием. Характер обработки аналогичен первому типу (рис. 63, 1—4, 7; 70, 8—10, 19).

3. Листовидные с черешком, слабо выделенным более крутой ретушью: обработка неполная двусторонняя (рис. 63, 6; 70, 11—14).

Все наконечники варьируются по форме поперечного сечения: а) равносторонний треугольник; б) высокий сегмент; в) низкий сегмент.

По характеру расположения ретуши подразделяются:

а) односторонняя обработка со стороны спинки;

б) полная обработка спинки и частичная (у остря и насада) — с брюшка;

в) частичная со стороны спинки и брюшка.

Острия-перфораторы (сверла, проколки, остря).

1. На пластинах и отщепах неустойчивой формы с выделенным мелкой ретушью острым концом. Предполагаемое функциональное назначение — проколки (рис. 72, 1, 3, 5; 63, 5).

2. Острия симметричные с плечиками и острым рабочим концом, выделенным односторонней или противоположающей крутой ретушью (рис. 72, 4, 6).

3. Острия на пластинах, пластинчатых отщепах с рабочим концом, не всегда заостренным, выделенным двусторонней или противоположающей крутой ретушью, поперечное сечение рабочего конца подтреугольное

или ромбовидное. Острия встречаются в двух вариантах: а) симметричные с плечиками, б) асимметричные с одним плечиком. Предполагаемое функциональное назначение — сверла.

4. Острия на массивных пластинах или пластинчатых отщепах, часто с изогнутым профилем и приостренным ретушью рабочим концом. Предположительно использовались в качестве проколки или резчиков (рис. 67, 16, 17; 69, 3, 4).

Скребки I. 1. Концевые на пластинах:

а) правильных, укороченных пропорций (рис. 67, 21—22);

б) массивных, не всегда правильных пропорций.

2. Концевые-боковые на пластинах. Варианты по характеру заготовок аналогичны первому типу.

II. 1. Концевые на пластинчатых отщепах с различным очертанием лезвия: а) выпуклым; б) слабовыпуклым; в) прямым; г) прямым, круторетушированным с выступом посередине.

2. Смежнолезвийные (концевые-боковые) на пластинчатых отщепах подтреугольной или трапециевидной формы. Лезвие: а) прямое; б) слабовыпуклое (рис. 64, 9; 67, 20; 71, 7; 74, 9—12).

3. Скребки с выделенным насадом, как правило, на пластинчатых отщепах или отщепах подтреугольной или трапециевидной формы; насад выделен: а) путем приострения; б) посредством встречных круторетушированных выемок (рис. 64, 11—13; 74, 6, 13).

4. Скребки подчетыреугольной формы с высокой спинкой, однолезвийные. Лезвие выпуклое или слабовыпуклое. Заготовкой служили массивные отщепы, нередко с галечной коркой (рис. 65, 1—9; 71, 10, 11).

5. Скребки стрельчатые с клювовидным профилем на массивных отщепах с высокой спинкой или на поперечных сколах. Спинка обработана полностью или почти полностью крупными радиальными сколами. Лезвие дополнительно подправлено мелкой ретушью (рис. 64, 14—16).

6. Скребки подчетыреугольной формы на пластинчатых отщепах с тщательной обработкой по всему периметру — единичны (рис. 74, 15).

7. Скребки однолезвийные на отщепах случайной формы.

Скобели.

1. Пластины с выемчатым краем. Встречаются на всех стоянках, кроме Эньты I.

2. Отщепы с выемчатым краем (на всех стоянках).

3. Отщепы с прямым или слабоогнутым лезвием, обработанным со стороны брюшка полукрутой ретушью (рис. 67, 23, 24).

Долотовидные орудия отсутствуют.

Рубящие орудия.

1. Тесла подчетыреугольной или трапециевидной в плане формы, плоские, двусторонне обработанные крупными сколами или пикетажем.

2. Тесловидные орудия подокруглых очертаний, плоские, двусторонне обработанные (рис. 72, 23).

3. Тесла четырехугольной формы, укороченных пропорций, плоские, тщательно отшлифованные по всей поверхности; поперечное сечение в виде шести-

угольника (рис. 66, 2). По форме напоминают тесла и топоры оленеостровского типа [Панкрушев, 1978. Прил. V: Рис. 1, 2], но отличаются от них двусторонним шлифованием.

4. Топоры трапециевидной формы, асимметричные, плоские, двусторонне шлифованные. Материал — сланец (рис. 66, 1).

Камнеобрабатывающие орудия.

1. Ретушеры и отбойники в виде овальных галек или массивных сколов аморфных очертаний с забитостью на конце (концах).

2. Шлифовальные бруски и их обломки.

На стоянке Прилуцкая найдено ложило для керамики в виде очень плоской широкой сланцевой плитки с многочисленными линейными следами (царапинами), забитыми глинистыми включениями с охрой (рис. 66, 4).

Комбинированные орудия встречаются несколько реже, чем на мезолитических стоянках, составляя на Вонгоде I и Прилуцкой примерно 3,5 %, а на Черноборской III и Эньты I — 2—3 % от всех орудий. Судя по характеру обработки, предполагаются следующие их комбинации: ножи-скребки, ножи-скобели, проколки-ножи, сверла-скобели, скребки-скобели.

Подводя некоторые итоги сравнительному анализу каменного инвентаря стоянок с ямчатой и гребенчато-ямчатой керамикой, следует отметить следующие его общие черты. Сочетание пластинчатой и отщеповой техники, укрупненный характер пластинчатой индустрии, преобладание краевой ретуши как основного приема вторичной обработки, незначительная роль техники резцового скола, появление орудий с частичной или сплошной одно- и двусторонней обработкой ретушью. В наборе орудий сохранение целого ряда мезолитических типов орудий и распространение некоторых новых: наконечников стрел и дротиков, ножей на пластинчатых отщепах и отщепах и резчиков. Отмечается большое разнообразие изделий на непластинчатых типах заготовок. По особенностям инвентаря выделяются северодвинские стоянки Прилуцкая, Вонгода I и Яврньга I (типологически выделенный комплекс). Они характеризуются развитой пластинчатой индустрией. Орудия на пластинах заметно преобладают и более разнообразны. В обработке их использовалась в основном краевая ретушь. Плоская параллельная встречается эпизодически, только при обработке наконечников стрел. Индустрия этих памятников сохраняет многие мезолитические черты, но не идентична даже самым поздним мезолитическим

комплексам. Отличия сводятся к следующему: более укрупненный характер пластинчатой индустрии, уменьшение количества сечений пластин, большая роль вторичной обработки, тщательная обработка рубящих орудий полным двусторонним шлифованием. Исчезают резцы. На смену им приходят резчики на изогнутых приостренных пластинах. Появляются новые типы наконечников стрел, в том числе на отщепах и сколах. Увеличивается количество ножей и скребков, которые становятся морфологически более выразительными и разнообразными благодаря использованию различных типов заготовок.

Стоянки Черноборская III и Эньты I (первый комплекс) характеризуются преобладанием техники отщепа с преимущественным использованием пластинчатых отщепов. Орудия на пластинах становятся сравнительно редкими, резко уменьшается и количество сечений-вкладышей; повышается роль вторичной обработки, которая становится формообразующей. Появляются в небольшом количестве изделия с двусторонней обработкой. Еще более возрастает число орудий на отщепах. Все эти признаки свидетельствуют об упадке пластинчатой техники, что в еще большей степени, чем северодвинские комплексы, отличает их от мезолитических. При всех выявленных отличиях этих групп памятников нельзя не отметить перекрестное совпадение многих признаков, что отмечалось и при сравнении керамики. Так, например, почти идентичные наконечники стрел встречаются на Прилуцкой, Вонгоде и Черноборской III. Близкие типы ножей — на Эньты I, Прилуцкой и Черноборской стоянках. Геометрические микролиты (трапеции) нехарактерных для местного мезолита типов — на Эньты I и Прилуцкой. Совпадают также многие типы скребков и скобелей. Эти факты позволяют объединить указанные памятники в одну группу. Группировка стоянок по особенностям каменного инвентаря совпадает с отличиями, выявленными ранее при сравнении керамики.

В заключение отметим, что в целом инвентарь этих стоянок можно назвать охотничьим. По всей вероятности, охота была преобладающим видом хозяйственной деятельности их населения. Не противоречат этому характер самих памятников и их топография, во многом близкие мезолитическим стоянкам, а также многочисленные находки кальцинированных фрагментов костей северного оленя и лося, отмечавшиеся почти на всех стоянках.

4.4. Характеристика каменного инвентаря поселений с ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной керамикой

Как уже отмечалось, подавляющее большинство памятников с ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной керамикой расположено в пунктах многократного заселения в различные эпохи. В этих условиях выделение соответствующих комплексов каменного инвентаря из общей массы смешанного разновременного материала — задача значительно более сложная, чем

выделение керамики. В любом случае, эти комплексы будут далеко не полными и не исключают ошибок.

Однослойные памятники очень редки, не равнозначны по количеству инвентаря или еще исследуются. Следовательно, материалы их не введены полностью в научный оборот. По этим причинам в работе пришлось

ограничиться лишь формально-типологическим сравнением инвентаря.

Преобладающим в производстве орудий был, как и в предыдущих случаях, кремнь самого различного цвета и качества. Если источники его были поблизости от стоянки, то на ее площади встречается большое количество расколотого кремня и отходов, значительно превышающее количество готовых изделий (Половники II). В ряде случаев отмечается незначительное количество отходов и продуктов первичного расщепления, что свидетельствует об осуществлении его предположительно у источников сырья (Клоново I, III, Соозеро I). Однако систематизировать памятники по этим показателям пока не представляется возможным, как и представить все стадии расщепления кремня и наиболее характерные типы нуклеусов. Можно лишь отметить, что наиболее часто на однослойных поселениях встречаются аморфные нуклеусы с несколькими площадками, форма которых во многом определялась характером используемого сырья. Значительно реже встречались подпризматические одно- или двухплощадочные нуклеусы с негативами от снятия отщепов или широких неправильных пластин.

О характере и преобладании той или иной техники свидетельствуют прежде всего сами орудия, которые мы попытались систематизировать.

Режущие орудия. Большая часть изделий этой категории морфологически выражена, что достигалось посредством вторичной обработки. Реже использовалась естественная форма заготовки. Для производства ножей употреблялись различные типы заготовок: пластины, пластинчатые отщепы, отщепы и краевые сколы.

I. 1. Ножи на широких пластинах, однолезвийные или двухлезвийные. Выделяются варианты по форме оформления конца лезвия:

- а) с округленным концом;
- б) с приостренным концом;
- в) с необработанным концом, представляющим естественный конец или слом заготовки.

По способу оформления насада выделены варианты без черенка и с черенком, оформленным ретушью или сколами (рис. 75, 2—4). По характеру обработки отмечаются следующие варианты:

- а) краевая ретушь, сплошная или частичная, односторонняя, двусторонняя или противоположная;
- б) плоская параллельная ретушь, заходящая в той или иной мере на спинку заготовки (рис. 42, 6—9).

II. 1. Ножи приближенно овальных очертаний на пластинчатых отщепах или отщепах:

- а) однолезвийные;
- б) двухлезвийные.

Обработка — краевая ретушь.

2. Ножи обушковые на заготовках удлиненной формы. Обушок выделен посредством сколов, напоминающих резцовые на всю длину заготовки, или более крутой ретушью (рис. 42, 11—12; 75, 6—7). Обработка: а) краевая ретушь; б) двусторонняя: частичная или сплошная (рис. 76, 7). Двусторонне обработанные формы представлены в основном в комплексах с гребен-

чато-ямочной керамикой поселений Вис I, II и часто встречаются на памятниках эпохи ранней бронзы.

3. Ножи удлиненно-листовидной формы, двусторонне обработанные (рис. 76, 8). Этот тип ножей в рамках неолита, очевидно, имеет более позднее происхождение, так как наибольшее распространение получает на памятниках ранней бронзы.

4. Сегментовидные ножи. Они имеют одно выпуклое и одно почти прямое лезвие. Встречаются симметричные формы и несимметричные, у которых один конец приострен более, чем другой. Они варьируют по размерам и пропорциям, а также по степени и характеру обработки:

- а) краевая ретушь только по выпуклому лезвию;
- б) краевая ретушь по всему периметру; при этом иногда прямой край обработан более крутой ретушью, являясь, очевидно, обушком;
- в) сплошная или почти сплошная двусторонняя обработка плоской ретушью.

Один из ножей такого типа имеет выделенный насад (рис. 75, 15). Этот тип ножей является характерным для всей территории и встречается в комплексах как с ямочно-гребенчатой, так и с гребенчато-ямочной и гребенчатой керамикой (рис. 75, 9—15; 76, 15).

5. Ножи серповидной формы. Варьируют по размерам, пропорциям и некоторым деталям формы: степени изогнутости, приостренности конца и уплощенности. Варианты выделены по характеру и степени обработки:

- а) краевая ретушь по одному из лезвий;
- б) краевая ретушь по двум лезвиям;
- в) двусторонняя частичная обработка, наиболее тщательная у острия.

Преобладает пологая или полукрутая ретушь. Иногда она меняется на одном и том же лезвии. Скорее всего, этот тип ножа относится к полифункциональным орудиям. Они чаще встречаются на более поздних памятниках, особенно в эпоху ранней бронзы.

6. Угловые ножи на плоских отщепах или пластинчатых отщепах. Одно из лезвий слегка вогнутое и может быть концевым (рис. 76, 2, 3) или боковым (рис. 76, 1, 3, а). Характер обработки — краевая относительно пологая ретушь. Однако встречаются экземпляры, у которых одно из лезвий обработано полукрутой ретушью. Не случайно иногда этот тип изделий относят к категории скребков. Как и изделия предыдущего типа, эти орудия служили, видимо, для выполнения нескольких операций.

III. 1. Особую группу составляют лезвия-вкладыши различных геометрических форм: треугольные, прямоугольные, трапециевидные с вогнутыми краями. Они характеризуются небольшими размерами и очень тщательной двусторонней обработкой (рис. 76, 11—12). На однослойных памятниках они не найдены ни разу, поэтому не исключается датировка их более поздним временем.

2. Частыми и повсеместными находками являются режущие орудия на плоских отщепах случайной формы с участками пологой краевой ретуши.

Резцы. Категория представлена редкими экземплярами и далеко не на всех стоянках. Несколько чаще они встречаются на средневычегодских неолитических поселениях с гребенчато-ямочной и гребенчатой керамикой (второй комплекс Эньты I, Эньты III). Среди них преобладают изделия на углу заготовки (пластины или отщепа).

Столь же редкой категорией орудий являются сечения-вкладыши, преимущественно короткие. В небольшом количестве они встречаются на всех поселениях, но чаще, как и резцы, — на средневычегодских памятниках с гребенчато-ямочной и гребенчатой керамикой. Об использовании их в качестве вкладышей свидетельствует ретушь или сработанность по краю и на углах [Логинова, 1978. Рис. 8, 14—18].

Наконечники стрел. Эта категория представлена всего несколькими типами, но множеством их вариантов по менее значимым деталям формы и обработки.

1. Листовидные обоюдоострые двусторонне обработанные наконечники. Варьируют по размерам и пропорциям. Среди них преобладают наконечники иволистной формы, реже встречаются наконечники укороченных пропорций и лавролистные. Единичны экземпляры, обработанные только по краям (рис. 78, 4).

2. Ромбические обоюдоострые наконечники. Встречаются варианты с полной двусторонней обработкой (рис. 78, 20—21) и частичной, в основном по периметру (рис. 70, 22, 24). Ромбические наконечники представлены значительно реже и не на всех памятниках.

Редкими типами являются:

3. Листовидно-черешковые двусторонне обработанные наконечники. Черешок в большинстве случаев выделен более крутой ретушью или встречными выемками (рис. 78, 17).

4. Треугольно-черешковые наконечники. Они обработаны частично по периметру со спинки и у острия со стороны брюшка. Черешок выделен крутой ретушью. Среди них встречаются изделия на пластинах (Вад, Клоново II) и на отщепах (Печорская).

Оригинальную группу представляют собой микронаконечники различных типов, не составляющие серий, но повторяющиеся на некоторых памятниках с гребенчато-ямочной и гребенчатой керамикой (Эньты I, III, Печорская). К ним относятся следующие типы:

5. Листовидные с усеченным основанием на плоских отщепах. Характерным для них является плоский скол у их основания, посредством которого снимался ударный бугорок и производилось утончение насада (рис. 78, 3; [Логинова, 1978. Рис. 8, 1, 3]). Обработка — краевая ретушь по всему контуру пера. Один из экземпляров имеет слабовыступающий черешок (рис. 78, 2).

6. Ромбовидные микронаконечники на пластинах или мелких отщепах. Обработка — частичная краевая ретушь, иногда противоположная (рис. 78, 1). Для них также характерен прием утончения основания посредством плоского скола.

Для комплексов с гребенчато-ямочной и гребенчатой керамикой следует отметить большую вариативность наконечников по форме и размерам, а также наличие оригинальных микронаконечников, которые не

отмечались на стоянках с ямочно-гребенчатой керамикой.

Орудия-перфораторы (проколки, сверла, остря). Категория этих изделий по набору конкретных типов изменилась незначительно по сравнению с предыдущими эпохами. Однако следует отметить более частое использование различных непластинчатых типов заготовок и большую роль вторичной обработки в оформлении всего изделия и особенно его рабочего конца.

В качестве проколов, как и раньше, чаще всего использовались отщепа или сколы случайной формы, имеющие острый угол или конец. Иногда жальце выделялось мелкой ретушью (рис. 77, 1—2).

Сверлами, очевидно, служили изделия следующих типов:

1. Сверла подтреугольных очертаний на пластинах и краевых сколах, рабочий конец которых оформлен крутой краевой ретушью, расположенной по одному или двум краям со спинки или брюшка, иногда противоположащей (рис. 77, 3—4).

2. Сверла с выделенными плечиками:

а) симметричные;

б) асимметричные, с одним плечиком (рис. 77, 5—12). Варьируют по характеру обработки аналогично предыдущему типу. Очень часто ретушировались и нерабочие края изделия и, частично, его поверхность.

3. Массивные сверла или провертки на нуклеидных сколах или кусках кремня с округлым или овальным поперечным сечением (рис. 77, 13).

Скребки. Эта категория наиболее трудно вычленима из смешанных разновременных материалов. Большинство типов бытовали на памятниках различных эпох. Более того, своеобразного расцвета в количественном и качественном отношении на данной территории они достигли в эпоху поздней бронзы и раннего железного века. Опираясь на однослойные памятники с ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной керамикой, можно связать следующие типы.

I. 1. Скребки концевые на широких пластинах или их сечениях с прямым или слабовыпуклым лезвием.

2. Скребки смежно-лезвийные (концевые-боковые). Встречаются варианты с двумя или тремя лезвиями.

II. 1. Скребки однолезвийные концевые на пластинчатых отщепах или отщепах правильной треугольной или трапециевидной формы. Лезвие прямое или слабовыпуклое.

2. Скребки смежно-лезвийные (двух- или трехлезвийные) на отщепах правильной формы. Встречаются варианты с округлым лезвием, обработанным конвергентной полукрутой ретушью. Кроме того, смежные углы могут быть скругленными или приостренными.

3. Скребки с высокой спинкой на массивных отщепах или сколах подтреугольных или четырехугольных очертаний. Характерными их особенностями являются клювовидная изогнутость профиля и полная или частичная обработка спинки. Этот тип скребков отмечался на памятниках с ямчатой керамикой (рис. 42, 10—11).

4. Скребки подквадратной формы, обработанные по всему периметру [Королев, 1984. Рис. 8, 10].

Перечисленные типы и варианты скребков не исчерпывают, разумеется, всего многообразия их, использовавшегося на неолитических поселениях. Так, например, предположительным является отнесение к этому периоду различных вариантов подокруглых и округлых скребков, которые часто встречаются в смешанных комплексах. Основное же количество составляют скребки однолезвийные на отщепках случайной формы с концевым расположением лезвия, варьирующие по степени выпуклости лезвия и крутизне его обработки.

Скобели. Преобладающими изделиями этой категории являются отщепы, пластины и краевые сколы с выемчатым краем. Однако уже в неолите появляются морфологически выразительные изделия, которые условно можно назвать ложжарями:

1. Скобели-ложжари подтреугольной или слегка изогнутой формы с высокой спинкой. Обработка — крутая, иногда отвесная ретушь, заходящая на спинку (рис. 77, 16—17).

2. Скобели-ложжари S-видной или клювовидной формы на отщепках и краевых сколах, двухлезвийные или однолезвийные. Ретушь крутая или полукрутая. Близки к ножам серповидной формы, но отличаются большей толщиной заготовки (рис. 77, 14—15, 18, 19).

Изделия этих типов чаще всего встречаются и получают дальнейшее развитие на поселениях эпохи бронзы.

Рубящие орудия. Основное количество изделий этой категории найдено на нестратифицированных памятниках, поэтому могут относиться как к неолиту, так и к более поздним периодам. На однослойных поселениях они редки. Материалом для их изготовления служили различные породы камня: сланец, аргиллит, кремнистая опока. В единичных случаях отмечаются находки кремневых топоров. Формы топоров и тесел часто совпадают, как и характер их поперечного сечения. С неолитическим комплексом можно связать следующие их типы:

1. Трапециевидные топоры с овальным или подчетырёхугольным поперечным сечением. Характер обработки — двусторонняя оббивка и пришлифовка лезвия. Материал — кремль или кремнистый сланец. Встречены пока только на Северной Двине (Клоново III, Ковозеро VI).

2. Топоры и тесла прямоугольной или трапециевидной формы со слабым расширением к лезвию, плоские, с прямоугольным поперечным сечением (рис. 80, 5—6, 10). Материал — сланец или аргиллит. Обработка — двустороннее шлифование.

3. Тесла (реже топоры) подчетырёхугольной формы, с массивным профилем и округло-овальным поперечным сечением. Обух прямой или слегка скругленный. Материал тот же. Обработка — полное или частичное шлифование (рис. 80, 1, 2, 4).

4. Топоры русско-карельского типа (рис. 80, 7—9). Встречаются на всей территории.

5. Узколезвийные топоры подчетырёхугольных очертаний в плане, с округло-овальным поперечным сечением (рис. 80, 3).

Орудия рыболовства. К специализированным орудиям рыболовства можно отнести сланцевые стержни для рыболовных крючков (Клоново II, Вис III). Периодически встречаются грузила, представляющие собой крупные гальки с просверленным в них отверстием или с желобчатым перехватом для привязывания.

Орудия для расщепления кремня и обработки орудий труда представлены отбойниками и ретушерами из галек и нуклевидных обломков, обломками шлифовальных плиток.

В результате сравнительного анализа выявилось большое сходство в каменном инвентаре памятников с ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной керамикой. Оно проявляется не только в преобладании отщепов и прочих непластинчатых типов заготовок над пластинами, но и в одинаковом наборе орудий. Различия незначительны и носят скорее хронологический характер, отражая тенденции развития инвентаря, общие для тех и других памятников. Так например, на поселениях с более чистыми традициями в керамике значительно чаще встречаются пластины и орудия на них, чаще используется при обработке изделий краевая ретушь. На памятниках с более гибридной гребенчато-ямочной керамикой изделия на пластинах встречаются реже и усложняются, возрастает число двусторонне обработанных орудий на непластинчатых типах заготовок, в том числе сложных форм с криволинейными лезвиями (листовидные, сегментовидные, серповидные, угловые ножи и скобели-ложжари). Набор типов почти в каждой категории орудий становится более разнообразным. Таким образом, можно отметить постепенное поступательное развитие каменной индустрии во времени, проявлявшееся, с одной стороны, в большем разнообразии орудийного набора, а с другой стороны, в усложнении и некоторой стандартизации изделий, что достигается главным образом за счет совершенствования приемов вторичной обработки.

Кроме того, следует отметить, что характер каменной индустрии этих памятников заметно отличается от мезолитических комплексов и инвентаря памятников с ямчато-накольчатой керамикой, особенно северо-двинской группы этих стоянок. В сравнении с последними, доля пластин и изделий на них невелика и составляет от 3 до 32 % от общего количества инвентаря (без чешуек). Доминирующими являются широкие и очень широкие пластины, среди которых часто встречаются неправильные и первичные. Становятся редкими или вовсе отсутствуют сечения-вкладыши, что свидетельствует об упадке вкладышевой техники. Существенно преобладающей становится техника изготовления орудий на отщепках и прочих непластинчатых типах заготовок.

Возрастает роль вторичной обработки, совершенствуются и становятся разнообразнее ее способы. Наряду с краевой ретушью широко используются плоская разнофасеточная и параллельная струйчатая ретушь. В связи с этим возрастает число двусторонне обрабо-

танных орудий. Получают дальнейшее развитие способы обработки крупных рубящих орудий, особенно шлифование.

Если бы различия мезолитических и различных неолитических индустрий ограничивались только перечисленными выше признаками, то можно было бы рассматривать развитие инвентаря от мезолита к неолиту как постепенное и непрерывное. При этом памятники чернорборской группы занимали бы промежуточное место. Однако самые заметные и существенные различия отмечаются в наборе орудий. Характерными и преобладающими становятся новые типы наконечников стрел, более разнообразными и морфологически выразительными выглядят скребки, сверла. Вместе с тем почти полностью исчезают вкладыши из пластин и

резцы. Самые заметные изменения наблюдаются в категории режущих орудий и скобелей. Резко увеличивается количество их типов. Появляются и становятся характерными изделия криволинейных форм (сегментовидные, серповидные, угловые ножи и клювовидные скобели-ложкари и т. д.). Все эти особенности могут свидетельствовать, во-первых, об иных культурных традициях, а во-вторых, о новых видах хозяйственно-бытовой деятельности. Так, например, представляется возможным связывать появление новых сложных типов режущих и скобелевидных орудий изогнутой формы с рыболовством, дополнением им служат и специализированные орудия рыболовства, которые ранее почти не встречались.

4.5. Культурная принадлежность, периодизация и хронология неолитических памятников крайнего Европейского Северо-Востока

Сравнительный анализ керамического и каменного инвентаря позволил выделить две группы неолитических памятников:

- 1) стоянки с ямчатой и гребенчато-ямчатой и ямчато-валиковой керамикой;
- 2) поселения с ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной керамикой.

Различия между ними, проявляющиеся во всех сферах материальной культуры, отражают различные традиции и носят, очевидно, культурный характер. Задача определения культурного и хронологического соотношения памятников, с одной стороны, с ямчатой и гребенчато-ямчатой керамикой, с другой — ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной, относится к группе аналогичных проблем, стоящих перед исследователями соседних территорий.

Наиболее сложными представляются вопросы культурной идентификации и периодизации памятников с ямчатой, гребенчато-ямчатой и ямчато-валиковой керамикой. Это проявляется прежде всего в том, что с момента открытия первых памятников с такой посудой (комплексы висских поселений) взгляды на их культурную принадлежность и время бытования неоднократно и существенно менялись. Первоначально висские комплексы с ямчатой керамикой (валиковой) относились Г. М. Буровым к эпохе бронзы [Буров, 1967а]. Открытие В. Е. Лузгиным стоянки Чернорборская III на Ижме и несколько позднее автором данной работы стоянок Прилукская и Вонгода I на Северной Двине, датированных раннеолитическим временем, а также значительное расширение источниковедческой базы на соседних территориях позволило Г. М. Бурову внести существенные изменения в оценку этих материалов. В конечном итоге им была выделена на этой территории чернорборская неолитическая культура, определен период ее бытования — в пределах 4—первой половины 3-го тыс. до н. э., намечены группы памятников, характеризующие различные этапы ее развития [Буров, 1966]. По мнению исследователя, самый ранний этап (явроньгский) представлен комплексом с Явроньги I,

стоянками Чернорборская III и Синдорское озеро II. Ко второму этапу (прилукскому) отнесены стоянки Прилукская, Вис I, а к третьему — комплекс с поселения Вис II. Первые два этапа датированы в пределах 4-го тыс. до н. э., а третий — первой половиной 3-го тыс. до н. э. Стоянка Эньты I (первый комплекс) не включалась в состав чернорборской культуры, а рассматривалась в качестве самостоятельного культурного типа, эньтского, синхронного прилукскому этапу чернорборской культуры. С некоторыми положениями предложенной системы можно согласиться. Например, с общей датировкой этой группы памятников и даже с обособлением стоянки Эньты I, но хронологическая расстановка конкретных памятников вызывает возражения.

Ранее неоднократно отмечалось, что наиболее близкими и по керамике, и по кремневому инвентарю являются памятники северодвинской группы: Прилукская, Вонгода I, Явроньга I. Достаточно близка им по керамике, но отличается по некоторым особенностям кремневого инвентаря стоянка Чернорборская III. Многими исследователями отмечалось заметное сходство этих материалов с ранними памятниками валдайской неолитической культуры (типа Котчище II, Щепочник [Лузгин, 1972; Буров, 1974; Верещагина, 1977б; Гурина, 1975. С. 93]). Позднее в обширном регионе Верхнего Поволжья были открыты многочисленные стратифицированные памятники и выделена верхневолжская раннеолитическая культура, а также намечены ее локальные варианты [Крайнов, Хотинский, Урбан, Молодцова, 1973; Крайнов, Хотинский, 1977]. Происхождение ее генетически связывается с местным мезолитом, а время бытования по палинологическим данным и целой серии радиоуглеродных дат определяется в пределах второй половины 6—начала 4-го тыс. до н. э. [Крайнов, 1986]. Сходство северодвинских памятников с верхневолжскими и валдайскими видится прежде всего в некоторых деталях формы глиняной посуды, наличии приостренных днищ, в использовании шамота в качестве основного отощителя, в характере обработки поверхности сосудов, разреженности орнаментальных

композиций, в использовании похожих элементов: округло-ямчатые мелкие вдавления, наколы (тычки) каплевидной, подтреугольной и различной неопределенной формы. Сходство каменного инвентаря носит довольно общий характер и проявляется в сохранении многих мезолитических традиций, хотя в основе верхневолжской культуры лежали, по-видимому, различные мезолитические традиции: в одних случаях отмечается преобладание пластинчатой индустрии, а в других — отщеповой [Сидоров, 1986]. Правда, следует отметить большое сходство некоторых типов орудий, например, наконечников стрел. Однако чернорско-прилуцкие наконечники стрел, в отличие от верхневолжских и оленеостровских, в большинстве случаев изготовлены на отщепах и сколах, имеют более высокую спинку, хотя и близки по характеру обработки.

Вместе с тем материалы северодвинско-чернорских памятников не идентичны инвентарю верхневолжских поселений и выглядят достаточно своеобразными. Отличия проявляются в большей вариативности формы венчиков верхневолжских сосудов, более разнообразном наборе орнаментальных элементов и мотивов и широком использовании гребенчатых элементов. В этой связи отмечается предположительно более поздний возраст комплексов с гребенчато-накольчатой керамикой по сравнению с ямчато-накольчатой [Сидоров, 1986].

В группе памятников Северо-Востока гребенчатая орнаментация широко представлена на поселении Эньты I. Этот комплекс, с одной стороны, сближает с памятниками верхневолжской культуры с гребенчато-накольчатой посудой использование некоторых идентичных гребенчатых элементов (длинная пунктирная гребенка, мелкозубчатый узкий гребенчатый элемент); наличие в глиняном тесте наряду с шамотом мелкой дресвы или песка. В каменном инвентаре также улавливаются некоторые черты сходства. Заслуживает внимания наличие в некоторых комплексах верхневолжских стоянок трапеций, идентичных эньтытским и прилуцким, которые на Верхней Волге являются возможным наследием иеневских мезолитических традиций.

С другой стороны, нельзя не отметить заметного сходства посуды Эньты I с керамикой некоторых памятников Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья (II Лебединская, Обсерваторская III, нижний слой и др.). Отмечаются близкие формы сосудов, наличие плоских днищ, сравнительно густая орнаментация, сходство некоторых сложных мотивов (гребенчатые зигзаги, треугольники, заполненные наколами); наличие единичных вертикально-зональных композиций и ямок или проколов по венчику. В целом же по внешнему виду и совокупности других признаков эньтытская керамика выглядит иначе, чем средневолжская.

В отношении средневолжских и нижнекамских памятников с накольчатой и гребенчато-накольчатой керамикой исследователями высказано, пожалуй, самое большое количество разнообразных точек зрения. По мнению А. Х. Халикова, средневолжские памятники с

накольчатой керамикой генетически связаны с местным мезолитом и характеризуют самые ранние этапы в развитии волго-камской неолитической культуры, то есть они однокультурны с поселениями с гребенчатой керамикой [Халиков, 1969]. Другими исследователями отрицается генетическая связь с памятниками волго-камской неолитической культуры, а также более ранний возраст накольчатой керамики по сравнению с ранней гребенчатой камского типа. Накольчатая керамика появляется, по их мнению, в эпоху развитого неолита, а поздняя дата таких памятников устанавливается по материалам II Татарско-Азибейского поселения и III Дубовской стоянки, которые относятся к эпохе раннего металла [Габяшев, 1978а; 1982]. Некоторыми исследователями предполагается разновозрастность памятников с накольчатой керамикой, допускается наличие и ранних комплексов, соотносящихся хронологически с верхневолжской культурой, делается попытка выделения локально-хронологических групп памятников, происхождение которых в одних случаях связывается со степными культурами юга [Никитин, 1986], а в других — с культурами зауральского круга [Выборнов, 1986].

В Прикамье и камско-вятском междуречье памятников с накольчатой керамикой известно пока немного, и большинство из них представлены типологически выделенными материалами. Среди них пока не удалось выявить комплексы, аналогичные чернорским памятникам, хотя некоторые черты сходства общего характера и отмечаются. В целом накольчато-прочерченная керамика Прикамья характеризуется более развитым обликом: сосуды более тонкостенные и профилированные, чаще представлены мотивы, выполненные в технике отступающих наколов, и прочерченные узоры. Но что заслуживает внимания, так это наличие пока только на этой территории и в очень незначительном количестве сосудов с валиками и накольчатыми мотивами на стоянках Чашкинское озеро VI, Левшино, Бор I [Мельничук, Пономарева, 1984. Рис. 1, 18; Бадер, 1961. Рис. 24, 7]. Кроме того, керамика с валиками отмечается на некоторых памятниках гаринско-борской культуры. Прикамская валиково-накольчатая керамика по многим признакам очень близка к ямчато-валиковой посуде висских поселений. Валики известны на некоторых поселениях лесного Зауралья (Сумпанья IV) [Ковалева, Устинова, Хлобыстин, 1984. Рис. 5, 9], что, очевидно, не является случайным моментом, а указывает на какой-то характер культурных связей.

Исследователями Прикамья происхождение накольчатой керамики связывается с миграцией древнего населения из лесостепных областей Волго-Камья и Урала или мощным их культурным влиянием, некоторым образом «нарушившим стабильность развития материальной культуры лесных неолитических племен» [Денисов, Мельничук, 1986]. По их мнению, памятники с накольчатой керамикой появляются здесь не ранее левшинского этапа развития камской неолитической культуры. Эта точка зрения ранее неоднократно высказывалась О. Н. Бадером [Бадер, 1973].

Если принять во внимание сходство висских ямчато-валиковых комплексов с камскими, следует допустить и их позднее, не ранее развитого и позднего этапа неолита, появление на Синдорском озере.

Исходя из краткого обзора основных точек зрения по поводу генезиса, относительной хронологии и локальных особенностей памятников с ямчато-накольчатой и гребенчато-накольчатой керамикой различных районов Верхнего, Среднего Поволжья и Прикамья в пределах лесной зоны, а также учитывая выявленные черты сходства, можно сделать следующие предварительные выводы.

Появление в рассматриваемом регионе памятников с ямчатой, гребенчато-ямчатой и ямчато-валиковой керамикой, очевидно, следует связывать с различными районами обширной территории Верхнего и Среднего Поволжья и Прикамья. Они были одновременными и существовали в пределах широкого хронологического диапазона (4—3-е тыс. до н. э.). Северодвинские стоянки (Прилукская, Вонгода I, Явроньга I) выглядят более близкими между собой и по целому ряду признаков сближаются с памятниками верхневолжской неолитической культуры. По аналогии с последними их предположительно можно отнести к раннему неолиту, определив их абсолютный возраст в пределах 4-го тыс. до н. э. Не исключается и более ранняя нижняя дата.

Типологически более близкой к ним является стоянка Черноборская III. Однако, учитывая большую ее территориальную удаленность от Верхневолжского региона, а также некоторые особенности каменного инвентаря, ее следует датировать несколько более поздним временем — концом 4—началом 3-го тыс. до н. э.

Поселение Эньты I (первый комплекс), принимая во внимание гребенчато-ямчатый характер орнамента и относительно развитый облик каменного инвентаря с наличием двусторонне обработанных форм, можно предположительно отнести к развитому неолиту — первой половине 3-го тыс. до н. э.

Самыми поздними, на наш взгляд, являются стоянки с ямчато-валиковой керамикой (Вис I, II). По аналогии с камскими материалами, они относятся к финальной поре неолита, не ранее середины 3-го тыс. до н. э. или к еще более позднему времени.

Предложенная схема отражает одну из возможных точек зрения на рассматриваемые материалы. Вместе с тем она не лишена некоторых противоречий и не отвечает на целый ряд вопросов. Приведем лишь некоторые из них.

Во-первых, до сих пор подобные памятники не обнаружены на соседних территориях, расположенных к югу и юго-западу от Северной Двины, в том числе в Каргополье, где, казалось бы, они должны быть, учитывая территориальную близость к Верхневолжскому региону.

Во-вторых, при всех выявленных чертах сходства мы отмечаем значительное своеобразие памятников Северо-Востока по сравнению с верхневолжскими, в том числе наличие валиков, отсутствующих на верхневолжской посуде. Можно ли в таком случае впрямую

связывать происхождение черноборских памятников с верхневолжской культурой?

В-третьих, чем можно объяснить некоторые ощутимые черты сходства керамики Прилукской стоянки, при всей ее архаичности, с ямчато-валиковой висских поселений (наличие валика по тулову, манера украшать ямчатыми вдавлениями валик и ребро венчика, плоские днища), если предположить более ранний возраст Прилукской стоянки и более поздний — висских памятников?

В-четвертых, не находит пока объяснения тот факт, что некоторые черты орнамента ямчатой и гребенчато-ямчатой посуды улавливаются в керамике энеолита и ранней бронзы [Стоколос, 1986; Буров, 1967а] и совершенно отсутствуют в ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной керамике, с которой, исходя из предложенной периодизации, частично сосуществуют.

Эти и некоторые другие вопросы и противоречия свидетельствуют о том, что при современном состоянии изученности проблемы возможна и другая точка зрения, существенно отличающаяся от только что предложенной. Она сводится к следующим положениям: вся группа памятников с ямчатой, ямчато-валиковой и гребенчато-ямчатой керамикой относится к более узкому промежутку времени в пределах развитого и позднего неолита (3-го тыс. до н. э.); происхождение их связывается с менее широкой территорией, предположительно Волго-Камским бассейном; в культурном отношении они более близки и связаны; носители этих культурных традиций в той или иной мере приняли участие в формировании культур эпохи энеолита и ранней бронзы.

Этой точке зрения не противоречит и архаичный характер кремневого инвентаря, так как известно, что пластинчатая индустрия на памятниках с накольчатой керамикой в Волго-Камье доживает до развитой поры эпохи бронзы.

Предложенная вторая точка зрения, как видим, позволяет ответить на целый ряд поставленных ранее вопросов, но имеет и свои противоречия. Так, например, трудно пока объяснить заметные различия в технике расщепления кремня на различных стоянках черноборской группы — преобладание пластинчатой техники на северодвинских памятниках и отщеповой — на Черноборской III и Эньты I. Во-вторых, если ямчато-валиковая и, в какой-то мере, гребенчато-ямчатая керамика находят сравнительно близкие аналогии на памятниках Волго-Камья, то найти соответствие ямчатой керамике в этом регионе пока не удалось. Возможно, такие памятники еще не открыты, а возможно, нас подводит недостаточная информированность.

По-видимому, мы неоднократно еще будем возвращаться к этой проблеме. Решение ее, как нам кажется, во многом зависит от исследования центральных районов региона, в частности бассейнов Выми, Яреньги, Мезени, Вашки, поскольку в настоящее время мы имеем дело, по всей вероятности, лишь с крайними памятниками культурного ареала: западными — северодвинскими, восточными — Черноборской III и южными — Эньты I. Имеются отрывочные сведения об

открытии таких памятников на Мезени [Стоколос, 1976].

Исходя из всего вышеизложенного, а главное — из невозможности на современном этапе изученности решить целый ряд задач, мы воздерживаемся, в отличие от Г. М. Булова, от выделения неолитической культуры памятников с ямчатой и ямчато-валиковой керамикой, а условно объединяем эти памятники в чернорскую группу, которая отражает одну или близкие традиции в материальной культуре.

Совершенно иные культурные традиции, проявляющиеся во всех сторонах материальной культуры, представляют памятники с ямочно-гребенчатой, гребенчатой и гребенчато-ямочной керамикой. Поиски истоков этих традиций уводят также на территорию Волго-Окского и Волго-Камского бассейнов — районы первоначальной локализации памятников льяловской, балахнинской и волго-камской неолитических культур. Перед исследователями этих территорий стояло и стоит много нерешенных вопросов, причиной чего является недостаточное количество однослойных или надежно стратифицированных памятников и радиоуглеродных дат. Многие культурно-хронологические схемы базируются только на типологическом сопоставлении материалов. Требуют уточнения границы выделенных ранее культур и локальных вариантов, соотношение и взаимодействие их во времени. До сих пор нерешенными и дискуссионными остаются проблемы генезиса, расходятся точки зрения на периодизацию и культурную принадлежность целого ряда памятников. По этой причине при сравнении приходится чаще оперировать конкретными памятниками, нежели культурами.

Памятники с ямочно-гребенчатыми орнаментальными традициями имеют аналогии на территории восточных районов волго-окского междуречья и Среднего Поволжья. К ним относятся такие стоянки, как Саконовская, Малоокуловская, Большекозинские, Гавриловка II (нижний слой), Садовый бор и др. [Бадер, Воеводский, 1936; Алихова, 1975; Цветкова, 1963]. Сходство видится прежде всего в характере орнамента: идентичность многих его элементов, основными из которых являются глубокая коническая ямка и различные разновидности прямозубого средней ширины и длины гребенчатого штампа; совпадение большинства мотивов и характер композиций, состоящих из чередования горизонтальных мотивов или зон из ямок с наклонными или горизонтальными оттисками гребенчатого штампа. Встречаются и сложные мотивы — зигзаги или ромбическая сетка с ямками. Однако выявляются существенные отличия, главным из которых можно считать значительно большую роль ямок в орнаменте волго-окских сосудов, где часто представлены многорядные зоны из ямок, разделенные лишь единичными гребенчатыми мотивами. С другой стороны, в орнаменте северо-восточных поселений отсутствуют характерные для балахнинской посуды неглубокие ямки с округлым дном, зато широко представлены овальные ямки. Нехарактерными являются полулунные вдавления, гладкие или гребенчатые, ногтевидные, различные отпечатки раковин аммонитов; но часто

встречаются оттиски гладкого штампа и другие имитирующие гребенчатый штамп оттиски, а также мотивы, выполненные в технике накола или отступающей лопаточки. В целом значительно чаще встречаются и сложные мотивы, особенно наклонный гребенчатый штамп с ямками на концах, зигзаг, ромбическая сетка с ямками в перекрестьях, а не в ячейках, как на волго-окской посуде. Не всегда совпадают некоторые характеристики формы сосудов: среди балахнинских сосудов значительно чаще встречаются венчики, отогнутые наружу, и прямые стенки. По периодизации И. К. Цветковой и А. Х. Халикова, большая часть перечисленных памятников относится к раннему этапу балахнинской культуры [Цветкова, 1963; Халиков, 1969; 1973], а некоторыми исследователями эти поселения интерпретируются как льяловские [Третьяков, 1972]. Абсолютный возраст их определяется в пределах второй половины 4-го тыс. до н. э. По ряду признаков, которые отличали северо-восточную керамику от волго-окской, она сближается с группой средневолжских поселений (V Удельно-Шумецкая, Майданская, средний слой III Обсерваторской): меньшая, зачастую разделительная роль ямок в орнаменте, периодическое использование овальных ямок и различных имитирующих гребенчатые оттиски штампов. Но в значительно большей степени этим комплексам близки поселения Средней Вычегды (второй комплекс Эньты I, Эньты III, Вад). Их заметно роднит также разделительная роль ямок в орнаменте, а то и полное их отсутствие (I Луговская). Иногда ямками украшались только дно или верхняя часть сосудов. Характерно нанесение ямок поверх гребенчатого штампа или выделение ими только венчика сосудов. Часто используются сравнительно длинные гребенчатые штампы, косозубые узкие и средние. Обычна манера построения композиции в «елочку», с различным наклоном элементов соседних мотивов. Кроме того, частыми находками на тех и других памятниках являются миниатюрные сосудики. Многие из перечисленных признаков присущи скорее волго-камской неолитической культуре. Это отмечает и А. Х. Халиков, но, тем не менее, относит их к балахнинской культуре, развитому и позднему ее этапам, и датирует в пределах 3-го тыс. до н. э. [Халиков, 1969; 1973]. Близкие материалы выявлены и на других поселениях Среднего Поволжья (Сутырское) и камско-вятского междуречья (Моторки II, Новомултанское, Ботыли IV) [Никитин, 1978. Рис. 4—7; Гусенцова, 1977]. Исследователями отмечается гибридный характер керамики, сочетающей признаки балахнинской и волго-камской посуды. Этими же чертами характеризуется посуда средневычегодских поселений, но она, как и вятская керамика, с явным преобладанием волго-камских или камских (по О. Н. Бадеру) традиций. Улавливается явное сходство ее со среднекамскими и нижнекамскими памятниками типа Хуторской, которое проявляется в общем построении композиции, использовании преимущественно гребенчатых штампов контрастной длины — очень длинного или сравнительно короткого, в добавке в качестве отошителя шамота или шамота с песком или

дресвой. Однако, в отличие от камской керамики, на средневычегодской посуде отсутствуют сложные мотивы типа зигзага, плетенки и даже шагающей гребенки. Наиболее близки, почти идентичны камской посуде незначительное количество сосудов, типологически выделенных на поселениях Вис I, III и периодически встречающихся в бассейне Вычегды единичными фрагментами (Ванвиздино, Эньты I (жилище), Затон, Усть-Ляга). Совпадают почти все признаки: технология приготовления теста, характер поверхности и форма сосудов с прикрытым горлом, выпуклыми стенками и венчиками с напылом с внутренней стороны. Идентичны и орнаментальные элементы, исключительно гребенчатые, узкие, длинные, поверхностно нанесенные, а также угловые или короткие. Среди мотивов отмечается шагающая гребенка и, в единичном случае, плетенка. Пока неясно, составляет ли такая керамика самостоятельные комплексы или, как на Эньты I, входит в состав других.

По периодизации О. Н. Бадера, эта гребенчатая керамика считается более древней из имеющихся гребенчатых комплексов и характеризует развитый боро-возерско-хуторской этап камской неолитической культуры, который датирован им в пределах первой половины 3-го тыс. до н. э. [Бадер, 1973]. Вместе с тем О. Н. Бадером отмечалась возможность удревнения раннего периода камской культуры до второй половины 4-го тыс. до н. э. [Бадер, Выборнов, 1980].

При создании культурно-хронологической схемы для памятников Северо-Востока Г. М. Буров оперировал теми же аналогиями, обращая внимание прежде всего на различные истоки культурных традиций: ямочно-гребенчатых и гребенчатых. Соответственно, им были выделены три культуры, первая из них, камская, представлена незначительными комплексами типично камской керамики с Вис I, III и неопубликованными материалами стоянки Кочмас, открытой и исследуемой Л. Л. Косинской на Выми. Вторая культура, при тиманская, включает поселения с ямочно-гребенчатой керамикой: Ружникова, Вис I, II, III, Пинежское озеро IV, Яврньга I, Пижма II и, как это ни странно, поселения Эньты I, III, IV и Печорскую стоянку, которые, как уже неоднократно отмечалось, характеризуются преобладанием гребенчатой и гребенчато-ямочной гибридной керамики. Очевидно, здесь исследователь поддержал позицию А. Х. Халикова о культурной принадлежности памятников с гибридной керамикой балахнинской культуре.

Третья культура, вычегодско-вятская, выделена Г. М. Буриным пока только по двум определенным типологическим комплексам с Вис I, II. Она характеризуется исследователем как отражающая смешение характеристик двух предыдущих культур. Первые две культуры датированы им в пределах первой половины 3-го тыс. до н. э., а третья — второй четвертью 3-го тыс. до н. э. [Буров, 1986].

Со многими положениями этой периодизации можно согласиться. Во-первых, совершенно справедливо отмечена общая тенденция слияния культурных традиций; во-вторых, представляется верной относитель-

ная хронология памятников; в-третьих, можно поддержать культурную интерпретацию большинства поселений, за исключением средневычегодских. Однако есть в периодизации и слабые места. Прежде всего, представляется преждевременным выделение культур (камская и вычегодско-вятская) по малочисленным и типологически выделенным комплексам. Во-вторых, ощущается явная неравнозначность компонентов, принявших участие в сложении вычегодско-вятской культуры, тем более что в вычегодско-вятских комплексах преобладает гребенчатая и гребенчато-ямочная керамика. В-третьих, остается неясным соотношение этой культуры с вятским вариантом волго-камской неолитической культуры, выделенной в камско-вятском междуречье Т. М. Гусенцовой [Гусенцова, 1981а; 1981б]. При этом материалы, которыми оперирует Г. М. Буров в качестве аналогий, характеризуются значительно меньшей гибриднойостью и тем самым сближаются скорее со средневычегодской группой поселений. Кроме того, такая жесткая схема затрудняет культурную интерпретацию памятников, в комплексах которых почти в равной степени представлена керамика, отражающая те и другие традиции.

В предлагаемых здесь разработках мы исходили прежде всего из следующих положений.

Предполагаемая новая волна освоения крайнего Европейского Северо-Востока неолитическим населением происходила с обширной территории, лежащей к югу от рассматриваемого региона и включающей восточные районы волго-окского междуречья, Среднее Поволжье, Прикамье. Очевидно, этот процесс был почти одновременным и достаточно быстрым. Причиной и одновременно благоприятными условиями его было существенное потепление климата, отмечавшееся в конце атлантического периода в 4-м тыс. до н. э. [Хотинский, 1987]. Возможно, существовали причины и иного характера.

С одной стороны, это были племена-носители ямочно-гребенчатой керамики, обитавшие в восточных районах волго-окского междуречья и прилегающих районах Среднего Поволжья. В материальной культуре, особенно в керамике, возможно, уже нашло отражение некоторое влияние со стороны соседней волго-камской неолитической культуры. Именно поэтому ямочно-гребенчатую керамику крайнего Европейского Северо-Востока нельзя в полной мере назвать типичной ямочно-гребенчатой из-за сравнительно большой роли гребенчатых элементов и мотивов в ее орнаменте и некоторых других отмеченных особенностей.

С другой стороны, из Прикамья происходило продвижение носителей керамики с преобладанием гребенчатых и гребенчато-ямочных орнаментальных традиций.

В процессе изначального соседнего обитания и последующего освоения северных территорий носители различных культурных традиций находились в постоянных тесных контактах, которые стали еще более интенсивными на территории крайнего Европейского Северо-Востока и, возможно, носили уже характер взаимоассимиляции. Этот процесс был возможен еще и потому, что население обитало в сходных природных

условиях и занималось одинаковыми видами хозяйственной деятельности. Тесные контакты населения и последующая взаимоассимиляция носителей различных культурных традиций нашли отражение в материальной культуре, в появлении поселений с гибридными чертами в инвентаре, и прежде всего в керамике. Эти тенденции развития являются важными моментами, характеризующими естественные историко-культурные процессы, происходившие не только в данном регионе, но и на обширной территории Среднего Поволжья и Волго-Камья.

Исходя из вышеизложенного, представляется возможным объединить все памятники рассматриваемого региона с ямочно-гребенчатой, гребенчатой и гребенчато-ямочной керамикой в одну культуру, назвав ее печоро-двинской. Поселения, материалы которых отражают различную степень слияния культурных традиций, рассматриваются на уровне вариантов. За первым из них можно оставить название притиманский, так как наиболее выразительные и многочисленные материалы получены пока на Тимане и прилегающей к нему территории. К притиманскому варианту отнесены памятники с подавляющим преобладанием ямочно-гребенчатой керамики. Границы их распространения определяются предварительно следующим образом: на северо-востоке они доходят до левобережных притоков Печоры; на юге, захватывая Синдорское озеро и бассейн Вымы, включают Нижнюю Вычегду. Западная граница ориентировочно намечается по Северной Двине, но не исключено, что в ходе дальнейших исследований в ее бассейне граница будет несколько сдвинута к западу или востоку. Причиной этого является, в первую очередь, слабая изученность неолита в бассейне Северной Двины, в силу чего особенности и тенденции его развития пока недостаточно ясны. Не исключено, что здесь, во всяком случае в левобережье, будет выделена самостоятельная культура с ямочно-гребенчатой керамикой или вариант каргопольской неолитической культуры. К притиманскому варианту относятся поселения Ружникова, Кыско, Алексахина, Вис I (пойменный комплекс), Явроньга I, Половники II. В их инвентаре, наряду с преобладающей ямочно-гребенчатой керамикой, в очень небольшом количестве представлена посуда с гребенчато-ямочным орнаментом. Возможно, со временем в западных районах удастся выявить более ранние памятники этого варианта. В настоящее время к ним ориентировочно можно отнести такие исследуемые стоянки, как Клоново I—III и поселения Пинежского озера.

Предполагаемая датировка памятников притиманского варианта — в пределах второй половины 4-го тыс. до н. э. (предположительно ранние памятники) — первой половины 3-го тыс. до н. э. (большинство известных сейчас поселений).

Второй вариант назван средневычегодским. Вероятный ареал его на западе охватывает часть Нижней Вычегды, бассейна Мезени и Вашки, а на востоке — бассейн Печоры. К нему относятся поселения Эньты I (второй комплекс), Эньты III (возможно, ма-

териалы не всех жилищ), Вад и Печорская стоянка. Керамика этих поселений характеризуется преобладанием посуды с гребенчатым и гребенчато-ямочным (варианты I) орнаментом и отражает уже очевидные, но еще незначительные следы смешения культурных традиций. Эти памятники синхронны основной группе поселений притиманского варианта и относятся, по всей вероятности, к первой половине 3-го тыс. до н. э. В рамках средневычегодского варианта также предполагается выделение более ранней группы стоянок с керамикой, близкой к посуде камских поселений Боровое озеро I и Хуторской, которые, по аналогии с камскими, можно будет отнести ко второй половине или концу 4-го тыс. до н. э. Они могут быть выявлены в бассейне Средней и Верхней Вычегды и Печоры, а пока представлены лишь малочисленными типологически выделенными комплексами на Вис I, III.

Третий вариант печоро-двинской неолитической культуры можно назвать предвременно синдорским. Памятники этого варианта известны пока в центральной части рассматриваемого региона. К синдорскому варианту отнесены также разновременные группы памятников. Во-первых, это поселения, где в равной или почти в равной степени представлена керамика с ямочно-гребенчатым и гребенчато-ямочным орнаментом, объединенная условиями залегания, и в то же время уже встречаются сосуды с гибридной орнаментацией. К ним относятся поселения Кыстырью, Пижма I, II, возможно, Вис III и Эньты IV. Ко второй группе памятников синдорского варианта относятся типологически выделенные комплексы Вис I и Вис II с керамикой, которая характеризуется очень высокой степенью смешения орнаментальных традиций (вычегодско-вятская по Г. М. Бурову). Первая группа поселений синдорского варианта, очевидно, будет более поздней по сравнению с притиманскими и средневычегодскими памятниками (около середины 3-го тыс. до н. э.) и более ранней по отношению к висским поселениям. Последние, наряду с гребенчато-ямочной посудой, содержат керамику с гребенчатым орнаментом (вариант 2), которая по условиям залегания в жилищах, возможно, составляет с гребенчато-ямочной один комплекс. Некоторые аналогии гребенчатой керамики усматриваются в посуде новоильинской и флажковых комплексов эпохи энеолита в Прикамье. Поэтому висские памятники предположительно можно отнести ко второй половине 3-го тыс. до н. э. Не исключено, что они сосуществуют с энеолитическими поселениями, хотя вряд ли их население было знакомо с плавкой металла.

Таким образом, выделенная печоро-двинская неолитическая культура датируется в пределах второй половины 4—первой половины 3-го тыс. до н. э. Особенностью ее является сложение на базе слияния двух основных культурных компонентов — льяловско-балахнинского и волго-камского. Начало этому процессу было положено еще на исходной территории, с которой впоследствии происходило заселение крайнего Европейского Северо-Востока, а завершение его происходило уже в рассматриваемом регионе. В дальнейшем,

вступая в контакт с носителями иных культурных традиций, она в качестве составляющего компонента принимает участие в формировании различных культур эпохи энеолита и ранней бронзы. Определенные черты преемственности мы видим, например, в материалах ранних памятников выделенной В. С. Стоколосом чужьяельской культуры [Стоколос, 1986. Рис. 47], а также в материалах памятников типа Эньты II [Логина, 1986]. На Северной Двине, где, казалось бы, должны быть следы ямочно-гребенчатой керамики, в материалах последующих эпох они пока совершенно не улавливаются. Отчасти это можно объяснить слабой изученностью территории. Не исключено также, что в верхнем и среднем течении Северной Двины носители ямочно-гребенчатой керамики не оставили долговременных поселений, а в поисках привычных и удобных мест для обитания быстро продвинулись на север и северо-восток на водоразделы, изобилующие озерами. В дополнение следует отметить, что в настоящей работе не рассматриваются еще два культурных типа, выделенных Г. М. Бутовым и интерпретированных им как неолитические: пинежско-вычегодский и конецборский. Пинежско-вычегодская (каргопольская) керамика характеризуется наличием проколов под венчиком и насечками по ребрам его среза. Прочий орнамент отсутствует или представлен только гребенчатыми узорами. Генетически эта керамика связывается исследователями с эньтыйской (первый комплекс) и датируется началом 3-го тыс. до н. э. [Бутов, 1986].

По поводу проколычатой керамики следует отметить, что правомернее пока говорить не о культурном типе, а о группе или типе керамики, так как она нигде не встречена в чистом виде, хотя имеет широкую территорию распространения от Синдорского озера до

восточных районов Карелии. Чаще всего ей сопутствует гребенчатая керамика различных типов эпохи энеолита и ранней бронзы. При раскопках поселения Со-озеро I на Северной Двине в одном из кострищ зафиксировано ее совместное залегание с пористой гребенчатой керамикой и наконечниками стрел листовидной формы с вогнутым основанием, явно не неолитического типа [Верещагина, 1979]. Аналогичная керамика и кремневые орудия сопутствовали проколычатой керамике и на поселении Явроньга I.

По-видимому, вопрос о проколычатой керамике не может быть пока окончательно решен, но на основании целого ряда данных и наблюдений предполагается более поздний, не неолитический ее возраст. Заметные черты сходства ее с гребенчато-ямчатой посудой Эньты II вовсе не противоречат этому предположению, а могут свидетельствовать о некоторой генетической преемственности. То же можно сказать и о конецборской керамике.

Таким образом, эпоха неолита на крайнем Европейском Северо-Востоке представлена группой памятников чернборского типа и поселениями печоро-двинской культуры. Они характеризуются различными чертами материальной культуры, имели различное происхождение и, несмотря на сосуществование на одной территории, не оказали заметного влияния друг на друга.

В целом эпоха неолита на Европейском Северо-Востоке заканчивается во второй половине 3-го тыс. до н. э., когда здесь появляется население с другим обликом материальной культуры и навыками металлолитейного производства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Новый этап освоения крайнего Европейского Северо-Востока, прерванный поздневалдайским оледенением, начался в конце бореального периода после деградации ледника, восстановления ландшафтных зон и природной обстановки, пригодной для обитания. Существенно способствовало этому процессу значительное потепление климата, отмечавшееся в северной половине Европы в 7-м тыс. до н. э. (бореальный термический максимум).

Проникновение мезолитического населения происходило с довольно обширной территории, включающей восточные районы Верхнего Поволжья, Среднее Поволжье и Прикамье, где уже сложились и развивались местные мезолитические культуры.

Мезолитические памятники в большинстве случаев приурочены к речным борovým террасам различной высоты и в редких случаях располагаются в пойме. Они представляют собой различные, в основном небольшие по площади, стоянки со слабовыраженным культурным слоем, редко сохраняющимися кострищами и жилищами наземного или полуземляночного типа незначительных размеров. Характер стоянок свидетельствует о сезонном в различной степени кратковременном обитании на них небольшого коллектива людей, ведущих подвижный (примитивно-кочевой) образ жизни.

Материальная культура представлена, за редким исключением, только каменным инвентарем, который характеризуется преобладанием пластинчатой индустрии. Отмечается микролитический и вкладышевый характер орудий и незначительная роль вторичной обработки при их изготовлении. В наборе орудий самую многочисленную группу составляют пластины и их сечения с ретушью или следами сработанности, резцы на углу пластин. Остальные категории представлены в очень незначительном количестве. Среди них несколько чаще встречаются скребки на различных типах заготовок с преобладанием концевых; пластины с ретушью или выемкой на конце; резчики на изогнутых пластинах; различные острия неустойчивых типов; наконечники стрел на пластинах, близкие к поствидерским, встречающиеся не на всех стоянках, но почти на всей территории. Остальные орудия единичны.

Хозяйство древних обитателей было, очевидно, комплексным. Характер стоянок и их инвентаря свидетельствует о существенном преобладании охоты, основными объектами которой являлись северный олень, лось, боровая и водоплавающая дичь. Особенности обитания этих животных, в частности оленя, в условиях различных природных зон предполагают ис-

пользование разнообразных форм и способов охоты, как активных, так и пассивных.

При современном состоянии изученности мезолита, в ходе типолого-статистического анализа инвентаря и сопоставления его с материалами соседних территорий, не удалось выявить какие-либо культуры или группы памятников. По отдельным признакам отмечается определенное сходство их с памятниками как Камско-Уральского, так и Волго-Окского регионов. По совокупности большинства показателей мезолит рассматриваемого региона представляется достаточно единым. Некоторые отличия в составе инвентаря и соотношении различных его категорий объясняются, скорее всего, разносезонностью стоянок, различной функциональной их направленностью, а также характером используемого для производства орудий сырья.

Вместе с тем выявлены некоторые тенденции развития материальной культуры во времени. К их числу относятся: укрупнение пластинчатой и всей индустрии в целом, некоторый упадок вкладышевой техники, увеличение роли вторичной обработки, уменьшение числа некоторых орудий (резцы) и замена их новыми; возрастание количества изделий на отщепах и других непластинчатых типах заготовок, особенно крупных скребков; более частое использование некремневых пород, в первую очередь для производства рубящих орудий, и развитие техники шлифования. С учетом этих различий были выделены две группы памятников. Выявилась локализация более ранних стоянок в юго-западных, а более поздних — в северо-восточных районах региона. На этом основании высказано предположение о более позднем освоении бассейна Печоры и Большеземельской тундры, что подтверждается некоторыми данными палеогеографии о более позднем восстановлении в этих районах благоприятной для обитания природной обстановки и нормализации стока подпруженных вод.

На основе аналогий и немногочисленных радиоуглеродных дат мезолитические памятники крайнего Европейского Северо-Востока датируются концом бореального и началом атлантического периода, то есть в пределах 7—5-го тыс. до н. э. Они входили в одну историко-культурную общность племен, обитающих в лесной зоне Европы.

Неолитическая эпоха на данной территории начинается в 4-м тыс. до н. э. с появлением керамики. Возможно, это было население, оставившее памятники черноборской группы с ямчатой и гребенчато-ямчатой керамикой. Стоянки расположены на высоких борových террасах и напоминают охотничьи лагерь мезолити-

ческого времени, отличаясь от последних большей площадью и выраженностью культурного слоя. В материалах этих памятников много общего, что и позволяет объединить их в одну группу. Вместе с тем отмечаются и заметные различия, которые носят, по-видимому, хронологический характер или объясняются различными культурными влияниями, а возможно и различным происхождением. Следует признать, что в данное время не удалось достаточно точно определить их место среди культур с накольчатой и накольчато-ребенчатой керамикой соседних областей. Поэтому в отношении их культурной интерпретации и времени бытования в известной мере допустимы две точки зрения.

Не исключено, что памятники с ямчатой керамикой появились на крайнем Северо-Востоке сравнительно рано — в начале 4-го тыс. до н. э. и бытовали вплоть до эпохи энеолита. Среди них более ранними представляются северодвинские стоянки Прилукская, Вонгода I, Явроньга I, характеризующиеся наиболее близкими чертами материальной культуры. Керамика их имеет в основном ямчатый орнамент. Каменная индустрия наследует многие мезолитические черты, хотя и не смыкается вплотную с местным мезолитом. С одной стороны, в нем преобладает пластинчатая техника и сохраняются многие мезолитические типы изделий, а с другой — отмечается более совершенный характер многих орудий и их обработки, увеличение числа типов, в том числе орудий на непластинчатых заготовках. Близкой к ним, но отличавшейся преобладанием отщеповой техники в производстве орудий является стоянка Черноборская III.

На основании некоторого сходства с материалами валдайской и верхневолжской раннеэнеолитических культур северодвинские и Черноборская стоянки датированы в пределах 4-го тыс. до н. э.

Происхождение первого комплекса стоянки Эньты I, возможно, связывается с более поздними памятниками верхневолжской культуры с ребенчато-накольчатой керамикой или с близкими последним комплексами средневолжских стоянок. С учетом сравнительно развитого характера глиняной посуды и кремневого инвентаря, в котором преобладает отщеповая техника и есть двусторонне обработанные орудия, этот памятник ориентировочно датируется периодом развитого неолита в пределах первой половины 3-го тыс. до н. э.

Самую позднюю группу составляют комплексы с ямчато-валиковой посудой Синдорского озера, они, по аналогии с близкими материалами в Прикамье, относятся к позднему неолиту.

Согласно другой возможной точке зрения, все памятники черноборской группы отнесены к эпохе развитого и позднего неолита (в пределах 3-го тыс. до н. э.) и связываются происхождением с Волго-Камским бассейном. Относительная хронология сохраняется прежней. Носители этих культурных традиций не оказали заметного воздействия на другую неолитическую культуру, сосуществующую с ними на одной территории. Причина подобных отношений отчасти кроется в раз-

личной структуре хозяйственной деятельности этих древних обитателей. Основу хозяйственной деятельности носителей черноборских культурных традиций, как и у мезолитического населения, составляла охота. Об этом свидетельствует большое количество на стоянках кальцинированных остатков костей северного оленя и лося. Рыболовство и собирательство играли, очевидно, подчиненную роль.

Наиболее массовым было освоение крайнего Европейского Северо-Востока носителями других культурных традиций — ямочно-ребенчатой и ребенчато-ямочной керамики, что отмечается и для других районов Европейского Севера. Очевидно, это передвижение населения в северные районы было связано не только с относительно слабой их заселенностью в предшествующие эпохи. Помимо прочих причин существенную роль оказало и заметное потепление климата в конце атлантического периода (атлантический термический максимум), начавшееся на рубеже 5-го и 4-го тыс. до н. э. и длившееся более тысячелетия. Одновременно с этим, примерно с середины 4-го тыс. до н. э., отмечается период пониженной увлажненности и связанный с этим низкий уровень водоемов. Возможно, именно поэтому и не удается пока найти памятники, характеризующие самые ранние этапы этого переселения.

Памятники с ямочно-ребенчатой, ребенчатой и ребенчато-ямочной керамикой объединены нами в одну культуру — п е ч о р о - д в и н с к у ю, границы которой почти совпадают с границами исследуемого региона. Появление ее связано, очевидно, с приходом населения из восточных районов волго-окского междуречья и Волго-Камья, носителей различных культурных традиций: льяловско-балахнинской — с ямочно-ребенчатой керамикой и волго-камской — с ребенчатой и ребенчато-ямочной посудой. В результате тесных контактов населения этих регионов и в ходе освоения Северо-Востока и последующего обитания почти на одной территории происходит интенсивный процесс слияния населения, который затронул все стороны материальной культуры, но особенно заметно отразился на развитии керамики. Отражением этого процесса и является выделенная неолитическая культура. На начальных ее этапах отмечается некоторая локализация памятников с преобладанием тех или иных традиций, на основании чего можно выделить два синхронных варианта — п р и т и м а н с к и й, включающий памятники западных и северо-западных районов с подавляющим преобладанием ямочно-ребенчатой керамики, и с р е д н е в ы ч е г о д с к и й с ребенчатой и ребенчато-ямочной керамикой, в которой уже наблюдаются некоторые гибридные черты. Время бытования памятников этих двух вариантов на основании аналогий определяется в пределах второй половины 4—первой половины 3-го тыс. до н. э. Основное количество поселений относится к развитому периоду неолита, то есть к первой половине 3-го тыс. до н. э. Существование более ранних памятников лишь предполагается. Так, в средневычегодском варианте

ими могли быть памятники с гребенчатой керамикой камского типа, встреченные пока в очень незначительном количестве в бассейне Вычегды.

Третий вариант, *синдорский*, являющийся хронологически более поздним, включает поселения в основном центральных районов региона, которые почти в равном количестве содержали керамику того и другого вариантов и, наряду с этим, сосуды с явно гибридной орнаментацией. Эти поселения относятся к середине—второй половине 3-го тыс. до н. э. Самыми поздними из них являются некоторые комплексы первого и второго висских поселений.

В каменном инвентаре процесс слияния различных традиций менее заметен, так как уже на ранних памятниках различных вариантов кремневый инвентарь был очень близок как по технике первичного расщепления, так и по набору орудий. Можно лишь отметить некоторое преобладание на поселениях средневычегодского варианта орудий на пластинах. В дальнейшем отмечаются общие тенденции развития инвентаря: при сохранении отщепового характера индустрии происходит постепенное совершенствование орудий за счет вторичной обработки. Они становятся морфологически более выраженными и специализированными. Особенно разнообразными выглядят ножи и скобели, среди которых существенную роль играют изделия с криволинейными лезвиями, очевидно, связанные с рыболовством. Хозяйство неолитических племен, по всей вероятности, было комплексным, но, в отличие от мезо-

литического, при сохранении ведущей роли охоты значительную роль в нем играло рыболовство. О существенной роли рыболовства в хозяйственной деятельности населения печоро-двинской неолитической культуры свидетельствует топография поселений — приуроченность многих из них к озерам различного характера и небольшим речкам, низкое расположение над уровнем воды и сам характер поселков с явными чертами более длительного оседлого обитания.

Во второй половине 3-го тыс. до н. э. крайний Европейский Северо-Восток оказывается в сфере влияния со стороны различных культур эпохи энеолита и ранней бронзы. Отмечаются и значительные миграции населения с соседних территорий, включая Зауралье. Местное неолитическое население приняло участие в формировании культур эпохи энеолита и ранней бронзы, характер и степень этого участия были неравнозначными, поэтому не всегда и не на всех территориях улавливаются черты преемственности.

Естественно, что некоторые положения предложенной в работе культурно-хронологической схемы развития материальной культуры населения крайнего Европейского Северо-Востока в мезолите и неолите являются дискуссионными. Решение их возможно только на базе дальнейшего расширения полевых изысканий в этом регионе, в частности заполнения многочисленных белых пятен на его археологической карте.

Литература

- Алихова, 1975 — *Алихова А. Е.* Саконовская неолитическая стоянка // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975.
- Анучин, 1879 — *Анучин Д. Н.* Отдел доисторических древностей. Антропологическая выставка // Тр. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1879. Т. II.
- Бадер, 1961 — *Бадер О. Н.* Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье // МИА. 1961. № 99.
- Бадер, 1966 — *Бадер О. Н.* Мезолит лесного Приуралья и некоторые общие вопросы изучения мезолита // МИА, 1966. № 126: У истоков древних культур (эпоха мезолита).
- Бадер, 1973 — *Бадер О. Н.* Волго-Камская этнокультурная область эпохи неолита // МИА. 1973. № 172: Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита.
- Бадер, 1978 — *Бадер О. Н.* Хронологические рамки неолита Прикамья и методы их установления // КСИА. 1978. Вып. 153.
- Бадер, Воеводский, 1936 — *Бадер О. Н., Воеводский М. В.* Стоянки Балахнинской низины // Тр. ГАИМК. 1936. Вып. 106.
- Бадер, Выборнов, 1980 — *Бадер О. Н., Выборнов А. А.* Саузовская II стоянка в устье реки Белой и некоторые проблемы неолита и энеолита Приуралья // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980.
- Бочкарев, 1975 — *Бочкарев В. С.* К вопросу о системе основных археологических понятий // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологического исследования. (Материалы симпозиума, методологического семинара ЛОИА АН СССР АН СССР, ЛОИА, ЛКФ). Л., 1975.
- Брюсов, 1928 — *Брюсов А. Я.* Что представляют собою стоянки на Летнем берегу Белого моря // Тр. секции археологии РАНИОН. М., 1928. Вып. 11.
- Брюсов, 1952 — *Брюсов А. Я.* Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.
- Буров, 1959 — *Буров Г. М.* Двуслойная стоянка в урочище Кузьвомын на Верхней Вычегде // Изв. КФ ВГО. Сыктывкар, 1959. Вып. 5.
- Буров, 1960 — *Буров Г. М.* Из результатов археологической разведки 1957 г. на Верхней Вычегде // ИФС. 1960. Вып. 5.
- Буров, 1961 — *Буров Г. М.* Стоянки с микролитическим инвентарем на р. Вычегде // СА. 1961. № 1.
- Буров, 1962а — *Буров Г. М.* Долговременные поселения на р. Вис (бассейн Вычегды) // МАЕСВ. 1962а. Вып. I.
- Буров, 1962б — *Буров Г. М.* Стоянки на Синдорском озере // МАЕСВ. 1962б. Вып. I.
- Буров, 1963 — *Буров Г. М.* Вычегодский край в каменном, бронзовом и раннем железном веке: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 1963.
- Буров, 1965а — *Буров Г. М.* Археологическая разведка 1963 г. в зоне затопления будущего Усть-Куломского водохранилища // МАЕСВ. 1965а. Вып. III: Древние поселения на Печоре и Вычегде. Отчеты о работах 1963 г. в зоне затопления Усть-Войского и Усть-Куломского водохранилищ.
- Буров, 1965б — *Буров Г. М.* Вычегодский край. Очерки древней истории. М., 1965б.
- Буров, 1966 — *Буров Г. М.* Археологические находки в старичных торфяниках бассейна Вычегды // СА. 1966. № 1.
- Буров, 1967а — *Буров Г. М.* Археологические памятники Вычегодской долины. Сыктывкар, 1967а.
- Буров, 1967б — *Буров Г. М.* Древний Синдор (из истории племен Европейского Северо-Востока в VII тысячелетии до н. э.— I тысячелетии н. э.). М., 1967б.
- Буров, 1973 — *Буров Г. М.* Племена Вычегодского края в эпоху неолита и ранней бронзы // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита: МИА. 1973. № 172.
- Буров, 1974 — *Буров Г. М.* Археологические культуры Севера европейской части СССР в эпоху неолита (Северодвинский край): Учебное пособие для студентов-историков. Ульяновск, 1974.
- Буров, 1975 — *Буров Г. М.* Типологическая характеристика каменных орудий Северо-Востока европейской части СССР // Новейшие открытия советских археологов. Киев, 1975. Вып. 1.
- Буров, 1979 — *Буров Г. М.* Древние поселения Пинежского озера в Северо-Двинском бассейне // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1979.
- Буров, 1981а — *Буров Г. М.* К проблеме археологических культур и историко-культурных общностей на Крайнем Европейском Северо-Востоке // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981а.
- Буров, 1981б — *Буров Г. М.* Фрагменты саней с поселений Вис I (мезолит) и Вис II (I тыс. н. э.) // СА. 1981б. № 2.
- Буров, 1986 — *Буров Г. М.* Крайний Северо-Восток Европы в эпоху мезолита, неолита и раннего металла: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1986.
- Буров, Романова, Семенцов, 1972 — *Буров Г. М., Романова Е. Н., Семенцов А. А.* Хронология деревянных сооружений и вещей, найденных в Северодвинском бассейне // Проблемы абсолютного датирования в археологии. М., 1972.
- Верещагина, 1973 — *Верещагина И. В.* Памятники с микролитическим инвентарем Большеземельской тундры // МАЕСВ. 1973. Вып. 5: Археологические исследования в бассейне Печоры.
- Верещагина, 1977а — *Верещагина И. В.* Мезолитические памятники на Северной Двине // КСИА. 1977а. Вып. 149.
- Верещагина, 1977б — *Верещагина И. В.* Ранний неолит на Северной Двине // МАЕСВ. 1977б. Вып. 6: Археологические памятники Печоры, Северной Двины и Мезени.

- Верещагина, 1979 — *Верещагина И. В.* Отчет о полевых исследованиях Северо-Двинского археологического отряда в 1979 г. — Архив ИА РАН. Р-1, № 9288-а.
- Воеводский, 1950 — *Воеводский М. В.* Мезолитические культуры Восточной Европы // КСИИМК. 1950. Вып. 31.
- Волокитин, 1985 — *Волокитин А. В.* К проблеме изучения археологических памятников каменного века в Коми АССР // Тез. IX Коми республик. молодеж. науч. конф. Сыктывкар, 1985.
- Волокитин, 1986а — *Волокитин А. В.* Новые данные по мезолиту Европейского Северо-Востока // МАЕСВ. 1986а. Вып. 10: Памятники материальной культуры на Европейском Северо-Востоке.
- Волокитин, 1986б — *Волокитин А. В.* Новый тип памятников долины р. Вычегды // Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири: Тез. докл. Всесоюз. конф. Улан-Удэ, 1986б. Ч. I.
- Волокитин, 1987 — *Волокитин А. В.* Особенности индустрии мезолитических памятников Топыд-нюр 5 и 7а на Средней Печоре // Тр. ИЯЛИ. Сыктывкар, 1987. Вып. 40: Материальная и духовная культура населения Европейского Северо-Востока.
- Выборнов, 1986 — *Выборнов А. А.* Соотношение неолитических памятников лесной и лесостепной зон Волго-Камья // Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы: Тез. докл. предстоящей конференции. Оренбург, 1986.
- Габяшев, 1978 — *Габяшев Р. С.* Второе Татарско-Азиебейское поселение // Древности Икско-Бельского междуречья: Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции ИА АН СССР. Казань, 1978. Вып. 2.
- Габяшев, 1982 — *Габяшев Р. С.* Исследования памятников каменного века и эпохи раннего металла казанскими археологами в 1965—1981 гг. // Новое в археологии и этнографии Татарии. Казань, 1982.
- Гаврилова, 1981 — *Гаврилова И. В.* Неолитические местонахождения в бассейне Костромы // КСИА. 1981. Вып. 165.
- Гаврилова, 1982 — *Гаврилова И. В.* Археологические исследования на Нижней Мезени // Природа и хозяйство Севера. Мурманск, 1982. Вып. 10.
- Городцов, 1901 — *Городцов В. А.* Заметка о доисторических стоянках побережья Белого моря // «Древности»: Тр. Императорского Московского археологического о-ва. Т. XIX, вып. 2.
- Городцов, 1927 — *Городцов В. А.* Типологический метод в археологии. Рязань, 1927.
- Громов, 1950 — *Громов В. И.* Геологический возраст палеолита на территории СССР // Материалы по четвертичному периоду. М.; Л., 1950. Вып. 2.
- Гросвальд, 1983 — *Гросвальд М. Г.* Покровные ледники континентальных шельфов. М.: Наука, 1983.
- Гурина, 1957 — *Гурина Н. Н.* Некоторые новые данные о заселении севера европейской части СССР // СА. 1957. № 2.
- Гурина, 1975 — *Гурина Н. Н.* К вопросу о раннем неолите Верхнего Поволжья // Памятники древнейшей истории Евразии. М.: Наука, 1975.
- Гусенцова, 1977 — *Гусенцова Т. М.* Новомултанское неолитическое поселение // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. Ижевск, 1977.
- Гусенцова, 1981а. *Гусенцова Т. М.* Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1981а.
- Гусенцова, 1981б — *Гусенцова Т. М.* К вопросу о неолите Камско-Вятского междуречья // КСИА. 1981б. Вып. 163.
- Гусенцова, 1981в — *Гусенцова Т. М.* Новые мезолитические поселения в междуречье Камы и Вятки // СА. 1981в. № 3.
- Гусенцова, Голдина, 1977 — *Гусенцова Т. М., Голдина Р. Д.* Поселение Степницы II — памятник мезолитического времени в бассейне р. Лобань // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. Ижевск, 1977.
- Гуслицер, Канивец, 1962 — *Гуслицер Б. И., Канивец В. И.* Пещеры Печорского края как источник изучения четвертичного периода // ИКФВГО. 1962. № 7.
- Гуслицер, Канивец, 1965 — *Гуслицер Б. И., Канивец В. И.* Пещеры Печорского Урала. М.; Л.: Наука, 1965.
- Девятова, 1982 — *Девятова Э. И.* Природная среда позднего плейстоцена и ее влияние на расселение человека в Северодвинском бассейне и в Карелии. Петрозаводск, 1982.
- Денисов, 1960 — *Денисов В. П.* Хуторская неолитическая стоянка // Учен. зап. Пермск. гос. ун-та. Пермь, 1960. Т. XII, вып. 1.
- Денисов, Мельничук, 1986 — *Денисов В. П., Мельничук А. Ф.* Памятники с накольчато-прочерченной керамикой в неолите Среднего и Верхнего Прикамья и их роль в формировании гаринско-боринской культуры // Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы (Тез. докл. предстоящей обл. конф.). Оренбург, 1986.
- Долуханов, 1973 — *Долуханов П. М.* Географические условия в неолитическую эпоху // МИА. 1973. № 172. С. 32—39: Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита.
- Долуханов, Хотинский, 1974 — *Долуханов П. М., Хотинский Н. А.* Палеогеографические рубежи голоцена и мезо-неолитическая история Европы // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М., 1974.
- Животный мир СССР, 1953 — *Животный мир СССР.* Т. 4: Лесная зона. М., 1953.
- Жилин, 1987 — *Жилин М. Г.* Памятники типа Красново I в Волго-Окском бассейне // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья: Тез. докл. Калуга, 1987.
- Журавский, 1909 — *Журавский А. В.* Центральные меридианы Большеземельской тундры // ИРГО. 1909. Т. XI, вып. 1 (Результаты исследований «Приполярного» Запечорья в 1907 и 1908 годах. Т. 45, вып. 1—3).
- Замятин, 1961 — *Замятин С. Н.* Очерки по палеолиту. М.; Л. 1961.
- Збруева, Фосс, 1928 — *Збруева А. В., Фосс М. Е.* Раскопки на дюнах Белого моря близ поселения Красные Горы и ур. Галдарей // Сб. «К 10-летию Октября». М., 1928.
- Зенгер, 1877 — *Зенгер Н. К.* Поездка на золотницкую фабрику доисторических каменных орудий. М., 1877.
- Истомин, 1890 — *Истомин Ф. М.* Поездка в Печорский край летом 1889 г. // ИРГО. 1890. Т. 26.
- Калинина, 1974 — *Калинина И. В.* Орнаментация керамики волго-камского неолита // СА. 1974. № 2.
- Калинина, 1979 — *Калинина И. В.* Гребенчатая и другие группы неолитической керамики Прикамья // Археологический сб. Гос. Эрмитажа. Л., 1979.
- Калинина, 1981 — *Калинина И. В.* Системный подход в изучении орнаментации гребенчатой керамики Прикамья // ВАУ. 1981. Вып. 15.
- Каменецкий, Маршак, Шер, 1975 — *Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А.* Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода). М., 1975.

- Канивец, 1965 — *Канивец В. И.* Древние поселения Южно-Печорской равнины // МАЕСВ. 1965. Вып. III: Древние поселения на Печоре и Вычегде: Отчет о работах 1963 г. в зоне затопления Усть-Войского и Усть-Куломского водохранилищ.
- Канивец, 1973 — *Канивец В. И.* Мезолитические стоянки на Средней Печоре и Усе // МАЕСВ. Сыктывкар, 1973. Вып. IV: Поселения каменного и медно-бронзового века на Печоре и Усе.
- Канивец, 1976 — *Канивец В. И.* Палеолит крайнего Северо-Востока Европы: Бассейн Печоры. М., 1976.
- Канивец, Лузгин, 1963 — *Канивец В. И., Лузгин В. Е.* Археологическая разведка на Южно-Печорской равнине. Отчет о работах 1962 г. в зоне затопления Усть-Войского водохранилища // МАЕСВ. 1963. Вып. II.
- Ковалева, Устинова, Хлобыстин, 1984 — *Ковалева В. П., Устинова Е. А., Хлобыстин Л. П.* Неолитическое поселение Сумпанья IV в бассейне Конды // Древние поселения Урала и Западной Сибири: Сб. науч. тр. Свердловск, 1984.
- Ковнурко, 1973 — *Ковнурко Г. М.* Некоторые сведения о кремневых выходах на Северо-Западе СССР // МИА. 1973. № 172: Этнокультурные общности лесной в лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита.
- Кольцов, 1984 — *Кольцов Л. В.* Мезолитические поселения Верхнего Поволжья // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. М., 1984.
- Королев, 1984 — *Королев К. С.* Жилище эпохи неолита в бассейне Средней Вычегды // Археолого-этнографические аспекты изучения Северного Приуралья: Тр. ИЯЛИ. 1984. Вып. 33.
- Косинская, 1982 — *Косинская Л. Л.* Неолитическая стоянка-мастерская на Выми // Проблемы этногенетических исследований Европейского Северо-Востока: Межвуз. сб. науч. тр. Сыктывкар, 1982.
- Косменко, 1972 — *Косменко М. Г.* Основные этапы развития мезолитической культуры в Среднем Поволжье // СА. 1972. № 3.
- Косменко, 1977 — *Косменко М. Г.* Мезолит Среднего Поволжья // КСИА. 1977. Вып. 149.
- Кравцов, 1987 — *Кравцов А. Е.* О хронологии мезолитических и раннеолитических памятников Мещерской низменности // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья: Тез. докл. Калуга, 1987.
- Крайнов, 1986 — *Крайнов Д. А.* Спорные вопросы неолита центра Русской равнины // Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы: Тез. докл. предстоящей конф. Оренбург, 1986.
- Крайнов, Хотинский, Урбан, Молодцова, 1973 — *Крайнов Д. А., Хотинский Н. А., Урбан Ю. Н., Молодцова Е. М.* Древнейшая раннеолитическая культура Верхнего Поволжья // Вестник АН СССР. 1973. № 5.
- Крайнов, Хотинский, 1977 — *Крайнов Д. А., Хотинский Н. А.* Верхневолжская раннеолитическая культура // СА. 1977. № 3. С. 42—67.
- Кулик, 1914 — *Кулик Н. А.* Поездка в Большеземельскую тундру летом 1910 г. // Тр. Общества землеведения. СПб., 1914. Т. 111.
- Куратов, 1969 — *Куратов А. А.* Изучение неолита в Архангельском Беломорье // АО 1968 г. М., 1969.
- Куратов, 1970 — *Куратов А. А.* Неолит архангельского Беломорья // АО 1969 г. М., 1970.
- Куратов, 1971 — *Куратов А. А.* Древняя история Архангельского Беломорья в эпоху неолита и раннего металла: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ленинград, 1971.
- Куратов, 1978 — *Куратов А. А.* Археологические памятники Архангельской области: Каталог. Архангельск, 1978.
- Куратов, Овсянников, 1978 — *Куратов А. А., Овсянников О. В.* Новейшие археологические исследования на территории Архангельской области // Историография и источниковедение истории северного крестьянства СССР: Северный археографический сборник. Вологда, 1978. Вып. 6.
- Лебедев, 1979 — *Лебедев Г. С.* Археологический тип как система признаков // Типы в культуре. Л., 1979.
- Логинова, 1977 — *Логинова Э. С.* Археологические памятники на оз. Энъты // МАЕСВ. 1977. Вып. 6: Археологические памятники Печоры, Северной Двины и Мезени.
- Логинова, 1978 — *Логинова Э. С.* Поселение Энъты I // МАЕСВ. 1978. Вып. 7: Археологические памятники эпохи палеометалла в Северном Приуралье.
- Логинова, 1979 — *Логинова Э. С.* Ранний неолит на Средней Вычегде // КСИА. 1979. Вып. 157.
- Логинова, 1985а — *Логинова Э. С.* Мезолитические стоянки Средней Вычегды // МАЕСВ. 1985а. Вып. 9: Археологические памятники Северного Приуралья.
- Логинова, 1985б — *Логинова Э. С.* Поселения на Средней Вычегде в эпоху неолита // Науч. докл. КФАН СССР. Сыктывкар, 1985б. Вып. 120.
- Логинова, 1986 — *Логинова Э. С.* Поселение Энъты II // МАЕСВ. 1986. Вып. 10: Памятники материальной культуры на Европейском Северо-Востоке.
- Лузгин, 1972 — *Лузгин В. Е.* Древние культуры Ижмы. М., 1972.
- Лузгин, 1973а — *Лузгин В. Е.* Мезолит и ранний неолит в долине р. Ижмы // МИА. 1973а. № 172: Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита.
- Лузгин, 1973б — *Лузгин В. Е.* Неолитические стоянки Центрального Тимана // МАЕСВ. 1973б. Вып. IV: Поселения каменного и медно-бронзового века на Печоре и Усе.
- Лузгин, 1973в — *Лузгин В. Е.* Поселение Ружникова на Косминских озерах и вопросы неолита Европейского Северо-Востока // МАЕСВ. 1973в. Вып. 5: Археологические исследования в бассейне Печоры.
- Лузгин, 1975 — *Лузгин В. Е.* Работы на приполярном Тимане // АО 1974 г. М., 1975.
- Мартынов, 1980 — *Мартынов А. Я.* Некоторые вопросы этнокультурной истории Архангельского Поморья в VII—I тыс. до н. э. // [Сб.] М. В. Ломоносов и Север. Архангельск, 1980.
- Мартынов, 1983 — *Мартынов А. Я.* Важский бассейн в эпоху мезолита и раннего металла // Архангельское Поморье. История и культура. Архангельск, 1983.
- Мартынов, 1985 — *Мартынов А. Я.* Древняя история Северодвинского бассейна в эпохи мезолита, неолита и раннего металла: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985.
- Массон, 1975 — *Массон В. М.* Системный анализ в археологических исследованиях // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологического исследования. (Материалы симпозиума, методологического семинара ЛОИА АН СССР/ АН СССР, ЛОИА, ЛФК). Л., 1975.
- Матюшин, 1976 — *Матюшин Г. Н.* Мезолит Южного Урала. М., 1976.
- Мезолит СССР, 1977 — Мезолит СССР. Итоги второго мезолитического совещания // КСИА. 1977. Вып. 149.
- Мельничук, Пономарева, 1984 — *Мельничук А. Ф., Пономарева Л. В.* Неолитическая стоянка Чашкинское озеро VI // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. Ижевск, 1984.

- Мильков, 1977 — *Мильков Ф. Н.* Природные зоны СССР. М., 1977.
- Мурыгин, 1984 — *Мурыгин А. М.* Исследования в бассейнах рек Вашки и Печоры // АО 1982 г. М., 1984.
- Никитин, 1978 — *Никитин В. В.* Сутырское поселение (к вопросу о гребенчато-ямочно-волосовских контактах) // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время. Йошкар-Ола, 1978.
- Никитин, 1986 — *Никитин В. В.* Население с накольчатой посудой на Средней Волге // Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы: Тез. докл. предстоящей обл. конф. Оренбург, 1986.
- Никифорова, 1982 — *Никифорова Л. Д.* Динамика ландшафтных зон голоцена северо-востока европейской части СССР // Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене. М., 1982.
- Овсянников, 1982 — *Овсянников О. В.* Отчет Северо-Двинского отряда. Разведка 1982 г. — НА ИИМК, ф. 35, оп. 1, д. 140.
- Ошибкина, 1978 — *Ошибкина С. В.* Неолит Восточного Прионежья. М., 1978.
- Ошибкина, 1983 — *Ошибкина С. В.* Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М., 1983.
- Ошибкина, 1984 — *Ошибкина С. В.* Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1984.
- Панкрушев, 1963 — Отчет о работе Онежской археологической экспедиции и об археологической разведке на Северной Двине в 1963 г. — Архив ИА РАН. Р-1, № 2797-а.
- Панкрушев, 1978. *Панкрушев Г. А.* Мезолит и неолит Карелии. Ч. I: Мезолит. Л., 1978.
- Потапенко, 1975 — *Потапенко Л. М.* Четвертичные отложения и развитие рельефа бассейнов рек Вычегды, Средней Мезени: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. МГУ. М., 1975.
- Рева, 1898 — *Рева К. П.* Следы доисторического населения Архангельской губернии по раскопкам поселка каменного века. Архангельск, 1898. С. 3—33.
- Сериков, 1984 — *Сериков Ю. Б.* Мезолит Среднего Зауралья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984.
- Сидоров, 1986 — *Сидоров В. В.* Льяловская культура в западной части Волго-Окского междуречья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986.
- Смирнов, 1937 — *Смирнов В. И.* Обзор археологических памятников Беломорского побережья Северной области // СА. 1937. Т. IV.
- Сорокин, 1984 — *Сорокин А. Н.* Мезолит Великих Мещерских озер // СА. 1984. № 1.
- Сорокин, 1987. *Сорокин А. Н.* Бутовская мезолитическая культура // Вопросы археологии в истории Верхнего Поочья: Тез. докл. Калуга, 1987.
- Спицын, 1926 — *Спицын А. А.* Древности Севера Вологодской, Архангельской, Северо-Двинской губ. и области Коми // Доклады науч. о-ва по изуч. местного края при Тотемском музее. Тотма, 1926. Вып. IV.
- Стоколос, 1976 — *Стоколос В. С.* Новые работы на Мезени // АО 1975. М., 1976.
- Стоколос, 1977 — *Стоколос В. С.* Первый неолитический памятник на Мезени // МАЕСВ. 1977. Вып. 6: Археологические памятники Печоры, Северной Двины и Мезени.
- Стоколос, 1986. *Стоколос В. С.* Древние поселения Мезенской долины. М., 1986.
- Третьяков, 1972 — *Третьяков В. П.* Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе европейской части СССР. Л., 1972.
- Третьяков, 1963 — *Третьяков П. Н.* Поздненеолитические местонахождения Костромского и Ярославского Поволжья // МИА. 1963. № 110: Тр. Горьковской археолог. экспедиции.
- Тышинский, 1871 — *Тышинский А. Г.* О чудских древностях в Архангельской губернии // Тр. I Археологического съезда в 1869 г. М., 1871. Т. 2.
- Уваров, 1881. *Уваров А. С.* Археология России. Каменный период. Т. 1. М., 1881.
- Федоров-Давыдов, 1970 — *Федоров-Давыдов Г. А.* О статистическом исследовании взаимовстречаемости признаков в археологических комплексах // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.
- Федоров-Давыдов, 1981 — *Федоров-Давыдов Г. А.* Археологическая типология в процессе типобразования // Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. М., 1981.
- Флора северо-востока европейской части СССР, 1974 — Флора северо-востока европейской части СССР. Л., 1974. Т. 2.
- Флора северо-востока европейской части СССР, 1976 — Флора северо-востока европейской части СССР. Л., 1976. Т. 3.
- Формозов, 1954 — *Формозов А. А.* Периодизация мезолитических стоянок европейской части СССР // СА. 1954. № 21.
- Фосс, 1947 — *Фосс М. Е.* Неолитические культуры севера европейской части СССР // СА. 1947. № 9.
- Фосс, 1948 — *Фосс М. Е.* Культурные связи севера Восточной Европы во втором тысячелетии до нашей эры // СЭ. 1948. № 4.
- Фосс, 1952 — *Фосс М. Е.* Древнейшая история севера европейской части СССР // МИА. 1952. № 29.
- Халиков, 1969 — *Халиков А. Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.
- Халиков, 1973 — *Халиков А. Х.* Неолитические племена Среднего Поволжья // МИА. 1973. № 172: Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита.
- Хлобыстин, 1973 — *Хлобыстин Л. П.* Крайний северо-восток европейской части СССР в эпоху неолита и ранней бронзы // МИА. 1973. № 172: Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита.
- Хотинский, 1977 — *Хотинский Н. А.* Голоцен Северной Евразии. М., 1977.
- Хотинский, 1987 — *Хотинский Н. А.* Радиоуглеродная хронология и корреляция природных и антропогенных рубежей голоцена // Новые данные по геохронологии четвертичного периода. М., 1987.
- Цветкова, 1963 — *Цветкова И. К.* Стоянка балахнинской культуры в области нижнего течения Оки // МИА. 1963. № 110: Тр. Горьковской археологической экспедиции.
- Чернов, 1932 — *Чернов Г. А.* Стратиграфия и тектоника угленосного района р. Адзвы в Печорском крае по исследованиям 1929 г. // Изв. Всесоюз. геол.-разв. объединения. М., 1932. Вып. 70.
- Чернов, 1939 — *Чернов Г. А.* Четвертичные отложения юго-восточной части Большеземельской тундры // Тр. Северной базы АН СССР. Вып. 5. М., 1939.
- Чернов, 1941 — *Чернов Г. А.* Стоянки древнего человека на р. Колве, Колва-Вис, Сандибей-ю в Большеземельской тундре // КСИИМК. 1941. Вып. 9.
- Чернов, 1948а — *Чернов Г. А.* Археологические находки в центральной части Большеземельской тундры // Тр. КПИЧП. 1948а. Т. VII, вып. 1.

Чернов, 1948б — *Чернов Г. А.* Стоянки древнего человека в бассейне реки Печоры // КСИИМК. 1948б. Вып. XXXIII.

Чернов, 1951а — *Чернов Г. А.* Археологические находки в восточной части Большеземельской тундры // СА. 1951а. № 15.

Чернов, 1951б — *Чернов Г. А.* Петрушинская стоянка на Средней Печоре // КСИИМК. 1951б. Вып. XXXIX.

Чернов, 1956 — *Чернов Г. А.* Новые археологические находки в Печорском бассейне // КСИИМК. М., 1956. Вып. 64.

Чернов, 1959 — *Чернов Г. А.* Стоянки на Средней Печоре // СА. 1959. № 2.

Чернов, 1962 — *Чернов Г. А.* Стоянки в бассейне р. Адзьвы (Большеземельская тундра) // МАЕСВ. 1962. Вып. I.

Чернов, 1978а — *Чернов Г. А.* Мезолитическая стоянка Сандибей-ю I // СА. 1978а. № 2.

Чернов, 1978б — *Чернов Г. А.* Новые археологические памятники на р. Колве и Сандибей-ю // МАЕСВ. 1978б. Вып. 7: Археол. памятники эпохи палеометалла в Северном Приуралье.

Шнитников, 1957 — *Шнитников А. В.* Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария // Зап. Геогр. о-ва СССР. М.; Л., 1957. Т. 16. Нов. сер.

Штукенберг, 1875 — *Штукенберг А. А.* Отчет о геологическом путешествии в Печорский край и Тиманскую тундру. СПб., 1875.

Штукенберг, 1884 — *Штукенберг А. А.* Каменные орудия и бронзовые вещи, найденные в Печорском крае в 1874 г. // Тр. IV Археол. съезда в Казани. Казань, 1884. Т. 1, ч. 1.

Список сокращений

- АН СССР — Академия наук СССР. М.
АО — Археологические открытия
ВАУ — Вопросы археологии Урала. Свердловск
ВГО — Всесоюзное географическое общество. М.
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры. М.
ГИМ — Государственный Исторический музей. М.
ГЭ — Государственный Эрмитаж. СПб.
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры. М.; Л.
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры РАН. М.
ИКФ ГО — Известия Коми филиала Географического общества. Сыктывкар
ИКФ ВГО — Известия Коми филиала Всесоюзного географического общества. Сыктывкар
ИРГО — Известия Русского географического общества. М.
ИФС — Историко-филологический сборник. Сыктывкар
ИЯЛИ — Институт языка, литературы, истории Коми филиала АН СССР. Сыктывкар
КСИА — Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.; Л.
КПИЧП — Комиссия по изучению четвертичного периода. М.; Л.
КФ АН СССР — Коми филиал АН СССР. Сыктывкар
КФ ВГО — Коми филиал Всесоюзного географического общества
ЛГУ (СПбГУ) — Ленинградский государственный университет им. Жданова
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР (ИИМК РАН)
ЛКФ — Ленинградская кафедра философии АН СССР. Л.
МАЕСВ — Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Сыктывкар
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
НА ИА АН СССР — Научный архив Института археологии АН СССР. М.
РАН — Российская Академия наук. М.
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук. М.
СА — Советская археология. М.
СЭ — Советская этнография. М.
Тр. ИЯЛИ — Труды Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН. Сыктывкар
УЗПГУ — Ученые записки Пермского государственного университета. Пермь

Приложение I. Статистические таблицы

Таблица 1

Соотношение категорий инвентаря опорных мезолитических стоянок бассейна Верхней и Средней Печоры

Категории и группы инвентаря	Стоянки			
	Мартюшевская IV		Петрушинская	
	экз.	%	экз.	%
Всего инвентаря (без чешуек)	122		185	
Орудия, всего	39	100	72	100
Режущие: пластины с ретушью и сработанностью сечения-вкладыши	15	38,5	34	47,2
	8	20,5	14	19,4
Геометрические вкладыши	—	—	—	—
Резцы	1	7,7	3	4,2
Наконечники стрел	—	—	1	1,4
Острия (проколки, сверла, резчики)	1	2,6	1	1,4
Скребки: на пластинах	1	2,6	—	—
на отщепах	—	—	5	7,0
Скобели: на пластинах	1	2,6	2	2,8
на отщепах	7	17,9	12	16,7
Рубящие орудия	—	—	—	—
Ретушеры, отбойники	—	—	—	—
Орудия на пластинах и их доля от числа орудий (%)	32	82,1	55	76,4
Орудия на прочих заготовках	7	17,9	17	23,6
Доля орудий от всего инвентаря (%)		32,0		38,9
Всего неиспользованных заготовок и отходов (без чешуек)	83	100	55	76,4
Нуклеусы, нуклевидные сколы	3	3,6	4	3,5
Пластины: без ретуши и сработанности	39	47,0	14	12,5
мелкие обломки	16	19,3	7	6,1
всего	55	66,3	21	18,6
Отщепы: крупные	3	—	10	—
средние	20	—	2	—
всего	23	27,7	78	69,0
Сколы и обломки: крупные	—	—	2	—
средние	2	—	8	—
всего	2	2,4	10	9,9
Чешуйки и мелкие осколки	54	—	77	—
Доля неиспользованных заготовок и отходов от всего инвентаря (%)		68,0		61,1

Таблица 2

Соотношение категорий и групп инвентаря опорных мезолитических стоянок бассейна Верхней и Средней Печоры

Категории и группы инвентаря	Стоянки			
	Турун-нюр I		Турун-нюр V	
	экз.	%	экз.	%
Всего инвентаря (без чешуек)	730	—	355	—
Орудия, всего	247	100	109	100
Режущие: пластины с ретушью и сработанностью сечения-вкладыши	128	51,8	30	27,5
	34	13,8	19	17,4
Геометрические вкладыши	—	—	1	0,9
Резцы	4	1,6	—	—
Наконечники стрел	2	0,8	—	—
Острия (проколки, сверла, резчики)	1	0,4	8	7,4
Скребки: на пластинах	5	2	7	6,3
на отщепах	20	8	18	16,6
Скобели: на пластинах	2	0,8	10	9,2
на отщепах	48	19,4	5	4,6
Рубящие орудия	1	0,4	5	4,6
Ретушеры, отбойники	2	0,8	2	1,8
Орудия на пластинах и их доля от числа орудий (%)	176	71,3	73	67
Орудия на прочих заготовках	71	28,7	36	33
Доля орудий от всего инвентаря (%)		33,8		30,7
Всего неиспользованных заготовок и отходов (без чешуек)	483	100	246	100
Нуклеусы, нуклевидные сколы	5	1	24	9,8
Пластины: без ретуши и сработанности мелкие обломки	312	62,4	64	26
всего	40	8	12	4,9
	352	70,4	76	30,9
Отщепы: крупные	30	—	29	—
средние	82	—	60	—
всего	112	23,2	89	36,2
Сколы и обломки: крупные	—	—	2	—
средние	14	—	57	—
всего	14	2,9	57	23,2
Чешуйки и мелкие осколки	90	—	176	—
Доля неиспользованных заготовок и отходов от всего инвентаря (%)		66,2		69,3

Таблица 3

**Соотношение категорий и групп инвентаря опорных стоянок
бассейна Нижней Печоры и Большеземельской тундры**

Категории и группы инвентаря	Стоянки					
	Сандибей-ю I		Адак II		Адзьва 13	
	экз.	%	экз.	%	экз.	%
Всего инвентаря (без чешуек)	2260	—	238	—	383	—
Орудия, всего	712	100	139	100	72	100
Режущие: пластины с ретушью и сработанностью сечения-вкладыши	405	56,9	88	63,3	42	58,3
	94	13,2	14	10,1	12	16,7
Геометрические вкладыши	3	0,4	—	—	—	—
Резцы	81	11,4	5	3,6	5	6,9
Наконечники стрел	10	1,4	—	—	—	—
Острия (проколки, сверла, резчики)	28	3,9	1	0,7	—	—
Скретки: на пластинах	6	0,8	3	2,1	1	1,4
на отщепах	13	1,8	5	3,5	2	2,8
Скобели: на пластинах	36	5	12	8,4	2	2,8
на отщепах	33	4,7	11	7,7	8	11,1
Рубящие орудия	—	—	—	—	—	—
Ретушеры, отбойники	4	0,6	—	—	—	—
Орудия на пластинах и их доля от числа орудий (%)	662	93	123	88,5	62	86,1
Орудия на прочих заготовках	50	7	16	11,5	10	13,9
Доля орудий от всего инвентаря (%)		35,5		61,0		18,8
Всего неиспользованных заготовок и отходов (без чешуек)	1550	100	89	100	311	100
Нуклеусы, нуклевидные сколы	29	1,9	6	6,7	1	0,3
Пластины: без ретуши и сработанности	767	49,5	24	27	30	9,6
мелкие обломки	180	11,6	10	11,2	20	6,4
всего	947	61,1	34	38,2	50	16
Отщепы: крупные	80	—	4	—	—	—
средние	422	—	44	—	—	—
всего	502	32,4	48	54	240	77,3
Сколы и обломки: крупные	30	—	—	—	—	—
средние	42	—	1	—	—	—
всего	72	4,6	1	1,1	20	6,4
Чешуйки и мелкие осколки	свыше 900	—	78	—	?	—
Доля неиспользованных заготовок и отходов от всего инвентаря (%)		68,6		39		81,2

Таблица 4

**Соотношение категорий и групп инвентаря опорных стоянок
бассейна Нижней Печоры и Большеземельской тундры**

Категории и группы инвентаря	Стоянки					
	Адзьва 42		Колва-вис 14		Лая II	
	экз.	%	экз.	%	экз.	%
Всего инвентаря (без чешуек)	195	—	203	—	154	—
Орудия, всего	87	100	65	100	69	100
Режущие: пластины с ретушью и сработанностью сечения-вкладыши	43	49,4	17	24,3	9	13
	12	13,8	19	29,2	5	7,2
Геометрические вкладыши	—	—	—	—	—	—
Резцы	5	5,7	7	10,8	4	5,7
Наконечники стрел	—	—	—	—	—	—
Острия (проколки, сверла)	1	1,1	1	1,5	—	—
Скребки: на пластинах	—	—	1	1,5	1	1,4
на отщепях	4	4,6	1	1,5	4	5,7
Скобели: на пластинах	10	11	4	6	1	1,4
на отщепях	11	12,1	15	23,2	44	63,8
Рубящие орудия	—	—	—	—	1	1,4
Ретушеры, отбойники	1	1,1	—	—	1	1,4
Орудия на пластинах и их доля от числа орудий (%)	71	81,6	49	75,4	20	29
Орудия на прочих заготовках	16	18,4	16	24,6	49	71
Доля орудий от всего инвентаря (%)	44,6		32		44,4	
Всего неиспользованных заготовок и отходов (без чешуек)	108	100	138	100	85	100
Нуклеусы, нуклевидные сколы	—	—	—	—	3	3,5
Пластины: без ретуши и сработанности	45	41,7	53	38,4	35	41,2
мелкие обломки	15	13,9	20	14,5	10	11,8
всего	60	55,6	73	52,9	45	53
Отщепы: крупные	—	—	—	—	—	—
средние	—	—	—	—	—	—
всего	40	37	61	44,2	36	42,3
Сколы и обломки: крупные	—	—	—	—	—	—
средние	—	—	—	—	—	—
всего	8	7,4	4	2,9	1	1,2
Чешуйки и мелкие осколки	75	—	?	—	80	—
Доля неиспользованных заготовок и отходов от всего инвентаря (%)		55,4		68		55,2

Таблица 5

Соотношение категорий и групп инвентаря опорных стоянок Вычегды и Северной Двины

Категории и группы инвентаря	Стоянки					
	Филичаевская II		Филичаевская III		Пезмог I	
	экз.	%	экз.	%	экз.	%
Всего инвентаря (без чешуек)	500	—	2740	—	507	—
Орудия, всего	151	100	1265	100	253	100
Режущие: пластины с ретушью и сработанностью сечения-вкладыши	58	38,4	823	65	110	43,5
	50	33,1	274	21,6	73	28,8
Геометрические вкладыши	—	—	—	—	1	0,4
Резцы	10	6,6	82	6,5	20	7,9
Наконечники стрел	—	—	5	0,4	1	0,4
Острия (проколки, сверла)	2	1,3	5	0,4	10	4
Скребки: на пластинах	—	—	—	—	3	1,2
на отщепах	—	—	—	—	1	0,4
Скобели: на пластинах	25	16,6	62	5	16	7,1
на отщепах	6	3,9	14	1,2	14	6,3
Рубящие орудия	—	—	—	—	—	—
Ретушеры, отбойники	—	—	—	—	—	—
Орудия на пластинах и их доля от числа орудий (%)	145	96	1251	98,9	234	92,5
Орудия на прочих заготовках	6	4	14	1,1	19	7,5
Доля орудий от всего инвентаря (%)		30,2		46,1		33,9
Всего неиспользованных заготовок и отходов (без чешуек)	349	100	1475	100	254	100
Нуклеусы, нуклевидные сколы, обломки	10	4,3	15	1	11	4,3
Пластины: без ретуши и сработанности	156	44,7	619	42	98	38,6
мелкие обломки	79	22,6	520	35,2	79	31,1
всего	235	67,3	1139	77,2	177	69,7
Отщепы: крупные	2	—	—	—	10	—
средние	62	—	241	—	59	—
всего	64	18,3	241	16,3	69	27,1
Сколы и обломки: крупные	5	—	—	—	—	—
средние	35	—	80	—	4	—
всего	40	11,5	80	5,4	4	1,6
Чешуйки и мелкие осколки	210	—	800	—	240	—
Доля неиспользованных заготовок и отходов от всего инвентаря (%)		69,8		53,9		66,1

Таблица 6

Соотношение категорий и групп инвентаря опорных стоянок Вычегды и Северной Двины

Категории и группы инвентаря	Стоянки					
	Курьядор		Кузьвомын		Ульяново	
	экз.	%	экз.	%	экз.	%
Всего инвентаря (без чешуек)	1970	—	1555	—	638	—
Орудия, всего	547	100	610	100	347	100
Режущие: пластины с ретушью и сработанностью сечения-вкладыши	218	39,9	304	49,8	130	37,5
	141	25,8	112	18,4	142	40,9
Геометрические вкладыши	—	—	—	—	—	—
Резцы	82	15	115	18,8	26	7,5
Наконечники стрел	1	0,2	—	—	—	—
Острия (проколки, сверла)	14	2,6	12	2,0	6	1,7
Скребки: на пластинах	1	0,2	12	2,0	2	0,6
на отщепах	2	0,4	1	0,2	2	0,6
Скобели: на пластинах	25	4,6	20	3,3	18	5,2
на отщепах	60	11	33	5,4	8	2,4
Рубящие орудия	3	0,6	1	0,2	3	0,9
Ретушеры, отбойники	—	—	—	—	—	—
Орудия на пластинах и их доля от числа орудий (%)	482	88,1	575	94,3	324	93,4
Орудия на прочих заготовках	65	11,9	35	5,7	23	6,6
Доля орудий от всего инвентаря (%)		27,8		39,2		54,4
Всего неиспользованных заготовок и отходов (без чешуек)	1430	100	945	100	291	100
Нуклеусы, нуклевидные сколы, обломки	35	2,4	68	7,2	14	4,8
Пластины: без ретуши и сработанности	628	44	341	36	141	48,5
мелкие обломки	302	21,1	310	32,9	78	26,8
всего	930	65,1	651	68,9	219	75,3
Отщепы: крупные	22	—	—	—	—	—
средние	280	—	—	—	40	—
всего	302	21,1	216	22,8	40	13,7
Сколы и обломки: крупные	63	—	—	—	—	—
средние	100	—	10	—	—	—
всего	163	11,4	10	1,1	18	6,2
Чешуйки и мелкие осколки	1508		650		270	
Доля неиспользованных заготовок и отходов от всего инвентаря (%)		72,2		60,8		45,6

Таблица 7

Соотношение категорий орудий кратковременных стоянок Верхней и Средней Печоры

Категории и группы инвентаря	Стоянки					
	Мартюшевская III	Зареченская	Вера-ди I	Вера-ди II	Касьян-ель	Тыбью III
Всего инвентаря (без чешуек)	28	154	22	17	46	60
Орудия, всего	3	16	1	2	5	18
Режущие: пластины с ретушью и сработанностью сечения-вкладыши	2	12	2	3	1	1
	5	7	5	3	4	3
Геометрические вкладыши	—	—	—	—	—	—
Резцы	—	—	—	—	1	—
Наконечники стрел	—	—	—	—	1	—
Острия (проколки, сверла, резчики)	—	—	—	—	—	—
Скребки: на пластинах на отщепях	—	—	—	—	—	1
	1	2	—	—	1	5
Скобели: на пластинах на отщепях	—	2	2	1	—	—
	2	16	1	2	4	13
Рубящие орудия	—	—	—	—	—	—
Орудия на пластинах	7	35	14	10	9	6
Орудия на прочих заготовках	3	18	1	2	5	18

Таблица 8

Соотношение категорий орудий кратковременных стоянок Верхней и Средней Печоры

Категории и группы инвентаря	Стоянки						
	Кодач-ди I	Кодач-ди II	Митрофан-Дикост	Вампи	Шердинская	Черепань-ка-ди	Зыбун-нор II
Всего инвентаря (без чешуек)	36	35	26	48	22	44	66
Орудия, всего	1	13	3	11	5	8	35
Режущие: пластины с ретушью и сработанностью сечения-вкладыши	7	1	2	2	3	5	20
	3	—	3	1	—	4	8
Геометрические вкладыши	—	—	—	—	—	—	—
Резцы	—	—	2	1	—	—	2
Наконечники стрел	—	—	—	—	—	—	—
Острия (проколки, сверла)	—	—	—	—	1	—	—
Скребки: на пластинах на отщепях	—	—	—	—	—	1	—
	—	6	—	4	2	1	—
Скобели: на пластинах на отщепях	—	—	—	—	—	—	3
	1	7	3	7	3	5	1
Рубящие орудия	—	—	—	—	—	—	—
Орудия на пластинах	26	3	9	7	12	18	34
Орудия на прочих заготовках	1	13	3	11	5	6	1

Таблица 9

Соотношение категорий орудий кратковременных стоянок Нижней Печоры и Большеземельской тундры

Категории и группы инвентаря	Стоянки						
	Сандибей-ю 3	Сандибей-ю 4	Сандибей-ю 5	Сандибей-ю 9	Сандибей-ю 11	Сандибей-ю 14	Колва 10
Всего инвентаря (без чешуек)	26	46	112	49	44	66	165
Орудия, всего	16	23	27	21	22	17	25
Режущие: пластины с ретушью и сработанностью сечения-вкладыши	12	15	12	16	9	9	2
	3	3	2	—	3	2	6
Геометрические вкладыши	1	—	—	—	—	—	—
Резцы	—	2	1	2	4	2	4
Наконечники стрел	—	—	—	—	—	—	—
Острия (проколки, сверла)	—	1	—	—	1	—	1
Скрепки: на пластинах	—	—	—	—	2	—	1
на отщепях	—	—	2	2	—	—	8
Скобели: на пластинах	—	2	6	1	—	—	—
на отщепях	1	—	4	—	3	4	3
Рубящие орудия	—	—	—	—	—	—	—
Ретушеры, отбойники	—	—	—	—	—	—	—
Орудия на пластинах	15	23	21	19	13	14	5
Орудия на прочих заготовках	—	—	6	2	3	4	11

Таблица 10

Соотношение категорий орудий кратковременных стоянок Нижней Печоры и Большеземельской тундры

Категории и группы инвентаря	Стоянки							
	Колва 17	Колва-вис 13	Колва-вис 16	Колва-вис 30 (Блохина)	Черная I	Адак I	Адзьва I	Адзьва 19
Всего инвентаря (без чешуек)	17	24	25	51	53	59	33	119
Орудия, всего	6	15	14	14	40	31	20	15
Режущие: пластины с ретушью и сработанностью сечения-вкладыши	2	5	5	5	26	16	6	9
	2	5	3	3	10	6	4	6
Геометрические вкладыши	—	—	—	—	—	—	—	—
Резцы	1	3	3	1	3	2	—	3
Наконечники стрел	—	—	—	—	—	—	1	—
Острия (проколки, сверла)	—	—	—	—	1	—	—	1
Скрепки: на пластинах	—	—	—	—	1	—	—	1
на отщепях	1	—	—	1	—	1	5	—
Скобели: на пластинах	—	1	—	—	4	2	1	1
на отщепях	—	1	3	4	3	3	5	—
Рубящие орудия	—	—	—	—	—	—	—	—
Ретушеры, отбойники	—	—	—	—	—	—	—	—
Орудия на пластинах	5	5	11	10	36	30	14	15
Орудия на прочих заготовках	1	1	3	5	4	1	6	—

Таблица 11

Соотношение категорий орудий кратковременных мезолитических стоянок Северной Двины и Вычегды

Категории и группы инвентаря	Стоянки						
	Филичаев- ская IV	Приозерный	Чашовица	Явроньга II	Божьюдор	Ветью I	Часадор
Всего инвентаря (без чешуек)	130	61	36	93	56	33	38
Орудия, всего	25	5	5	15	29	7	5
Режущие: пластины с ретушью и срабо- танностью сечения-вкладыши	6	2	1	4	6	1	2
	8	2	3	4	10	2	2
Геометрические вкладыши	—	—	—	—	—	—	—
Резцы	6	—	—	—	—	—	—
Наконечники стрел	—	—	—	—	—	—	—
Острия (проколки, сверла и пр.)	—	—	1	—	6	2	—
Скретки: на пластинах на отщепах	1	1	—	1	5	2	—
	1	—	—	1	—	—	—
Скобели: на пластинах	3	—	—	2	2	—	1
Рубящие орудия	—	—	—	—	—	—	—
Ретушеры, отбойники	—	—	—	—	—	—	—
Орудия на пластинах	24	5	5	11	29	7	5
Орудия на отщепах	1	—	—	1	—	—	—

Таблица 12

Соотношение категорий орудий кратковременных мезолитических стоянок Вычегды

Категории и группы инвентаря	Стоянки						
	Палевица	Нидзь II	Аныб II	Аныб II	Пожег I	Ягкоджд	Воль
Всего инвентаря (без чешуек)	28	43	33	12	12	11	14
Орудия, всего	3	4	7	4	3	5	3
Режущие: пластины с ретушью и срабо- танностью сечения-вкладыши	1	—	1	2	1	1	—
	—	2	2	1	1	2	2
Геометрические вкладыши	—	—	—	—	—	—	—
Резцы	2	1	1	—	—	—	—
Наконечники стрел	—	—	1	—	—	—	—
Острия (проколки, сверла и пр.)	—	—	2	—	—	—	—
Скретки: на пластинах на отщепах	—	1	—	—	—	2	—
	—	—	—	1	—	—	—
Скобели: на пластинах	—	—	—	—	—	—	1
Рубящие орудия	—	—	—	—	—	—	—
Ретушеры, отбойники	—	—	—	—	—	—	—
Орудия на пластинах	3	4	7	4	3	5	2
Орудия на отщепах	—	—	—	1	—	—	1

Таблица 13

Соотношение пластин по ширине на памятниках со смешанным инвентарем

Группы пластин	Вис I	Вис II	Вис III	Явроньга I	Пижма II
До 0,5 см (микропластины)	1	1,8	—	1,5	2,1
0,5—1,0 см (узкие)	34,2	15,3	25,0	33,8	32,9
1,0—1,5 см (средние)	47,4	51,3	50,0	34,8	39,6
1,5—2,0 см (широкие)	13,3	26,3	20,5	18,9	18,8
Более 2,0 см (очень широкие)	4,1	5,3	4,5	11,0	6,6
Всего пластин и орудий на них: %	100	100	100	100	100
экз.	602	220	212	762	584

Таблица 14

Соотношение сечений-вкладышей различных пропорций на памятниках со смешанным инвентарем (% от общего числа сечений)

Группы сечений вкладышей различных пропорций	Вис I	Вис II	Вис III	Явроньга I	Пижма II
Длинные	16,7	13,6	23,5	12,6	16,2
Средние	37,5	40,9	41,2	26,9	43,2
Короткие	45,8	45,5	35,3	60,5	40,6
Всего сечений: %	100	100	100	100	100
экз.	72	44	34	238	74

Таблица 15

Соотношение категорий орудий стоянки Прилукская с учетом типа заготовки

Категория орудий	Заготовки									
	пластина		пластинчатый отщеп		отщеп		сколы и обломки		всего	
	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%
Режущие орудия: ножи сечения	116	22,0	10	2	—	—	—	—	126	24
	86	16,3	1	0,2	—	—	—	—	86	16,3
Геометрические вкладыши	1	0,2	1	0,2	—	—	—	—	2	0,4
Резцы	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Наконечники стрел	14	2,7	—	—	—	—	—	—	14	2,7
Острия: проколки сверла резчики	2	0,4	—	—	—	—	—	—	2	0,4
	1	0,2	—	—	—	—	—	—	1	0,2
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Скребки	5	1,0	7	1,3	55	10,5	4	0,8	71	13,5
Скобели	98	18,6	74	14	27	5,1	16	3	215	40,7
Долотца	1	0,2	—	—	—	—	—	—	1	0,2
Рубящие орудия	—	—	—	—	—	—	3	0,6	3	0,6
Орудия камнеобработки	—	—	—	—	—	—	1	0,2	1	0,2
Прочие обломки орудий	3	0,6	1	0,2	—	—	—	—	4	0,8
Всего орудий	327	62,2	93	17,7	82	15	24	4,6	526	100
% орудий от всего инвентаря (934 экз.)										56,4

Таблица 18

Соотношение категорий орудий стоянки Эньты I (первый комплекс) с учетом типа заготовки

Категория орудий	Заготовки									
	пластина		пластинчатый отщеп		отщеп		сколы и обломки		всего	
	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%
Режущие орудия: ножи сечения	35	5,7	115	20,2	26	4,7	—	—	173	30,6
	15	2,7	—	—	—	—	—	—	15	2,7
Геометрические вкладыши	62	11,1	28	5,0	—	—	—	—	90	16,1
Резцы	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Наконечники стрел	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Острия: проколки сверла резчики	3	0,5	7	1,2	—	—	—	—	10	1,7
	6	1,1	1	0,2	2	0,4	—	—	9	1,7
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Скребки	15	2,7	58	10,4	9	1,6	9	1,6	91	16,3
Скобели	12	2,1	82	14,7	65	11,6	2	0,4	161	28,8
Долотца	1	0,2	—	—	—	—	—	—	1	0,2
Рубящие орудия	—	—	—	—	—	—	4	0,7	4	0,7
Ретушеры, отбойники	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Прочие обломки орудий	—	—	—	—	4	0,7	—	—	4	0,7
Всего орудий	145	26	291	52,2	146	19	16	2,9	558	100
% орудий от всего инвентаря (1230 экз.)										45,4

Таблица 19

Различные группы неиспользованных заготовок и отходов в инвентаре стоянок чернорборской группы

	Прилуцкая		Вонгода I		Чернорборская III		Эньты I (I компл.)	
	кол.	%	кол.	%	кол.	%	кол.	%
Пластины без обработки и следов использования	81	20,4	12	13,3	3	3,3	11	1,6
Пластинчатые отщепы	20	5	8	8,9	6	6,6	53	7,5
Отщепы крупные и средние	119	30,1	36	40	53	58,9	554	78,6
Обломки, осколки крупные и средние	135	34	30	33,3	10	11,1	54	7,7
Нуклеусы и нуклеусные сколы	41	10,4	4	4,4	18	20	34	4,8
Всего неиспользованных заготовок и отходов	396	100	90	100	90	100	706	100
% от всего инвентаря		42,5		43,3		30,3		59,9

Таблица 20

Соотношение различных типов заготовок и орудий на них в инвентаре стоянок чернорборской группы

	Прилуцкая		Вонгода I		Чернорборская III		Эньты I (I компл.)	
	кол.	%	кол.	%	кол.	%	кол.	%
Пластины и орудия на них	408	43,7	88	42,3	80	27,4	156	12,3
Пластинчатые отщепы и орудия на них	113	12,1	21	10,1	70	24	344	27,2
Отщепы и орудия на них	203	21,7	57	27,4	94	32,2	660	52,2
Куски, обломки, осколки	157	16,8	38	18,3	30	10,2	70	5,5
Всего инвентаря	934	100	208	100	292	100	1264	100

Таблица 21

Соотношение керамики различных групп с различным типом орнаментации

Поселения	Группы керамики									Всего сосудов
	I			II			III			
	типы орнаментации									
	В	Б	БВ	ВГ	А	АБ	АБВ	Б	БА	
Прилукская	4			1						5
Вонгода I	1—2									1—2
Черноборская III	4									
Эньты I (I компл.)	8	20	11							39
Ружникова					16	40	10		9	75
Кыско						4	2		4	10
Пижма I					1				3	4
Пижма II					1	17	3		15	36
Явроньга I	5		1		5	57	7	3	8	81
Вис I (пойма)					11	50	12		6	79
Вис I (суходол)	2			10	2	22		22	65	123
Вис II	6			10	1	4		42	126	189
Вис III	1				3	16	6	3	15	44
Половники II						3				3
Соозеро I					2	4			4	10
Клоново II						2				2
Пинежское озеро 4						10	1			11
Пинежское озеро 6						9	2			11
Эньты I (2 компл.)								4	16	20
Эньты III (жилища 1, 2)								5	45	50
Вад									7	7
Кыстырю						1			1	2
Печорская					1				4	5

Приложение II. Краткий свод (табл. 1) и описание опорных памятников эпохи мезолита и неолита

Таблица 1

Памятники эпохи мезолита и неолита на Европейском Северо-Востоке

№ п/п	Название памятника	Комплексы	Высота над уровнем водоема (м)	Характер исследований	Автор и годы исследований
Верхняя и Средняя Печора					
1	Тыбью	мезолит, эпоха бронзы	12	сборы, шурфы	В. Е. Лузгин, 1962
2	Касьян-ель	Мезолит		сборы	В. Е. Лузгин, 1962
3	Мартюшевская III	Мезолит	10	сборы	В. Е. Лузгин, 1962
4	Мартюшевская IV, пункт 1	Мезолит	14—16	сборы, шурфы	В. Е. Лузгин, 1962
5	Зареченская	Мезолит	10	сборы	Г. А. Чернов, 1942 В. И. Канивец, 1962
6	Петрушинская, пункт 6	Мезолит	18	сборы, расчистки	Г. А. Чернов, 1942, 1955; В. И. Канивец, 1963
7	Вампи I	Мезолит	15	сборы	В. И. Канивец, 1963
8	Кодач-ди I	Мезолит	10	сборы	В. И. Канивец, 1963
9	Митрофан-Дикост	Мезолит	15	сборы	В. И. Канивец, 1963
10	Шердинская	Неолит	10	сборы	В. И. Канивец, 1963
11	Деминская, пункты 2, 3	Неолит	10	сборы	В. И. Канивец, 1963
12	Усть-Ляга I	неолит, эпоха бронзы, железа	12	раскопки (24 кв. м), сборы	В. Е. Лузгин, 1962
13	Затон I, пункт 1	неолит, эпоха бронзы	10—15	сборы, расчистки	В. И. Канивец, 1962, 1963
14	Рогодинская I	неолит, эпоха бронзы	15	сборы, расчистки	В. И. Канивец, 1963
15	Рогодинская II	неолит, эпоха бронзы	15	сборы	В. И. Канивец, 1963
Средняя Печора, Ижма					
16	Черепанька-ди	Мезолит	10	сборы	В. И. Канивец, 1968
17	Топыд-нюр V	Мезолит	15	раскопки (67 кв. м)	В. И. Канивец, 1968
17a	Топыд-нюр VII	Мезолит	15	раскопки (100 кв. м)	А. М. Мурьгин, 1984—1985
18	Зыбун-нюр II	Мезолит	15	сборы, шурфы	В. И. Канивец, 1969
19	Турун-нюр I	Мезолит	18	раскопки 64 кв. м	В. Е. Лузгин, 1964—1965
20	Лек-леса	Мезолит	18	сборы	В. Е. Лузгин, 1964
21	Черноборская III	Неолит	14	раскопки 86 кв. м	В. Е. Лузгин, 1964—1965
22	Сирпач-шор	Неолит	14	раскопки 80 кв. м	В. И. Канивец, 1969
Нижняя Печора, Большеземельская тундра					
23	Адзьва I (Ларваник)	Мезолит	16	сборы	В. И. Канивец, 1969
24	Адак I	Мезолит		сборы	Г. А. Чернов, 1956
25	Адак II	Мезолит	32	раскопки (21 кв. м)	В. И. Канивец, 1969—1970
26	Адак III	Мезолит	бечевник	сборы	В. И. Канивец, 1970
27—31	Адзьва 13, 14, 19, 42, 63	Мезолит	терраса II—III	сборы в яреях	Г. А. Чернов, 1952
32	Сандибей-ю I	Мезолит	20	сборы	Г. А. Чернов, 1939, 1975

№ п/п	Название памятника	Комплексы	Высота над уровнем водоема (м)	Характер исследований	Автор и годы исследований
33–42	Сандибей-ю 3—6 (пункт I), 9—11, 13—15	Мезолит	20	сборы	Г. А. Чернов, 1939, 1975
43	Сандибей-ю 8 (Шренк-Ярей)	мезолит, неолит эпоха бронзы	20	сборы	А. В. Журавский, 1907 Г. А. Чернов, 1939, 1975
44–47	Колва 11, 15, 17, 18	мезолит	20	сборы	Г. А. Чернов, 1939, 1975
48–51	Колва 10, 12, 13, 14	мезолит, эпоха бронзы	20	сборы	Г. А. Чернов, 1939, 1975
52–55	Колва-вис 13, 14, 16, 30	мезолит	18—20	сборы	Г. А. Чернов, 1939; А. И. Блохин, 1955
56	Лая I (Миш-Ваньская)	неолит	12	сборы	Г. А. Чернов, 1954
57	Лая II	мезолит, неолит		сборы	Г. А. Чернов, 1954
58	Черная I	мезолит	18	сборы	А. И. Блохин, 1955
59	Черная 18	мезолит	18	сборы	Г. А. Чернов
60	Ярей-ты 5	неолит		сборы	Г. А. Чернов, 1947
61	Ярей-ты 7	мезолит–неолит		сборы	Г. А. Чернов, 1947
62	Поповка	неолит (без керамики)	10	сборы, шурфы	А. А. Штукенберг, 1874; В. Е. Лузгин, 1973
63	Индига I	неолит, эпоха металла	8	сборы	
64	Печорская	неолит	5—6	сборы	Н. Н. Гурина, 1957
Тиман (Косминские озера, Ямозеро, Синдорское озеро)					
65	Ружникова	неолит, эпоха бронзы, средневековые	12	раскопки (100 кв. м)	В. Е. Лузгин, 1970, 1972
66	Кыско	неолит	2	раскопки (32 кв. м)	В. Е. Лузгин, 1970, 1972
67	Алексахина	неолит	4—5	шурфы	В. Е. Лузгин, 1970, 1972
68	Пижма I	неолит, эпохи бронзы, железа	8	шурф (12 кв. м)	В. Е. Лузгин, 1969, 1970
69	Пижма II	мезолит, неолит, эпохи бронзы, железа, средневековые	6	раскопки (76 кв. м)	В. Е. Лузгин, 1969, 1970
70	Вис I	мезолит, неолит, эпохи бронзы, железа, средневековые	суходол 2—3 м; пойма, торфяник	3 раскопа (186, 416, 26 кв. м)	Г. М. Буров, 1957—1964
71	Вис II	мезолит, неолит, эпохи бронзы, железа, средневековые	3—4 м	2 раскопа (216, 64 кв. м)	Г. М. Буров, 1957—1963
72	Вис III	мезолит, неолит, эпохи бронзы, железа	4	раскопки (40 кв. м)	Г. М. Буров, 1957
73–74	Синдорское озеро II, XI	неолит, эпоха бронзы	2	сборы, шурфы	Г. М. Буров, 1957
Верхняя и Средняя Вычегда					
75	Чертас I	мезолит	4	сборы, шурф (48 кв. м)	Э. С. Логинова, 1975, 1980
76	Чертас II	мезолит (жилище)		раскопки (88 кв. м)	Э. С. Логинова, 1980—1981
77	Кузьвомын (верхний)	мезолит	9	раскопки (242 кв. м)	Г. М. Буров, 1957—1958
78	Ягкодж I	неолит, эпоха бронзы, средневековые	8	сборы, шурфы	Г. М. Буров, 1957—1958
79	Ягкодж III	мезолит	22	сборы	Г. М. Буров, 1957
80	Воль I	мезолит	12	шурф	Г. М. Буров, 1958
81	Ульяново	мезолит, эпоха железа	18	раскопки (36, 32, 178 кв. м)	Г. М. Буров, 1957—1959
82	Пезмог I	мезолит	15	сборы	Г. М. Буров, 1957—1959
83	Курьядор	мезолит	15	сборы	Г. М. Буров, 1957—1959

№ п/п	Название памятника	Комплексы	Высота над уровнем водоема (м)	Характер исследований	Автор и годы исследований
84	Курьядор II	мезолит	15	сборы, шурф (4 кв. м)	Э. С. Логинова, 1980
85	Нидзь II	мезолит	12—15	сборы	Г. М. Буров, 1957
86	Пожег	мезолит	12—15	сборы	Г. М. Буров, 1957
87	Аныб I	мезолит	7	сборы	Г. М. Буров, 1957
88	Палевица II	мезолит	12	сборы	Г. М. Буров, 1957
89	Керчемья	неолит, эпоха бронзы			Г. М. Буров, 1957—1959
90	Ванвиздино	мезолит, неолит, эпохи бронзы, железа	дюна на I террасе	сборы, шурфы	Г. М. Буров, 1963; В. И. Каневец, 1972
91	Эньты I	неолит, 2 комплекса	6	раскопки	Э. С. Логинова, 1974—1983
92–93	Эньты III, IV	неолит (жилища)	6	раскопки	Э. С. Логинова, 1974—1983
94	Вад I	неолит (жилища)	5–7	раскопки	Э. С. Логинова, 1974
Нижняя Вычегда, Вымь					
95	Половники II	неолит	пойма, 4—5	раскопки 84 кв. м	Л. Л. Косинская, 1974—1983
96	Весляны	мезолит		сборы при раскопках средневековых могильников	Л. Л. Косинская, Э. С. Савельева, доследуются Л. Л. Косинской
97	Ветью	мезолит	10—15		
98	Часадор	мезолит			
99	Божьюдор	мезолит			
100–103	Язгора, Сосновская, Паламыш, Сольвычегодск	мезолит	10—15	местонахождения единичных предметов	В. И. Каневец, 1970
Северная Двина, Пинега, Беломорье					
104	Филичаевская II	мезолит	15	раскопки (30 кв. м)	И. В. Верещагина, 1972—1973
105	Филичаевская III	мезолит		раскопки (40 кв. м)	И. В. Верещагина, 1972—1973
106	Филичаевская IV	мезолит		раскопки (16 кв. м)	И. В. Верещагина, 1972—1973
107	Комарово	мезолит	10	сборы, шурфы	И. В. Верещагина, 1976
108	Приозерный IV	мезолит	10—15	сборы	И. В. Верещагина, 1973
109	Приозерный V	мезолит	10	шурф (16 кв. м)	И. В. Верещагина, 1984
110	Чашовица	мезолит	15	сборы	И. В. Верещагина, 1973
111	Явроньга I	мезолит, неолит, эпоха бронзы	0,5—3	раскопки (36 кв. м), шурфы	Г. М. Буров, 1968
112	Явроньга II	мезолит	1—2	шурфы	Г. М. Буров, 1968
113	Прилукская	неолит	22—26	раскопки (150 кв. м)	И. В. Верещагина, 1973
114	Вонгода	неолит	10—15	раскопки (32 кв. м)	И. В. Верещагина, 1972, 1978
115	Соозеро I	неолит, эпоха бронзы	3	исследуется	И. В. Верещагина, 1976
116–118	Клоново I, II, III	неолит	2—3	исследуется	И. В. Верещагина, 1979
119–120	Ковозеро I, II	неолит, энеолит	1—2	сборы, шурфы	Г. М. Буров, 1967
121	Пинежское озеро III	неолит	2—3	сборы, шурфы	Г. М. Буров, 1967
122	Пинежское озеро IV	энеолит	2—3	сборы, шурфы	Г. М. Буров, 1967
123	Пинежское озеро VI	энеолит	2—3	сборы, шурфы	Г. М. Буров, 1967

№ п/п	Название памятника	Комплексы	Высота над уровнем водоема (м)	Характер исследований	Автор и годы исследований
124	Усть-Обокша	мезолит	18—20	сборы	А. Я. Мартынов, 1973
125	Орлецы I	неолит, энеолит		раскопки	А. А. Куратов, 1966—1973
126	Лавля	неолит		сборы	К. П. Рева, 1927; В. И. Смирнов, 1937
127	Бык	неолит		сборы	К. П. Рева, 1927
128	Куя	неолит		сборы	В. И. Смирнов, 1937
129	Никольская	неолит, эпоха раннего металла	4	сборы	В. И. Смирнов, 1937
130	Зимняя Золотица	неолит, эпоха раннего металла	4	сборы, шурфы	Г. Сандберг, 1876; Н. К. Зингер, 1877; Г. Гальштрем, 1910; В. И. Смирнов, 1934—1936; А. А. Куратов, 1967—1968
132	Кудьмозеро	неолит		исследуется	В. И. Смирнов, 1936; А. А. Куратов, А. Я. Мартынов, 1977
133	Ненокса	неолит, раннее железо	3—4	сборы	К. П. Рева, 1893; Г. Гальштрем, А. Я. Брюсов, М. Е. Фосс, А. В. Збруева, 1924—1928; В. И. Смирнов, 1934; А. А. Куратов, 1971
134	Пертоминск	мезолит		сборы	К. П. Рева, 1893; А. Я. Брюсов, В. И. Смирнов, 1934; А. А. Куратов, 1960, 1977
135	Галдарея I	неолит	шестой ряд дюн	сборы, раскопки	К. П. Рева, 1893; А. Я. Брюсов, М. Е. Фосс, 1924—1928; А. А. Куратов, 1969
136	Крылово	неолит, кремнедобывающие мастерские		сборы, шурфы	А. А. Куратов, 1971
137	Першково	неолит, кремнедобывающие мастерские		сборы, шурфы	А. А. Куратов, 1971
138	Пепино	неолит, кремнедобывающие мастерские		сборы, шурфы	А. А. Куратов, 1971
139	Березник	неолит, кремнедобывающие мастерские		сборы, шурфы	А. А. Куратов, 1971
140	Чакола	неолит, кремнедобывающие мастерские		сборы, шурфы	А. А. Куратов, 1971
Бассейн Мезени					
141	Каменка	мезолит	15—20	сборы, зачистки	И. В. Гаврилова, 1974—1975
142	Забортье	мезолит	15—20	сборы, зачистки	И. В. Гаврилова, 1974—1975
143	Лещуконское	мезолит	15—20	сборы, зачистки	И. В. Гаврилова, 1974—1975
144	Кыстырью	неолит	10	раскопки (48 кв. м)	В. С. Стоколос, 1973—1974
Бассейны Ваги, Устья (левобережье Северной Двины)					
145	Мармугино (Мармылино)	неолит, эпоха раннего металла		раскопки	М. Е. Фосс, 1937; Г. М. Буров
146	Матвеевская	мезолит		исследуется	А. Я. Мартынов, 1977
147	М. Каргачево	мезолит		исследуется	А. Я. Мартынов, 1977

№ п/п	Название памятника	Комплексы	Высота над уровнем водоема (м)	Характер исследований	Автор и годы исследований
148	Горка (Оклябинская)	мезолит		исследуется	А. Я. Мартынов, 1977
149	Подгорная (Устьяновская)	мезолит		исследуется	А. Я. Мартынов, 1977
150	Кадыевская	мезолит		исследуется	А. Я. Мартынов, 1977
151	Усть-Кизема	мезолит	15	исследуется	И. В. Верещагина, 1982
152	Корбала	мезолит	8—10	шурф, зачистки (16 кв. м.)	И. В. Верещагина, 1977
153–170	Шатпурга, Туриха, Пушкинская, Марково, Остапово, Набережная, Б. Заборье, М. Заборье, Ирзеньга, Котельники, Власовская, Рубеж, Копеевская, Левково, Рудинская, Сельменьга, Осиново, Шолоша	неолит	террасы I—II	исследуются шурфы, сборы	А. Я. Мартынов, 1977
171	Заозерье	неолит, энеолит	пойма	шурф (16 кв. м)	О. В. Овсянников, И. В. Верещагина, 1977
Бассейн Вычегды (дополнение)					
172	Парч (три пункта)	мезолит	пойма	исследуются	А. В. Волокитин, 1984—1987
173	Кужба	мезолит	16	раскопки, сборы	Э. С. Логинова, 1975—1980
174	Кужью	мезолит	8		Э. С. Логинова, 1975—1980
175	Озьяг IV	мезолит	21	раскопки, сборы	Э. С. Логинова, 1975—1980

Опорные памятники бассейна Верхней и Средней Печоры

Мезолит

Стоянка Мартюшевская IV (рис. 1, пункт 4) расположена на правом берегу реки Северная Мылва, левого притока Печоры, на останце 2-й надпойменной террасы высотой 14—16 м [Канивец, Лузгин, 1963]. Площадь памятника по встречаемости находок 280×40 кв. м. Культурный слой частично нарушен и обнажен. Материалы разновременны, четко выделяются два комплекса: 1 — мезолитический, 2 — эпохи раннего железного века.

Материалы мезолитического облика (пластины, сечения и орудия на них) в небольшом количестве встречались по всей площади стоянки, но в чистом виде они были найдены на возвышении в центре стоянки (участок 1, шурф А).

Стратиграфия: растительно-почвенный слой — 0,05—0,07 м; желтый песок — 0,08—0,10 м; светло-желтый подстилающий песок. Находки в виде скоплений встречались сразу под почвенным слоем до глубины 0,15 м. Для количественного сопоставления использованы материалы только этого участка стоянки. На остальной площади памятника с уверенностью можно отнести к мезолиту только пластины и изделия на них, так как пластинчатая форма заготовки не характерна для памятников эпохи раннего железного века. Изделия

на остальных типах заготовок и сами заготовки и отходы расчленили практически не удалось.

Инвентарь, полученный с первого участка стоянки, представлен 122 предметами из кремня преимущественно различных оттенков серого цвета (прил. I, табл. 1). Существенно преобладают пластины и изделия на них, составляя 71,3 % (87 экз.) от общего количества инвентаря (рис. 2). Преобладают пластины шириной 0,6—1,5 см, микропластины единичны, широкие отсутствуют (рис. 4б). Орудия на пластинах составляют 82,1 % от всех орудий: ножевидные и скобелевидные орудия на пластинах и сечениях, с ретушью или следами сработанности, угловые резцы, концевой скребок со скошенным лезвием (рис. 2, 9).

Стоянка Петрушинская (рис. 1, пункт 6) была открыта на правом берегу Печоры напротив деревни Петрушино [Чернов, 1951б; Канивец, 1965] у края третьей надпойменной террасы высотой 16 м.

Разновременные материалы, включающие комплексы мезолита, медно-бронзового века, раннего железного века, собраны на участке общей протяженностью 600 м с концентрацией их в шести пунктах. Культурный слой обнажен, местами разрушен.

Инвентарь мезолитического облика встречен в пунктах 3, 4, 5, 6, удаленных друг от друга на 40—200 м.

Каждый из них, по всей вероятности, был самостоятельной кратковременной стоянкой.

В чистом виде материалы мезолитического облика выявлены в пункте 6 на южной окраине памятника. Материал собран с поверхности и при расчистках сохранившейся части культурного слоя. Всего 185 предметов из кремня преимущественно светло-серого цвета. Пластины и изделия на них составляют 41 % (76 экз.); орудия на пластинах — 76,4 % (55 экз.) от общего количества орудий. Набор орудий не отличается разнообразием: пластины с ретушью и следами сработанности (47,2 %); сечения-вкладыши (19,4 %), среди которых в равной степени представлены короткие, средние и длинные (рис. 50); угловые резцы на массивных пластинах (3 экз.), на двух — рабочий угол оформлен резцовыми сколами (рис. 3, 14, 15), а у третьего — мелкой ретушью (рис. 3, 13). Одно из орудий предположительно является наконечником стрелы (рис. 3, 16), имеет листовидную форму, усеченное основание и обработано по краям полукруглой ретушью. Два концевых скребка изготовлены на пластинчатых отщепках (рис. 3, 17, 18), а остальные — на отщепках случайной формы. Скобели представлены экземплярами на отщепках с нерегулярно ретушированным выемчатым рабочим краем (12 экз.).

Характерным для инвентаря Петрушинской стоянки является, во-первых, использование преимущественно узких и средних пластин при существенной роли широких (рис. 47). Нуклеусы представлены несколькими обломками, очевидно призматической формы с одной площадкой (рис. 3, 24, 25) с негативами от снятия довольно широких, не всегда правильных пластин. Во-вторых, пластины и сечения ретушировались по краю значительно чаще, чем на предыдущей стоянке, причем ретушь имеет более регулярный характер.

Стоянка относится к группе поздних мезолитических памятников и датируется 6—5-м тыс. до н. э.

Стоянка Т о п ы д - н ю р V (рис. 1, пункт 17) была открыта на правом берегу Печоры в урочище Топыд-нюр, в двух километрах западнее дер. Бызовая на 2-й надпойменной террасе высотой 15 м [Канивец, 1973. С. 3—12].

Площадь раскопа 67 кв. м охватила практически всю стоянку. Основные материалы были сосредоточены в центре раскопа. Здесь же выявлены остатки жилища. За пределами жилища стратиграфия обычная для борových террас. Жилище зафиксировано на глубине 0,30 м от современной поверхности и представляло собой яму приближенно-овальной формы длиной 4,5 м и шириной 2,2 м; заполнение темноцветное с угольками, пеплом, мелкими кальцинированными костями, обожженными камнями и другими находками. Максимальная мощность заполнения — 0,70 м. Стенки котлована с трех сторон были почти вертикальные, а стена со стороны предполагаемого входа — пологая. Верхняя часть заполнения включала, по всей вероятности, сгоревшие остатки наземной части конструкции жилища. Обожженные камни, возможно, были составной частью этой конструкции, а возможно, явля-

лись обкладкой очагов и были выброшены наружу при их чистке. После выборки заполнения котлована на глубине 0,80 м от современной поверхности и приблизительно 0,50 м от древней поверхности выявились два очага, один из них, размером 2,0×0,7 м, — в непосредственной близости от предполагаемого входа, а другой, размером 1,0×0,8 м, — у противоположной стенки. Очажные линзы имели более плотное заполнение мощностью до 0,20 м, хотя по цвету и составу напоминали заполнение котлована.

Жилище, судя по значительной глубине котлована, относится, по всей вероятности, к типу полуземлянок или землянок, но реконструкция наземного перекрытия по имеющимся данным не представляется возможной. Наличие углубленного жилища свидетельствует, скорее всего, о зимнем характере обитания.

Основная часть инвентаря стоянки была получена в жилищном котловане и в непосредственной близости от него. Материалы представлены 355 кремневыми предметами без учета чешуек и мелких осколков (прил. I, табл. 2). Использовался преимущественно плитчатый кремль различных оттенков серого цвета.

Нуклеусы, представленные 13 экземплярами и 11 нуклеидными обломками и сколами (рис. 6, 1—6), не отражают в полной мере все стадии расщепления кремня. Так, например, за исключением одного скола, отсутствуют нуклеусы с негативами от снятия правильных ножевидных пластин. Имеющиеся экземпляры — призматические, одно-двухплощадочные, приближенно-конусовидные, и один — аморфного типа с негативами от снятия небольших отщепов (прил. II; рис. 6; 4), являющийся, очевидно, лишь заготовкой конусовидного или призматического нуклеуса. Пластины и изделия на них составляют 42 % (149 экз.); отщепы, обломки и орудия на них — 69,3 % (176 экз.). Можно с уверенностью говорить о преобладании пластинчатой техники в изготовлении орудий, так как орудия на пластинах составляют 67 %, а на прочих типах заготовок — 33 % от общего числа орудий. Набор изделий на пластинах значительно разнообразнее. Обращает на себя внимание широкий диапазон пластин по ширине: встречаются как микропластины, так и широкие (более 2 см); существенно преобладают пластины шириной от 0,6 до 1,5 см (рис. 47).

Преобладающей является категория режущих орудий, а в ней — пластины с ретушью и следами сработанности; среди последних заметно доминируют короткие (рис. 50). Большая часть пластин и сечений (72,4 %) ретушированы по всему краю или частично. Остальные (27,6 %) использовались без предварительной обработки, но имеют хорошо выраженные следы сработанности.

Два сечения имеют трапециевидную форму и ретушь на одном из торцов (рис. 4, 4, 6). Пластины с резцовыми сколами отсутствуют. Сколы на пяти пластинах, отнесенных В. И. Канивцом к резцам, не характерные и, скорее всего, являются случайными или неудачными. Многие пластины и сечения имеют крупноретушированный или сработанный угол и выполняли, вероятно, функцию резчиков. Выделяется группа

острый с концом, обработанным мелкой ретушью, использовавшихся, видимо, в качестве проколов.

Сравнительно многочисленны скребки (25 экз.). Среди них — семь концевых круторетушированных скребков на пластинах (рис. 4, 19, 22); остальные — концевые на пластинчатых отщепках (рис. 5, 2, 3, 5, 8—11) или отщепках подтреугольной или трапециевидной формы со слабовыпуклым рабочим краем (рис. 5, 6, 7, 12—15).

Важной особенностью каменного инвентаря стоянки является наличие шлифованных рубящих орудий из кремнистой глинистой опоки (рис. 6, 7) и тесла (рис. 7, 3). Топор имеет приближенно четырехугольную форму со слабо выступающим обушком и близкое к овалу поперечное и продольное сечения. Тесло — подтреугольной формы с трапециевидным поперечным сечением; отшлифовано полностью с выпуклой стороны и частично, у лезвия, — с плоской.

Представляется вполне возможным отнесение к этому комплексу еще трех топоров из алеволита, найденных у кромки террасы в 150 м от жилищной впадины (рис. 7, 1, 2, 4). Форма приближенно прямоугольная со скругленными в той или иной степени углами, подпрямоугольное поперечное сечение, шлифовка частичная (только у лезвия) или полная односторонняя.

Правомерной представляется точка зрения В. И. Канивца о позднемезолитическом возрасте стоянки и датировка ее ориентировочно в пределах 5-го тыс. до н. э.

Стоянка Топыд-нюр VII (рис. 1, пункт 17а) открыта в 1984—1985 гг. при исследовании средневекового поселения [Мурыгин, 1984].

Памятник расположен в 300 м к юго-западу от предыдущей стоянки у края той же боровой террасы. Сведения о планиграфии находок и конструктивных особенностях остатков выявленного жилища пока отрывочны, но предполагается его наземное строение с каменной вымосткой [Волокитин, 1987. Рис. I].

Достаточно полно охарактеризован каменный инвентарь из 266 предметов.

Нуклеусы представлены обломками, сработанными экземплярами, нуклеидными сколами. Пластины — 68 экземпляров, среди которых преобладают средние; а микропластины — единичны. Вторичная обработка отмечается на 31 пластине и 16 (из 193) отщепках. Орудия — девять резцов на углу пластин и сечений; шесть пластинок и сколов с ретушью или следами сработанности на конце; 13 скобелей на отщепках, пластинах и сколах с выемчатым краем. Категория резцов представлена слабо. Среди сечений пластин с ретушью или следами сработанности преобладают короткие и средние. Отмечены находки нескольких сланцевых отщепов со следами шлифования.

А. В. Волокитиным [Волокитин, 1987. С. 10—13] отмечается сходство стоянок Топыд-нюр VII и Топыд-нюр V, проявляющееся в технике первичного расщепления и характере орудийного набора. Судя по опубликованным данным, такое сходство представляется очевидным.

По образцам угля получены две радиоуглеродные даты: 6450 ± 60 (ЛЕ 2739) и 4640 ± 150 (ЛЕ 2740) лет назад. Первая из них вполне подтверждает типологи-

ческую датировку предыдущего памятника позднемезолитическим временем.

Стоянка Турун-нюр I была открыта в нижнем течении реки Ижмы, правого притока Печоры (рис. 1, пункт 19), у края 18-метровой надпойменной террасы [Лузгин, 1972. С. 23—27; 1973а. С. 95—96]. Вскрыта практически вся площадь стоянки (64 кв. м). Культурный слой маркируется находками с верхней границы залегания — 0,08 м, нижней — 0,26 м от современной поверхности. На стоянке расчищен очаг, который, возможно, был выложен камнями; их обожженные обломки зафиксированы в виде скопления поверх прокаленной очажной линзы с заполнением красно-бурого цвета мощностью 0,06—0,08 м.

Инвентарь стоянки равномерно распределялся по площади раскопа. Только в двух случаях были отмечены небольшие скопления кремневых предметов. Собрано 730 предметов из светло-серого кремня (без чешуек).

Нуклеусы представлены одним целым экземпляром, двумя нуклеидными сколами: поперечным и продольным. Все они относятся к типу конусовидных с негативами от снятия правильных ножевидных пластин шириной не более 1 см (рис. 8, 29—31).

Пластины и изделия на них составляют 72,3 % (528 экз.), изделия на других типах заготовок — 26,8 %. Орудий на пластинах — 71,3 %, изделий на других типах заготовок — 28,7 % от общего числа орудий (109 экз.). Самую большую группу орудий составляют пластины с ретушью и следами сработанности — 52,6 % (130 экз.) от числа орудий.

Второе место занимают сечения-вкладыши — 13,8 % (34 экз.), среди которых преобладают длинные и средние (рис. 8, 1—16; 49).

Только 19,5 % всех пластин и сечений имеют вторичную обработку, остальные — только макроследы сработанности. Большое количество пластин (312 экз.) не имеют ни ретуши, ни видимых следов сработанности.

Пластины характеризуются высокой степенью микролитизации: преобладают пластины шириной 0,6—3,0 см; большой процент составляют микропластины, остальные группы — в меньшем количестве.

Сравнительно большую группу составляют скребки, пять из которых — концевые на коротких пластинах (рис. 8, 25—27), остальные — на пластинчатых отщепках и отщепках сравнительно устойчивой подтреугольной или трапециевидной формы. Это концевые и смежно-лезвийные скребки со слабовыпуклым или прямым рабочим краем, а также однолезвийные скребки на отщепках случайной формы.

На стоянке найдено два обломка наконечников стрел на пластинах листовидно-черешковой формы (рис. 8, 23, 24). Черешок слабо выделен крутой ретушью со спинки или брюшка, в одном случае — противоположной ретушью. Слегка подработано ретушью острие наконечников.

Пластин с резцовыми сколами всего четыре, две из них — с ретушированным углом (рис. 8, 11, 18).

В отличие от предыдущей стоянки, здесь найдено кремневое рубящее орудие приближенно-овальной формы, несколько асимметричное в плане и профиле (рис. 9, 8). Скорее всего, его можно отнести к теслам, так как, будучи изготовлено путем двусторонних сколов, дополнительную подправку крутой ретушью оно имеет лишь с одной стороны, что еще больше подчеркивает асимметричность профиля у лезвия.

Инвентарь стоянки сочетает признаки как более ранних памятников, так и более поздних. Ориентировочная его датировка — 6—5-е тыс. до н. э.

Неолит

Стоянка Черноборская III (рис. 1, пункт 21) открыта В. Е. Лузгиным [Лузгин, 1972; 1973а] на левом берегу реки Ижмы, левого притока Печоры, в 460 м от края 14—15-метровой боровой террасы, что гипсометрически соответствует уровню 2-й надпойменной террасы для рек Печорского бассейна.

Стратиграфия типична для боровых террас: растительно-почвенный слой — 0,02—0,03 м; подзолистый горизонт — 0,04—0,08 м; желтовато-серая супесь — 0,16—0,28 м; красноватый песок с ортштейновыми включениями — 0,02—0,04 м (прослеживался не на всей

площади памятника); светло-желтый крупнозернистый песок (материк). Культурный слой фиксировался находками, которые залежали главным образом в нижней части подзолистого горизонта и слое желтовато-серой супеси. Мощность его не превышала 0,35 м.

Планиграфически находки залежали неравномерно, в виде небольших скоплений. Очаги или кострища на стоянке не выявлены, но периодически встречались обломки обожженных галек. В центральной части стоянки зафиксированы скопления обожженных костей животных, среди которых большая часть принадлежала северному оленю, а остальные — лосю.

Инвентарь представлен 884 кремневыми предметами, среди них 203 орудия, а остальные — отходы и неиспользованные заготовки (прил. I, табл. 17, 19, 20; рис. 68—71). Керамика насчитывает 40 фрагментов не менее чем трех сосудов с ямчатым типом орнаментации (рис. 91, 4—5).

В. Е. Лузгиным стоянка отнесена к раннему неолиту и датируется в пределах первой половины 3-го тыс. до н. э.

В данной работе Черноборская III интерпретируется как один из опорных памятников черноборской группы и датируется в пределах 4—первой половины 3-го тыс. до н. э.

Памятники бассейна Нижней Печоры, Малоземельской и Большеземельской тундры

Мезолит

Стоянка Сандибей-ю I (рис. 1, пункт 32) была открыта Г. А. Черновым в 1939 г. в правобережье Печоры на правом берегу реки Сандибей, правого притока Колвы [Чернов, 1941]. Повторно она обследовалась в 1975 г. [Чернов, 1978а; 1978б], а небольшая коллекция из этого пункта была передана автору геофизиками в 1973 г.

Памятник расположен на высоком (20 м) берегу между кромкой террасы и верховым озером. Материалы собирались на поверхности выдувов, «яреев», а в 1975 г. — с поквдратной их фиксацией. Общая площадь, с которой производились сборы, — 200×4 м. Всего на стоянке собрано свыше 3,5 тыс. кремневых предметов, включая чешуйки и мелкие осколки.

В работе использованы материалы в количестве 2260 предметов (без чешуек), в том числе 712 орудий (прил. I, табл. 3; рис. 15—17). Преобладают орудия на пластинах, составляющие 93 % (662 экз.) от общего числа орудий. На отщепах и прочих заготовках оформлено всего 7 % орудий (50 экз.). Среди орудий преобладают ножи и скобели на пластинах и сечениях, резцы. Сравнительно небольшие серии составляют скребки на пластинах и отщепах, проколки и прочие острия, черешковые наконечники стрел на пластинах, близкие к поствидерским (рис. 17, 1—10). В единичных случаях отмечаются геометрические вкладыши — низкая асимметричная трапеция и прямоугольники (рис. 15, 8; 17, 13).

Нуклеусы — 29 экз., преобладают призматические одно-, двух- и трехплощадочные, встречаются кону-

совидные и клиновидные, а также уплощенные с односторонним торцовым скалыванием. Представлены все стадии их расщепления, но не в равной степени.

Преобладают пластины узкие и средние, но существенную роль играют и микропластины (рис. 47). Встречаются первичные (с коркой), ребристые и неправильные пластины, на которых также нередко делались орудия. Среди сечений доминируют средние и длинные (рис. 50). Вторичная обработка играла при изготовлении орудий заметную роль. Периодически встречается притупляющая ретушь, что редко отмечается в материалах других стоянок.

В целом инвентарь стоянки сочетает признаки как более ранних, так и позднемезолитических памятников. Его возраст ориентировочно определяется в пределах 6—5-го тыс. до н. э.

По топографии и условиям залегания материала на поверхности выдувов близкими являются почти все стоянки этого района, в том числе и опорные, инвентарь которых привлекался в той или иной мере для количественных сопоставлений.

Стоянка Колва-вис 14 (рис. 1, пункт 55) открыта Г. А. Черновым в 1939 г. на правом берегу Колвы-вис, правого притока Колвы [Чернов, 1941; 1948а]. Предположительно в этом же пункте в 1956 г. произведены сборы материала геологом А. И. Блохиным.

В результате получена коллекция из 203 кремневых предметов, среди которых орудия на пластинах составляют 75,4 % от общего числа орудий (прил. I, табл. 4; рис. 21, 9—21). Пластинчатая индустрия характеризуется укрупненным характером заготовок, среди

которых основное место занимают пластины и их сечения с ретушью или следами сработанности (рис. 44; 47; 48; 53).

Стоянка отнесена предположительно к числу позднемезолитических памятников.

Лая II (рис. 1, пункт 57) открыта Г. А. Черновым в 1954 г. на левом берегу реки Лаи к северу от деревни Мишь-Вань [Чернов, 1956].

Собранные с поверхности материалы представлены 154 предметами, в том числе 68 орудиями, среди которых доминируют изделия на отщепках (71 %). Главным образом это скребки и скобели с выемчатым краем. Среди орудий на пластинах найдены ножи и скобели с ретушью, четыре угловых резца и концевой скребок (прил. I, табл. 4; рис. 22, 1—15).

В качестве заготовок использовались пластины шириной от 0,8 до 2,0 см (рис. 47), то есть пластинчатая индустрия имеет ярко выраженный укрупненный характер, что позволяет датировать стоянку позднемезолитическим временем. Нельзя также отрицать наличия неолитического комплекса, если учесть, что на соседней стоянке Лая I (Мишь-Ваньской), характеризующейся очень похожим кремневым инвентарем, найдена гребенчато-ямочная керамика.

Стоянки на реке Адзьве, правом притоке Усы, в большинстве случаев также разрушены, и материалы собраны с поверхности выдувов. Инвентарь мезолитического облика встречен на многих из них, но вместе с более поздними комплексами. Типологически однородным и многочисленным он выглядит в пунктах сбора или на стоянках Адзьва 13 и Адзьва 42 (рис. 1, пункты 27, 30), открытых Г. А. Черновым на левом берегу Адзьвы [Чернов, 1962]. На первой из них инвентарь представлен 383 предметами (прил. I, табл. 3; рис. 14, 1—20), а на второй — 195 предметами (прил. I, табл. 4; рис. 14, 21—29). Стоянки на основе типолого-статистического анализа материала (рис. 44, 45, 47, 48, 51, 53) ориентировочно датированы поздним мезолитом (6—5-е тыс. до н. э.).

Стоянка Адак II (рис. 1, пункт 25) открыта В. И. Канивцом на правом берегу р. Усы западнее-северо-западнее дер. Адак на вершине скалы Юра-Щелье высотой 32 м над урезом воды [Канивец, 1973].

Площадь раскопа составила 21 кв. м и почти полностью охватила наиболее удобную часть площадки.

Стратиграфия: 1) дерновой слой — 0,03—0,14 м; 2) темный желтовато-серый суглинок — 0,06—0,15 м; 3) светлый желтовато-серый суглинок — до 0,15 м; ниже — скала. В средней части раскопа встречались обломки кальцинированных косточек, отдельные камни, что предполагает наличие здесь очага, хотя контуры его не выявлены.

Инвентарь представлен 228 предметами, в том числе 139 орудиями (прил. I, табл. 3; рис. 12). Среди ору-

дий преобладают изделия на пластинах, составляющие 88,5 % от общего числа орудий. Они представлены пластинами и сечениями с ретушью, а чаще — следами сработанности, угловыми резцами, концевыми скребками. Обращает на себя внимание сильная сработанность или преднамеренная скошенность углов многих сечений. Пластины различны по ширине, среди них преобладают узкие и средние, но встречаются и широкие микропластины (рис. 47). Среди сечений доминируют средние и длинные (рис. 50). Из отщепов изготовлены два скребка и скобели.

Стоянка датирована В. И. Канивцом 6-м тыс. до н. э., что представляется достаточно убедительным.

Неолит

Печорская (рис. 1, пункт 64) стоянка открыта геологами в низовьях Печоры, примерно в 30 км севернее Нарьян-Мара. Материалы ее подробно рассмотрены Н. Н. Гуриной [Гурина, 1957]. Керамика представлена небольшим количеством фрагментов толстостенных сосудов, имевших слегка прикрытое горло и выпуклые стенки. Венчики имеют с внутренней стороны скошенный подтреугольный бортик. В орнаменте преобладают гребенчатые мотивы из длинных оттисков гребенчатого штампа, перевитой веревочки, разделенных горизонтальными мотивами из ямок или неширокими неорнаментированными зонами. Венчик выделяется иногда горизонтальным гребенчатым пояском с нанесенными поверх него ямками (рис. 120; 121).

Кремневый инвентарь представлен разнообразными наконечниками стрел листовидной или ромбовидной формы, обоюдоострыми или черешковыми, обработанными полностью с двух сторон или частично (рис. 78, 4, 18—19, 21, 25). Режущие орудия включают ножи на широких пластинах с краевой ретушью, один экземпляр двусторонне обработанного сегментовидного ножа, резчики на изогнутых пластинах с ретушью на конце. Среди скребков имеются концевые на широких укороченных пластинах или отщепках и один скребок копьевидной формы (рис. 79, 5, 7).

Еще задолго до открытия тиманских поселений комплекс Печорской стоянки характеризовался как ямочно-гребенчатый, волго-окский [Гурина, 1957. С. 120; Хлобыстин, 1973. С. 59—61; Буров, 1967а; Лузгин, 1975]. На наш взгляд, этот памятник значительно ближе поселениям с гребенчато-ямочной керамикой, поэтому он отнесен к средневычегодскому варианту печоро-двинской культуры.

Аналогичная керамика известна на некоторых других стоянках Большеземельской тундры (Мишь-Ваньской, Сандибей-ю 8), открытых Г. А. Черновым [Чернов, 1939; 1956; 1959].

Памятники Центрального и Северного Тимана

На территории Центрального Тимана, на водоразделе рек Мезени и Печоры, известны две группы посе-

лений. Одна из них открыта в районе Косминских водораздельных озер, а другая — несколько южнее, в

окрестностях Ямозера. Поселения исследовались В. Е. Лузгиным в 1969—1972 гг. [Лузгин, 1973б; 1973в].

Поселение Ружникова открыто на западном берегу Косминского озера на останце песчаной террасы высотой 12 м над уровнем воды, на месте бывшего рыболовецкого стана (избы Ружникова). Общая площадь поселения около 15 000 кв. м. Раскопками вскрыта площадь 100 кв. м на южном склоне останца.

Стратиграфия: дерново-почвенный слой и гумусированная прослойка черного цвета — 0,05—0,10 м; темно-коричневая гумусированная супесь с культурными остатками — 0,40—0,90 м; желтый крупнозернистый песок (материк).

Поселение относится к памятникам многократного долговременного заселения. Культурный слой не расчленяется и равномерно насыщен разновременными материалами. Типологически выделены комплексы неолита, различных периодов эпохи бронзы, железа и средневековья. Анализ поглубинного залегания керамики выявил некоторое преобладание неолитической и энеолитической посуды в нижних горизонтах культурного слоя.

Керамический комплекс эпохи неолита насчитывает примерно 767 фрагментов, принадлежащих не менее чем 70 сосудам с ямочно-гребенчатым орнаментом и 5—7 сосудам с гребенчато-ямочным орнаментом (рис. 97—102). В. Е. Лузгиным керамика подразделяется на четыре группы по характеру орнаментации. По его мнению, две группы с ямочным и ямочно-гребенчатым орнаментом идентифицируются с льяловской керамикой и характеризуют первый этап заселения. Третья группа посуды сопоставляется с балахнинской неолитической керамикой и отражает второй этап обитания, а четвертая, близкая во многом к третьей группе, проявляет черты сходства с камской керамикой и отражает контакты с носителями волго-камских культурных традиций [Лузгин, 1973в].

Такое подразделение керамики во многом совпадает с предлагаемой в данной работе систематизацией ее по типу орнаментации. Вместе с тем комплекс ружниковской керамики рассматривается здесь как единый, отражающий один, хотя и продолжительный этап обитания. В процессе его происходили контакты населения с носителями волго-камских культурных традиций, проявившиеся в появлении посуды с гибридными чертами в орнаментации (гребенчато-ямочная керамика) и технологии приготовления теста (наличие шамота).

Выделение кремневого и каменного инвентаря эпохи неолита из общей массы разновременных материалов произведено лишь приблизительно. К неолиту относится, очевидно, большая часть пластин шириной от 12 до 35 мм, неправильных, грубоограненных, с односторонней краевой ретушью и следами сработанности. Учитывая большую площадь памятника и наличие нескольких правильных узких ножевидных пластин, нельзя исключать существования мезолитического комплекса.

К неолиту можно также отнести несколько ножей на широких пластинах и пластинчатых отщепках с рету-

шью по одному краю или по всему периметру, иногда заходящей далеко на спинку изделия. Неолитическими можно считать четыре наконечника стрелы листовидной формы с двусторонней обработкой, некоторые скребки: концевые на широких пластинах и пластинчатых отщепках и концевые однолезвийные на отщепках случайной формы; сланцевое тесло прямоугольной формы с четырехугольным поперечным сечением; кварцитовые и диоритовые гальки — отбойники и обломок песчаниковой шлифовальной плитки [Лузгин, 1973в. Рис. 6].

Поселение Ружникова интерпретируется нами как один из опорных памятников притиманского варианта печоро-двинской неолитической культуры. Возраст его определяется типологически в пределах первой половины 3-го тыс. до н. э.

Поселение Кыско (рис. 1, пункт 66) открыто В. Е. Лузгиным в 1972 г. на юго-западном берегу Косминского озера (у избы Кыско), на участке первой надпойменной террасы высотой 2 м над уровнем воды. Раскопками исследована площадь 32 кв. м. Стратиграфия такая же, как на поселении Ружникова. Мощность культурного слоя — 0,4—1,0 м. Неолитический комплекс типологически выделен из общей массы разновременного материала и представлен 38 обломками десяти сосудов. Посуда толстостенная, в тесте — плохо различимая примесь дресвы. Преобладает ямочно-гребенчатый орнамент, но у трех сосудов его, скорее, можно назвать гребенчато-ямочным по использованию преимущественно гребенчатых элементов и мотивов, выполненных косозубым или фигурнозубым гребенчатым штампом.

В каменном инвентаре к неолиту можно предположительно отнести листовидный наконечник стрелы с двусторонней обработкой и небольшое кремневое тесло с односторонней подшлифовкой рабочего края. Памятник относится к притиманскому варианту печоро-двинской неолитической культуры.

Поселение Алексахина (рис. 1, пункт 67) расположено на северном берегу Косминского озера в 3 км от стоянки Кыско на высоте 4—5 м над уровнем водоема. Памятник исследован рекогносцировочно, площадь его окончательно не установлена, культурный слой мощностью 0,35 м содержал незначительное количество материалов неолита и средневековья. Неолитический комплекс включает 17 обломков пяти сосудов такого же облика, что и на предыдущих поселениях.

Поселение Пижма II (рис. 1, пункт 69) открыто на 6-метровом останце песчаной террасы правого берега реки Пижмы в 0,5 км от Ямозера. Раскопана площадь 76 кв. м, далеко не исчерпавшая всей площади поселения. Наибольшая мощность культурного слоя — около 1 м — выявлена вдоль края террасы.

Типологически выделены комплексы мезолита, неолита, ранней и поздней бронзы, эпохи железа и средневековья. Мезолитический комплекс (рис. 11) представлен пластинами и изделиями из них. Многочисленны нуклеусы, отражающие все стадии расщепления. Среди них преобладают конусовидные крупных

размеров и сработанные, реже встречаются призматические одноплощадочные более крупных размеров, нередко с остатками корки и негативами от снятия первичных пластин. Среди пластин представлены все группы по ширине с преобладанием узких и средних (прил. I, табл. 9), встречаются микропластины, широкие и очень широкие. Сечения пластин представлены 74 экземплярами, преобладают средние и короткие. Почти в равном количестве встречаются пластины с краевой ретушью и следами сработанности. Из орудий на пластинах есть два резца на углу пластины и сечения, пластинки-скобели с небольшими выемками, наконечник стрелы постсвидерского типа с черешком, пластинка с пильчатой ретушью и некоторое количество скребков на пластинах и отщепках. Всего на поселении найдено 584 пластины, но часть из них, по всей вероятности, относится к неолиту и более поздним периодам. Мезолитический комплекс предположительно относится к числу поздних мезолитических памятников.

Неолитический комплекс выделен также типологически, но с учетом некоторой закономерности залегания керамики неолита и энеолита в нижних горизонтах культурного слоя, на глубине от 90 до 70 см от поверхности.

Керамика представлена 276 обломками примерно 36 сосудов (рис. 122; 123). Почти в равном количестве представлена керамика с ямочно-гребенчатым орнаментом и гребенчато-ямочным гибридным орнаментом. Однако и в первом случае отмечается довольно существенная роль гребенчатых элементов, причем нередко использовались косозубый и фигурнозубый гребенчатые штампы, а ямки — менее глубокие, зачастую без бугорков с внутренней стороны. Значительно реже встречаются узоры из ямок на концах наклонного гребенчатого штампа, горизонтальный зигзаг с ямками в углах, а также мотивы, выполненные вдавливаниями в отступающей манере, и мотивы из овальных ямок, столь характерные для керамики Ружникова. Вместе с тем в большем количестве встречаются горизонтальные мотивы из плотно поставленных оттисков сравнительно короткого гребенчатого штампа, характерные скорее для гребенчато-ямочной керамики. В группе гребенчато-ямочной керамики нередко встречается мотив шагающей гребенки, чередующийся с ямочными или другими гребенчатыми мотивами или нанесенный поверх ямочного узора. Иногда встречается горизонтальная елочка.

Морфолого-технологические признаки, с одной стороны, являются общими для той и другой керамики

(форма сосудов, внешний вид фрагментов, характер обработки поверхности), с другой — как бы подтверждают наличие различных традиций. Так, наряду с дресвой и песком в качестве примеси использовался шамот. По форме встречаются слегка прикрытые сосуды с округлым дном, но преобладают прямостенные митровидные с приостренным дном. Венчики преимущественно без утолщения. Стенки сосудов значительно тоньше, чем у ружниковской керамики. В. Е. Лузгин считал этот комплекс типично ямочно-гребенчатым, хотя и отмечал незначительное влияние со стороны камской неолитической культуры. На наш взгляд, керамический комплекс отражает явные следы смешения различных культурных традиций.

В каменном инвентаре к неолиту можно отнести листовидные и ромбовидные обоюдоострые наконечники стрел с двусторонней обработкой, резчики на изогнутых массивных пластинах, ножи на широких пластинах с краевой ретушью, обломок рабочей части кремневого тесла с односторонней подшлифовкой лезвия, сланцевый топор и тесло, часть скребков различных типов. Более точное вычленение комплекса затруднительно. На основании отмеченных особенностей керамики поселение предположительно относится к числу ранних памятников синдорского варианта печоро-двинской неолитической культуры, датируется ориентировочно серединой 3-го тыс. до н. э.

Поселение Пижма I (рис. I, пункт 68) расположено на левом берегу реки Пижмы, напротив стоянки Пижма II, на останце 8-метровой террасы. Поселение исследовано лишь частично. Общая площадь контрольных шурфов — 12 кв. м. Неолитический комплекс выделен типологически. Керамика представлена обломками четырех толстостенных сосудов с примесью дресвы в тесте трех из них и шамота — в тесте четвертого сосуда. Орнамент ямочно-гребенчатый и гребенчато-ямочный, гибридный.

К неолиту относятся, очевидно, некоторые орудия на широких пластинах, концевые скребки на пластинах и пластинчатых отщепках, резчики и ножевидные орудия, а также небольшое сланцевое тесло трапециевидной формы с шестиугольным сечением (рис. 80, 9). Нельзя исключать наличия мезолитического комплекса, так как два нуклеуса, конусовидный и уплощенно-торцовый со скошенной ударной площадкой, имеют негативы от снятия узких правильных ножевидных пластин.

Поселение также относится к синдорскому варианту печоро-двинской неолитической культуры.

Памятники бассейна Вычегды

Мезолит

Стоянка Пезмог I (рис. 1, пункт 81) расположена на правом берегу Вычегды на юго-западной окраине села Пезмог у края надпойменной террасы высотой 15 м [Буров, 1961; 1965а; 1967а].

Многочисленный материал мезолитического облика был собран с поверхности террасы общей площадью 200 кв. м с выветренным культурным слоем. Кремневый инвентарь в количестве 507 предметов залегал в виде двух скоплений, удаленных друг от друга при-

мерно на 20 м. Возможно, памятник представляет собой стоянку двукратного обитания одного и того же коллектива.

Инвентарь характеризуется преобладанием пластинчатой техники в изготовлении орудий: пластины и орудия составляют 81,1 % (рис. 44; 45). Степень микролитизации достаточно велика (рис. 46). Ведущее место в инвентаре занимают пластины и сечения с ретушью или следами сработанности. Среди сечений-вкладышей преобладают длинные и средние (рис. 49). Встречаются пластины и их сечения с ретушью или следами использования на конце. Интересной находкой является трапеция высокой формы, имеющая слабоогнутые круторетушированные боковые стороны (рис. 23, 13). Многочисленную группу составляют резцы на углу пластин или сечений (рис. 23, 15—17). Скребки концевые на пластинах представлены шестью экземплярами (рис. 23, 30—32), среди них один на отщепе. Найден обломок черешковой части наконечника стрелы постсвидерского типа (рис. 23, 38).

Инвентарь стоянки представляет собой чистый комплекс эпохи мезолита.

Стоянка Курьядор (рис. 1, пункт 82) была обнаружена на правом берегу Вычегды в 1 км ниже дер. Курьядор на мысовом участке боровой террасы высотой 15 м [Буров, 1961; 1962а; 1965б; 1967а].

Терраса в верхней части сложена светло-желтыми песками с линзами гравия и валунов. На неразрушенной части стоянки сохранился мощный подзолистый горизонт, с которым и были, видимо, связаны культурные остатки и который в настоящее время выветрен почти на всей площади памятника.

Материалы планиграфически сосредоточены в двух пунктах площадью 45×5 м и 15×10 м, удаленных друг от друга на расстояние 30 м.

Инвентарь стоянки представлен 1970 кремневыми и 105 кварцитовыми предметами (без чешуек и мелких отщепов). По составу и количественному соотношению различных категорий и групп инвентаря стоянка близка к предыдущим (рис. 24; прил. I, табл. 6), но отличается несколько большим количеством резцов и единичными скребками концевого типа на пластинчатых отщепках (рис. 24, 28, 29). Чаше, чем на Пезмогской стоянке, но примерно в той же мере, как на Кузьвомынской стоянке, встречаются острия-резчики и скобели-долотца на изогнутых пластинах (табл. 6). Одно изделие напоминает черешок наконечника стрелы постсвидерского типа или пластину с выделенной головкой (рис. 24, 30).

Наряду с орудиями микролитического облика найдено массивное рубящее орудие, возможно тесло (рис. 27, 5), изготовленное из кварцита путем двусторонней оббивки и вторичной подправки лезвия ретушью. Тесло имеет слабовыраженный перехват, как на орудиях Ульяновской стоянки, но отличается от последних размерами и более удлиненными пропорциями.

В целом инвентарь выглядит как единый мезолитический комплекс, но не исключено, что два пункта

этого памятника представляют собой самостоятельные стоянки кратковременного обитания.

Стоянка Кузьвомын (рис. 1, пункт 76) была открыта на левом берегу Вычегды в урочище с одноименным названием, в 3 км к северу от пос. Ягкодж на прирусловом мысу первой надпойменной террасы высотой 8—9 м [Буров, 1959; 1961; 1965б; 1967а].

Раскопками вскрыто 242 кв. м. Стратиграфия: растительно-почвенный слой — 0,04—0,06 м; белесый среднезернистый песок — 0,20—0,60 м; желтый песок с буроватыми ортштейновыми прослойками — 0,10—0,20 м; подстилающий желтый песок.

Культурные остатки разновременны: четко выделяются два комплекса, соответствующие двум этапам заселения памятника — в эпоху мезолита и в раннем средневековье (ванвиздинская культура). При этом материалы верхнего культурного слоя располагались сразу под почвенным слоем в верхней части подзолистого горизонта и в большинстве случаев были отделены от нижнего культурного слоя прослойками без находок.

Материалы мезолитического облика залежали в нижней части белесого песка и частично в желтом песке. Кремль Ванвиздинской стоянки резко отличается от мезолитического качеством и цветом, а также грубым характером орудий и заготовок. Планиграфически культурные остатки эпохи мезолита залежали неравномерно. Большая часть их были сосредоточены на участке длиной 7 м и шириной 5 м у бровки террасы. К мезолиту отнесено 1365 предметов (без чешуек). Преобладает пластинчатая техника расщепления кремня: пластины и орудия составляют 78,8 % (1226); отщепы, обломки и орудия — 16,8 % (261).

Ведущее место занимают пластины шириной 0,6—1,0 см, вдвое реже встречаются заготовки шириной 1,1—1,5 см, сравнительно часто использовались микропластины (рис. 46). Нуклеусы имеют карандашевидную, конусовидную форму, иногда с односторонним скалыванием, и сработаны до очень малых размеров (рис. 25, 28—33). Набор орудий на пластинах почти стандартный (прил. I, табл. 6): пластины и сечения с ретушью или следами сработанности (преобладают); многочисленные резцы на углу пластины (рис. 25, 7—12); скребки концевые на пластинах и пластинчатых отщепках (рис. 25, 15—19); разнообразные острия-проколки (рис. 25, 13) и острия-сверла (рис. 25, 14). Следует отметить небольшую серию орудий на пластинах, как правило, массивных в сечении или изогнутых, на усеченном более узком конце которых имеется мелкая крутая ретушь или следы сработанности (рис. 25, 20). Рабочий край их слегка вогнут или прямой. Такие орудия названы скобелями-долотцами. Соотношение различных категорий и групп инвентаря дано в табл. 6.

На стоянке найдено тесловидное орудие. Оно имеет близкую к овалу слегка асимметричную форму с небольшим выступом на обушке. Почти по всему периметру орудие с двух сторон обработано крутой ретушью (рис. 27, 1).

Следует отметить также отсутствие скребков на отщепах, хотя ретушированные отщепы и использованные без обработки довольно часты (33 экз.).

Стоянка Ульяново (рис. 1, пункт 80) расположена на правом берегу Вычегды в 3 км от одноименного поселка, на приустьевом участке древнего берега высотой 18 м [Буров, 1961; 1965б; 1967а].

Раскопками исследована площадь 246 кв. м. Культурный слой мощностью 0,40—0,60 м фиксируется по находкам, которые залежали в слое белесого песка и верхней части желтого песка с прослойками ортштейна. Планиграфически материалы распространены неравномерно в виде нескольких скоплений различной насыщенности. В центре одного из них было выявлено кострище диаметром 0,50 м с более темным заполнением мощностью 0,15 м, в нижней части которого прослежена тонкая углистая прослойка.

Инвентарь стоянки представлен 640 кремневыми и 193 кварцитовыми предметами. Кремневый инвентарь Ульяновской стоянки очень близок к инвентарю предыдущей (Кузьвомын) по характеру используемых заготовок, составу и количественному соотношению различных категорий и групп инвентаря (рис. 26; 44—46; 48; 49; 51; прил. I, табл. 6). Отличительной чертой его является наличие изделий из кварцита, к которым относятся три топора с перехватом (рис. 27, 2—4).

Стоянки Пезмог I, Курьядор I, Ульяново отнесены Г. М. Буровым к камско-печорскому культурному типу, по их материалам выделена самостоятельная средневыходская мезолитическая культура, датируемая в пределах 8—7-го тыс. до н. э. Несколько обособляется стоянка Кузьвомын, отличаясь от предыдущих отсутствием свидерских наконечников и кварцитовых топоров [Буров, 1986].

В данной работе все перечисленные памятники относятся к первой, более ранней группе стоянок и датируются в пределах 7—6-го тыс. до н. э. В культурном отношении они не обособляются от мезолитических стоянок других районов региона. Различия между ними могут объясняться причинами хозяйственно-бытовой деятельности и, возможно, разносезонностью.

Стоянка Курьядор II (рис. 1, пункт 82а) открыта Э. С. Логиновой в 1 км ниже стоянки Курьядор [Логинова, 1985а. С. 23—24] на мысу боровой террасы высотой 10 м над уровнем поймы.

Заложена шурф 4×1 м. Культурный слой маркировался только находками и залежал на глубине 0,15—0,25 м от поверхности в нижней части белесого песка с редкой галькой.

В шурфе найдено 86 кремневых предметов: 37 отщепов, 3 обломка, 4 чешуйки, 15 нуклеусов и нуклевидных сколов, 6 пластин и ребристых сколов.

Нуклеусы конусовидные и призматические одноплощадочные отражают различные стадии расщепления: от снятия первичных пластин шириной до 2 см до микронуклеусов карандашевидной формы. Здесь же найден отбойник из гальки. На отщепах и пластинах не выявлены следы обработки или использования, за исключением одной широкой первичной пластины с выемками и выделенным острием.

У подножия террасы на поверхности дороги собрано 48 кремневых предметов: 20 отщепов, 7 обломков, 7 чешуек, 10 пластин, 3 нуклеуса и 1 нуклевидный скол. На пластинах также отсутствуют следы использования.

Стоянка интерпретируется Э. С. Логиновой как мастерская по первичному расщеплению кремня.

Чертас I открыта Э. С. Логиновой на правобережье Вычегды, между селами Небдино и Важкурья, в 150 м ниже ручья Межагудор. Высота террасы 4 м над старичным озером Ягты [Логинова, 1986].

Первоначально на склоне одного из карьеров с поверхности был собран материал: 2 нуклевидных обломка, 25 пластин шириной 0,4—1,0 см, 36 отщепов, 17 осколков, 46 чешуек.

В процессе раскопок, площадь которых составила 12×4 кв. м, выявлена стратиграфия, типичная для боровых террас этого района, и собраны артефакты в количестве 795 предметов. Среди них: 102 пластины, 9 ребристых сколов, 361 отщеп, 127 обломков и осколков, 152 чешуйки, 10 нуклеусов и их обломков.

Нуклеусы — конусовидные. Пластины шириной 0,4—2,0 см. Среди них три резца на углу пластин, сверло.

В числе отщепов встречаются изделия с ретушью (4 экз.) и следами сработанности (8 экз.).

Как видим, пластины составляют около 17 % (без учета чешуек) от общего числа предметов, но их общий облик, пропорции, характер обработки не отличаются от материалов предыдущих стоянок, что позволяет отнести стоянку ориентировочно к тому же времени — 7—6-му тыс. до н. э.

Стоянка Чертас II (рис. 1, пункт 75) открыта в 1980 г. Э. С. Логиновой на правобережье Вычегды между селами Небдино и Важкурья, на боровой террасе высотой 6 м над уровнем поймы [Логинова, 1985а].

Материалы получены в процессе сборов с разрушенной части стоянки и раскопок, площадь которых составила 88 кв. м. На стоянке выявлено жилище подпрямоугольной формы размером 3×4 м и глубиной 1,2 м от современной поверхности.

Основные находки были сосредоточены в пределах жилища и в непосредственной близости от него. Всего собрано 190 кремневых предметов и одно изделие из опоки. В числе их, по данным Э. С. Логиновой, 31 предмет найден в заполнении жилища, 90 — за его пределами, 69 экз. — подъемный материал. Орудия представлены 190 экземплярами и составляют 17,4 % от всего инвентаря. Пластины и орудия из них — 60,6 % (31 экз.). Преобладают средние и широкие пластины, а остальные группы представлены единичными экземплярами. Часто встречаются неправильные пластины. В числе орудий — 10 концевых скребков, режущие орудия на пластинах с ретушью по одному или двум краям; рубящее орудие из опоки, скорее всего топор подтреугольной формы с частичной шлифовкой.

Таким образом, материалы стоянки сочетают пластинчатую технику с отщеповой, пластины более крупные, отсутствуют резцы, типичные для большинства мезолитических памятников. Своеобразие инвентаря стоянки, возможно, объясняется зимним сезоном обитания, когда ощущался недостаток сырья, или свидетельствует о позднемезолитическом ее возрасте.

Неолит

Поселение Эньты I открыто Э. С. Логиновой на правом берегу Вычегды у старичного озера Эньты, на краю боровой террасы высотой 6—7 м [Логинова, 1978]. Площадь поселения около 2000 кв. м. Раскопками до 1978 г. было вскрыто 533 кв. м.

На основании планиграфических наблюдений в процессе раскопок и типологического анализа материала Э. С. Логиновой было выделено два неолитических комплекса, отражающих различные по времени этапы заселения памятника. Материалы первого комплекса получены преимущественно с западной части поселения. Инвентарь второго комплекса происходит из жилища и околожилищного пространства в восточной части памятника.

Стратиграфия за пределами жилищной впадины обычна для боровых террас: растительно-почвенный слой — 0,01—0,20 м; подзолистый горизонт — 0,02—0,18 м; темно-желтый песок — 0,06—0,18 м; светло-желтый плотный песок — материк. Основная часть находок залегала в темно-желтом песке. Насыщенность культурного слоя неравномерна. В западной части поселения выявлены девять кострищ округло-овальных очертаний с темно-коричневым сажисто-зольным заполнением и находками. Кроме того, расчищено одиннадцать хозяйственных ям. Они различались по глубине, размерам, очертаниям в плане и профиле и по характеру заполнения. Некоторые из них были заполнены обломками обожженных костей животных. Другие, по предположению исследователя, служили для хранения сосудов и выгребания содержимого очагов. На всей площади поселения встречались обожженные гальки и скопления кальцинированных костей.

В работе использованы лишь материалы раскопок до 1978 г. Инвентарь первого комплекса представлен 1264 кремневыми предметами, в том числе 558 орудиями. Керамика насчитывает 855 фрагментов примерно 39 сосудов (рис. 95; 96) с ямчато-гребенчатым типом орнаментации.

Э. С. Логинова относит первый комплекс поселения к раннему неолиту, но более позднему времени, чем стоянки Черноборская III, Прилукская.

В настоящей работе этот комплекс рассматривается как памятник черноборской группы. Возраст его определяется пока весьма предварительно в пределах 3-го тыс. до н. э.

Второй комплекс связан с жилищем полуземляночного типа подпрямоугольных очертаний размером 19,5×5,4 м. В жилищной впадине стратиграфия следу-

ющая: растительный слой — 0,02—0,16 м, подзолистый горизонт — 0,02—0,20 м, розовато-желтый песок с находками (заполнение жилища) — 0,18—0,16 м; подстилающий (материковый) плотный светло-желтый песок с включениями ортштейна. Пол жилища был углублен в материковый слой на 0,20—0,24 м. В жилище расчищено шесть очагов, пять из них располагались по продольной оси на одинаковом расстоянии друг от друга, а шестой — у южной, противоположной входу стенки жилища. Около центрального очага была выявлена хозяйственная яма, углубленная в материк на 0,45 м, с заполнением из коричневатой-серой супеси с обожженными косточками, черепками, кремнем. В полу жилища, около очагов, на продольной его оси и у восточной стенки, а также за его пределами были выявлены столбовые ямки.

Инвентарь второго комплекса (только из заполнения жилища) представлен 1800 кремневыми предметами, среди которых орудия составляют 273 экземпляра. Керамический комплекс насчитывает 749 фрагментов не менее чем от 20 сосудов с гребенчато-ямочным и гребенчатым типом орнаментации (рис. 117).

Э. С. Логинова, отмечая некоторое сходство этого комплекса с памятниками Прикамья, относит его ко второй половине неолита.

Второй комплекс поселения Эньты I интерпретируется нами как один из опорных памятников средневычегодского варианта печоро-двинской неолитической культуры и датируется предположительно в пределах первой половины 3-го тыс. до н. э.

Поселение Эньты III (рис. 1, пункт 91) открыто в 1975 г. на левобережье реки Вычегды примерно в 3 км от пос. Сеткиркеш на берегу старичного озера Эньты, к востоку от поселения Эньты I [Логинова, 1977].

На поселении раскопано пять жилищ эпохи неолита. Они имели подпрямоугольные очертания и размеры, соответственно, 13,0×5,0 м, 12,0×5,0 м, 13,0×5,5 м, 7,5×4,0 м. Выявлены очаги (от двух до шести), расположенные по продольной оси жилищ и вблизи входов; хозяйственные ямы около стенок жилищ. Два жилища, по предположению Э. С. Логиновой, были двухкамерные с внутренней перегородкой, которая предполагается по ряду столбовых ямок поперек пола. Жилище 3 также было двухкамерным, но помещения соединялись коротким переходом, при этом одно из них было углублено в материк на 1 м.

Основное количество материалов было сосредоточено в пределах жилищных впадин. Здесь найдена керамика — от 6 до 14 крупных и от 9 миниатюрных сосудов. Сосуды имеют прикрытое горло, прямые или слабовыпуклые стенки, округлое или округло-приостренное дно; венчики с подтреугольным утолщением или наплывом с внутренней стороны. В тесте примесь дресвы, шамота или смешанная примесь.

При большом сходстве керамики всех жилищ отмечаются заметные различия. Так, в керамическом тесте сосудов из жилища 2 значительно чаще встречается шамот или смешанная примесь. Поверхность этих сосудов лучше заглажена, иногда подлощена и подкрашена. Орнамент в большей степени гребенчатый

(рис. 118, 8—11). В жилище 1 чаще встречаются сосуды с дресвой в тесте, в орнаменте которых больше представлены ямки, горизонтальный зигзаг, мотивы, выполенные отступающей лопаточкой, то есть некоторые черты, присущие ямочно-гребенчатой керамике. В целом орнамент их можно назвать гребенчато-ямочным, подчеркнув наличие гибридных черт (рис. 118, 1—7).

В каменном инвентаре основное место занимают изделия на отщепах. Пластины немногочисленны. Среди них преобладают неправильные, сравнительно широкие, иногда встречаются короткие или средние их сечения. Почти все они имеют ретушь или следы сработанности по краям. Редкими находками являются резцы на углу пластин.

Орудия на отщепах представлены наконечниками стрел, листовидной или ромбовидной формы, двусторонне обработанными; скребки концевые или смежнолезвийные на пластинчатых отщепах и отщепах. Ножи изготовлены на широких пластинах, крупных отщепах; есть ножи сегментовидной формы с двусторонней обработкой. Встречаются проколки и сверла. Помимо керамики и каменного инвентаря на поселении найдены кости лося, северного оленя и мелких грызунов.

Э. С. Логинова отмечает, особенно в гончарном производстве, смещение традиций балахонской и волго-камской неолитических культур.

В данной работе поселение Эньты III относится к средневычегодскому варианту печоро-двинской неолитической культуры. Отмечается также одновременность жилищ этого поселения¹.

Поселение Эньты IV (рис. 1, пункт 92) открыто Э. С. Логиновой в 80 м к северо-востоку от предыдущего поселения на пониженной части той же террасы [Логинова, 1977]. На поселении выявлена жилищная впадина размером 9,5×5,5 м.

В работе использованы материалы лишь предварительного обследования памятника. Они представлены керамикой, которая близка к посуде из жилища 1 Эньты III, но с еще большей степенью смещения традиций, что особенно заметно в орнаменте [Логинова, 1977. Рис. 2, 6—9]. Каменный инвентарь имеет тот же характер и состав, что и на предыдущем поселении.

Поселение Вад (рис. 1, пункт 93) открыто на берегу старичного озера Вад на левобережье Вычегоды напротив села Сторожевск, на первой надпойменной бортовой террасе высотой 4 м [Королев, 1984].

На поверхности была выявлена впадина размером 4,2×3,2 м. Площадь раскопок составила 30 кв. м. Культурные остатки залежали в пределах впадины и в непосредственной близости от нее.

Жилище имело приближенно округлые очертания и размеры 3,2×2,7 м. В центре располагалось кострище. Заполнение пола имело охристые примазки и линзы охры в северном секторе жилища.

Керамика представлена 212 обломками примерно семи сосудов. Форма их горла слегка прикрытая, толщина стенок от 0,5 до 1,2 см. Поверхность коричневатого-серого или коричневого цвета. В тесте примесь дресвы. Орнамент — гребенчатый и гребенчато-ямочный. Роль ямок незначительна. Иногда они наносились только по венчику, реже встречались на тулове поверх гребенчатых оттисков [Королев, 1984. Рис. 18—28].

Кремневый инвентарь состоит из 271 предмета, в том числе 106 отщепов, 4 пластинки, 97 чешуек, 36 осколков, 26 орудий и их обломков.

Орудия представлены скребками (12 экз.) на пластинчатых отщепах и отщепах, преимущественно концевыми, однолезвийными, реже — смежнолезвийными, иногда с выступом на конце. Среди прочих орудий встречены: треугольно-черешковый наконечник стрелы на пластине, обработанный почти по всему периметру краевой ретушью со спинки и частично (у острия и черешка) со стороны брюшка; острия-проколки, нож-проколка, пластины и отщепы с ретушью (13 экз.), отбойники на гальках.

К. С. Королев отмечает близкое сходство материалов поселения Вад с материалами второго комплекса Эньты и датирует их позднемезолитическим временем.

В данной работе памятник относится к средневычегодскому варианту печоро-двинской неолитической культуры и датируется в пределах первой половины 3-го тыс. до н. э.

Стоянка Половники II (рис. 1, пункт 94) открыта Л. Л. Косинской на правом берегу Выми, в 1,5 км от деревни Половники, ниже по течению [Косинская, 1982]. Она расположена в затопляемой пойме, высотой 4—6 м, у подошвы первой надпойменной террасы. Раскопками исследована центральная часть стоянки (84 кв. м).

Культурные остатки залежали под слоем ортзанда параллельно ему. Верхняя граница находок фиксировалась на глубине от 0,0 до 0,8 м от современной поверхности. Мощность культурного слоя — 0,10—0,20 м. Он не отличался особой окраской и маркировался только находками.

Основная масса инвентаря была сосредоточена на площади не более 20 кв. м, где часто встречались небольшие скопления кремня. В центре выявлено кострище — овальная линза темно-серого углистого песка размером 0,5×0,8 м и мощностью до 0,10 м. В пяти метрах к западу было выявлено еще одно углистое пятно, около которого найдены керамика и мелкие кальцинированные кости (рыбы и резцы бобра).

Коллекция находок насчитывает 5800 предметов.

Керамика представлена 40 фрагментами от трех сосудов. Два из них имели полуяйцевидную форму, форма третьего не восстанавливается. Венчик слегка загнут внутрь и имеет небольшой бортик.

Кремневый инвентарь представлен 5562 предметами. Исходным сырьем служили крупные гальки и обломочный материал, которые в большом количестве встречались на бечевнике. В технике расщепления — сочетание отщеповой (преобладает) и пластинчатой

¹ В работе использовались материалы только двух жилищ поселения Эньты III.

техники. Последняя существенно отличается от мезолитической более крупными размерами пластин, их неправильным ограничением.

Орудия представлены обломками наконечников стрел, предположительно листовидной формы с двусторонней обработкой; ножами и ножевидными орудиями (16 экз.) на пластинах, пластинчатых отщепах и отщепах; скребками (14 экз.), большинство из которых концевые; скобелями (17 экз.) на отщепах с выемчатым краем; резцами и резчиками, из которых один — угловой резец на пластине; проколкой.

Памятники бассейнов Северной Двины и Мезени

Мезолит

Единственными памятниками, которые по количеству собранного на них материала могут быть сопоставлены с рассмотренными ранее, являются стоянки Филичаевская II и Филичаевская III, расположенные на расстоянии 300 м друг от друга (рис. 1, пункты 103, 104) на правом берегу Северной Двины по берегу небольшой речки Котовки, в 0,5 км от впадения ее в Песчанский полой, представляющий собой один из старичных рукавов Северной Двины [Верещагина, 1977а]. Высота бортовой террасы 9—15 м над уровнем речки.

Раскопками на стоянках вскрыты незначительные площади 30 кв. м и 40 кв. м, выявившие насыщенные скопления кремневого инвентаря, не превышавшие в диаметре 3 м и связанные, по-видимому, с существовавшими здесь легкими наземными жилищами. На стоянке Филичаевская III такое скопление выглядело более компактным.

Культурный слой мощностью 0,15—0,20 м определяется только по находкам, залегающим в нижней части подзолистого горизонта и верхней части подстилающего желтого песка.

На стоянке Филичаевская II расчищено кострище диаметром 0,90 м, выделяющееся серовато-золенным заполнением и наличием очень мелких кальцинированных косточек. Основные находки были сосредоточены в кострищной линзе и в непосредственной близости от нее. Наблюдалось, однако, некоторое сползание находок по склону террасы.

Кремневый инвентарь обеих стоянок однороден по характеру и составу. Использовался кремнь хорошего качества с преобладанием коричневатого и сиреневато-красных оттенков, реже — серый, белый и желтый. Всего собрано на Филичаевской II — 497 предметов, а на Филичаевской III — 2741 предмет (без чешуек), хотя чешуйки встречались на стоянках в большом количестве. Например, на Филичаевской III они составляют свыше 700 экземпляров. Среди отщепов и обломков редко встречаются превышающие в поперечнике 2 см. Пластины и изделия на них составляют подавляющее большинство коллекций (74 % и 87 %), отличаются высокой степенью микролитоидности.

На основании явного преобладания кремня, связанного с первичным расщеплением, большого количества отходов и незначительного числа готовых изделий Л. Л. Косинская интерпретирует памятник как сезонную стоянку-мастерскую у источника сырья и датирует его второй половиной 3-го тыс. до н. э.

В данной работе стоянка отнесена к памятникам с преобладанием ямочно-гребенчатых традиций в керамике, то есть к притиманскому варианту печоро-двинской культуры и датирована ориентировочно в пределах первой половины 3-го тыс. до н. э.

Преобладают пластины шириной до 1 см. Большую группу составляют микропластины, среди которых часто встречаются экземпляры шириной 2—3 мм (рис. 46). Обилие микропластин отчасти объясняется промывкой и просеиванием культурного слоя в процессе раскопок, но, тем не менее, является характерной особенностью этих стоянок. Преднамеренность получения микропластин отражают сработанные до очень малых размеров нуклеусы карандашевидной, конусовидной и призматической формы (рис. 30, 35—41; 31, 29—30). Преобладают пластины и их сечения со следами сработанности по краям или на углах. Многочисленны резцы на углу пластин и сечений. Изделия с мелкой ретушью на усеченном конце — микроскребки или скобели-долотца (рис. 30, 22—30) и наконечники стрел на тонких пластинах (рис. 30, 33—34) представлены незначительными сериями (прил. I, табл. 5).

Стоянки отнесены к группе относительно ранних памятников и датированы ориентировочно 7-м тыс. до н. э.

По характеру инвентаря и набору орудий им близки некоторые другие кратковременные мезолитические стоянки Северной Двины: Филичаевская IV, V, Приозерный 4, 5, Чашовица, Осиново. Характерной особенностью их инвентаря является наличие концевых скребков на длинных пластинах шириной около 1 см, которые составляли небольшие серии в инвентаре стоянок Средней Вычегды (Кузьвомын и Ульяново) и не известны пока в бассейне Печоры.

Неолит

Стоянка Прилуцкая открыта автором в 1973 г. на правом берегу Северной Двины, в 4 км от дер. Цивозеро (рис. 1, пункт 111). Памятник расположен у края бортовой террасы, удаленной от современного русла Северной Двины на 4—5 км и на 0,8 км от старичной протоки Прилуцкий (Тихий) полой. Высота террасы над уровнем заболоченной поймы 26 м [Верещагина, 1977б]. Наблюдения показали, что в период бытования стоянки терраса, по всей вероятности, омывалась рекой Уфтюгой. Об этом свидетельствует цепь озер и проток старичного характера вдоль террасы и в пойме (При-

лукский полой, Мошкурка, оз. Кулига, Колонецкие озера, Цивозеро). В настоящее время Уфтюга впадает в Северную Двину немного выше по течению несколькими рукавами. На склоне террасы в 4—6 м от верхней кромки прослеживается «ребро» или уступ, разграничивающий участки различной крутизны: верхний — более пологий и нижний — почти отвесный. Эта граница указывает на возможный максимальный уровень воды в период бытования стоянки, так как до уступа по склону встречались отдельные находки непосредственно под тонким слоем лесной подстилки.

Стоянка раскапывалась в 1974 и 1988 гг. и исследована полностью. Площадь раскопа составила 310 кв. м.

Стратиграфия: лесная подстилка и почвенный слой — 0,02—0,04 м; подзолистый горизонт — 0,01—0,06 м; темно-желтый иллювиальный песок, иногда с красным или розоватым оттенком — 0,30—0,50 м; светло-желтый материковый песок. Находки залегают в иллювиальном песке, максимальная мощность культурного слоя — 0,40 м. На исследованной площади выявлены три линзы ярко-красного песка неправильных очертаний. Примерные размеры двух из них 4,0×2,0 м, третьей — 2,0×1,5 м. Границы фиксируются нечетко, так как ярко-красный цвет плавно переходит в розоватый. Совпадения концентрации находок и кострищ с контурами этих пятен не отмечалось. По всей вероятности, красный цвет песка объясняется отчасти прокаленностью, а отчасти естественными причинами, например, наличием железистых соединений. Участки красного песка неоднократно встречались на этой террасе, но не содержали культурных остатков.

В западной и восточной частях раскопа выявлены два кострища, максимальная мощность кострищных линз — 0,45—0,50 м, размеры — 2,5×1,8 м; 1,5×1,0 м. Заполнение — зеленовато-серая супесь с очень мелкой костной крошкой и угольками. На всей площади стоянки встречались мелкие обломки обожженных гранитных галек и большое количество фрагментов кальцинированных костей. Последние залегают как разрозненно, так и в виде небольших насыщенных скоплений. Самое значительное скопление расположено на окраине стоянки в яме размером 2,0×1,5 м, углубленной в материк на 0,20 м. Кроме кальцинированных фрагментов костей в яме и в непосредственной близости от нее были обнаружены несколько обломков гранитных галек, но ни одного кремневого предмета. Фаунистические остатки принадлежат северному оленю (75 % определимых костей) и лосю. Еще одно скопление кальцинированных костей было выявлено в западной части поселения на поверхности и внутри каменной выкладки. При расчистке последней и выборке верхних разрозненных и мелких камней выявились кольцевые очертания выкладки с сажистым слоем внутри и сильной прокаленностью подстилающего слоя. Диаметр кольца около 1 м. Никаких находок, за исключением обожженных костей, не зафиксировано. Очевидно, выкладка представляет собой очаг, возможно крытой конструкции, для заготовки мяса. Множество таких же обломков гранитных галек

встречалось и на основной площади стоянки, где обитание носило более интенсивный характер.

Керамика насчитывает 190 мелких фрагментов плохой сохранности примерно от пяти сосудов, форма их полностью не восстанавливается. Можно лишь отметить слабо отогнутое наружу горло, горизонтальный срез венчика, наличие как округлых, так и уплощенных днщ.

Толщина стенок — 0,9—1,2 см. В тесте примесь крупных зерен шамота. Цвет черепков желтовато- или красновато-коричневый. Наружная поверхность хорошо заглажена, а в ряде случаев подложена с подкраской.

Орнамент разреженный. Встречаются горизонтальные и диагональные мотивы из различных ямчатых вдавлений, округлых, каплевидных и прочих очертаний. По тулову одного из сосудов проходит валик, слабо выступающий, округлый, с нанесенными поверх него наколами. Иногда ямчатыми вдавлениями украшалось ребро венчика (рис. 91, 1—3).

Каменный инвентарь представлен 927 кремневыми предметами (без чешуек), четырьмя сланцевыми изделиями и плитками песчаника.

Кремень плитчатый, на вид зернистой структуры, желтовато-коричневого или красновато-коричневого цвета. На отходах и орудиях часто сохраняется рыхлая толстая корка.

Орудия (свыше 530 экз.) изготовлены преимущественно на пластинах и представлены ножами и скребками с краевой ретушью, сечениями с преобладанием коротких и средних. Наконечники стрел изготовлены на отщепах и сколах, имеют листовидную форму, обоюдоострые или с усеченным основанием, обработанные полностью со спинки и частично с брюшка (рис. 63, 1—4).

Разнообразны скребки, среди которых преобладают изделия на пластинчатых отщепах и отщепах. Среди прочих изделий представлены две проколки, сверло, два топора из сланца, полностью шлифованные, две высокие трапеции с прямыми боковыми, круторетушированными сторонами.

В технике расщепления кремня сочетание техники пластины и отщепа с преобладанием первой. Пластины имеют укрупненный характер, по сравнению с мезолитическими (рис. 54—58; прил. I, табл. 20). Стоянка относится к числу опорных, наиболее ранних памятников черноторской группы и датируется в пределах 4—первой половины 3-го тыс. до н. э.

Стоянка Вонгода I. Памятник открыт на левом берегу Северной Двины и исследовался в 1972 и 1978 гг. [Верещагина, 1977б; 1977в].

На западной оконечности высокой боровой террасы, называемой Сухой Бор, в устье реки Вонгоды сохранился небольшой останец первой надпойменной террасы высотой 12—15 м над уровнем реки, на котором располагалась стоянка. Раскоп площадью 24 кв. м и расчистки охватили практически всю оставшуюся ее часть.

Стратиграфия: растительно-почвенный слой 0,03—0,05 м, желтовато-серый песок эолового происхождения — 0,15—0,20 м, погребенная почва — 0,05—0,12 м, подзолистый горизонт — 0,15—0,20 м, оранжевый иллювиальный песок — 0,10—0,15 м, светло-желтый плотный песок — материк. Основная часть находок залегала в подзолистом слое и верхней части иллювиального песка, максимальная мощность вмещающего культурные остатки слоя — 0,20 м.

Инвентарь состоит из 206 кремневых предметов, в том числе 118 орудий, и 15 очень мелких фрагментов керамики того же облика, что и на Прилукской стоянке. На некоторых обломках сохранились ямчатые вдавления (рис. 67; 91, 6—7).

Стоянка относится к числу более ранних памятников черноторфяной группы.

Поселение Явроньга I открыто Г. М. Бутовым в 1968 г. на озере Красный Окунь, расположенном на водоразделе Северной Двины и ее правого притока Пинеги [Бутов, 1974]. Памятник расположен на останце надпойменной песчаной террасы высотой около 3 м над уровнем речки Явроньги. Культурный слой выявлен на всей площади останца, но местами сильно разрушен поздними постройками. Исследования производились шурфами, которые охватили и прилегающий к останцу торфяник. Общая площадь их составила 32 кв. м. Кроме того, были заложены два раскопа общей площадью 36 кв. м. Останец сложен красноватой супесью со значительным количеством гравия и гальки, мощность культурного слоя 0,5—0,8 м. На возвышенной части останца предполагается наличие подпрямоугольного жилища мезолитического времени с двумя очажными ямами и выкладкой из валунов. Принадлежность жилища эпохе мезолита ставится под сомнение, поскольку в заполнении культурного слоя встречены разновременные материалы эпохи мезолита, неолита, ранней бронзы с пористой и проколычатой керамикой, при рассмотрении которых были предварительно выделены следующие комплексы:

1). Мезолитический, которому принадлежит, видимо, незначительная часть изделий на пластинах из гладкого кремня хорошего качества. К их числу относятся предположительно ножевидные пластины и сечения с ретушью и следами сработанности, пластинки с выемками и ско-

шенным ретушированным концом, наконечники стрел на пластинах постсвидерского типа и некоторые скребки.

2). Неолитический комплекс с ямчатой керамикой, отнесенный к черноторфяной группе памятников; фрагменты принадлежат примерно шести сосудам. Стенки их толстые, встречается округлое дно, в тесте примесь шамота. Орнамент разреженный, выполнен ямчатыми вдавлениями округлой, каплевидной и неопределенной формы и наколами, которые скомпонованы в горизонтальные и перекрещивающиеся ряды. На одном фрагменте имеется мелкая пунктирная гребенка (рис. 92).

К этому комплексу относится подавляющее большинство изделий на пластинах из своеобразного кремня желтовато-коричневого и красновато-коричневого цвета на вид зернистой структуры, идентичного кремню Прилукской стоянки. Среди орудий представлены ножи и скобели на широких пластинах с краевой ретушью, встречены сечения и пластины с преобладанием коротких и средних (прил. I, табл. 10), многочисленны скребки различных типов преимущественно на отщепах.

3). Неолитический комплекс с ямочной, ямочно-гребенчатой керамикой и незначительным количеством гребенчато-ямочной керамики (рис. 111—113). Несмотря на наличие различных типов орнаментации, этот комплекс представляется единым, что подтверждается морфолого-технологическими характеристиками.

Вычленение каменного инвентаря, связанного с этой керамикой, очень затруднительно. Ориентировочно к этому комплексу можно отнести листовидные наконечники стрел, обоюдоострые, двусторонне обработанные; некоторые ножи на широких и очень широких пластинах, обработанные ретушью, заходящей далеко на спинку изделия; угловые ножи и изделия ложкарного типа с изогнутым лезвием; некоторые шлифованные топоры (рис. 42—43).

В данной работе этот неолитический комплекс отнесен к притиманскому варианту печоро-двинской культуры и датируется в пределах первой половины 3-го тыс. до н. э. Предполагается длительное обитание этого населения на Явроньге.

Комплекс с проколычатой керамикой (пинежско-вычегодский культурный тип, по Г. М. Бутову) в данной работе не рассматривается, так как ставится под сомнение его неолитический возраст.

Стоянки на Пинежском озере

На правобережье Северной Двины в 1967 г. Г. М. Бутовым были открыты шесть стоянок на Пинежском озере (рис. 1, пункты 118—120). Стоянки расположены на озерных террасах высотой не более 5 м над уровнем водоема [Бутов, 1979]. Они исследованы лишь рекогносцировочно, шурфами (прил. II, табл. I). Стратиграфия на памятниках почти одинаковая, за редким исключением: 1 — гумусово-дерновый слой — 0,05 м; 2 —

темно-серый суглинистый или супесчаный (на стоянке III) — от 0,15 до 0,25 м, культурный слой; 3 — желтый материковый суглинок или супесь.

Находки эпохи неолита в чистом виде встречены пока только на стоянке Пинежское озеро IV. На двух других, Пинежское озеро III и VI, помимо неолитических, встречены материалы эпохи ранней бронзы. По этой причине достоверное вычленение неолитического каменного инвентаря затруднительно.

Керамика представлена фрагментами от 20 сосудов. Она одинакова на всех трех стоянках: крупные толстостенные сосуды с прямыми или слабовыпуклыми стенками. Венчики имеют утолщение, выраженное в различной степени, горизонтально срезанный или слегка округлый торец. В тесте отмечается необильная примесь крупной дресвы. Орнамент ямочно-гребенчатый. Мотивы — горизонтальные — пояски из наклонных оттисков прямоугольного гребенчатого штампа чередуются с рядами глубоких конических ямок; от-

мечается горизонтальный гребенчатый зигзаг с ямками в углах и аналогичные мотивы из элементов, выполненных штампами, имитирующими гребенчатые. Керамика сильно фрагментирована, поэтому восстановить композиции орнамента в целом практически невозможно. Следует лишь отметить, что комплексы пинежских стоянок очень близки керамике поселения Яврньга I и отнесены нами к притиманскому варианту печоро-двинской неолитической культуры.

Памятники на Клоновском озере

В результате разведочных работ в 1979 г. под руководством автора на правобережье Северной Двины было открыто пять поселений на озере Клоновском, которое расположено в 15—18 км к востоку от Конецгорья и представляет собой расширение речного русла реки Нондрус, правого притока Ваеньги [Верещагина, 1979; 1989]. Длина озера, вытянутого с запада на восток, около 4 км, ширина — от 0,2 до 0,7 км. Северный берег озера высокий, слегка холмистый. Когда-то здесь была группа деревень под общим названием Клоново, необитаемых уже более 20 лет. Высота коренного берега более 20 м. Можно проследить и более низкие террасы, кромки которых сnivelированы вспашкой. Постепенно понижаясь, берег вдаётся в озеро целой серией мысовых участков различной высоты — от 2 до 5 м. Некоторые из них напоминают береговые валы, отделенные от основного берега заболоченными прерывающимися низинами, заросшими кустарниками и лиственными деревьями.

Неолитические материалы выявлены на поселениях Клоново I, II, III. Памятники труднодоступны и исследованы лишь рекогносцировочно.

На всех трех памятниках материалы залегают в аналогичных стратиграфических условиях: 1 — дерново-гумусный слой — 0,03—0,06 м, находок практически не содержит; 2 — темно-серая или коричневатая супесь, местами суглинок, мощностью от 0,15 до 0,20 м, содержит находки эпохи ранней бронзы (на некоторых участках стоянок Клоново II и III); 3 — красновато-коричневая глина. Между суглинком и красной глиной на всех стоянках прослеживается прослойка иловатого песка или суглинка серого цвета различной мощности — от 0,02 до 0,05 м. Неолитические материалы залежали в нижней части этой иловатой прослойки и верхней части подстилающей глины. Находки, особенно керамика, сильно фрагментированы и окатаны. Это является бесспорным свидетельством того, что после обитания в неолитическое время терраса была сравнительно длительное время затоплена, что доказывается также наличием прослойки ила. Следы подтопления отмечаются и в более высоких слоях, но они имели кратковременный характер, скорее всего паводковый, так как пористая керамика эпохи ранней бронзы значительно меньше пострадала в сравнении с более прочной и толстостенной неолитической.

На поселении Клоново I к настоящему времени вскрыто всего лишь 8 кв. м, на Клоново II — 84 кв. м, на Клоново III — 8 кв. м.

Об облике керамики в силу ее плохой сохранности можно говорить лишь по фрагментам с поселения Клоново II, принадлежащим не менее чем 10 сосудам. Все они довольно однотипны — с прямыми или слегка выпуклыми стенками и утолщенным с внутренней стороны венчиком. В тесте незначительная примесь дресвы. Орнамент ямочно-гребенчатый, идентичный орнаменту сосудов со стоянок Пинежского озера.

Каменный инвентарь носит отщепово-пластинчатый характер. Однако микропластины и орудия на них отсутствуют. Из пластин изготовлены в основном ножевидные орудия и скребки, встречаются ножи на отщепе сегментовидной формы с двусторонней или частично двусторонней обработкой; частыми находками являются скребки, концевые или смежно-лезвийные на отщепе, резе — на широких пластинах. Среди прочих следует отметить наконечники стрел листовидной формы, обоюдоострые, двусторонне обработанные, а также один наконечник, точнее, обломок на пластине с черешком с краевой ретушью по всему периметру пера. На стоянке Клоново II найдены сланцевый стерженек для рыболовного крючка и грузило овальной формы со встречными выемками и слабоаметным желобком посередине для привязывания. На стоянке Клоново III найден топор из кремня трапециевидной формы с двусторонней оббивкой и частичной подшлифовкой лезвия.

Стоянки относятся к притиманскому варианту печоро-двинской культуры. Их возраст определяется, по предварительным данным, в пределах конца 4—начала 3-го тыс. до н. э.

Поселение Соозеро I было открыто автором в 1976 г. и исследовалось в 1979 г., находится на левобережье Северной Двины на берегу проточного озера, представляющего собой расширение русла реки Сойги, в окрестностях деревни Соозерская Пустынь (рис. 1, пункт 113).

Стоянка расположена на узком (40—70 м) выдающемся в озеро мысу левого берега реки Сойги высотой не более 4 м над меженным уровнем воды. Площадь раскопок составила 100 кв. м., однако само поселение занимало значительно большую площадь, внушительная часть которой занята домами и постройками. Стратиграфия на поселении следующая: 1 — дерново-поч-

венный слой — 0,05—0,10 м; 2 — серая гумусированная супесь (пахотный слой) — 0,20—0,45 м; остатки подзолистого песка — 0,02—0,25 м; 3 — желтый песок — 0,20—0,40 м; 4 — светло-желтый местами крупнозернистый песок (материк). Культурные остатки залегали в небольшой части пахотного слоя, но главным образом ниже — в белесом и верхней части желтого песка. Материалы разновременны, относятся к неолиту, эпохе ранней бронзы и раннему железному веку. В процессе раскопок выявлено четыре кострища, относящиеся, судя по составу находок в их заполнении, к различным периодам обитания на поселении. Лишь одно из них, в западной части раскопа, можно связать с эпохой неолита. Кострище зафиксировано на большей глубине (0,50 м) и, в отличие от остальных, абсолютно не нарушено вспашкой. Его размеры — 1,5—2,0 м; заполнение — темно-серая зольно-углистая супесь мощностью 0,15 м. В заполнении и вокруг кострища встречается исключительно ямочно-гребенчатая керамика неолитического облика, единичные фрагменты которой встречались и на остальной части раскопа.

Всего собрано около 100 обломков, принадлежавших не менее чем семи сосудам, форма сосудов не восстанавливается из-за фрагментированности. Можно отметить наличие прямых венчиков с горизонтальным или слегка скошенным внутрь срезом. У трех сосудов отмечается небольшое подтреугольное утолщение с внутренней стороны. Толщина стенок — 6—8 мм. В тесте примесь мелкой дресвы или песка.

Орнаментальная композиция построена из чередования горизонтальных поясков ямок с округлым дном (без бугорков с внутренней стороны) с горизонтальными мотивами наклонных оттисков гребенчатого или гладкого штампов. На трех сосудах чередуются не единичные мотивы, а двух- и трехрядные зоны из ямок и оттисков. Иногда ямки нанесены поверх густого поверхностного гребенчатого узора. Интересно отметить, что встречаются как прямозубые гребенчатые оттиски, так и косозубые. На некоторых фрагментах отмечаются неширокие неорнаментированные зоны. Комплекс этой керамики не идентичен посуде стоянок правобережья Северной Двины, а, скорее, напоминает керамику второго варианта ямочно-гребенчатой керамики, которая известна нам на суходольных участках поселений Вис I и II. Возможно, она представляет следующий этап развития неолитической керамики на Северной Двине, а возможно, отражает другие традиции, нежели притиманская. Поэтому культурно-хронологическое место неолитической стоянки Соозеро I остается пока не определенным.

Поселение Кыстырью (рис. 1, пункт 140) открыто на правом берегу Мезени в 1973 г. В. С. Стоко-

лосом [Стоколос, 1977]. Памятник расположен на боровой 10-метровой террасе в 2 км ниже дер. Чернутаево. На поселении выявлены две жилищные впадины, одна из которых была раскопана. Площадь раскопа составила 48 кв. м.

Жилище интерпретируется исследователем как наземное. Границы его фиксировались в основном по распространению находок и имели очертания неправильного овала, длина которого около 7 м, ширина — 5 м. На площади поселения собрано более 50 фрагментов керамики примерно от двух сосудов и 655 кремневых предметов.

Первый сосуд имел слегка закрытую форму с утолщенным венчиком. В тесте — примесь дресвы и шамота, орнамент состоит из горизонтальных оттисков косозубого гребенчатого штампа с нанизанными на этот поясок глубокими коническими ямками. Такие зоны чередуются с неширокими мотивами шагающей гребенки.

Второй сосуд имел полуяйцевидную форму с почти прямыми стенками и утолщенным венчиком. Тесто с примесью мелкой дресвы или песка. Орнамент ямочно-гребенчатый: гребенчатый зигзаг (штамп прямозубый) с ямками в углах чередуется с поясками из наклонных гребенчатых оттисков с ямками на концах.

В. С. Стоколос справедливо отмечает гибридный характер этой керамики. На наш взгляд, первый сосуд в большей степени тяготеет к керамике средневычегодских поселений, а второй близок к посуде притиманских памятников.

Кремневые орудия представлены 21 экземпляром. Инвентарь носит отщепово-пластинчатый характер. Использовались в основном широкие, не всегда правильные пластины главным образом для производства ножей. Последние обработаны краевой ретушью, более крутой на обушковом крае. Иногда у них выделен насад посредством двух встречных выемок. Встречаются ножи сегментовидной формы с обработкой также по краю. Среди прочих орудий представлен обломок листовидного наконечника стрелы, скобель-ложкарь изогнутой формы, два сверла и серия скребков в основном концевоего типа на пластинах и пластинчатых отщепах.

Возраст поселения Кыстырью В. С. Стоколосом определяется в рамках существования вычегодско-вятских (по Г. М. Бурову) памятников, то есть в пределах 3—начала 2-го тыс. до н. э.

В данной работе поселение отнесено к числу ранних памятников синдорского варианта печоро-двинской культуры, ориентировочно датируемых серединой 3-го тыс. до н. э.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

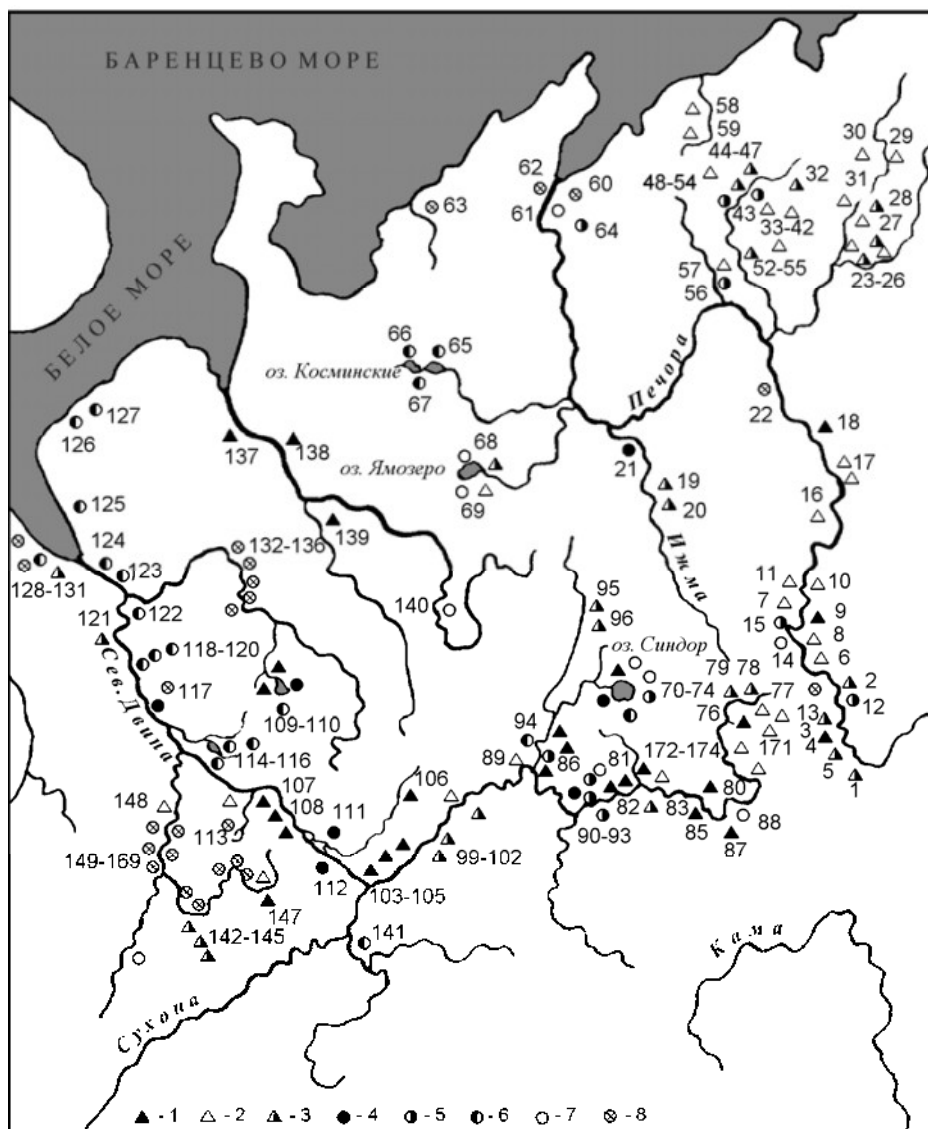

Рис. 1. Карта распространения мезолитических и неолитических памятников Европейского Северо-Востока: 1 — Тыбью; 2 — Касьян-ель; 3 — Мартюшевская III; 4 — Мартюшевская IV; 5 — Зареченская; 6 — Петрушинская; 7 — Вампи I; 8 — Кодач-ди; 9 — Митрофан-Дикост; 10 — Шердинская; 11 — Деминская; 12 — Усть-Ляга I; 13 — Затон; 14 — Рогодинская I; 15 — Рогодинская II; 16 — Черепанька-ди; 17 — Топыд-нюр V, VII; 18 — Зыбун-нюр II; 19 — Турун-нюр I; 20 — Лек-леса; 21 — Черноборская III; 22 — Сирпач-шор; 23 — Адзьва I (Ларваник); 24—26 — Адак I, II, III; 27—31 — Адзьва 13, 14, 19, 42, 63; 32 — Сандибей-ю I; 34—42 — Сандибей-ю 3, 4, 5, 6, 9, 10, 11, 13, 14, 15; 43 — Сандибей-ю 8 (Шренк-ярей); 44—47 — Колва 11, 15, 17, 18; 48—51 — Колва 10, 12, 13, 14; 52—55 — Колва-вис 13, 14, 16, 30; 56 — Лая I (Миш-Ваньская); 57 — Лая II; 58 — Черная I; 59 — Черная 18; 60—61 — Ярей-ты 5, 7; 62 — Поповка; 63 — Индига I; 64 — Печорская; 65 — Ружникова; 66 — Кыско; 67 — Алексахина; 68—69 — Пижма I, III; 70—72 — Вис I, II, III; 74 — Синдорское озеро II, XI; 75 — Чертас I, II; 76 — Кузьвомын; 77 — Ягкодж I; 78 — Ягкодж III; 79 — Воль I; 80 — Ульяново; 81 — Пезмог I; 82 — Курьядор I, II; 83—87 — Нидзь II, Пожег, Аныб I, II, Палевица II; 88 — Керчемья; 89 — Ванвиздино; 90—92 — Эньты I, III, IV; 93 — Вад; 94 — Половники II; 95—98 — Весляны, Ветью, Часадор, Божьюдор; 99—102 — Язгора, Сосновская, Паламыш, Сольвычегодск; 103—105 — Филчаевская II, III, IV; 106 — Комарово; 107 — Приозерный 4, 5; 108 — Чашовица; 109—110 — Явроньга I, II; 111 — Прилукская; 112 — Вонгода I; 113 — Соозеро I; 114—116 — Клоново I, II, III; 117 — Ковозеро I, II; 118—120 — Пинежское озеро 3, 4, 6; 121 — Усть-Обокша; 122 — Орлецы; 123 — Лавля; 124 — Бык; 125 — Куя; 126 — Никольская; 127 — Зимняя Золотица; 128 — Кудьмозеро; 129 — Ненокса (Сопки); 130 — Пертоминск; 131 — Галдарея I; 132 — Крылово; 133—136 — Першково, Пепино, Березник, Чакола; 137—139 — Каменка, Заборотье, Лешуконское; 140 — Кыстырью; 141 — Мармугино; 142—146 — Матвеевская, М. Каргачево, Горка (Охлябинская), Подгорная (Устьяновская), Кадыевская; 147 — Усть-Кизема; 148 — Корбала; 149—169 — Шаткурга, Туриха, Пушкинская, Марково, Остапово, Набережная, Б. Заборье, Ирзеньга, Котельники, Власовская, Рубеж, Копеевская, Левково, Рудинская, Сельменьга, Осиново, Шо-лоша; 170 — Заозерье; 171 — Парч I, II, III; 172 — Кужба; 173 — Кужью; 174 — Озьяг IV

Условные обозначения: 1 — ранние мезолитические стоянки; 2 — поздние мезолитические стоянки; 3 — стоянки со смешанными признаками или возраст которых не определен из-за малочисленности инвентаря; 4 — неолитические стоянки черноборской группы; 5—7 — поселения печоро-двинской неолитической культуры: средневычегодского (5), притиманского (6) и синдорского (7) вариантов; 8 — памятники, культурная принадлежность которых пока неясна

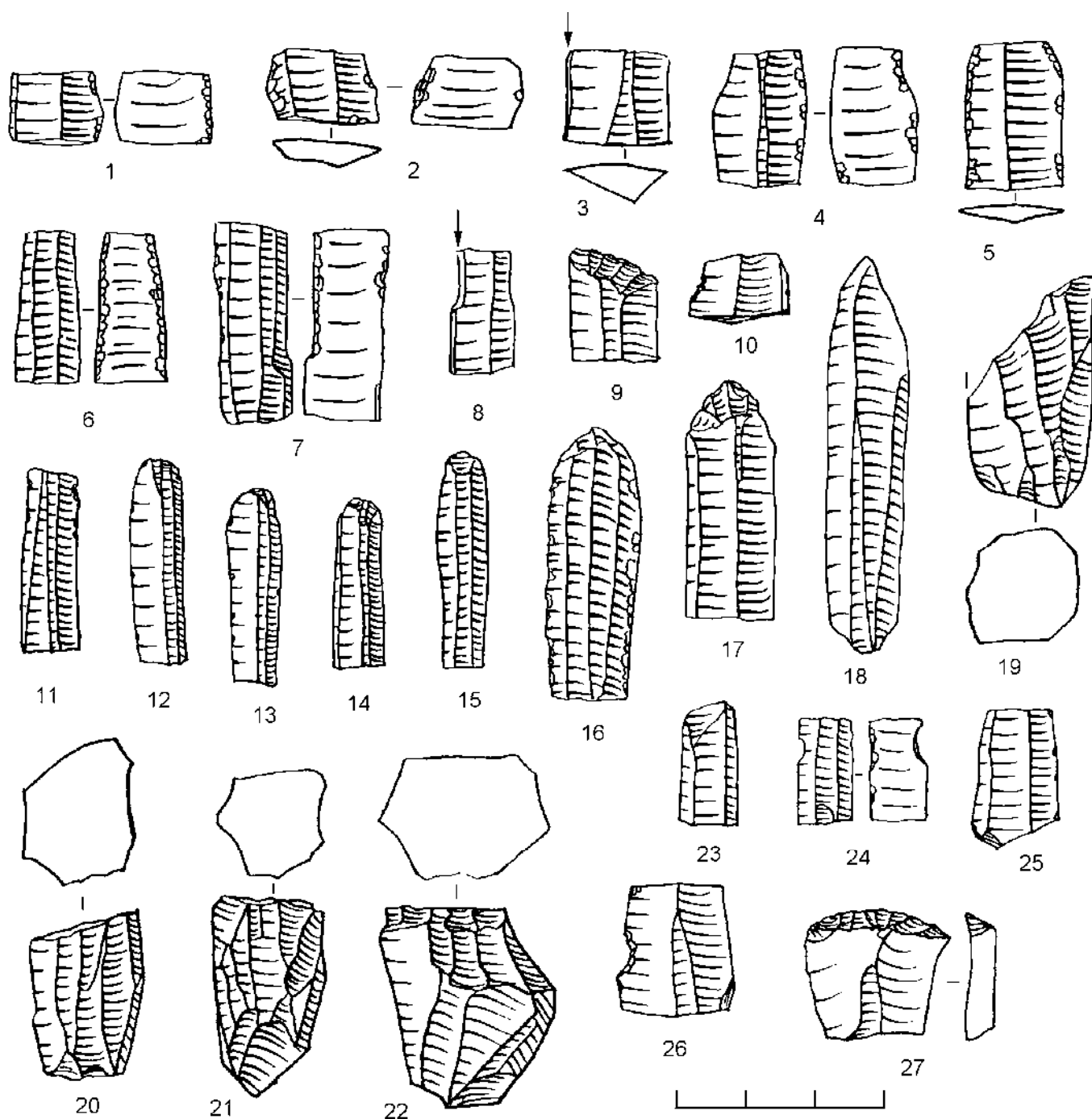

Рис. 2. Кремневый инвентарь мезолитического времени: 1—19 — стоянка Мартюшевская IV; 20—27 — стоянка Мартюшевская III

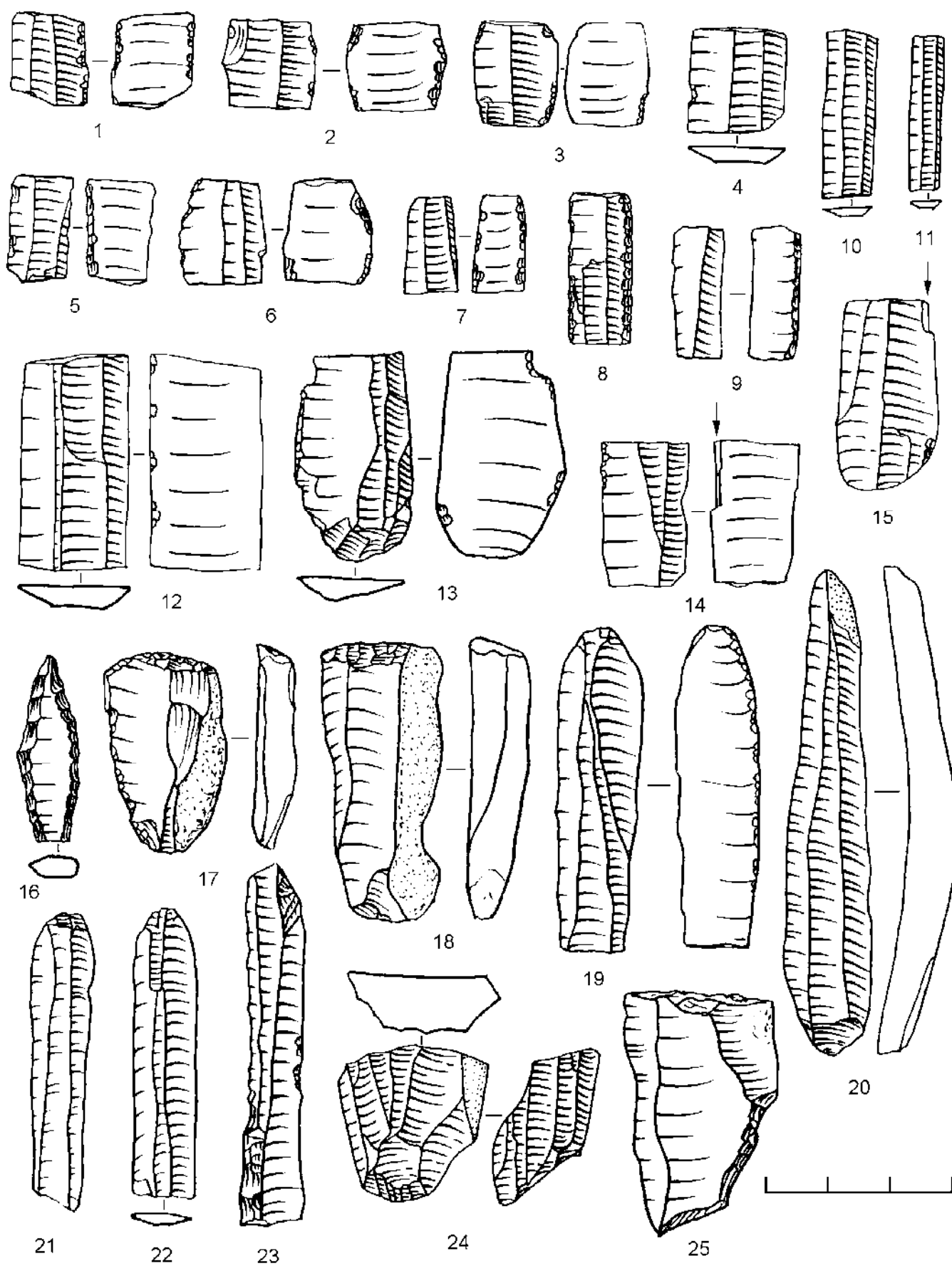

Рис. 3. Петрушинская. Мезолитический комплекс

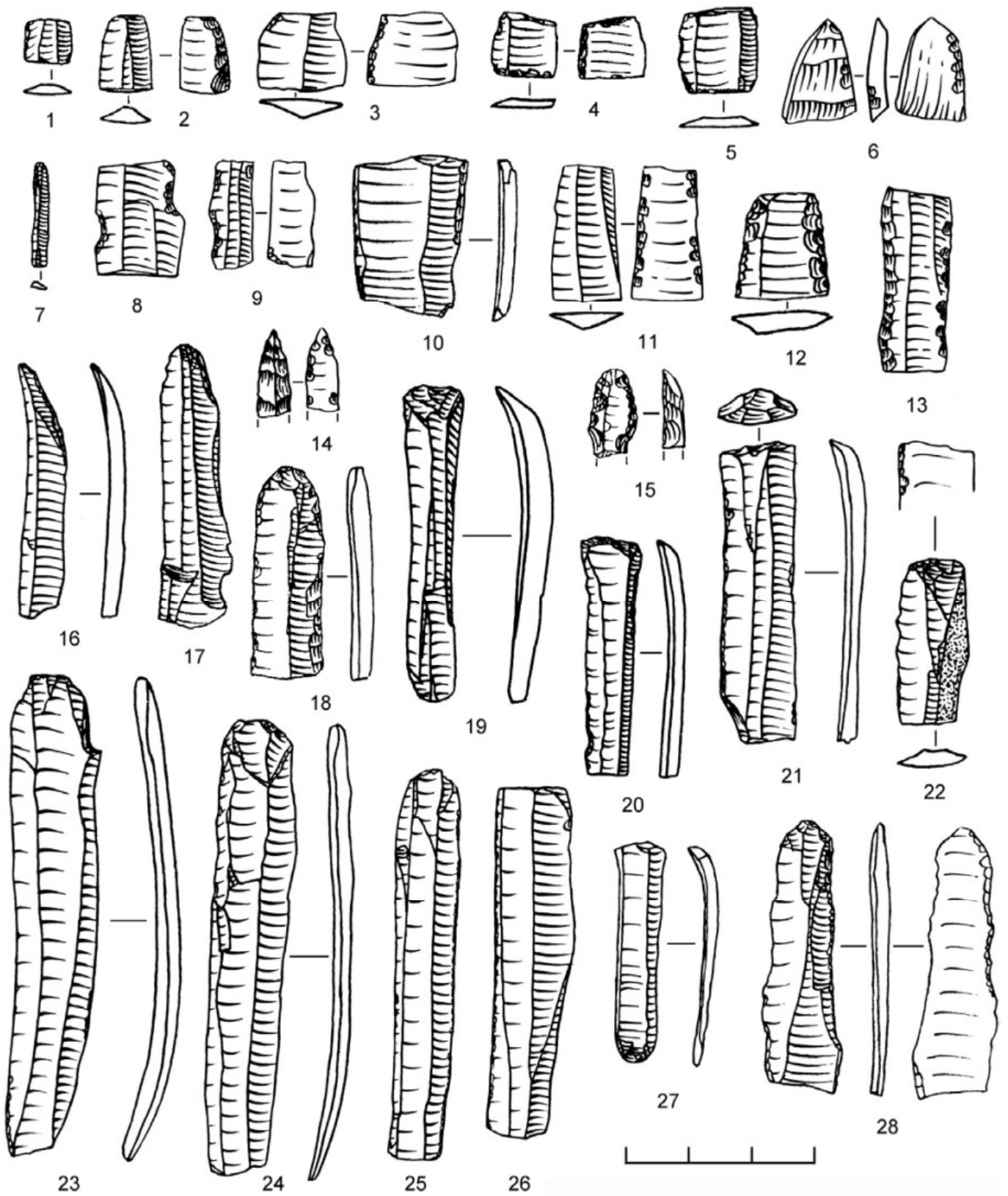

Рис. 4. Топыд-нюр V. Кремневый инвентарь

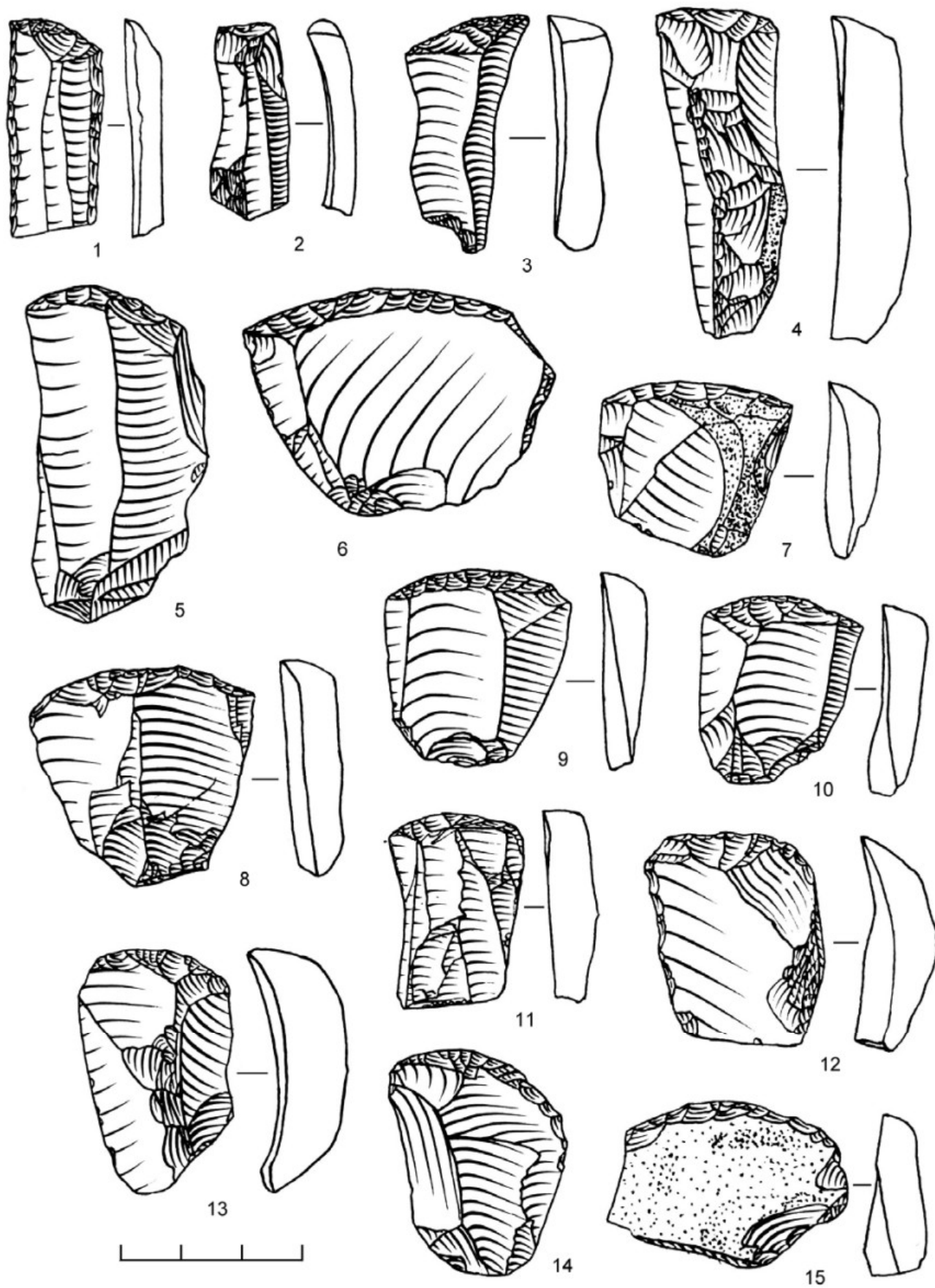

Рис. 5. Топыд-нюр V. Кремневые скребки

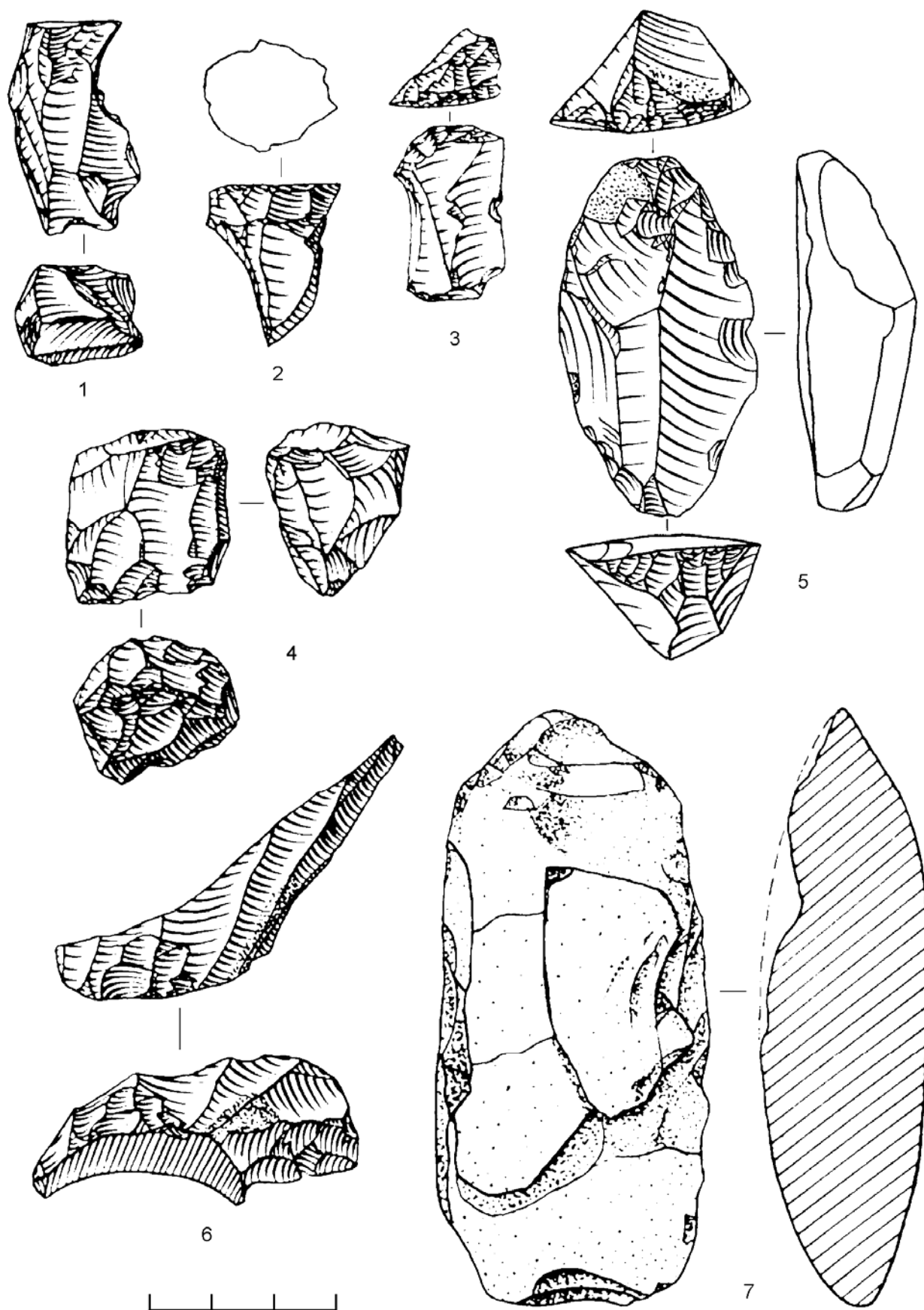

Рис. 6. Топыд-нюр V:

1—6 — нуклеусы; 7 — топор (1—7 — кремнь)

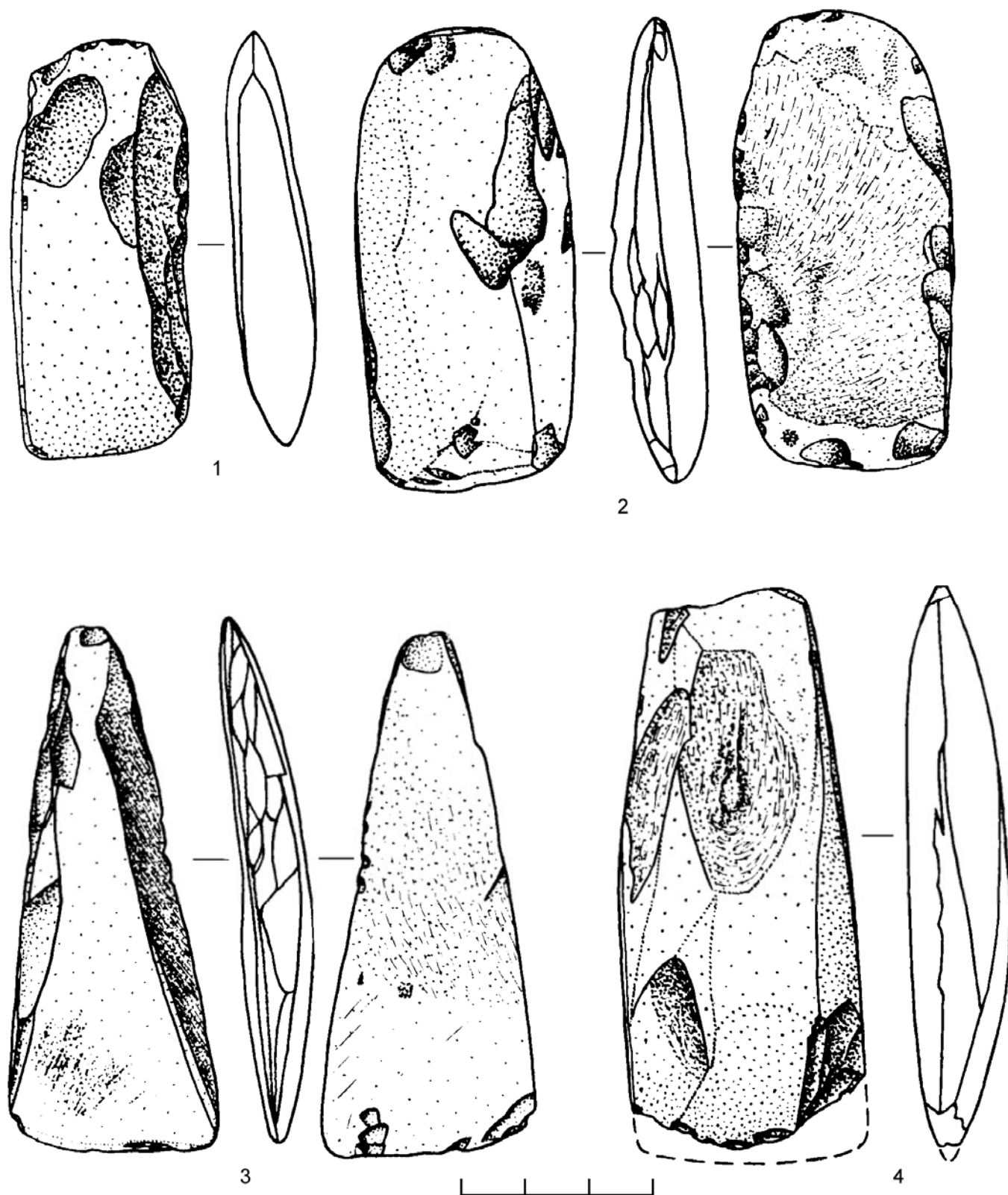

Рис. 7. Топыд-нюр V:

1, 2, 4 — топоры; 3 — тесла (1, 2, 4 — алевролит; 3 — кремень)

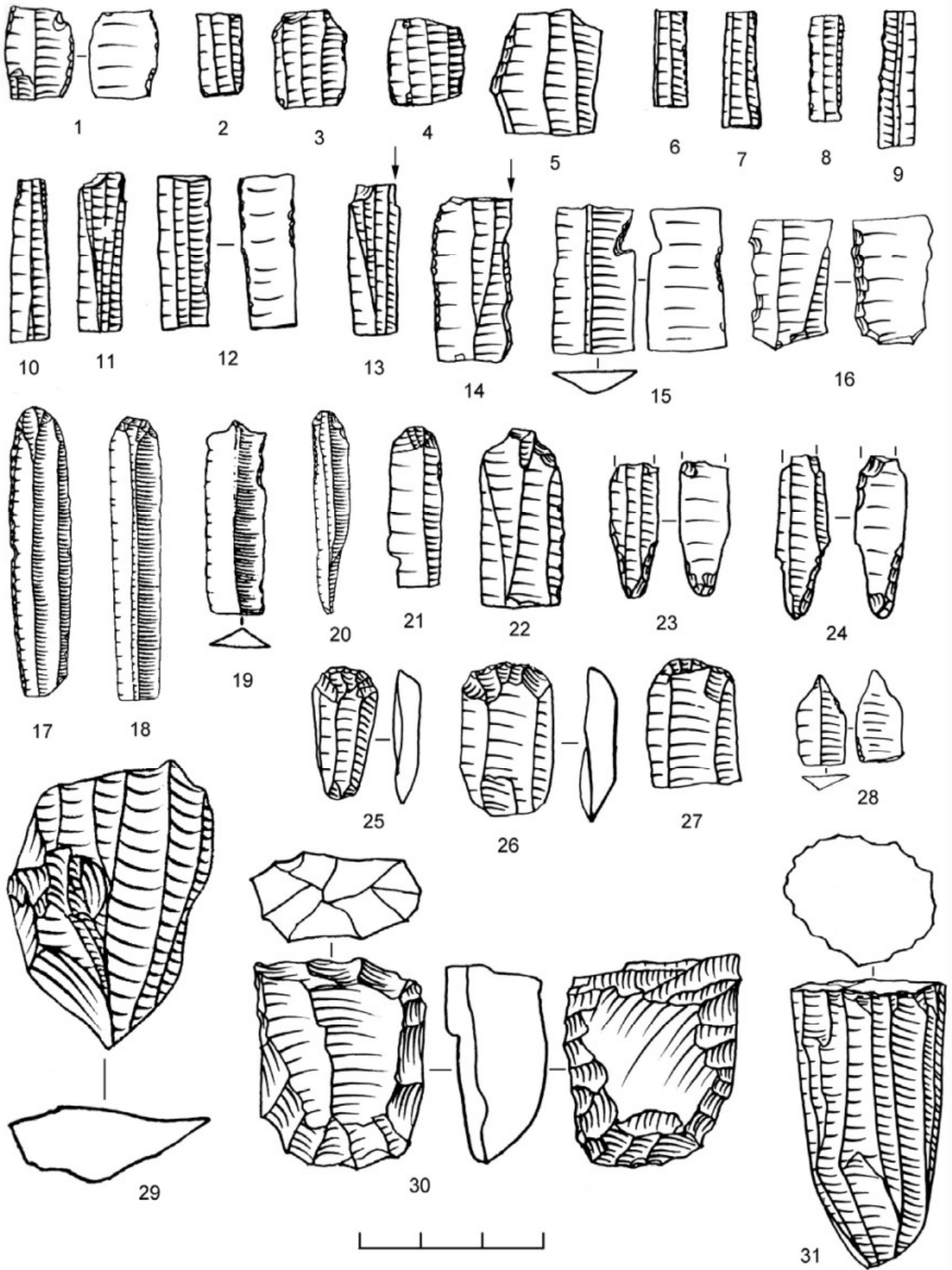

Рис. 8. Турун-ниур I. Кремневый инвентарь

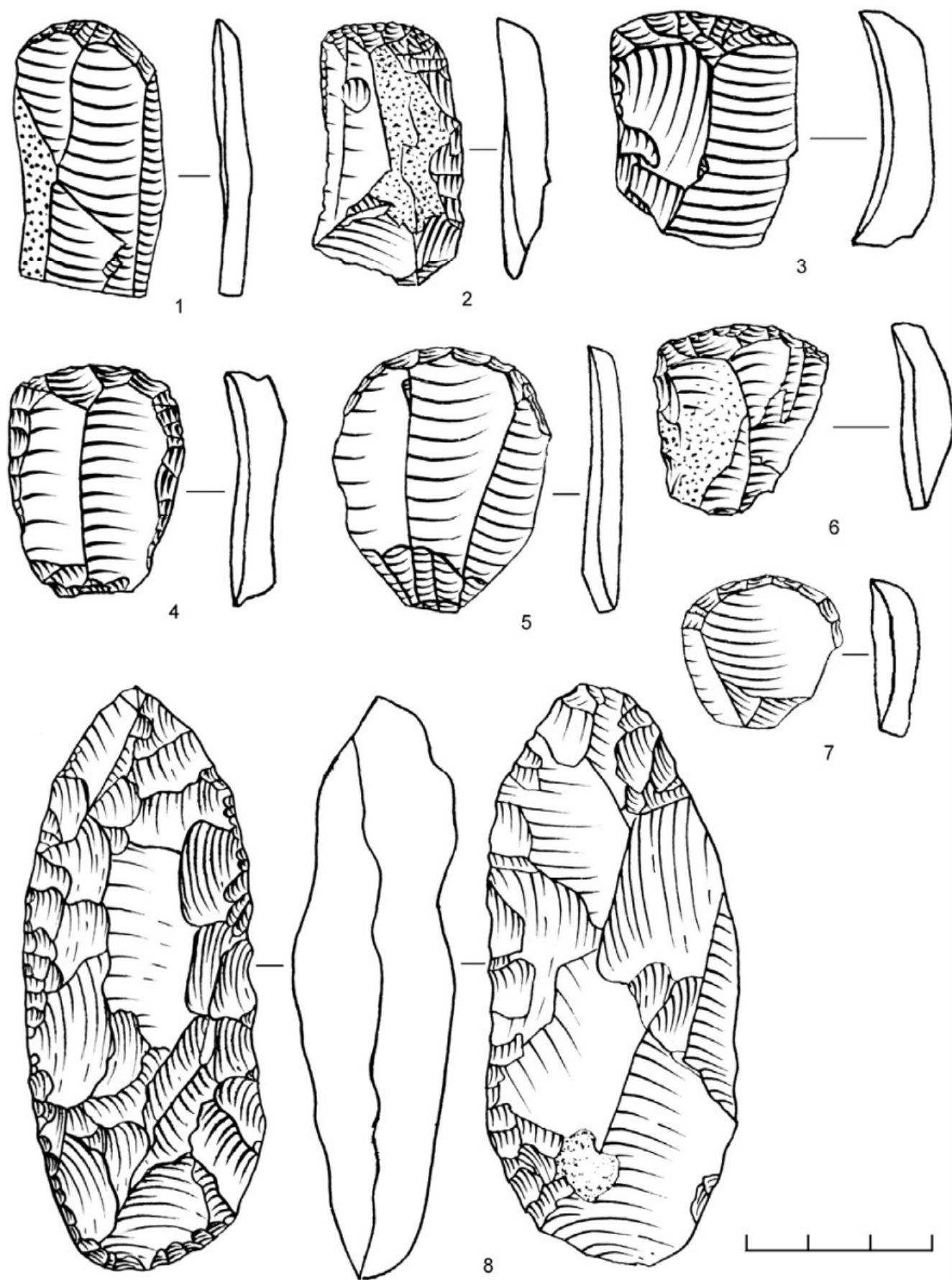

Рис. 9. Турун-ниур I. Кремневый инвентарь

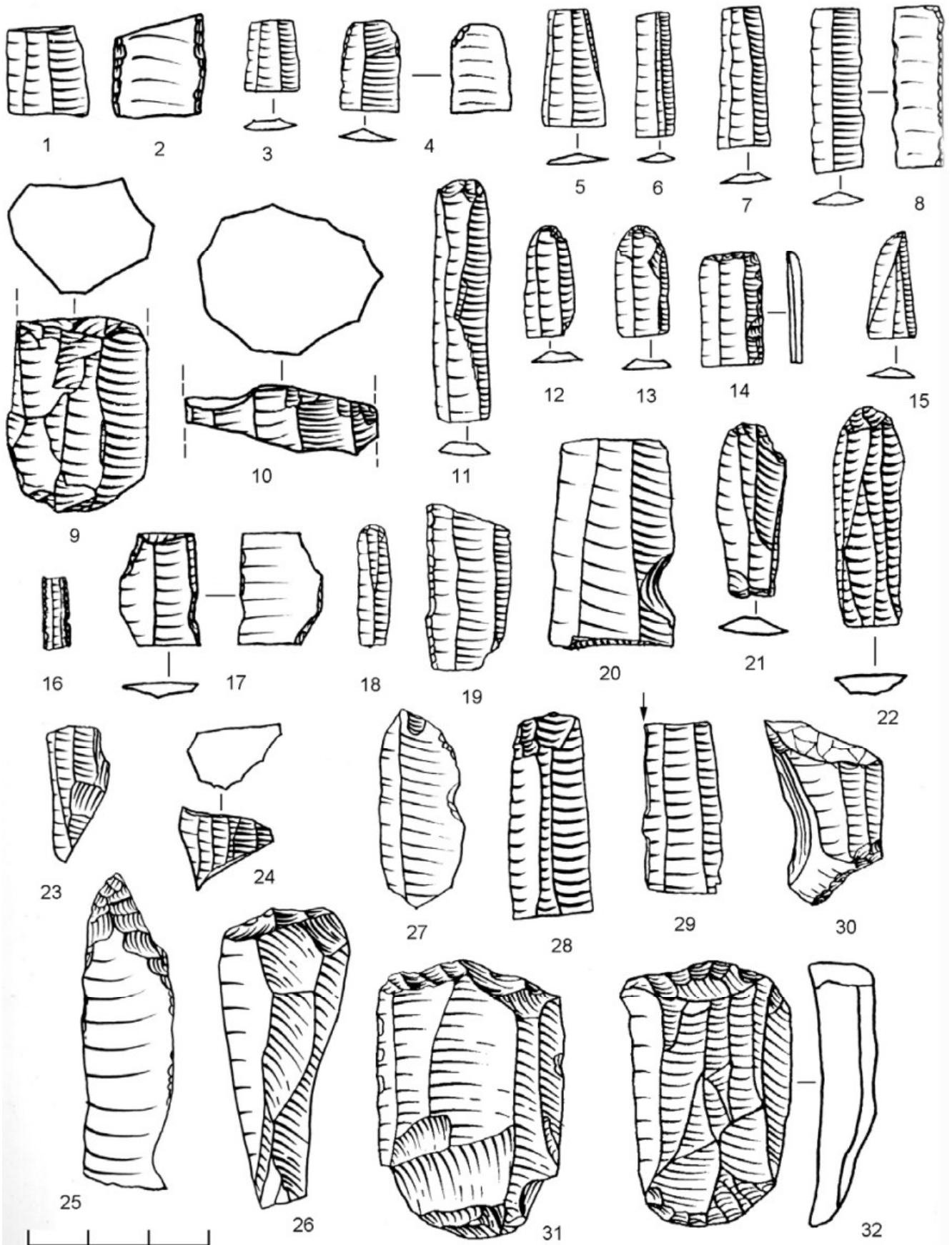

Рис. 10. Кремневый инвентарь стоянок Средней Печоры: 1—15 — Зыбун-нюр II; 16—26 — Черепанька-ди; 27—32 — Вампи I

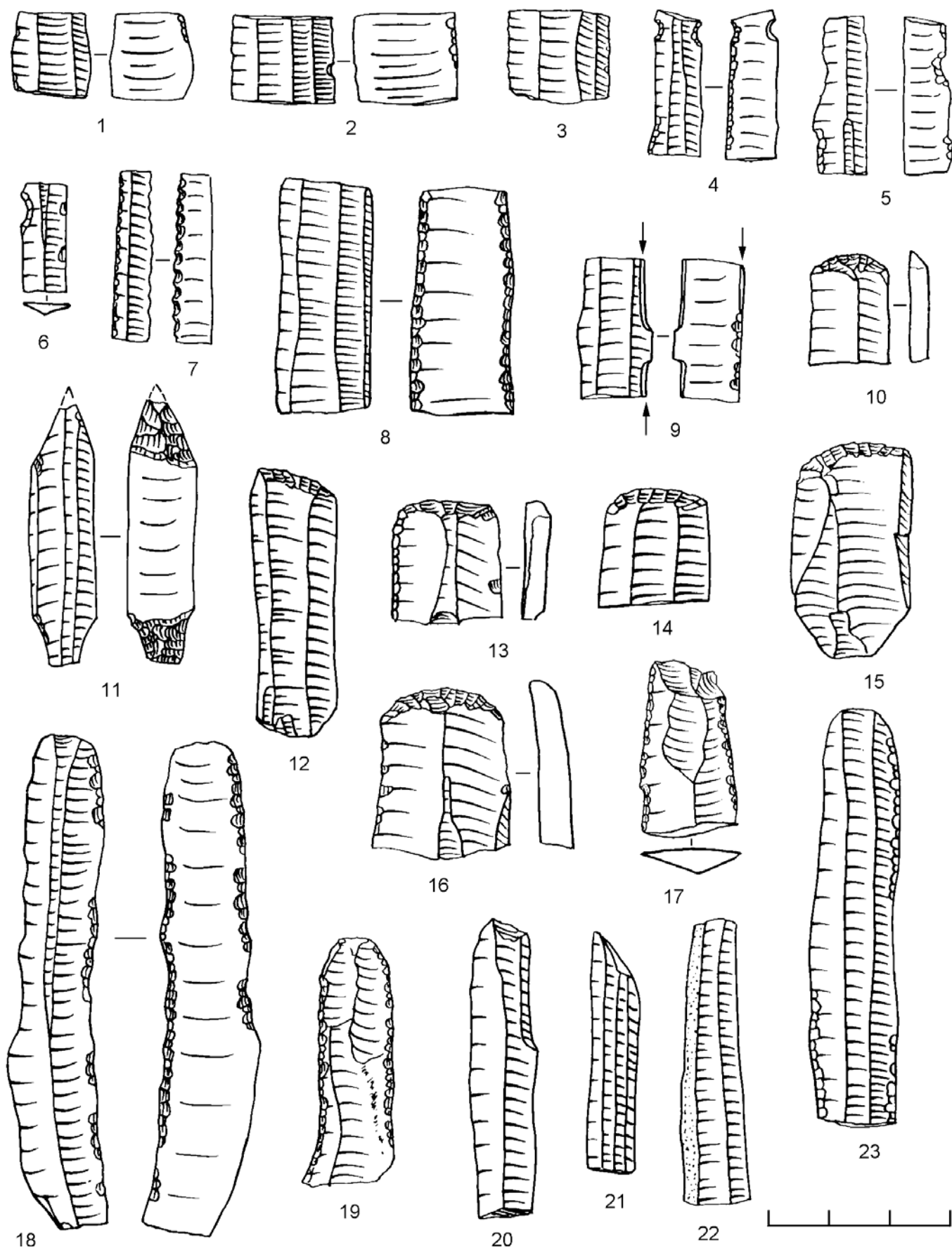

Рис. 11. Пижма II. Мезолитический комплекс

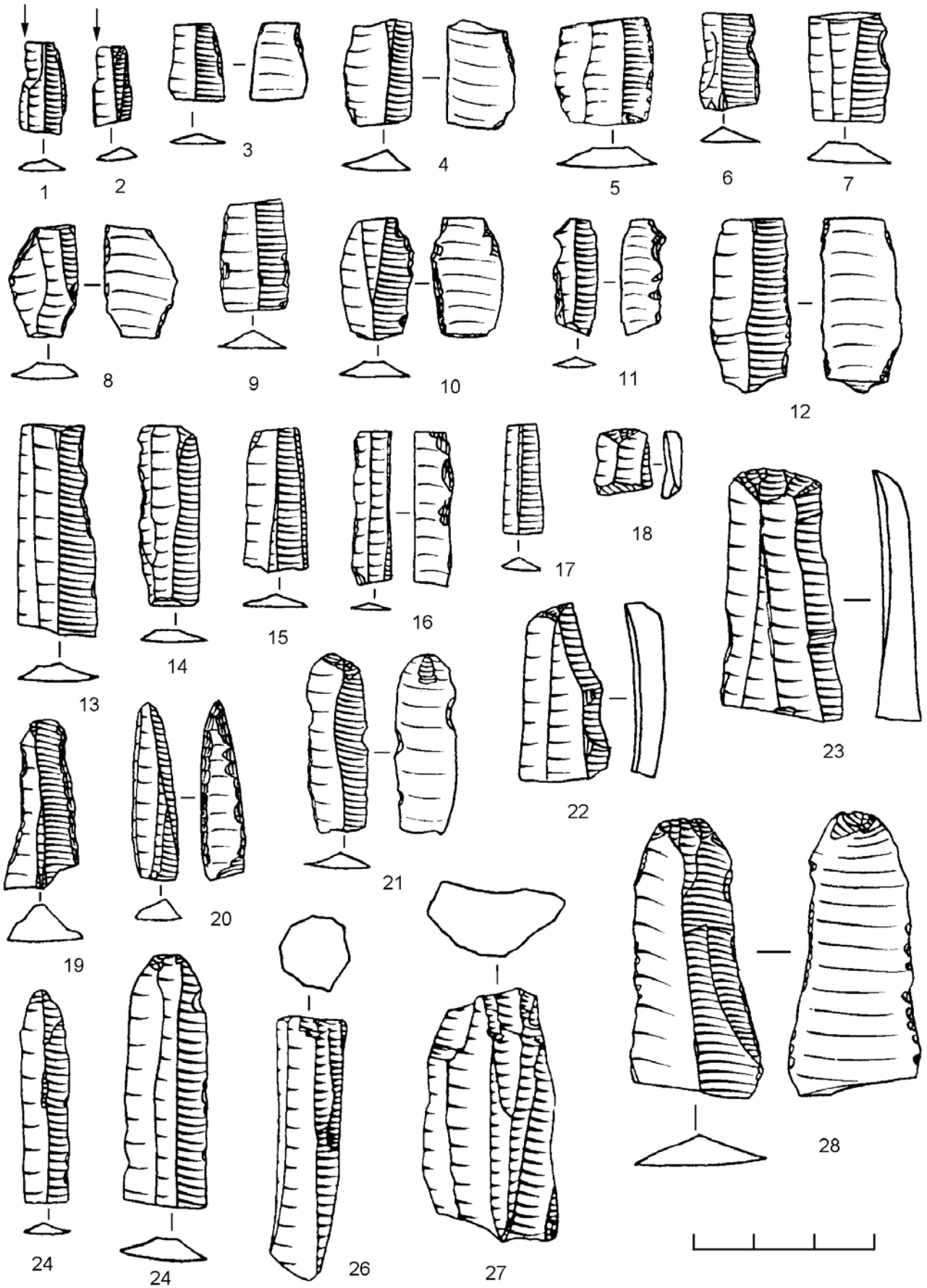

Рис. 12. Адак II. Кремневый инвентарь

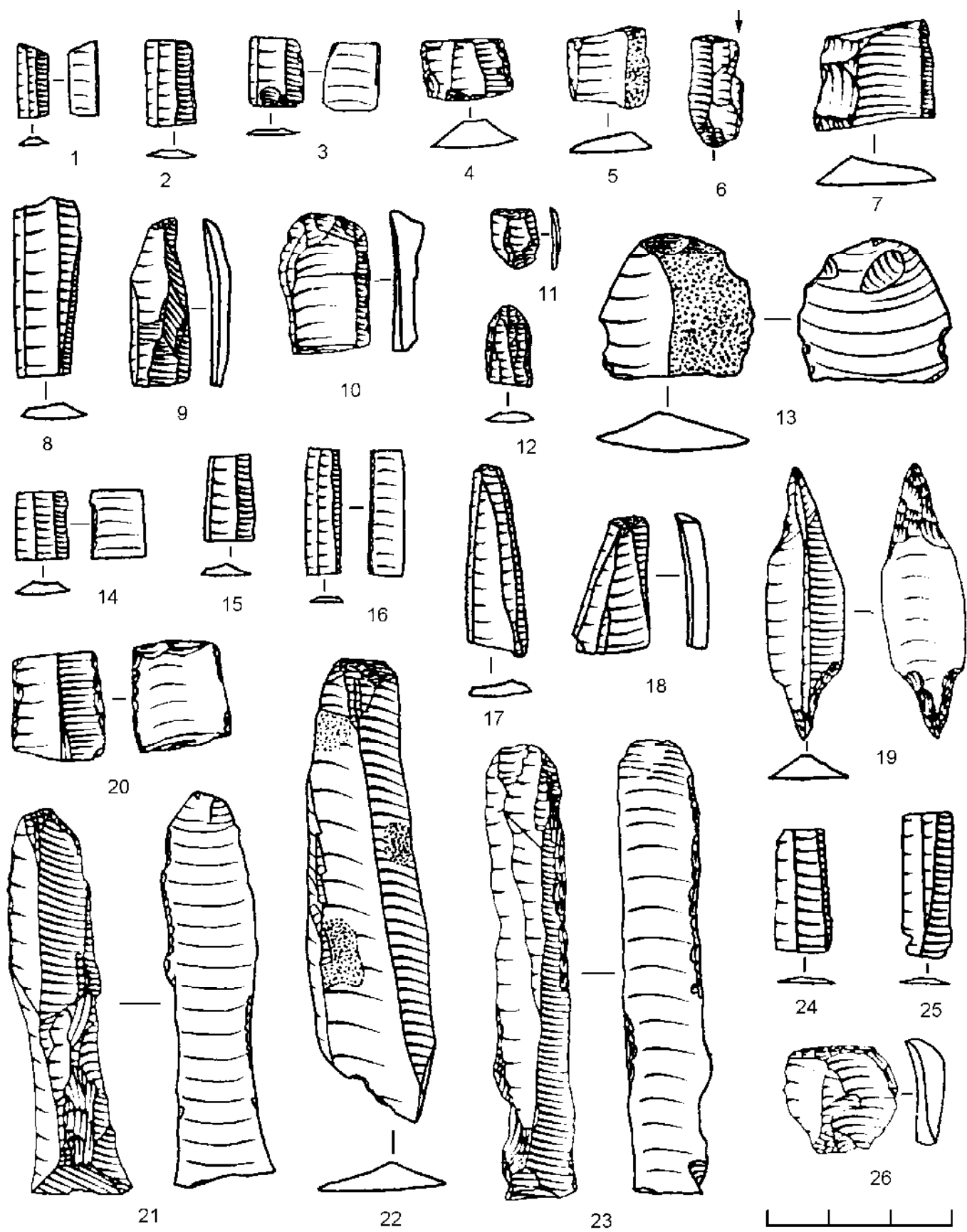

Рис. 13. Кремневый инвентарь стоянок Большеземельской тундры: 1—13 — Адак I; 14—20 — Адзъва I; 21—26 — Адак III

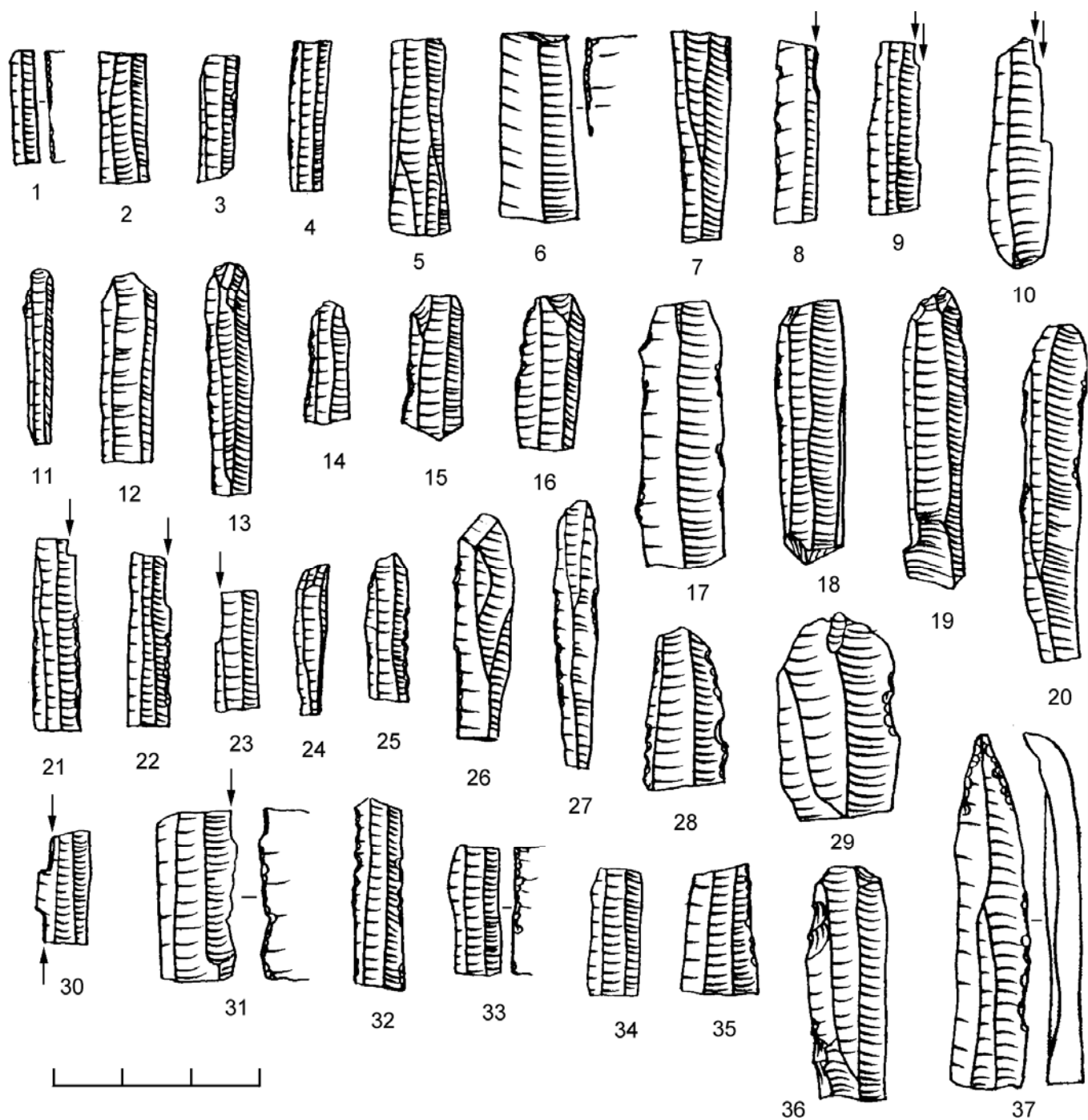

Рис. 14. Кремневый инвентарь стоянок Большеземельской тундры: 1—20 — Адзья 13; 21—29 — Адзья 42; 30—37 — Адзья 19

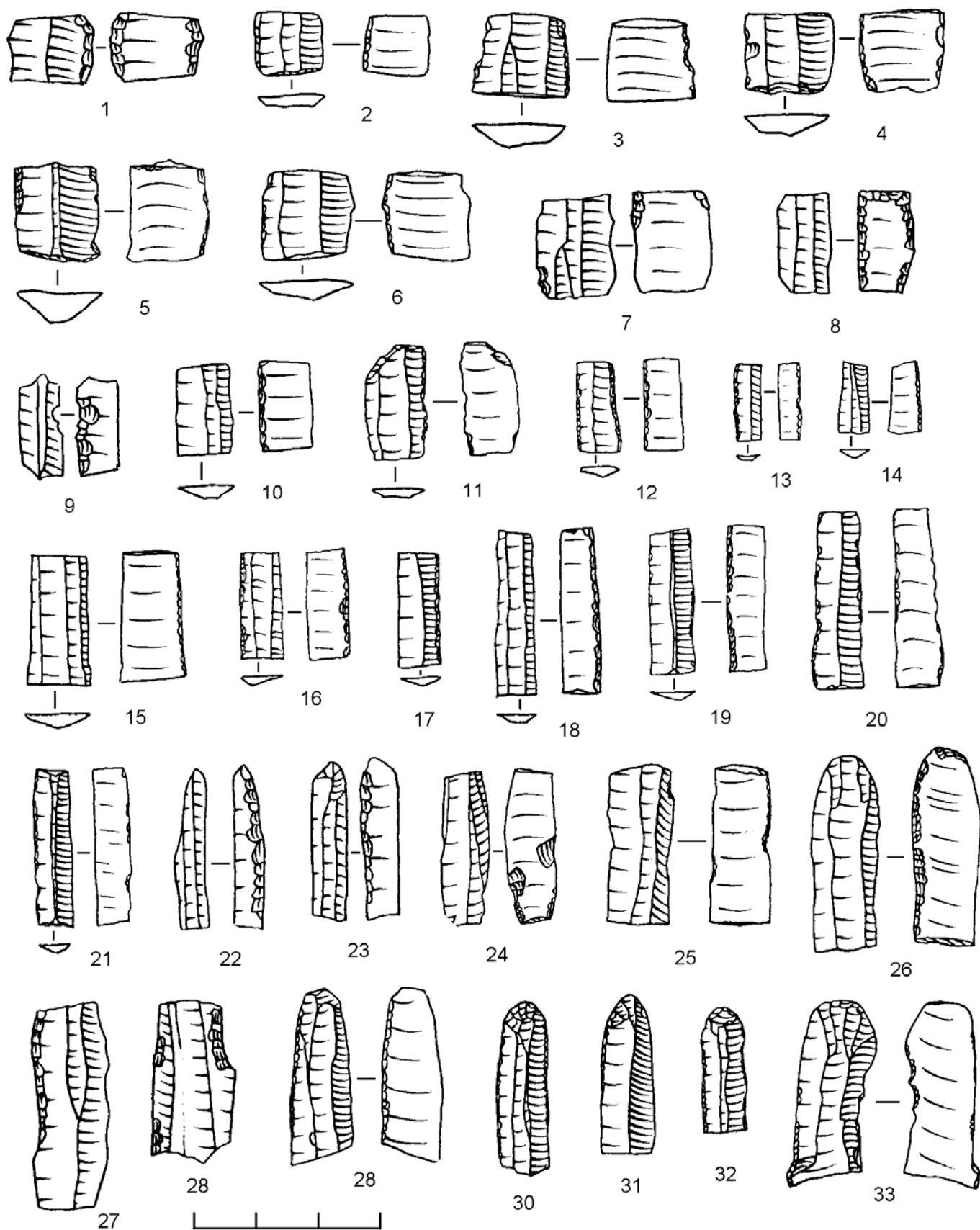

Рис. 15. Сандибей-ю I. Кремневые орудия на пластинах и сечениях

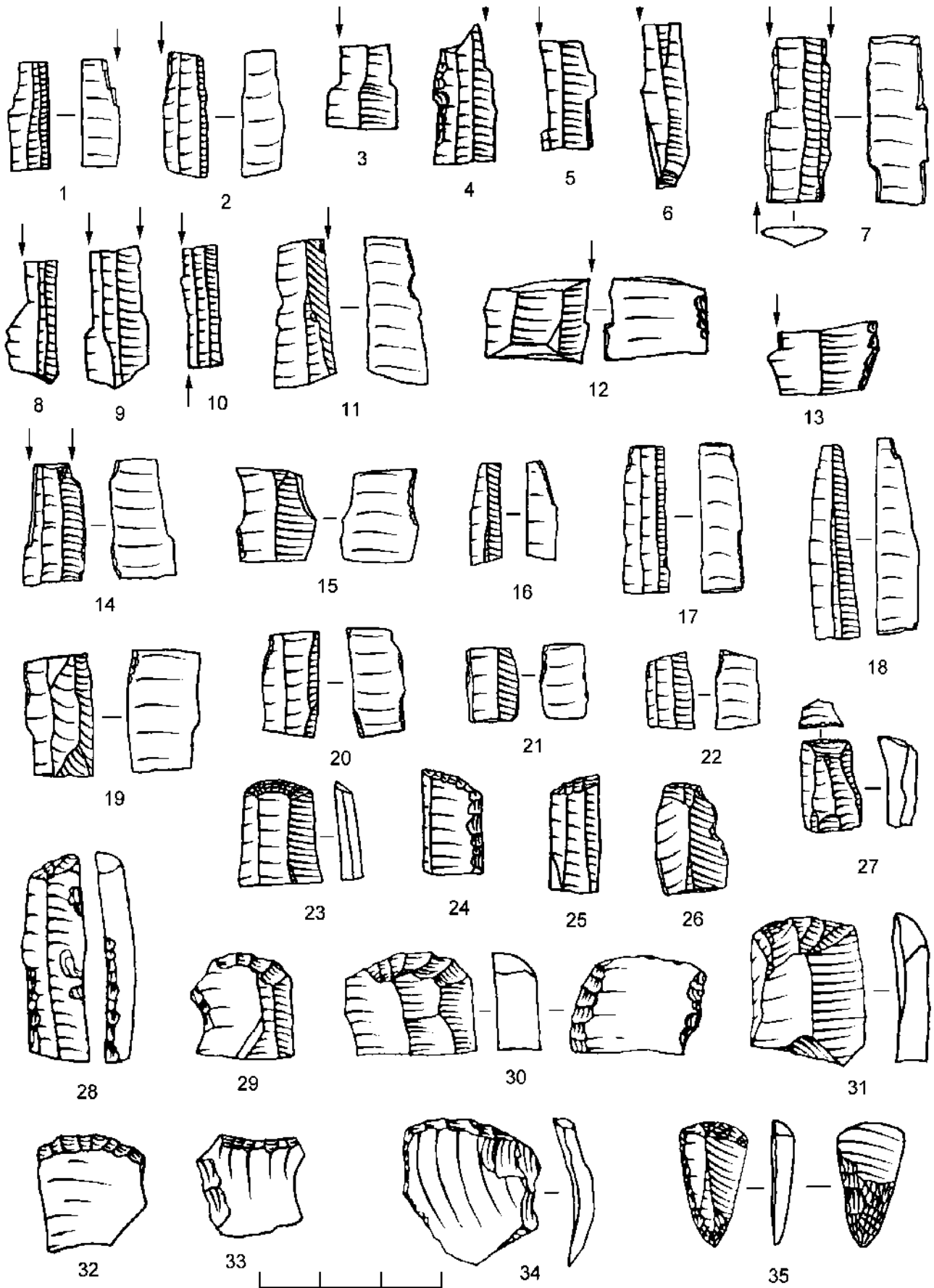

Рис. 16. Сандибей-ю I. Резцы и скребки

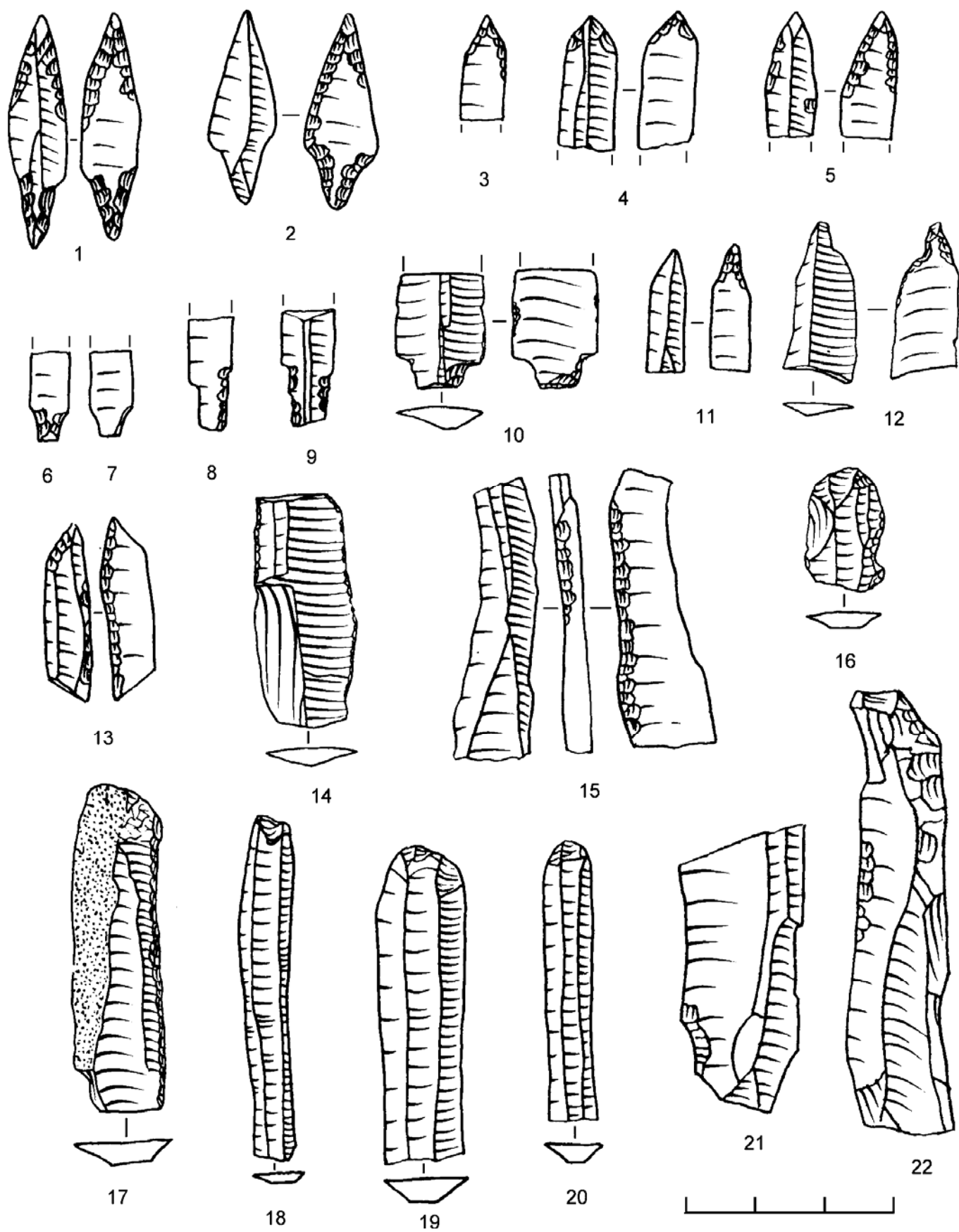

Рис. 17. Сандибей-ю I. Кремневые орудия

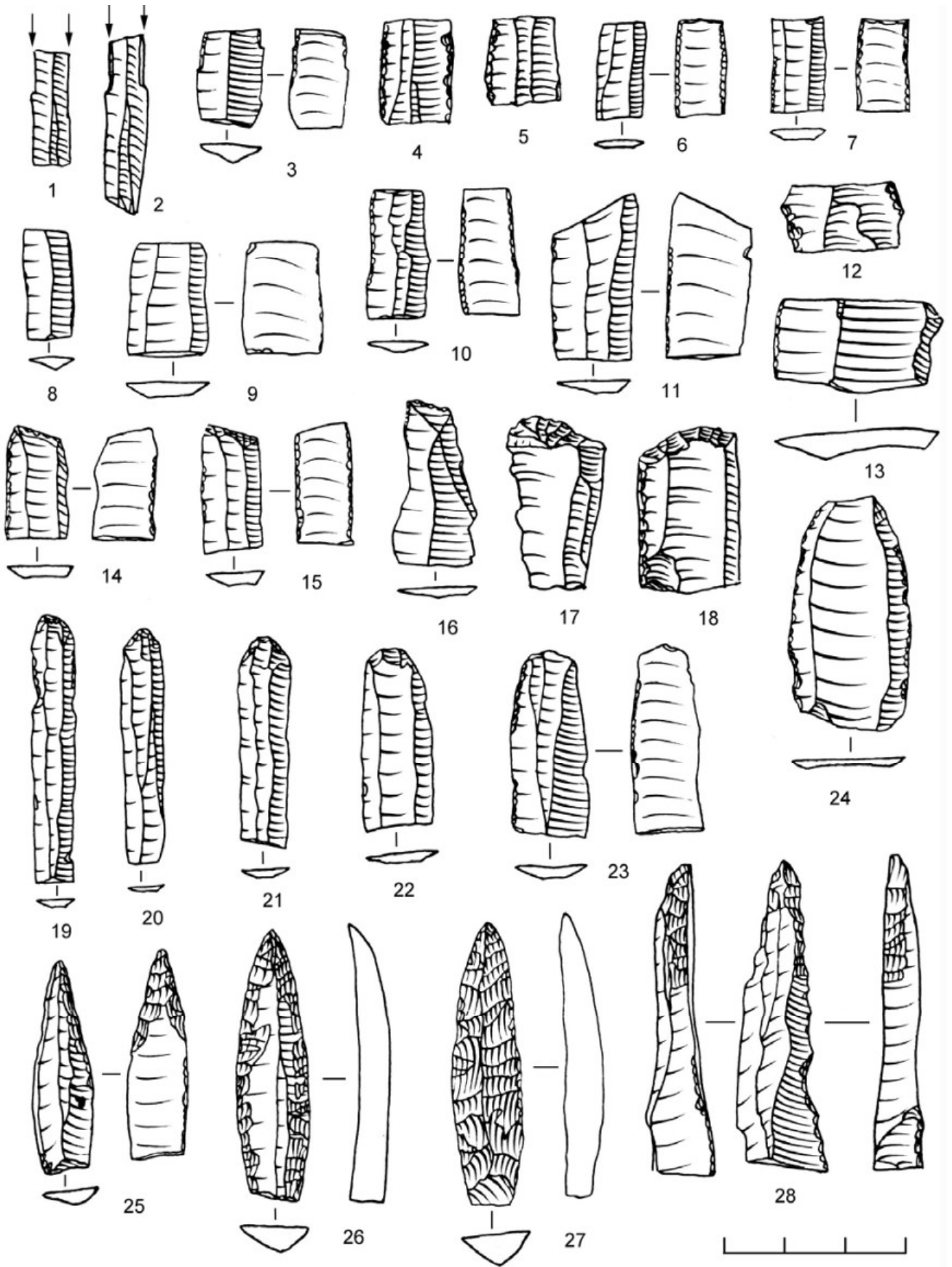

Рис. 18. Сандибей-ю 8 (Шренк-Ярей). Изделия на пластинах

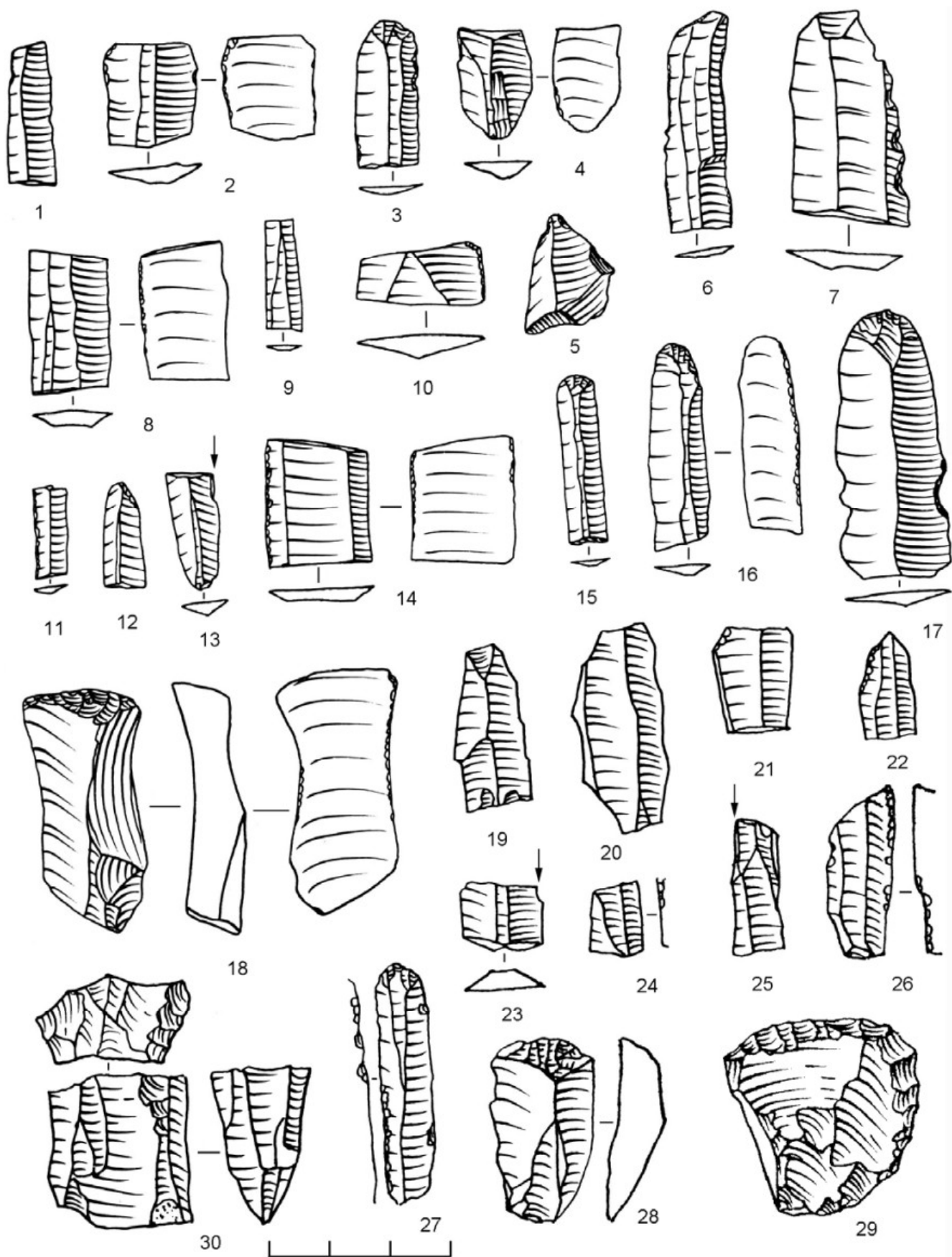

Рис. 19. Кремневый инвентарь стоянок Большеземельской тундры: 1–6 — Сандибей-ю 4; 7–10 — Сандибей-ю 3; 11–18 — Сандибей-ю 5; 19–22 — Сандибей-ю 10; 23–29 — Сандибей-ю 9

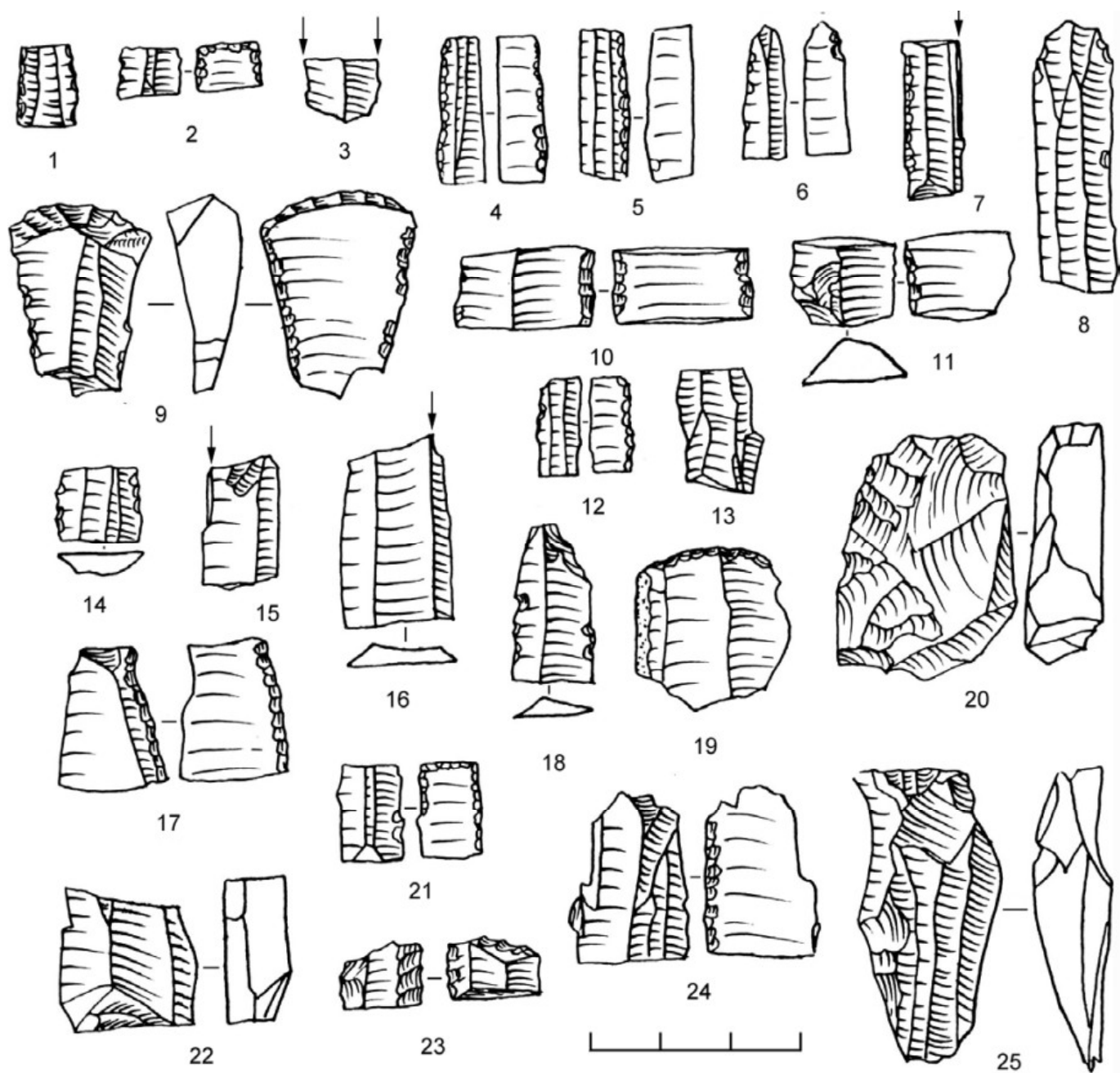

Рис. 20. Кремневый инвентарь стоянок Большеземельской тундры: 1–10 — Колва II; 11–17 — Колва 17; 14–20 — Колва 18; 21–25 — Колва 15

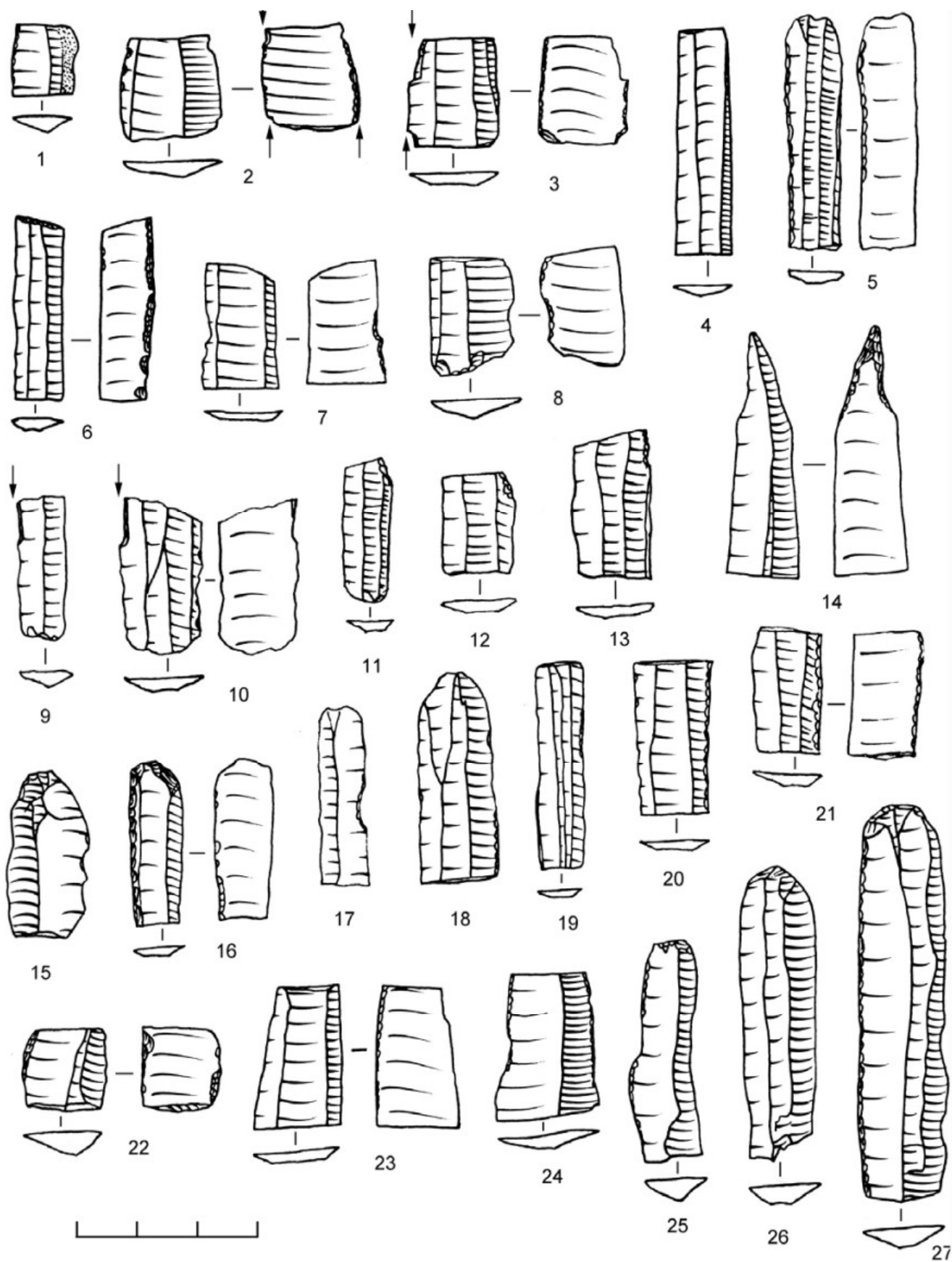

Рис. 21. Кремневый инвентарь стоянок Большеземельской тундры: 1—8 — Колва-вис 13; 9—21 — Колва-вис 14; 22—27 — Колва-вис 16

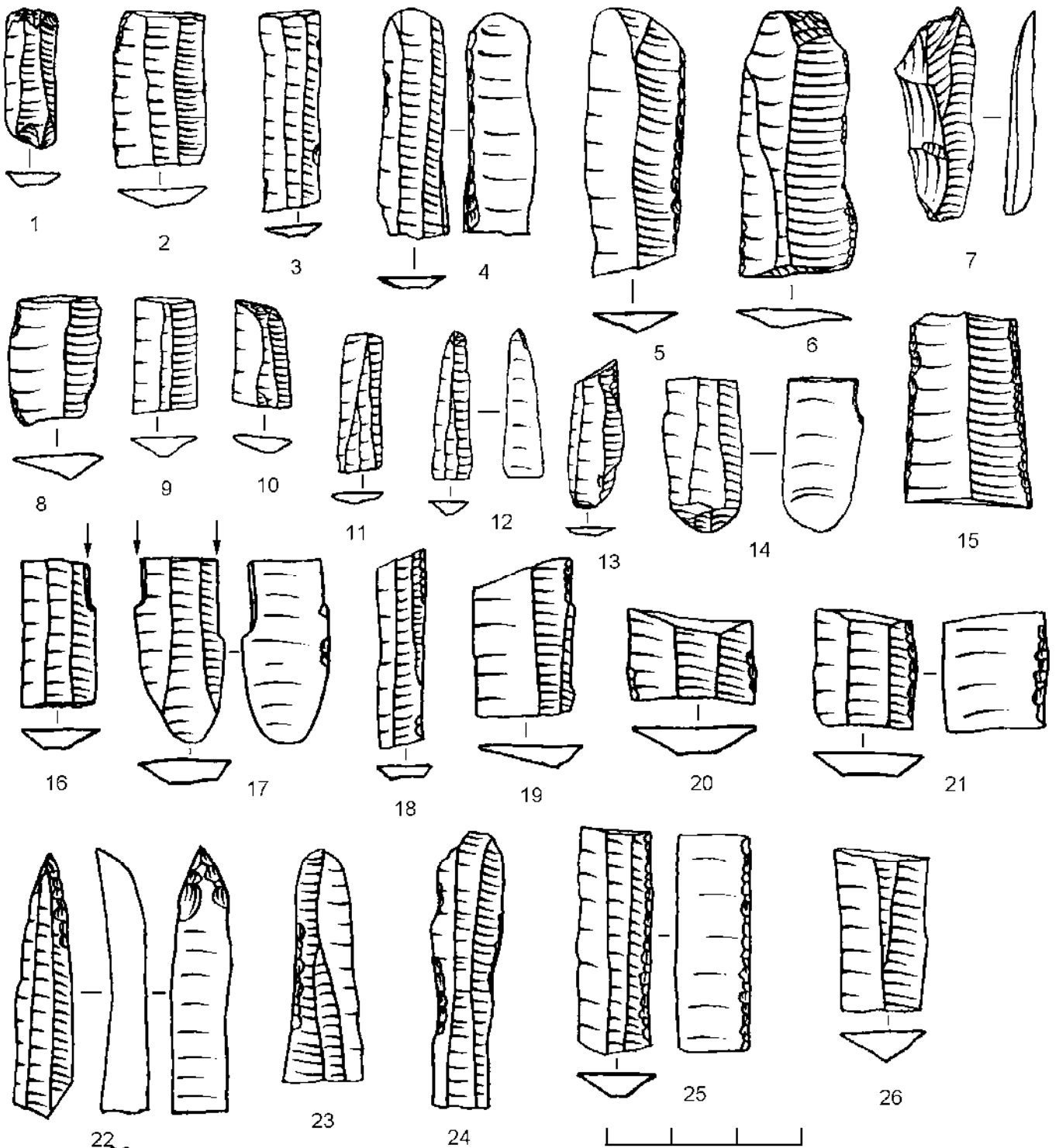

Рис. 22. Кремневый инвентарь стоянок Большеземельской тундры: 1—15 — Лая II; 16—26 — Черная I

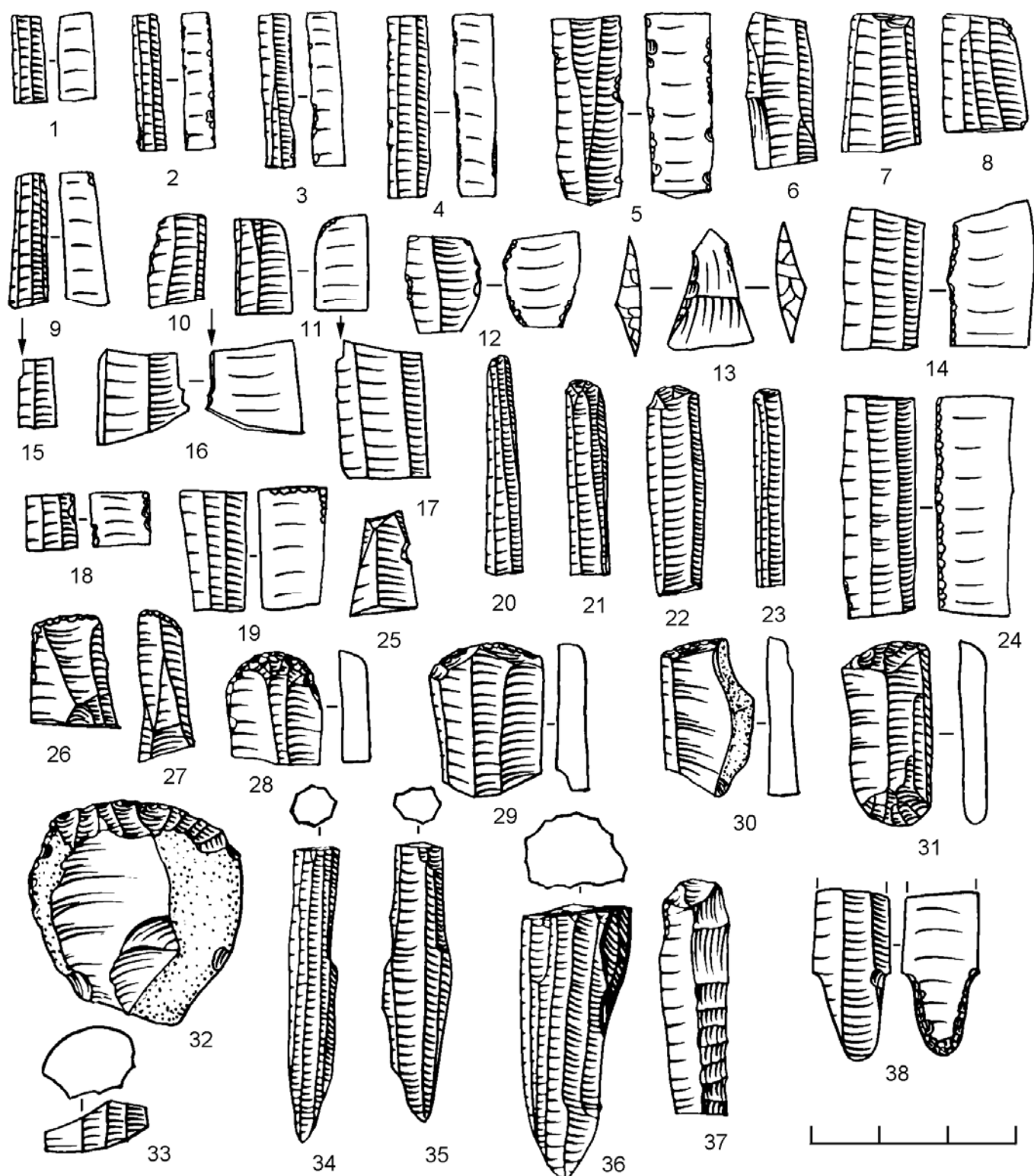

Рис. 23. Пезмог I. Кремневый инвентарь

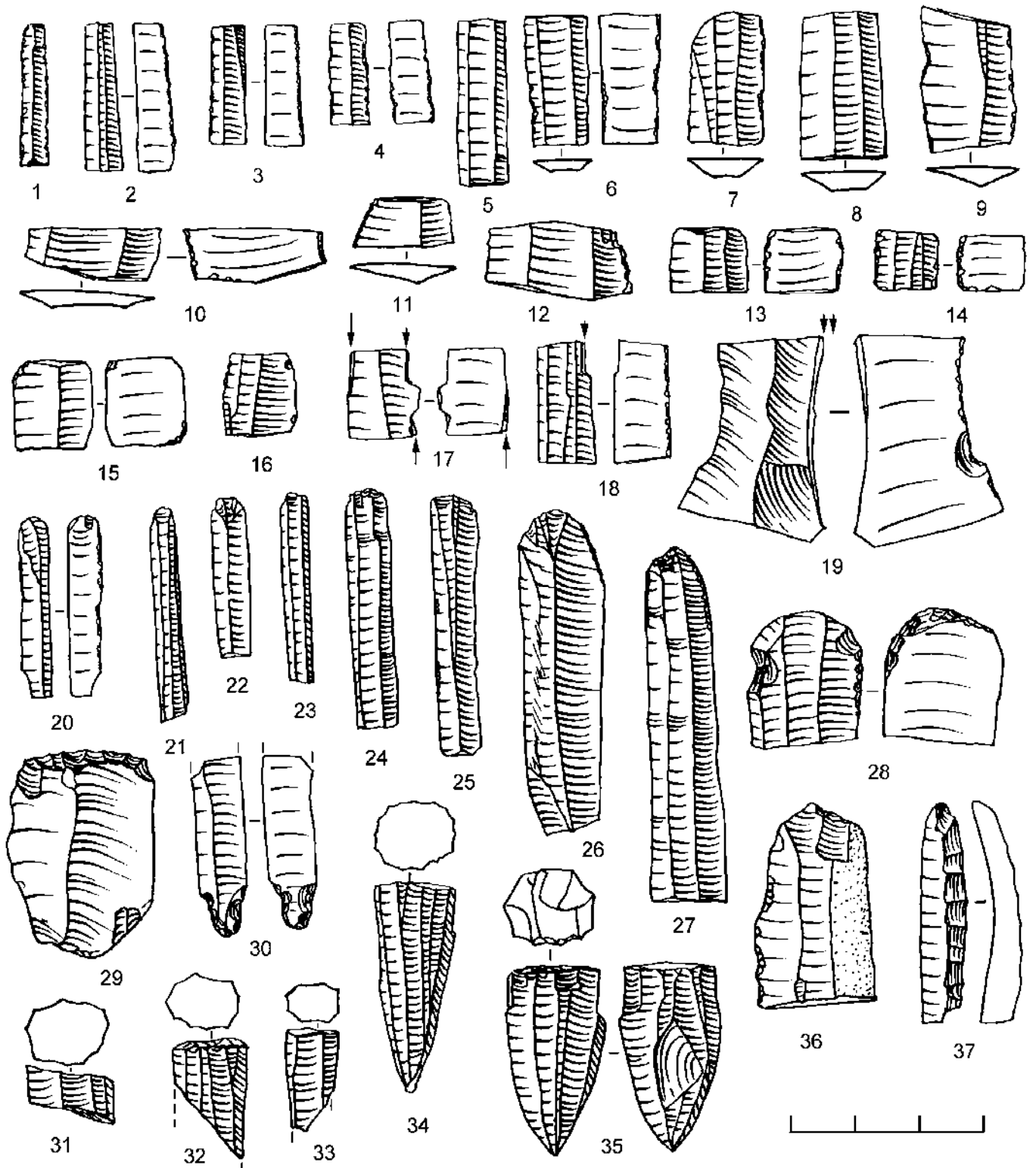

Рис. 24. Курьядор. Кремневый инвентарь

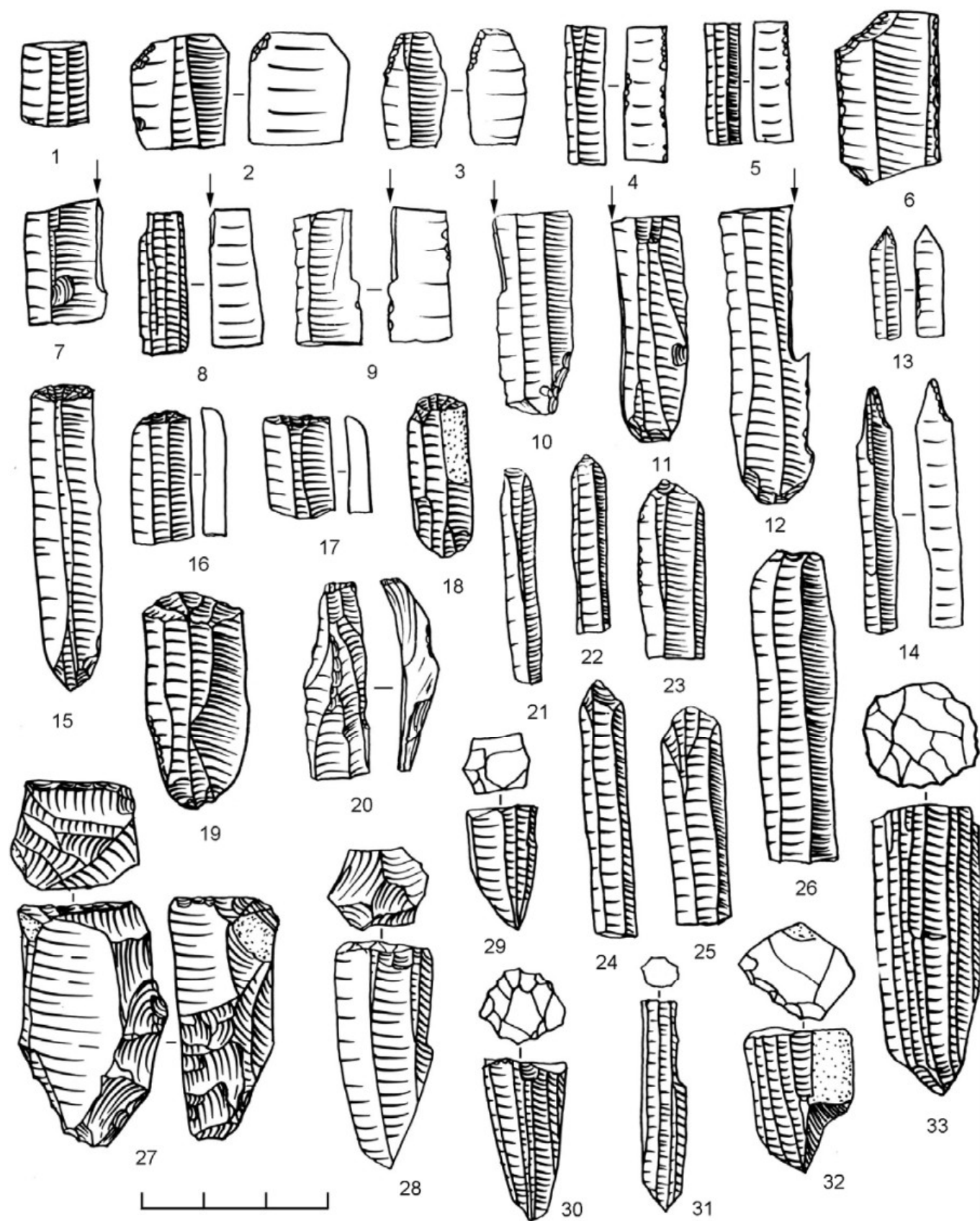

Рис. 25. Кузьвомын. Кремневый инвентарь

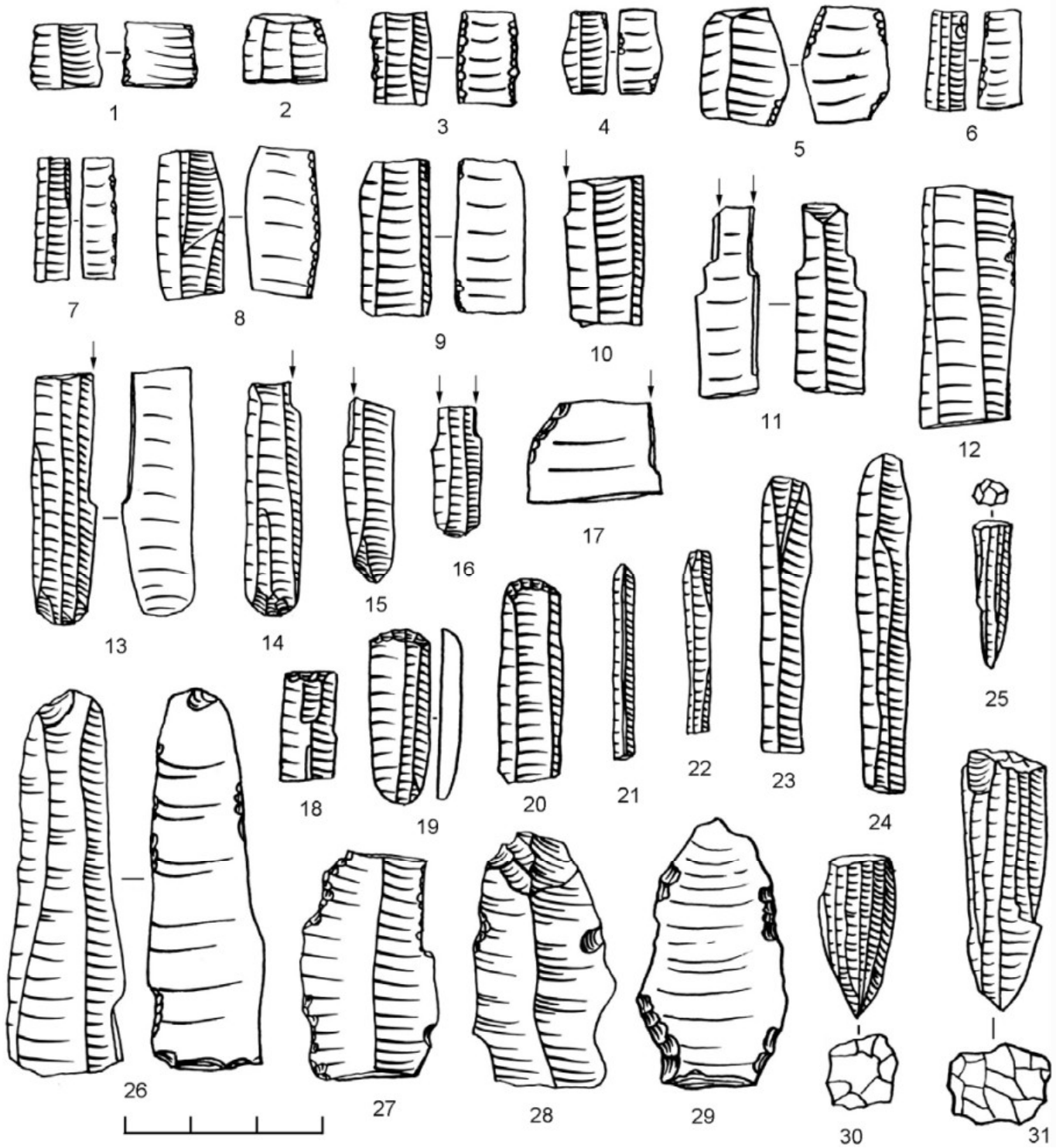

Рис. 26. Ульяново. Кремневый инвентарь

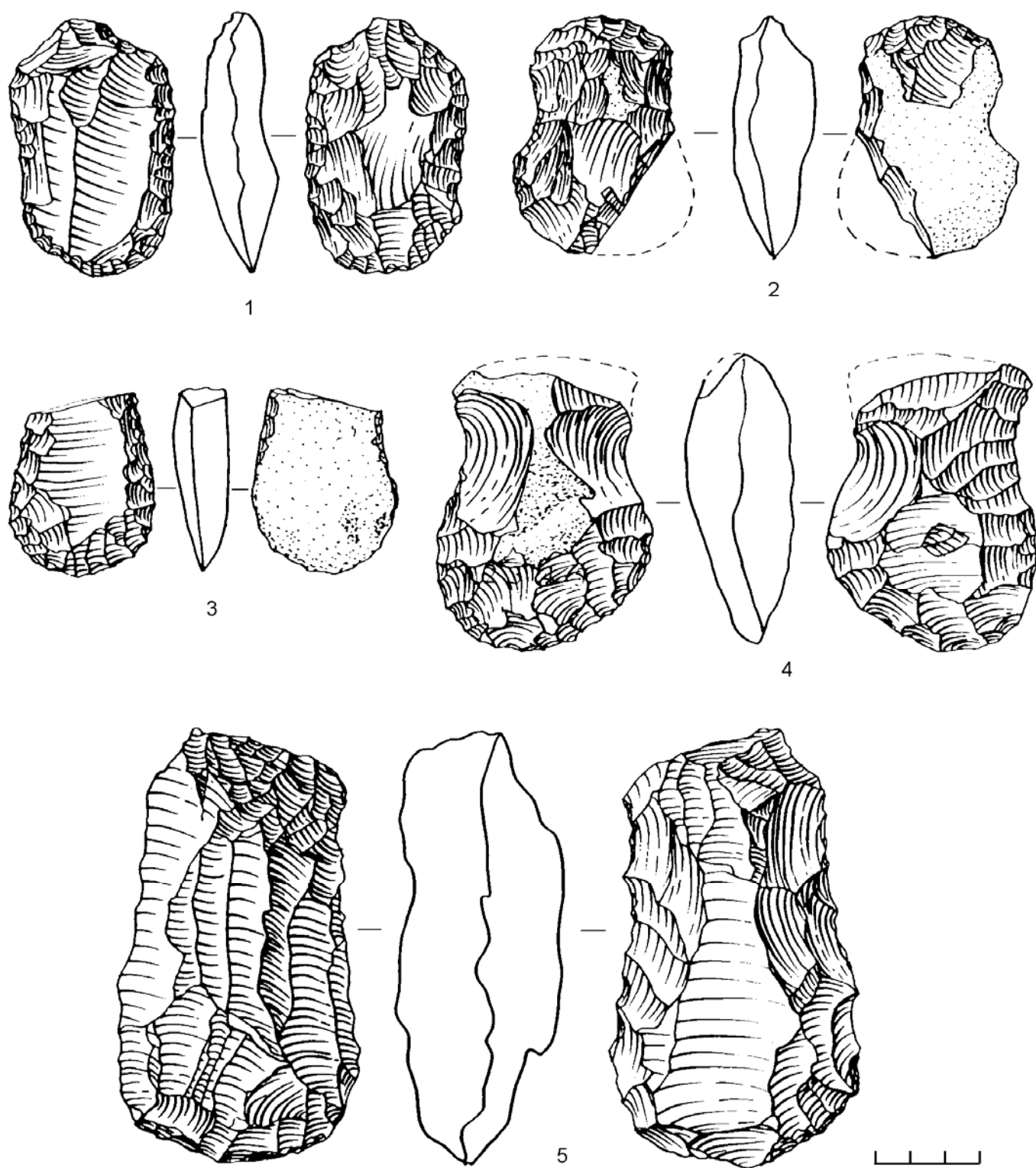

Рис. 27. Рубящие орудия стоянок средней Вычегды: 1 — Кузьвомын; 2—4 — Ульяново; 5 — Курьядор

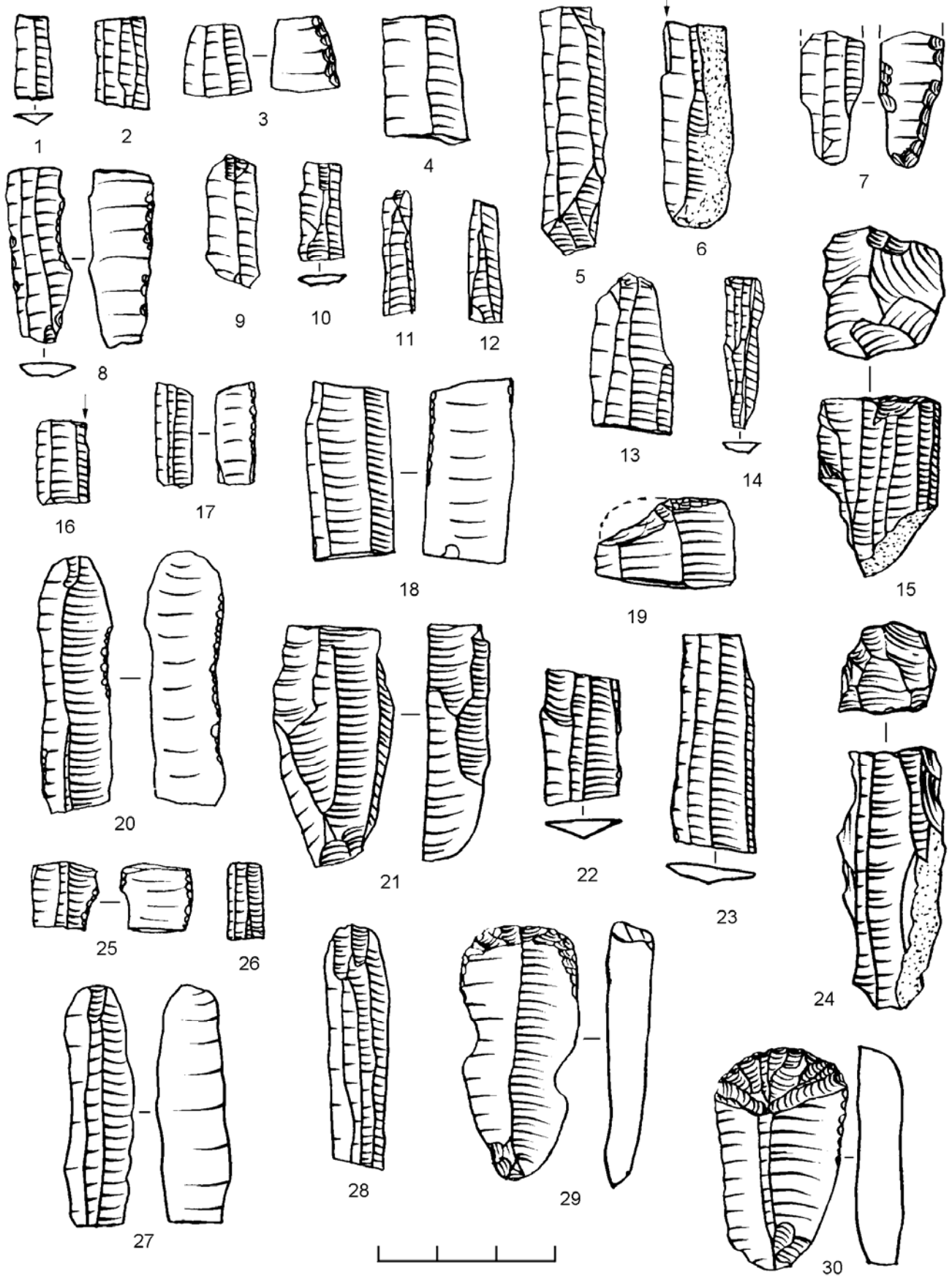

Рис. 28. Кремневый инвентарь стоянок Верхней и Средней Выгегды: 1—7 — Аныб II; 8—15 — Палевица; 16—21 — Нидзь II; 22—24 — Пожог; 25—30 — Ягкодж III

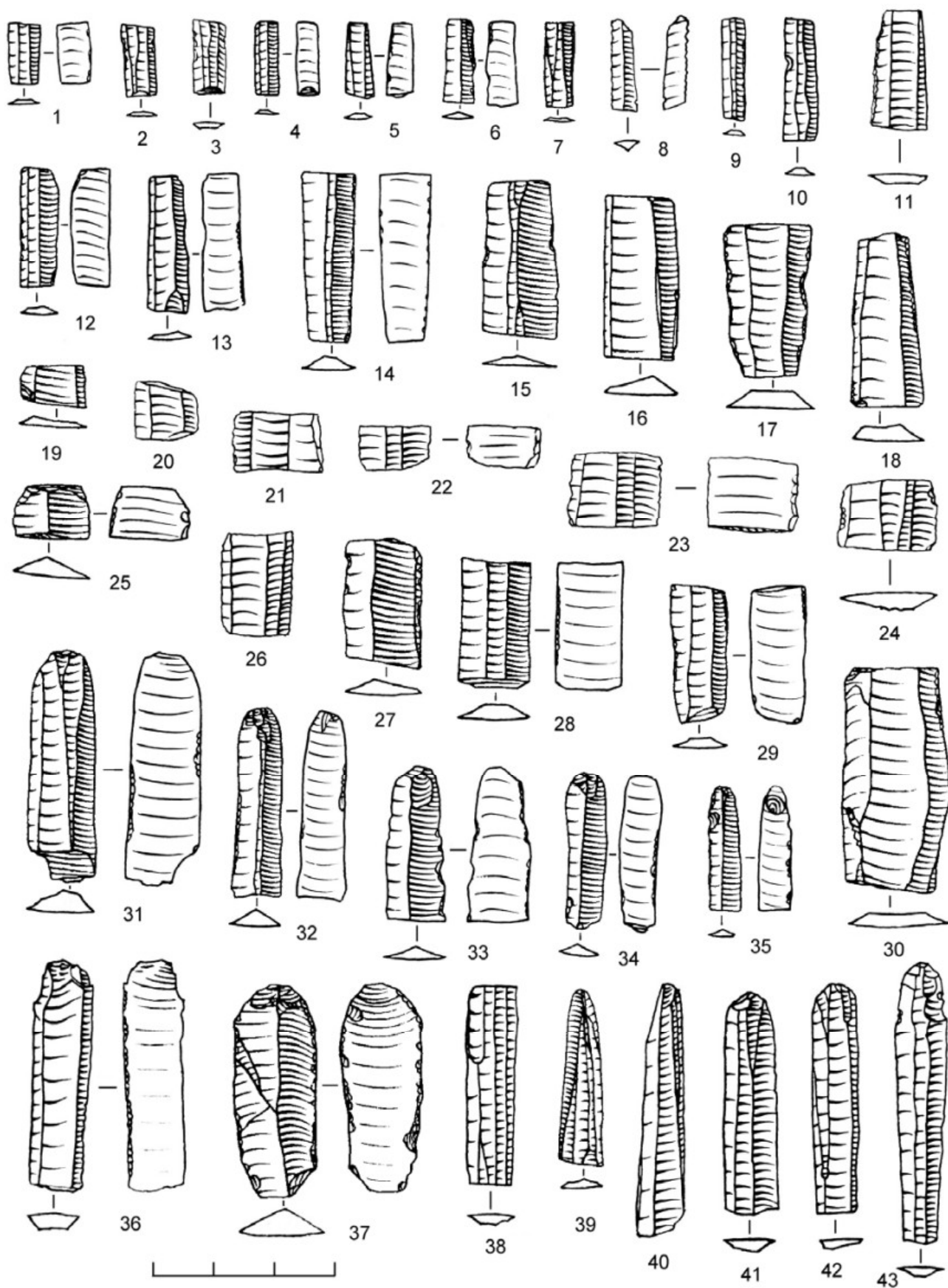

Рис. 29. Филичаевская III:

1—30 — сечения-вкладыши; 31—43 — пластины

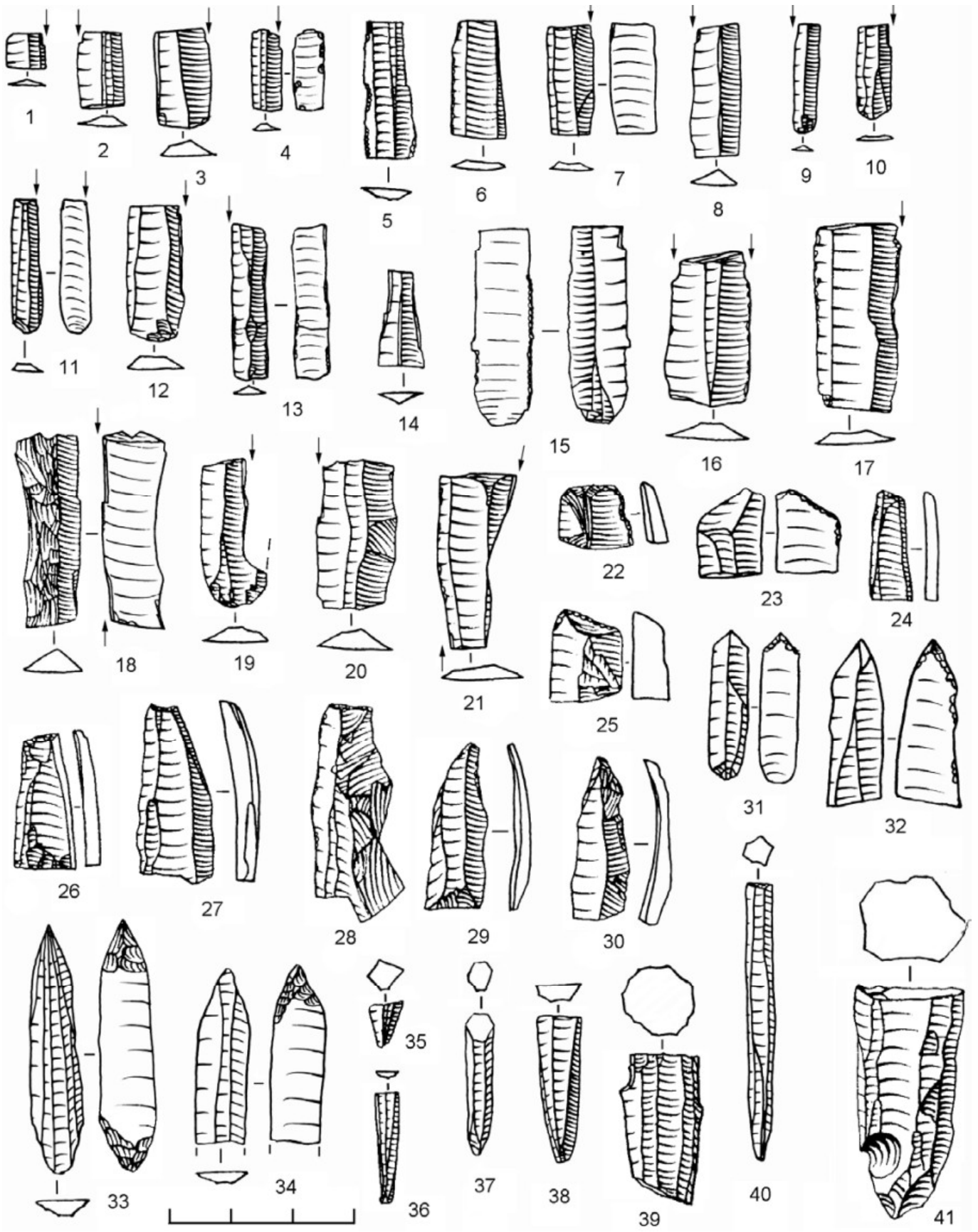

Рис. 30. Филичаевская III:
1—34 — орудия на пластинах; 35—41 — нуклеусы

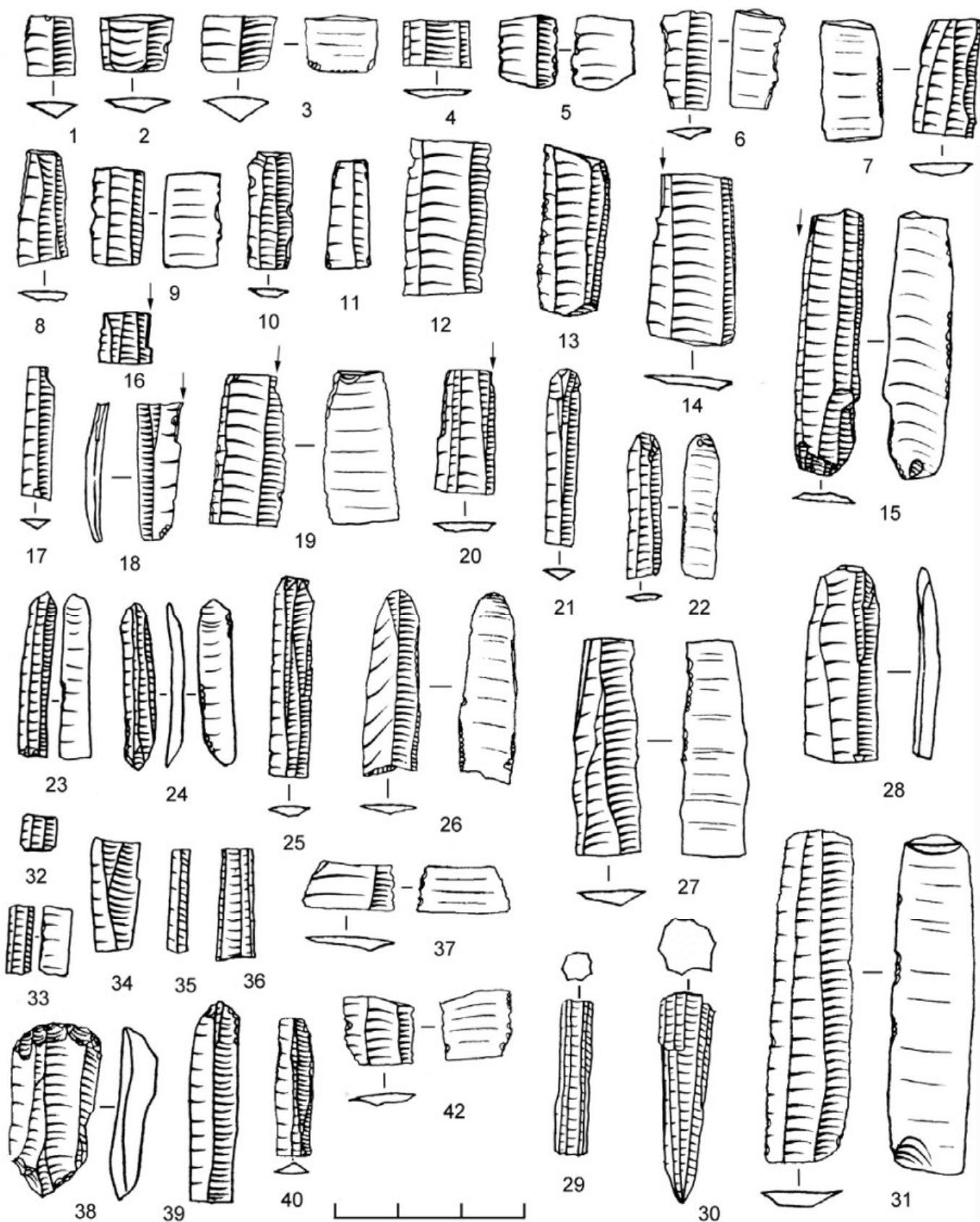

Рис. 31. Кремневый инвентарь стоянок Филичаевская II (1—31); Филичаевская IV (32—41)

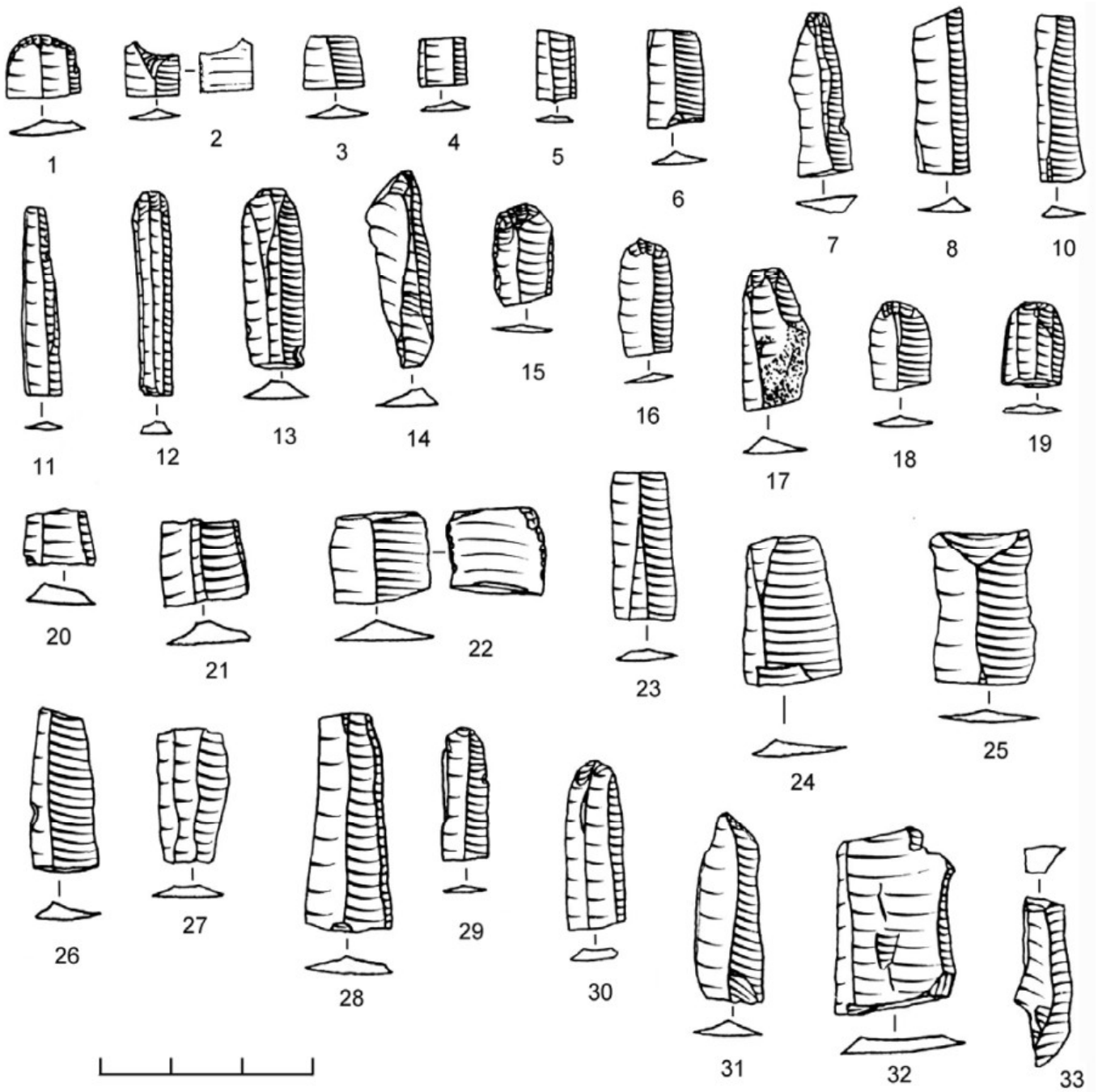

Рис. 32. Кремневый инвентарь разрушенных стоянок на Северной Двине: 1—19 — Приозерный IV; 20—33 — Чашовица

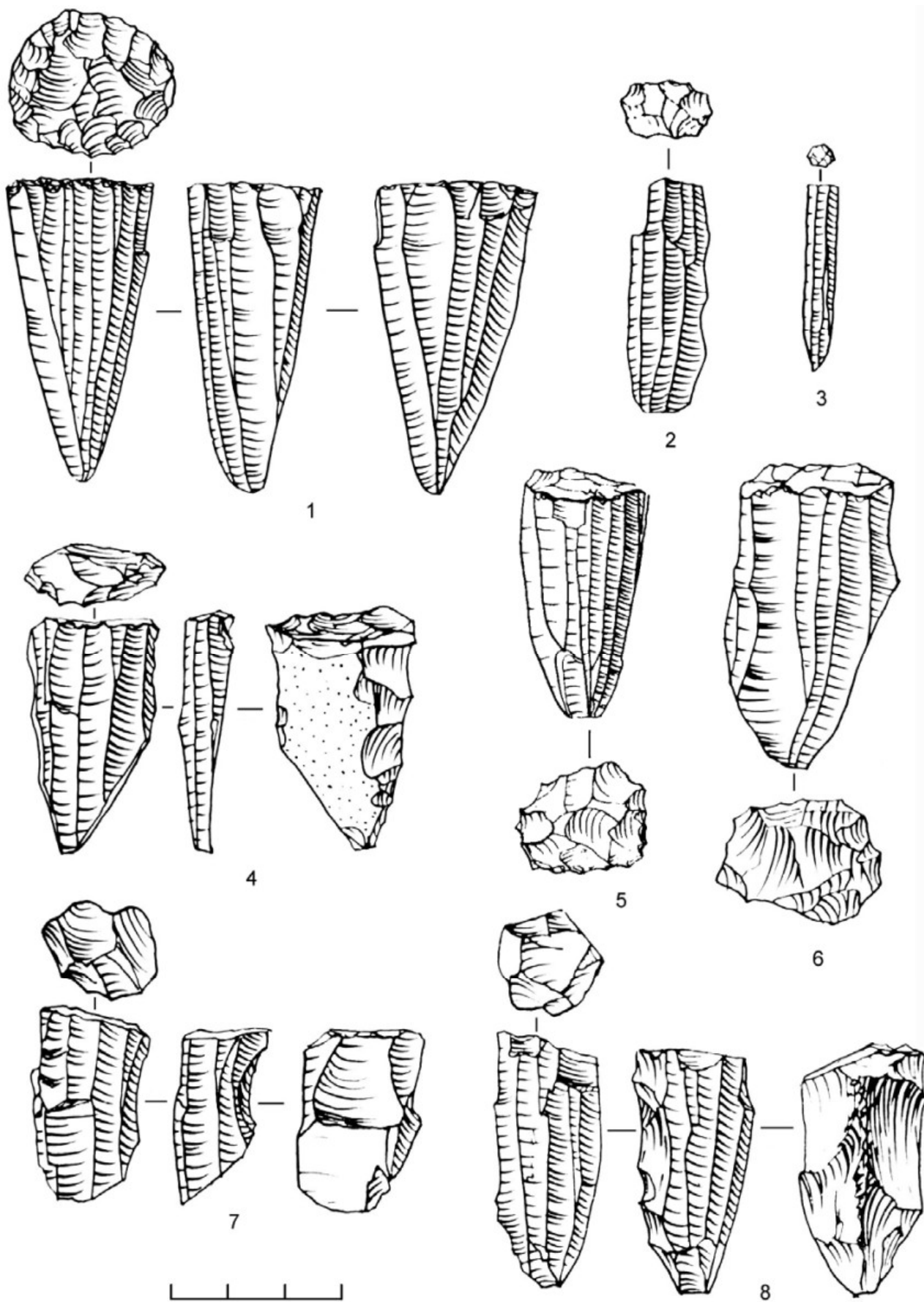

Рис. 33. Нуклеусы с памятников оз. Синдор: 1—3 — Вис I (суходол); 4, 7, 8 — Вис I (торфяник); 5 — Вис III; 6 — Вис II

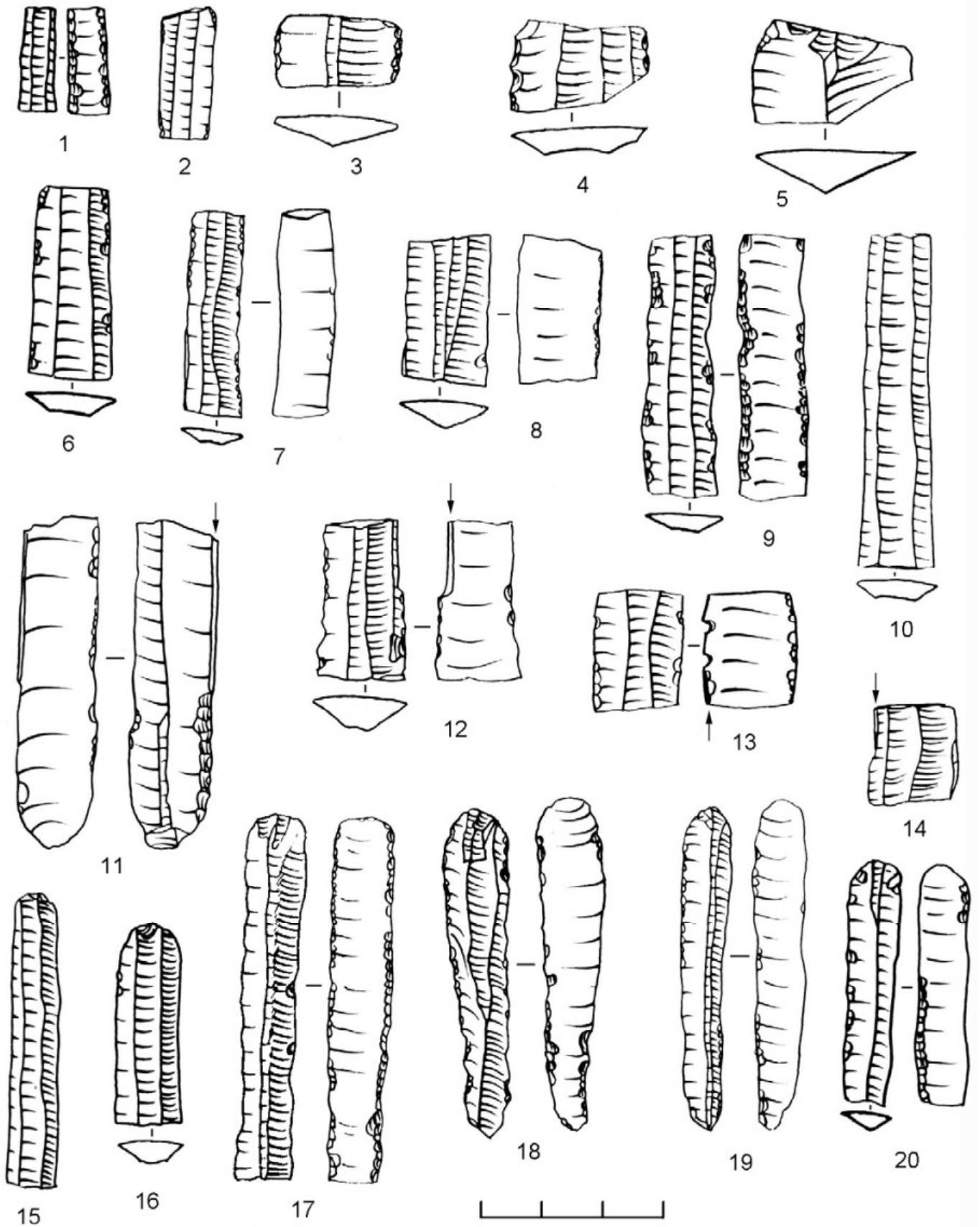

Рис. 34. Кремневый инвентарь памятников эпохи мезолита на оз. Синдор: 1, 6, 9, 12, 17 — Вис I (суходол); 2—5, 15, 16 — Вис I (торфяник); 7, 8, 14, 18, 19 — Вис II; 10—11, 20 — Вис III

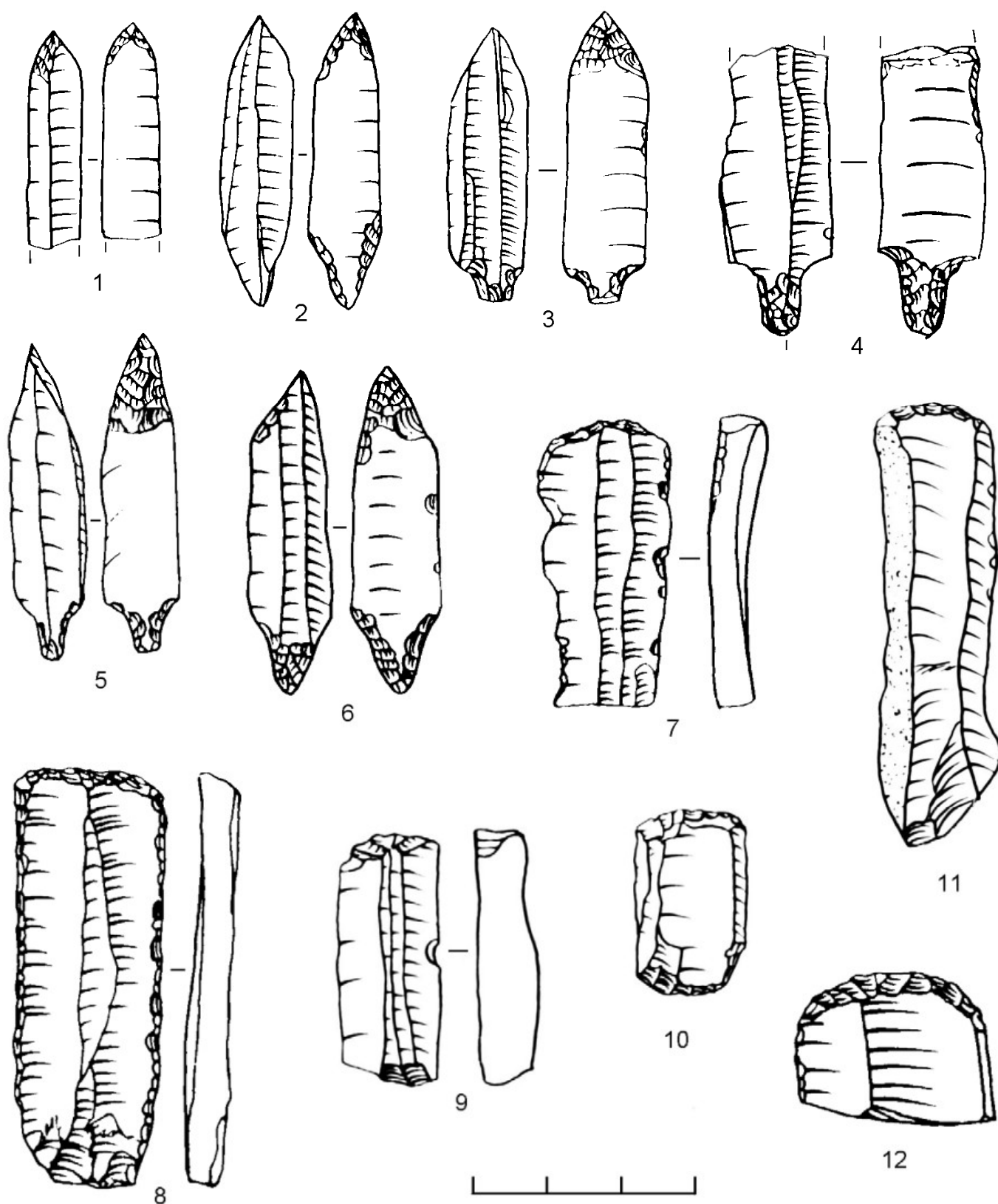

Рис. 35. Стоянки оз. Синдор. Наконечники стрел, скребки: 1—4, 8, 9 — Вис I; 5, 7, 10 — Вис II; 6, 11, 12 — Вис III

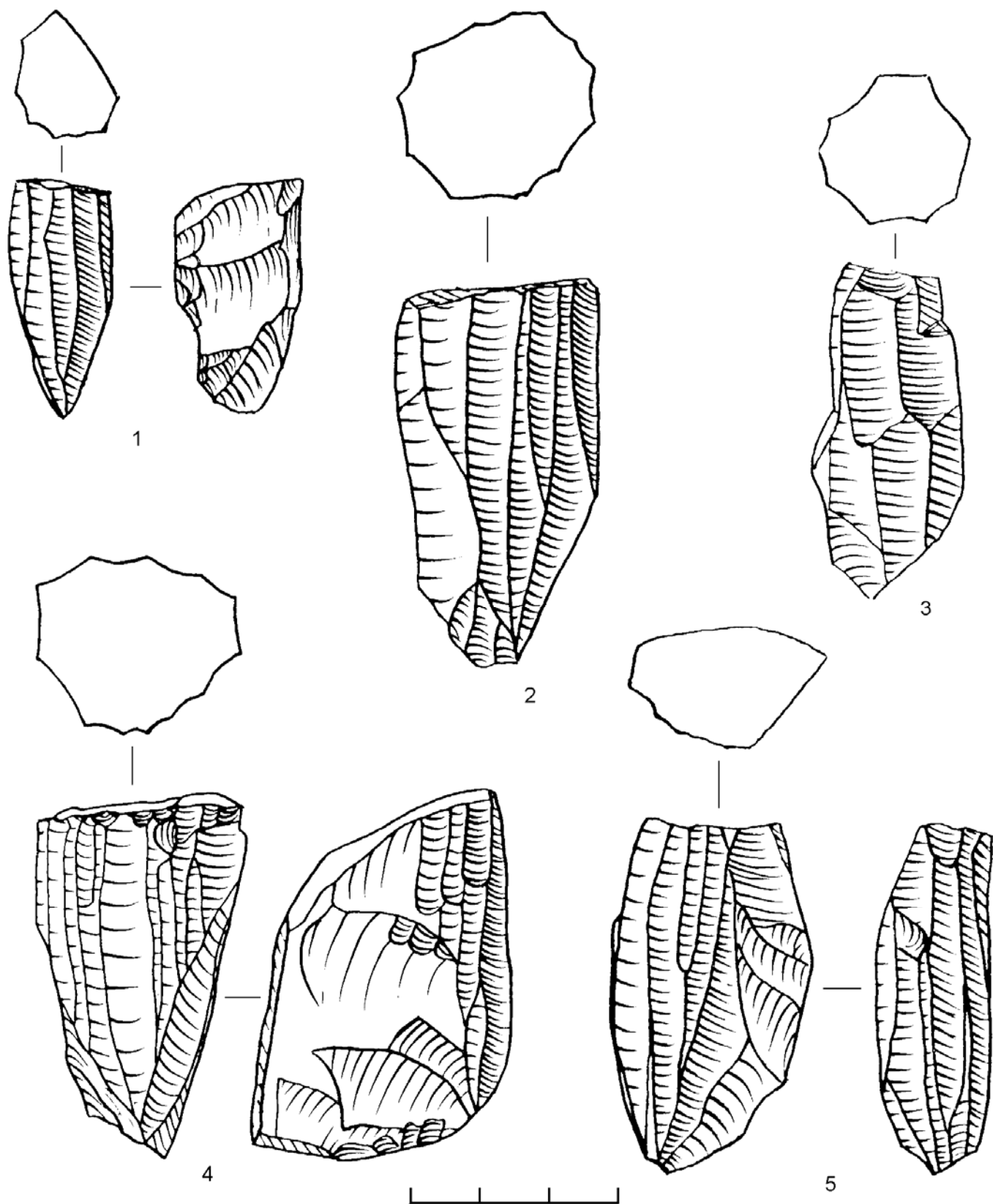

Рис. 36. Явроньга I. Нуклеусы

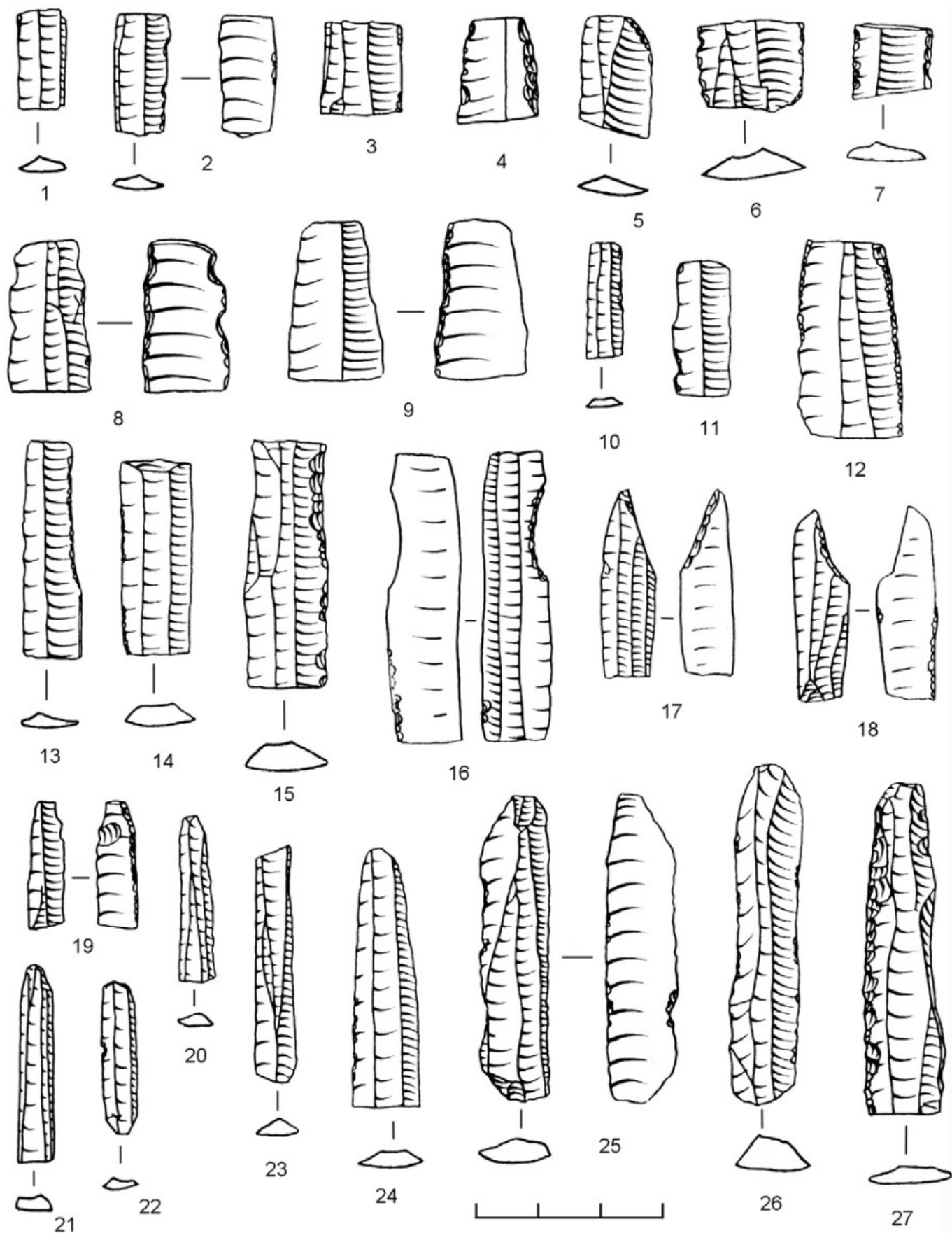

Рис. 37. Явроньга I. Орудия на сечениях и пластинах (предполагаемый мезолитический комплекс)

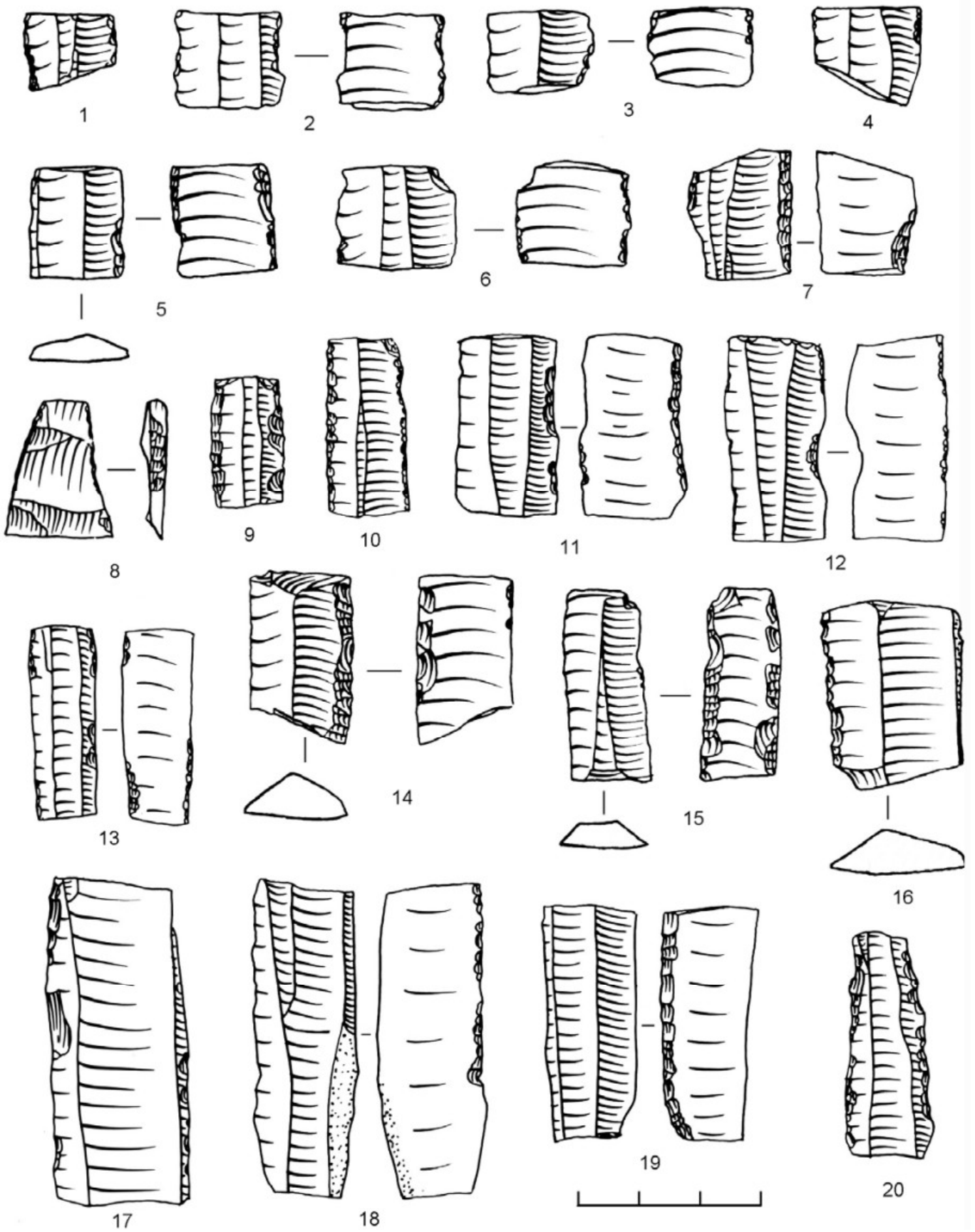

Рис. 38. Явроньга I. Сечения пластин неолитического комплекса Черноборской группы

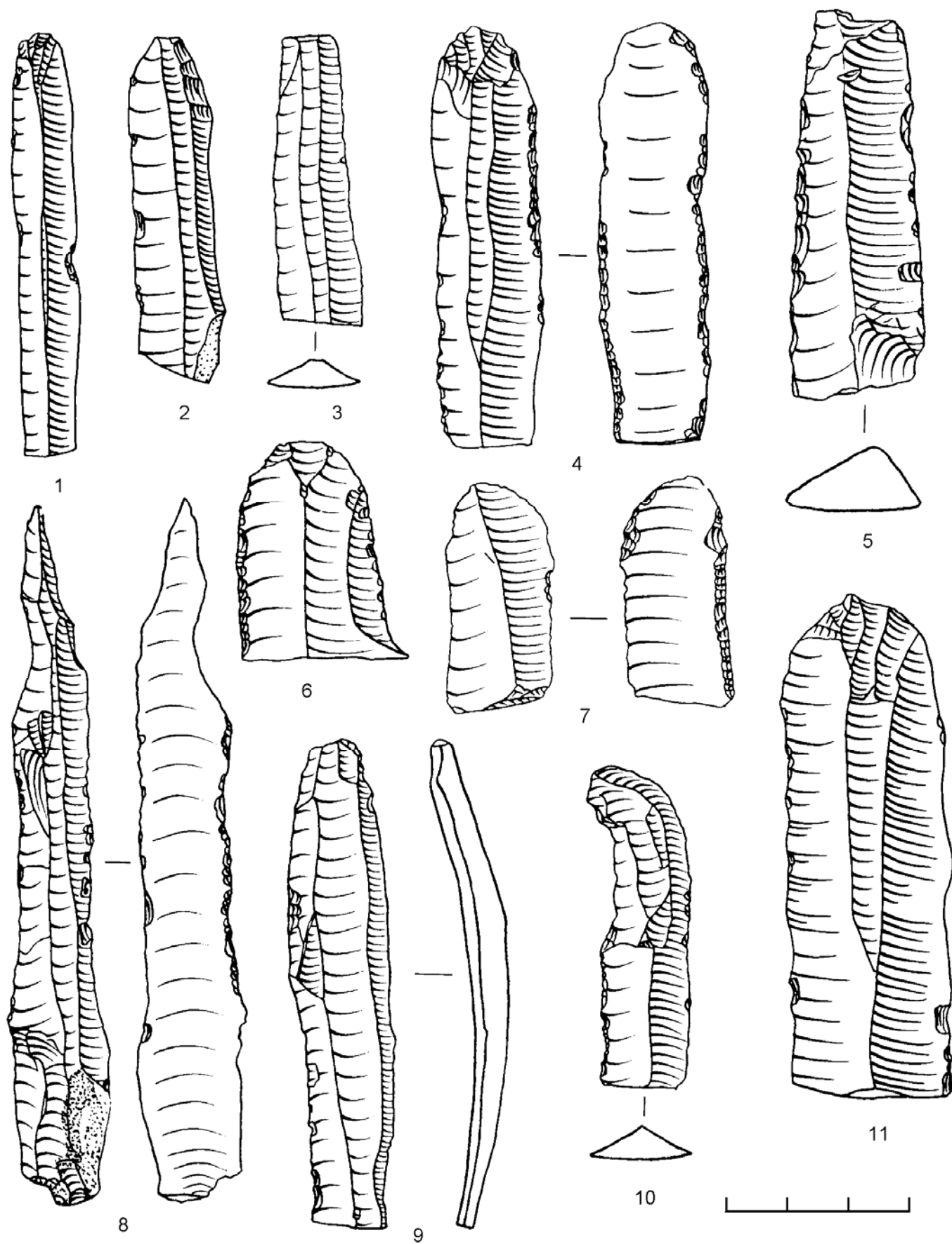

Рис. 39. Явроньга I. Пластины неолитического комплекса чернорборской группы

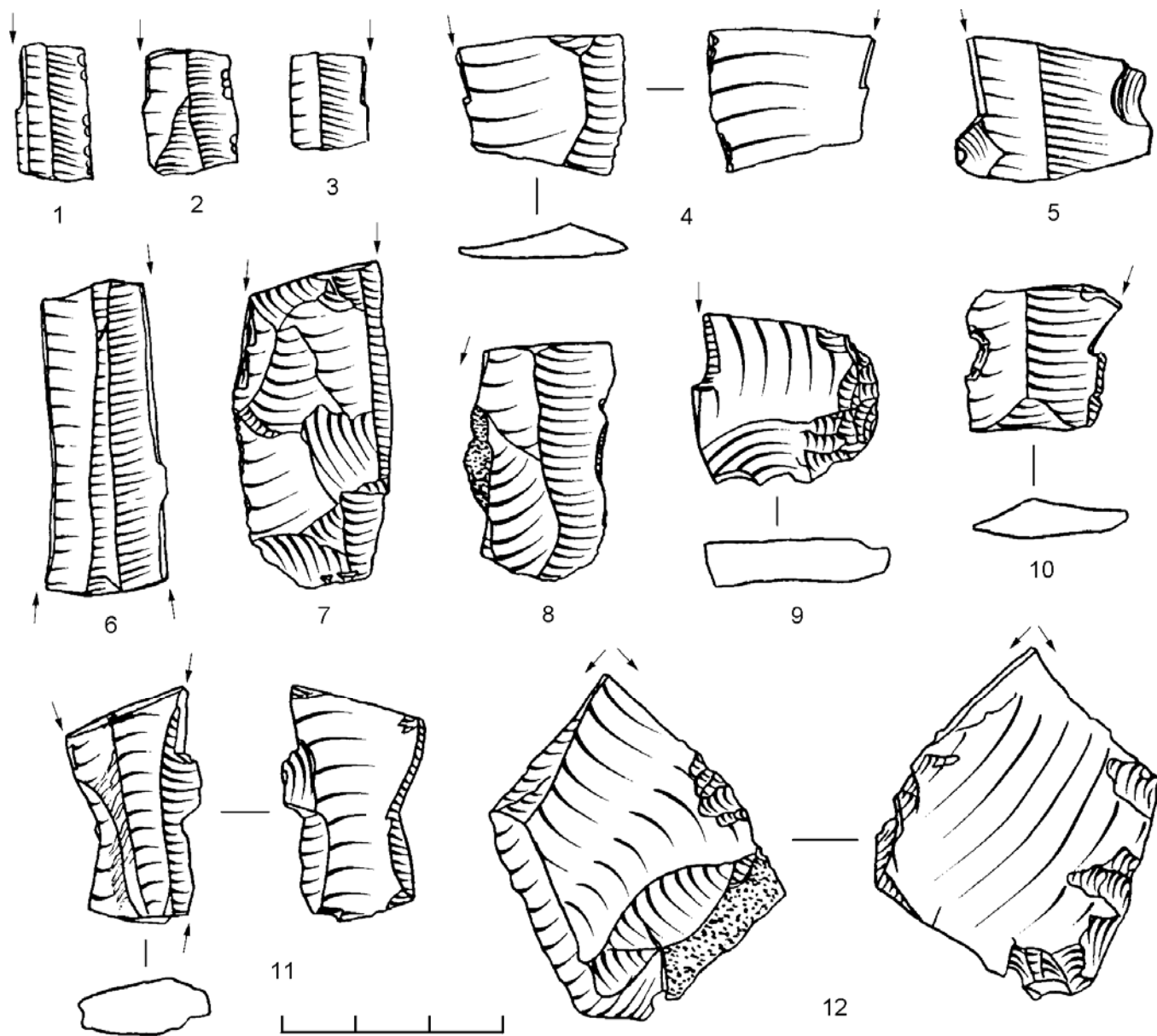

Рис. 40. Явроньга I. Резцы

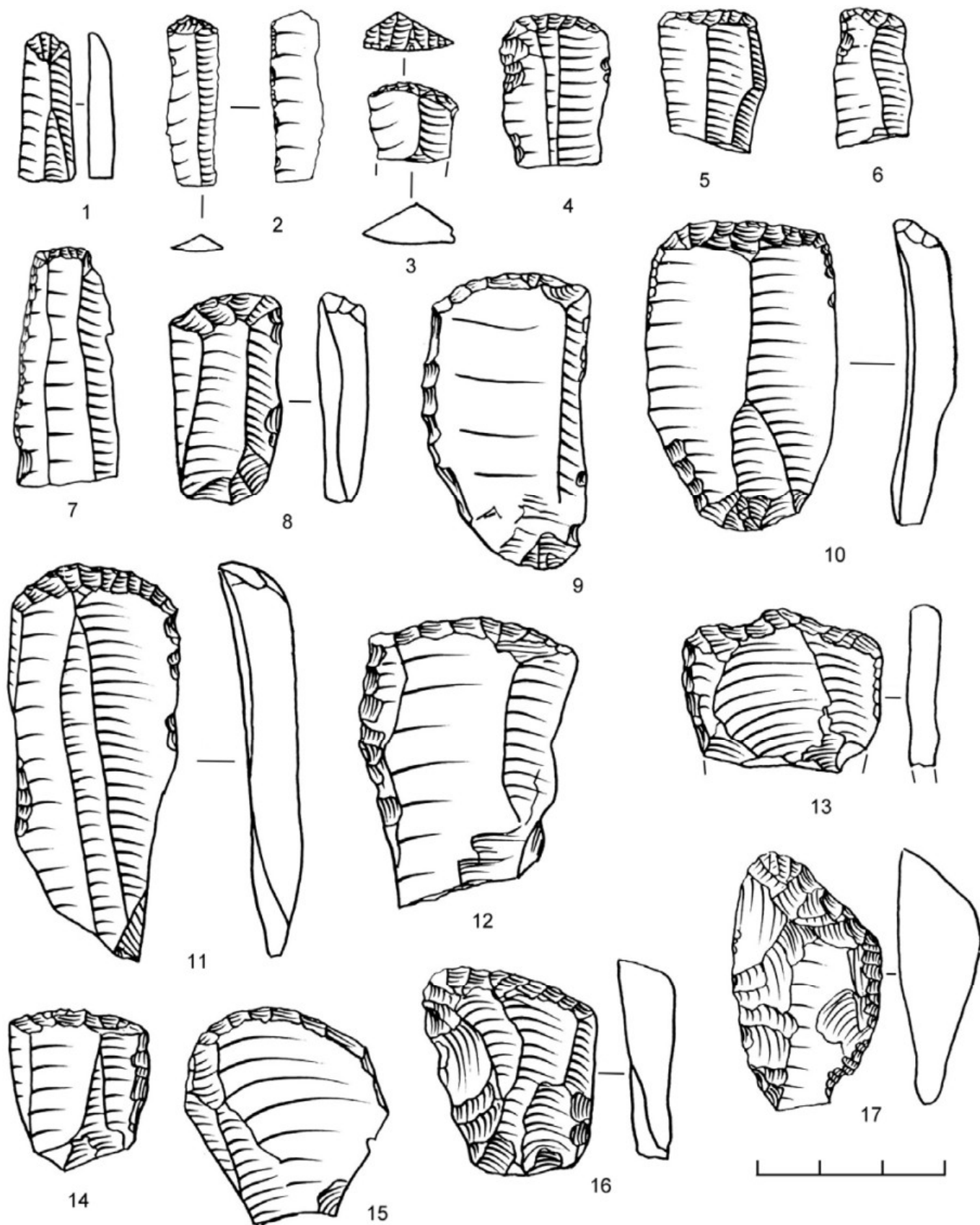

Рис. 41. Явроньга I. Скрепки неолитических комплексов

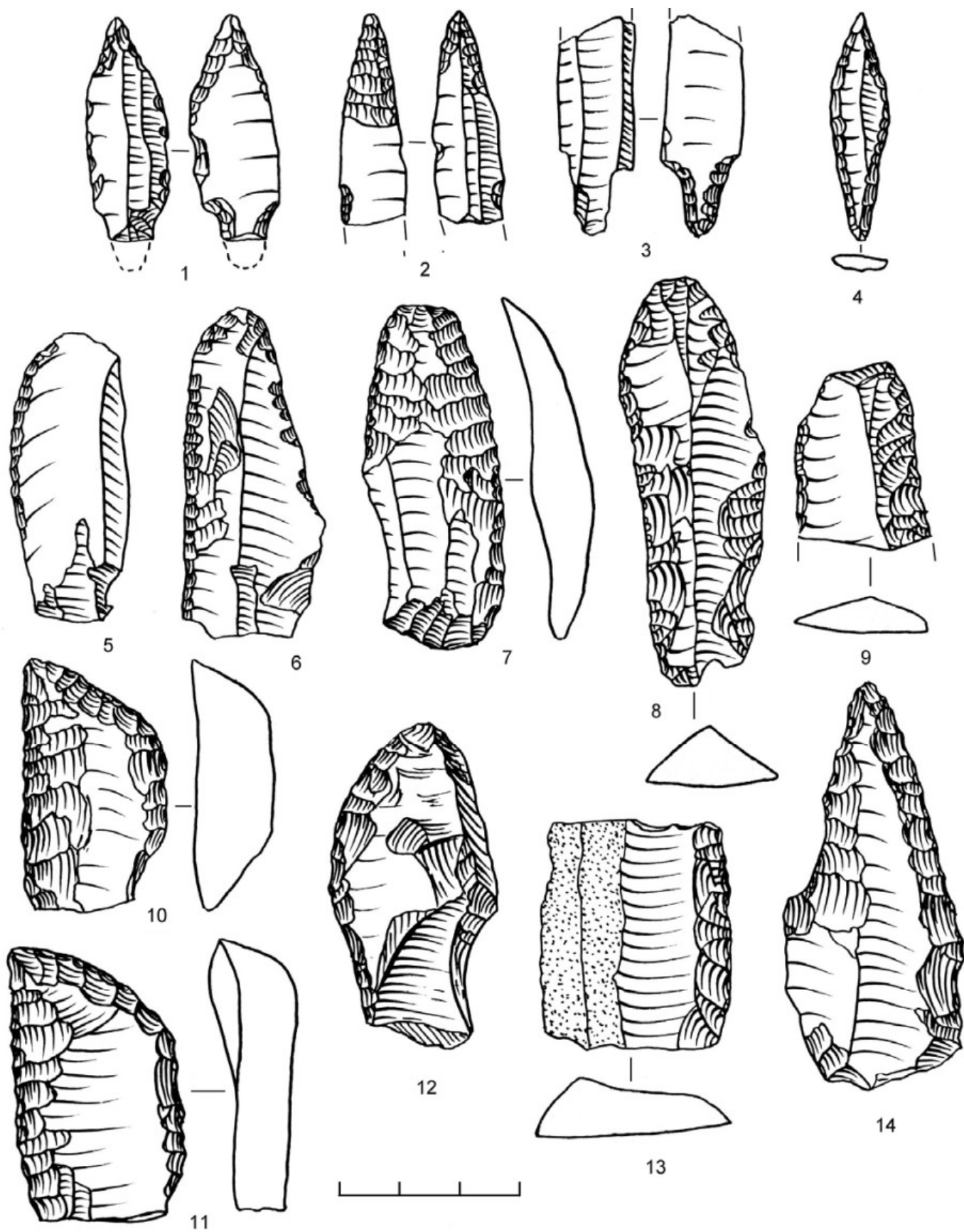

Рис. 42. Явроньга I. Наконечники стрел и ножи

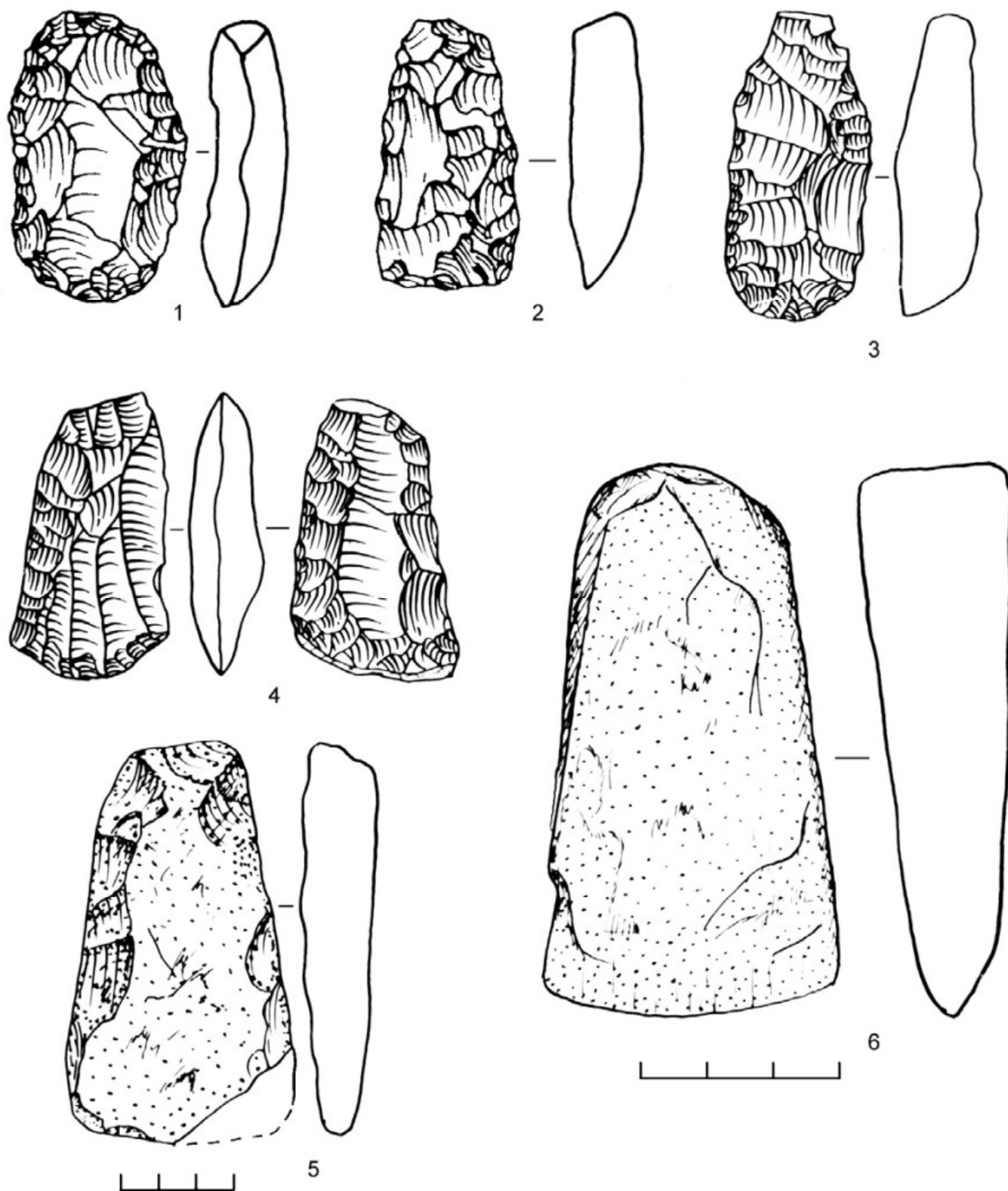

Рис. 43. Явроньга I. Рубящие орудия

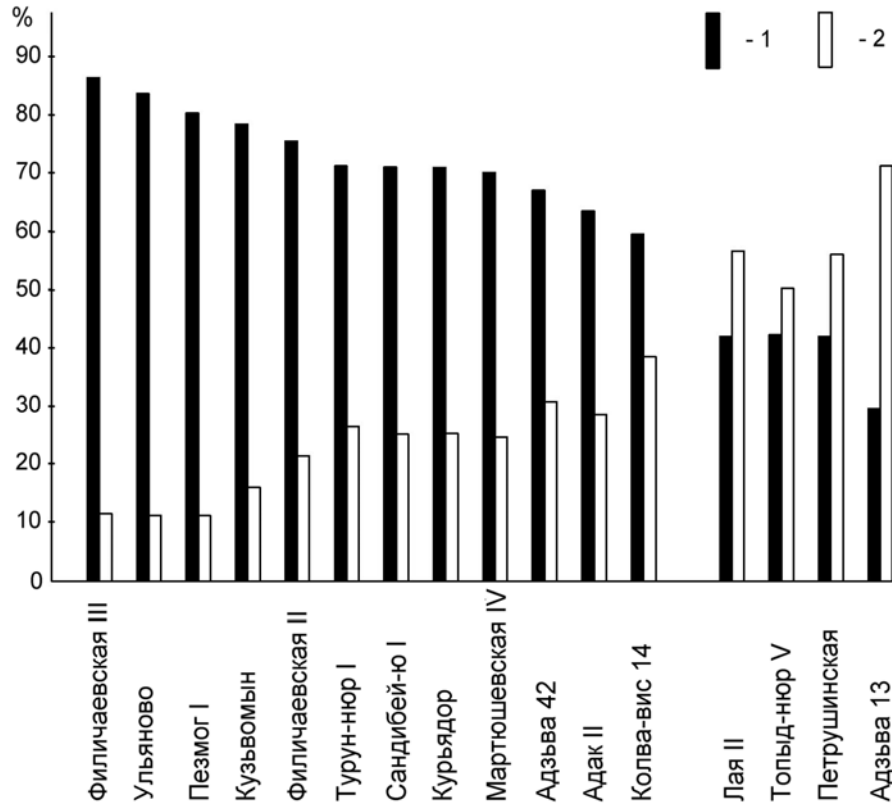

Рис. 44. Процентное соотношение пластин и орудий на них и орудий на прочих типах заготовок:

1 — пластины и орудия на них; 2 — орудия на прочих типах заготовок

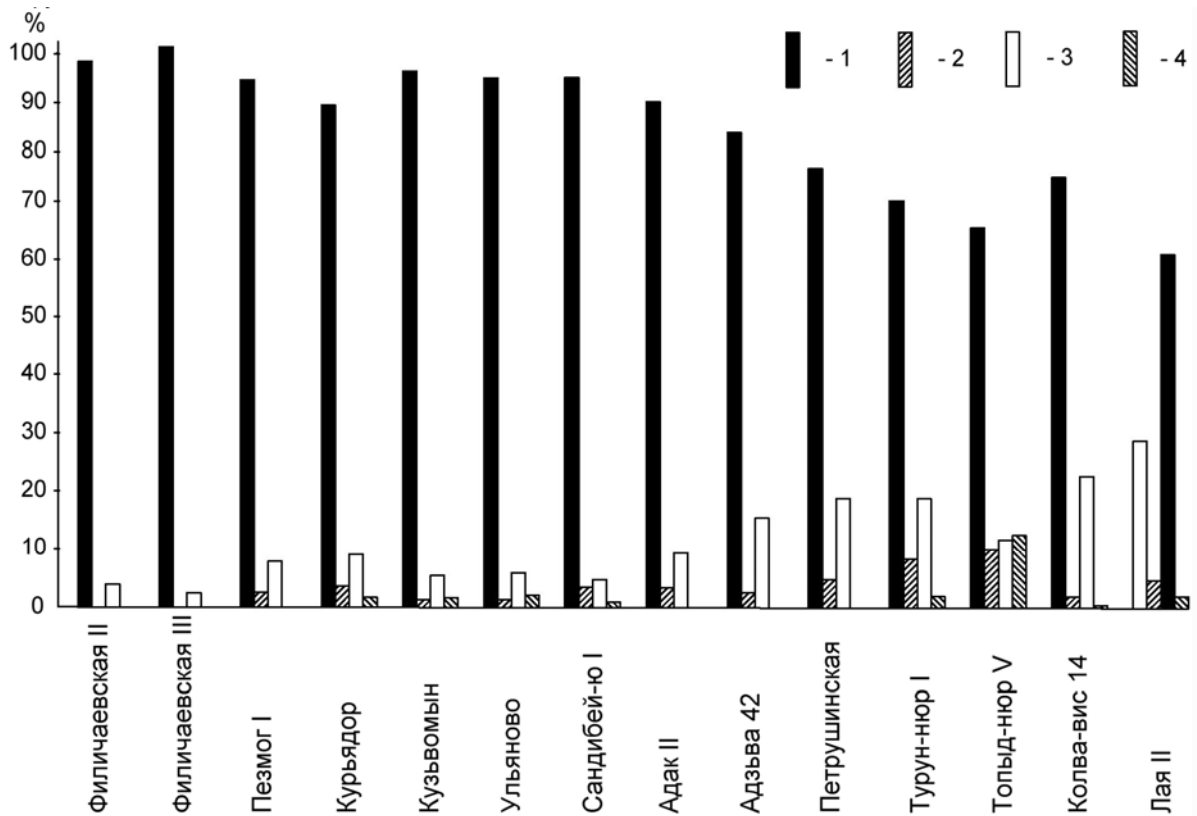

Рис. 45. Степень использования различных типов заготовок на стоянках Европейского Северо-Востока:

1 — орудия на пластинах; 2 — орудия на пластинчатых отщепах; 3 — орудия на отщепах; 4 — орудия на сколах и обломках (100 % — заготовки одного типа и орудия на них)

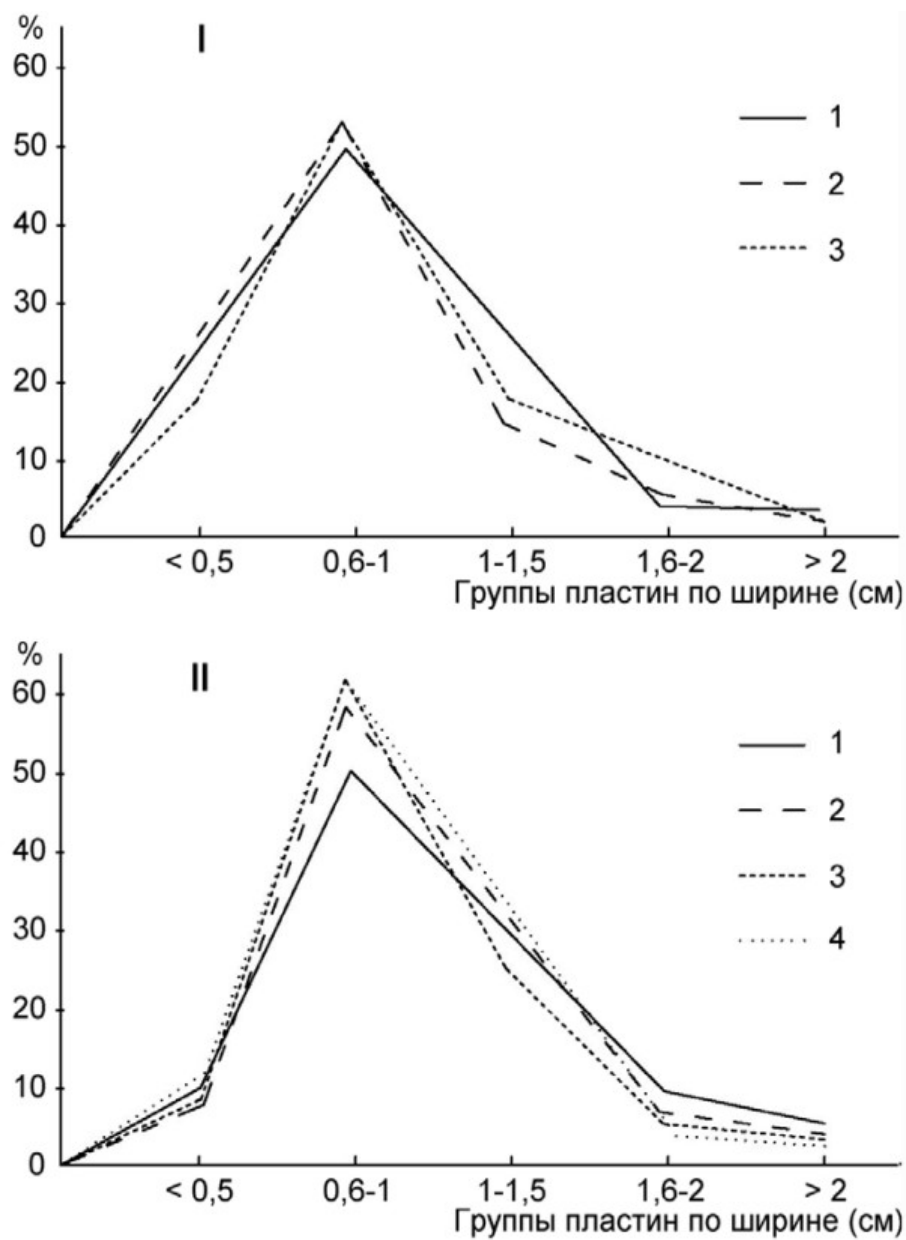

Рис. 46. Процентное соотношение пластин по ширине на опорных мезолитических памятниках:

I: 1 — Филичаевская II, 2 — Филичаевская III, 3 — Турун-нюр I; II: 1 — Пезмог I, 2 — Курьядор, 3 — Кузьвомын, 4 — Ульяново

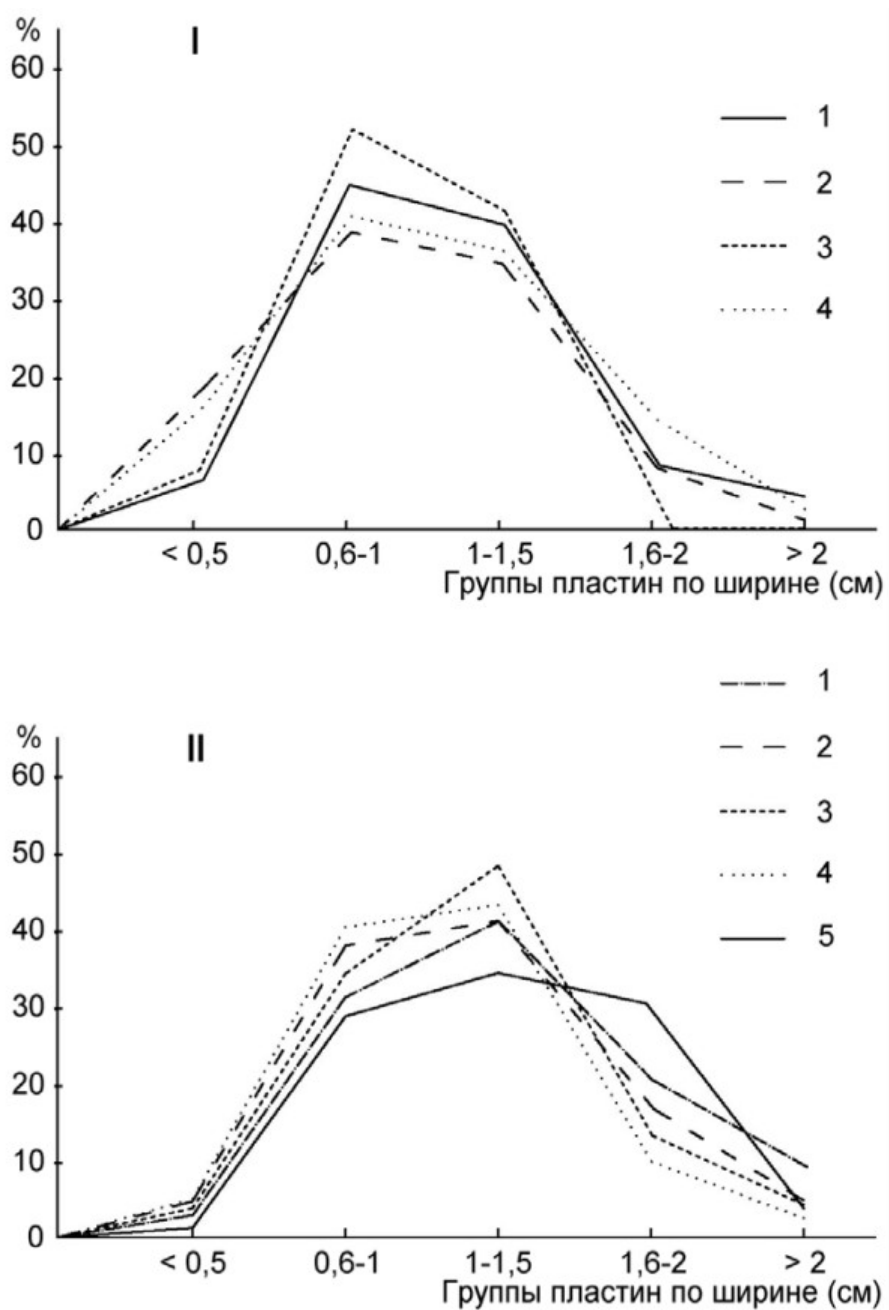

Рис. 47. Процентное соотношение пластин по ширине на опорных мезолитических памятниках:
 I: 1 — Топыд-нюр V, 2 — Сандибей-ю I, 3 — Мартюшевская IV, 4 — Адак II; II: 1 — Пижма II, 2 — Колва-вис 14, 3 — Петрушинская, 4 — Адзьва 42, 5 — Лая II

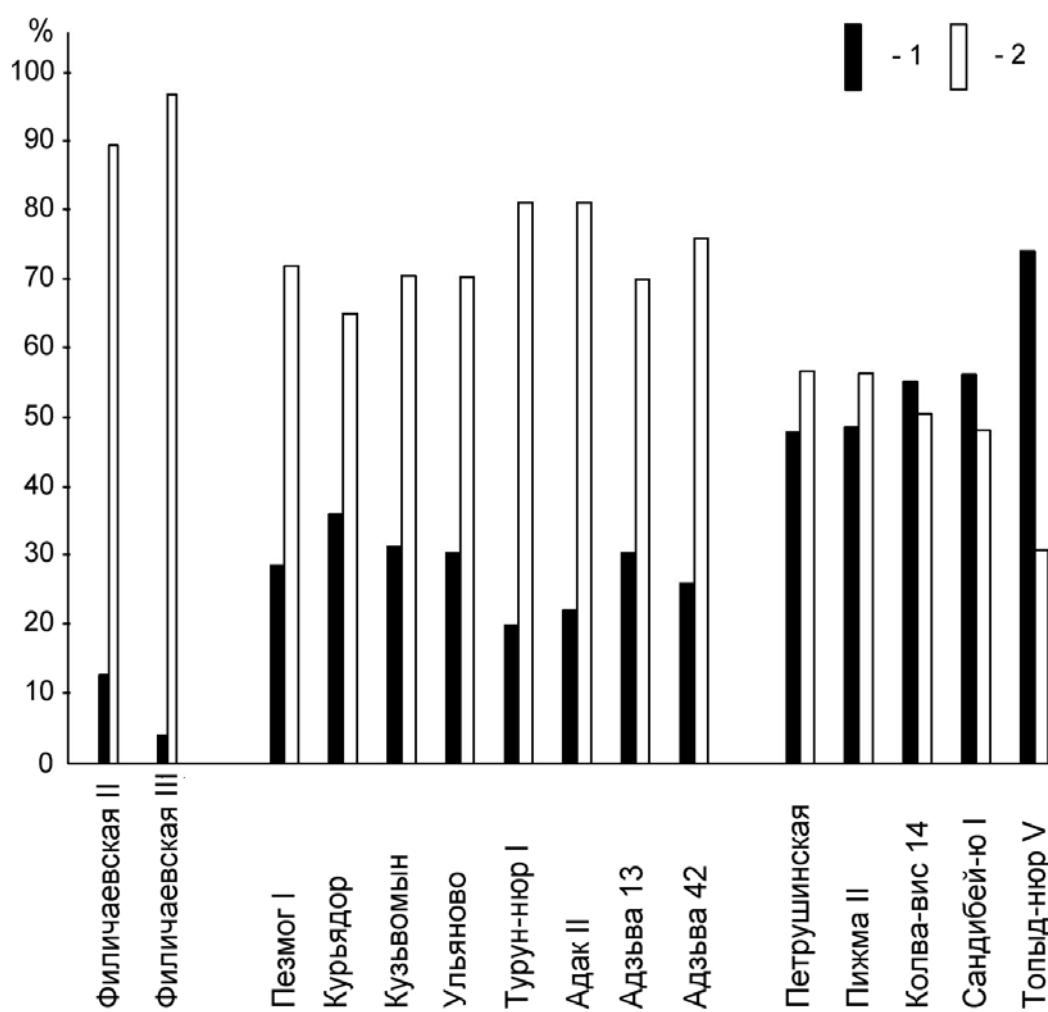

Рис. 48. Процентное соотношение пластин и сечений с ретушью (1) и следами утилизации (2) на опорных мезолитических памятниках

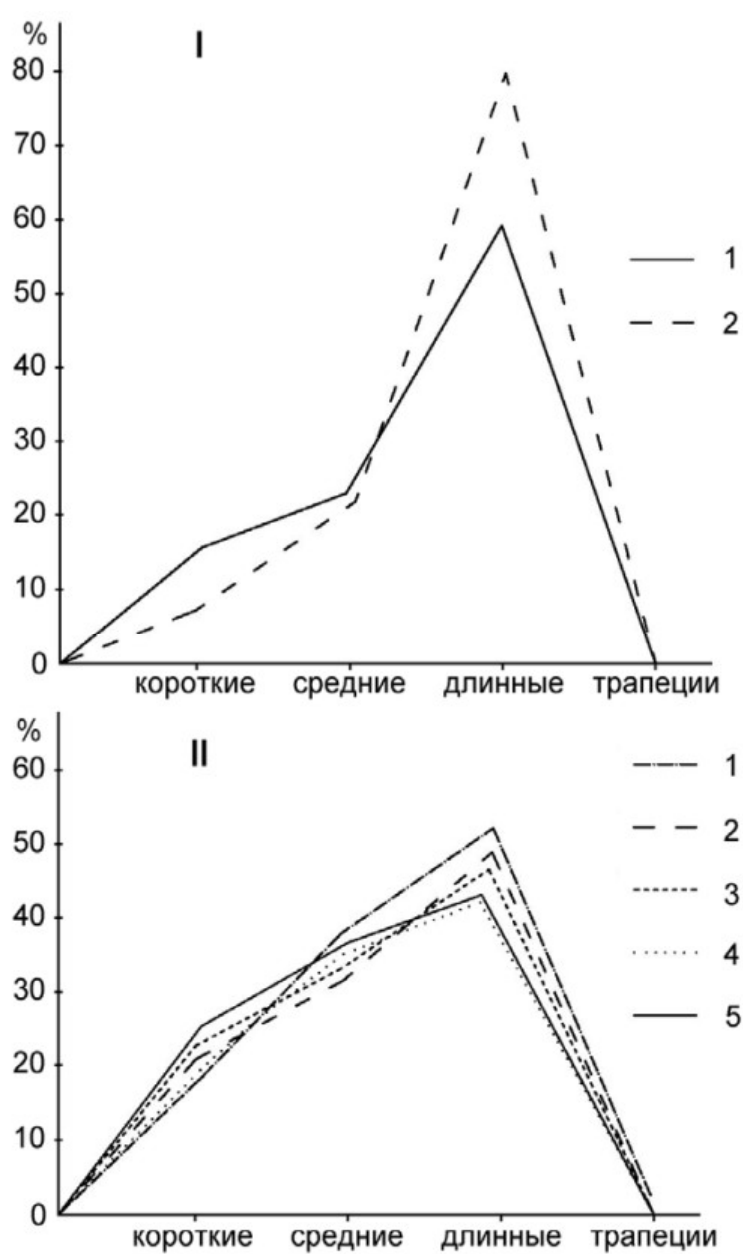

Рис. 49. Процентное соотношение различных вариантов сечений на опорных мезолитических памятниках:

I: 1 — Филичаевская III, 2 — Филичаевская II; II: 1 — Пезмог I, 2 — Курьядор, 3 — Кузьвомын, 4 — Ульяново, 5 — Турун-нюр I

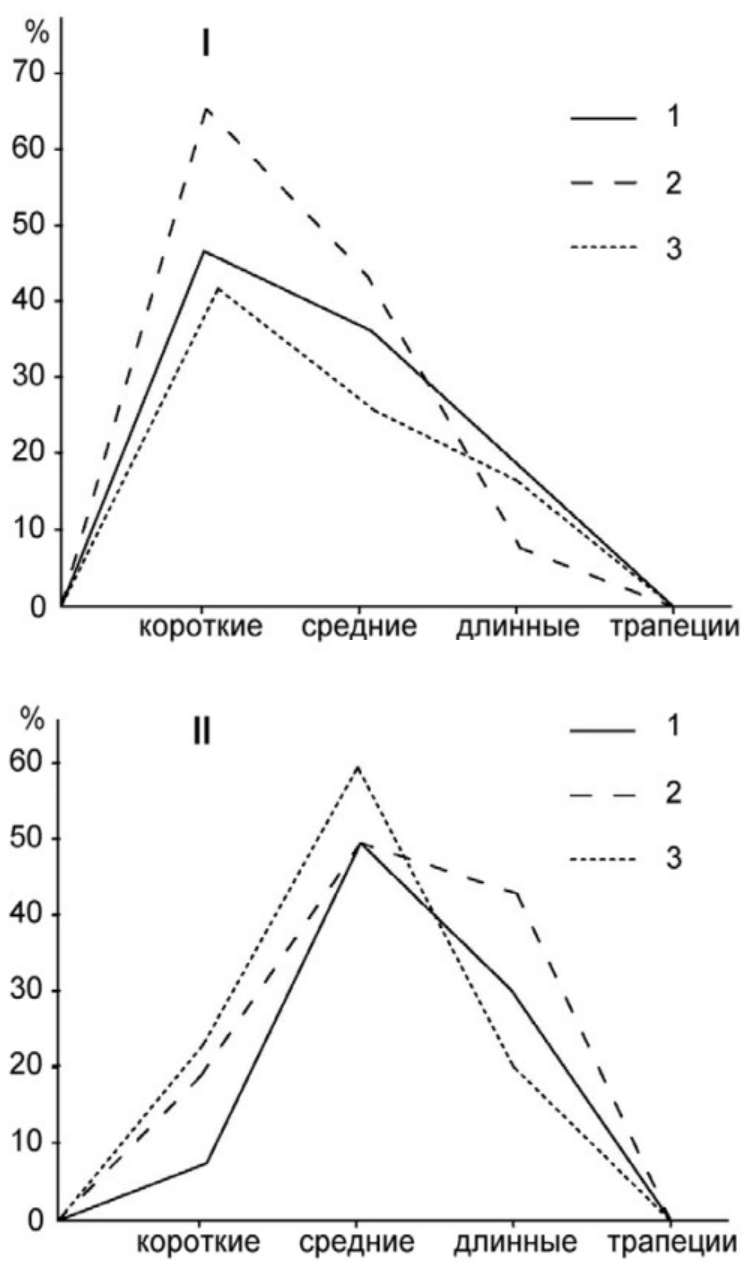

Рис. 50. Процентное соотношение различных вариантов сечений на опорных мезолитических памятниках: I: 1 — Петрушинская, 2 — Топыд-нюр V, 3 — Пижма II; II: 1 — Адак II, 2 — Сандибей-ю I, 3 — Лая II

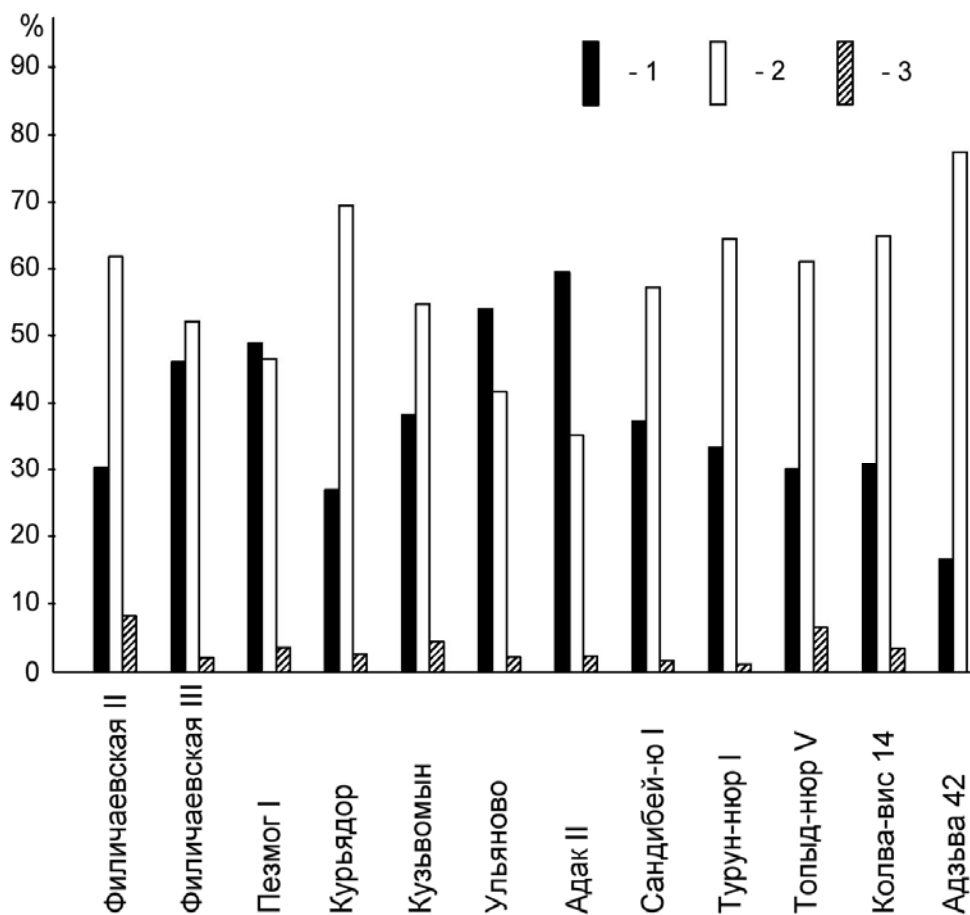

Рис. 51. Процентное соотношение орудий, неиспользованных заготовок и отходов, нуклеусов и нуклеидных обломков на мезолитических стоянках Европейского Северо-Востока:

1 — орудия, 2 — неиспользованные заготовки и отходы, 3 — нуклеусы и нуклеидные обломки

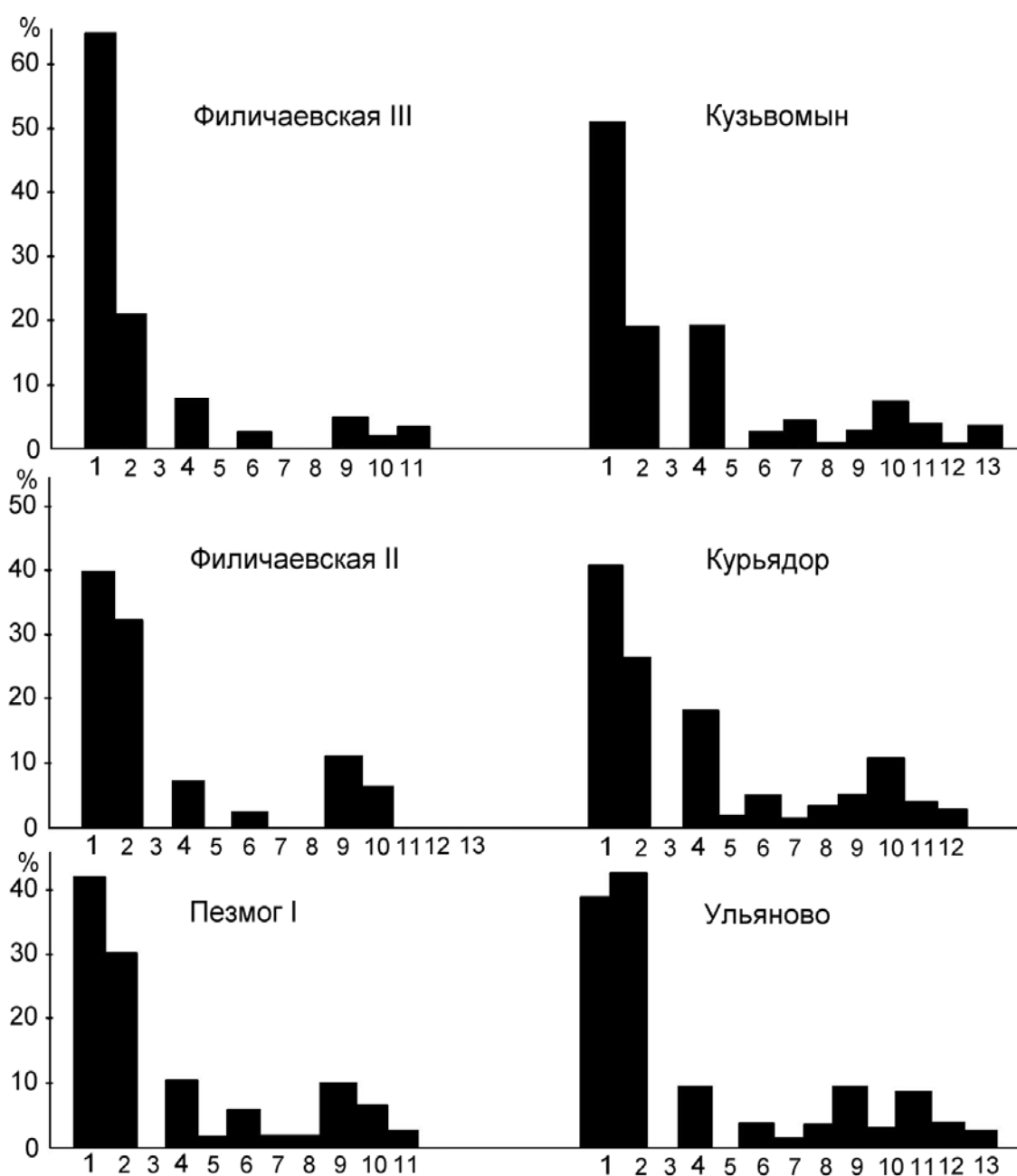

Рис. 52. Процентное соотношение различных категорий и групп инвентаря на мезолитических стоянках Северной Двины и Вычегды:

1 — пластины с ретушью; 2 — сечения; 3 — геометрические вкладыши; 4 — резцы; 5 — наконечники стрел; 6 — перфораторы; 7 — скребки на пластинах; 8 — скребки на отщепах; 9 — скобели на пластинах; 10 — скобели на отщепах; 11 — долотовидные орудия; 12 — рубящие орудия; 13 — камнеобрабатывающие орудия

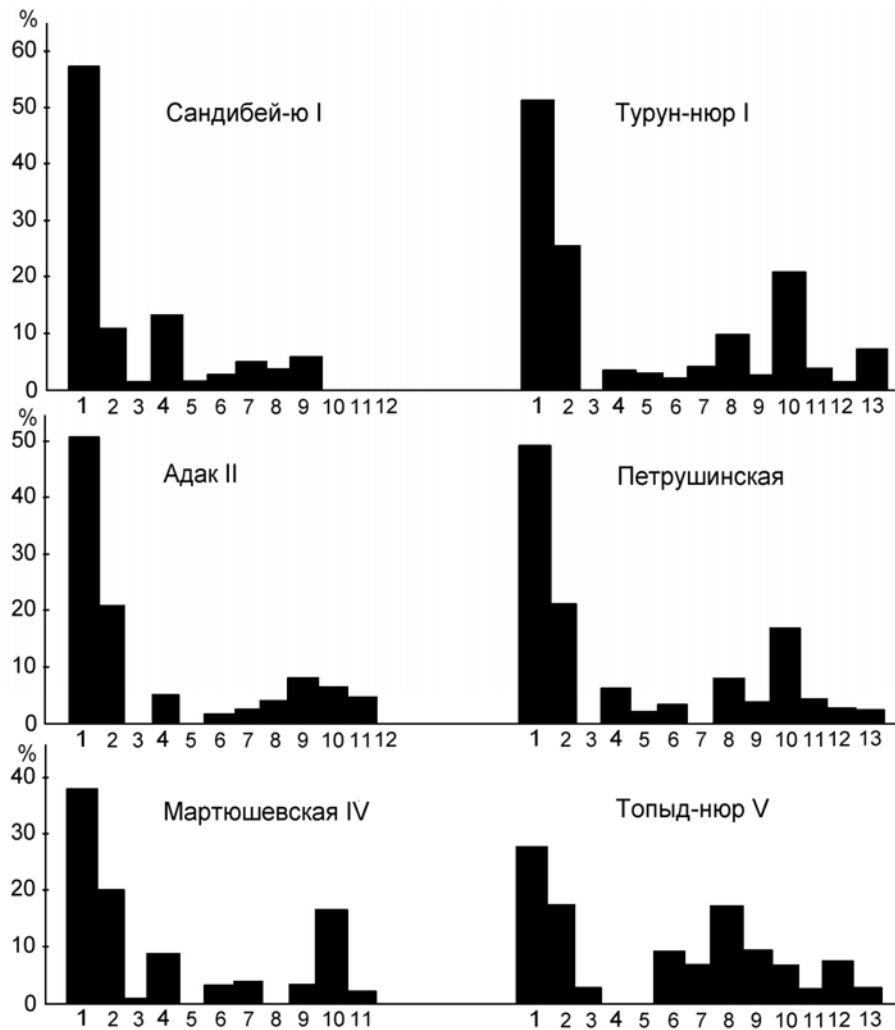

Рис. 53. Процентное соотношение различных категорий и групп инвентаря на мезолитических стоянках бассейна Печоры:

1 — пластины с ретушью; 2 — сечения; 3 — геометрические вкладыши; 4 — резцы; 5 — наконечники стрел; 6 — перфораторы; 7 — скребки на пластинах; 8 — скребки на отщепах; 9 — скобели на пластинах; 10 — скобели на отщепах; 11 — долотовидные орудия; 12 — рубящие орудия; 13 — камнеобрабатывающие орудия

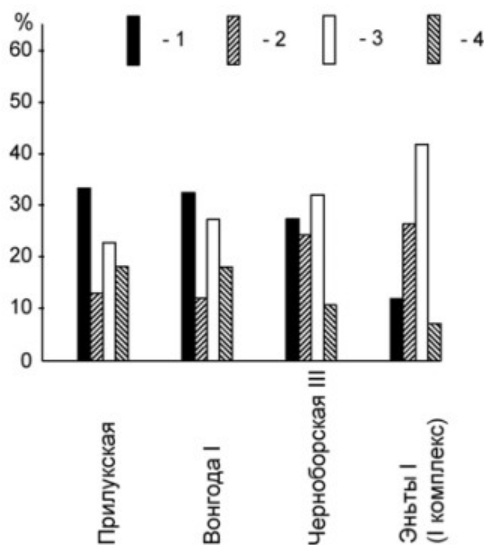

Рис. 54. Процентное соотношение различных типов заготовок и изделий на них на стоянках черноборской группы:

1 — пластины и орудия на них; 2 — пластинчатые отщепы и орудия на них; 3 — отщепы и орудия на них; 4 — обломки, куски и орудия на них

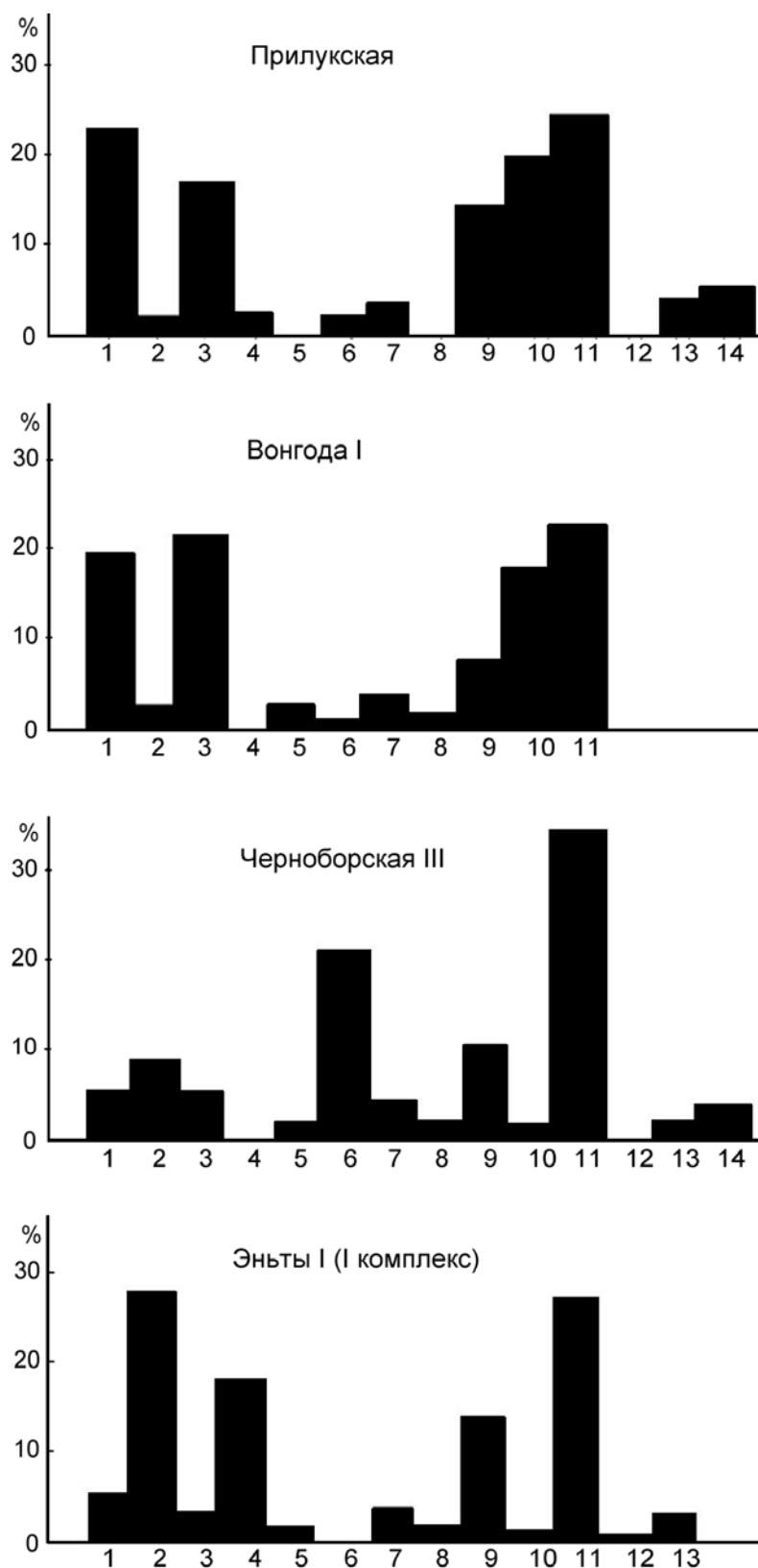

Рис. 55. Процентное соотношение различных категорий и групп инвентаря на мезолитических стоянках черноборской группы:

1 — ножи на пластинах; 2 — ножи на отщепах; 3 — сечения пластин; 4 — геометрические вкладыши; 5 — резцы; 6 — наконечники стрел; 7 — сосульки; сверла, проколки; 8 — скребки на пластинах; 9 — скребки на прочих заготовках; 10 — скобели на пластинах; 11 — скобели на прочих заготовках; 12 — долотовидные орудия; 13 — рубящие орудия; 14 — камнеобрабатывающие орудия

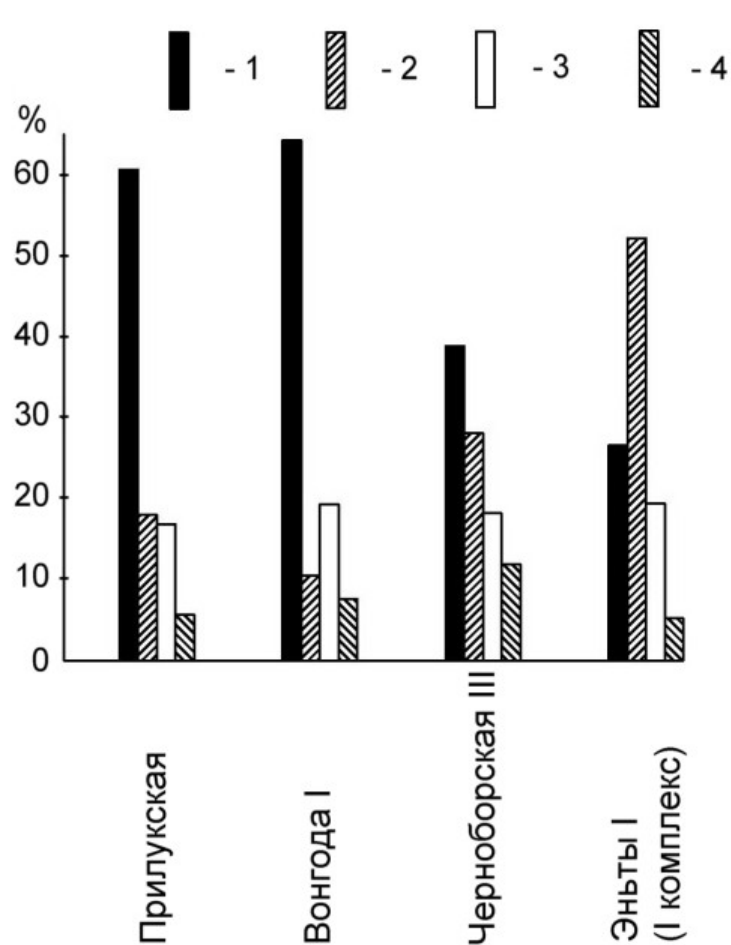

Рис. 56. Процентное соотношение орудий на различных типах заготовок на мезолитических стоянках черноборской группы:

1 — на пластинах; 2 — на пластинчатых отщепах; 3 — на отщепах; 4 — на обломках и кусках

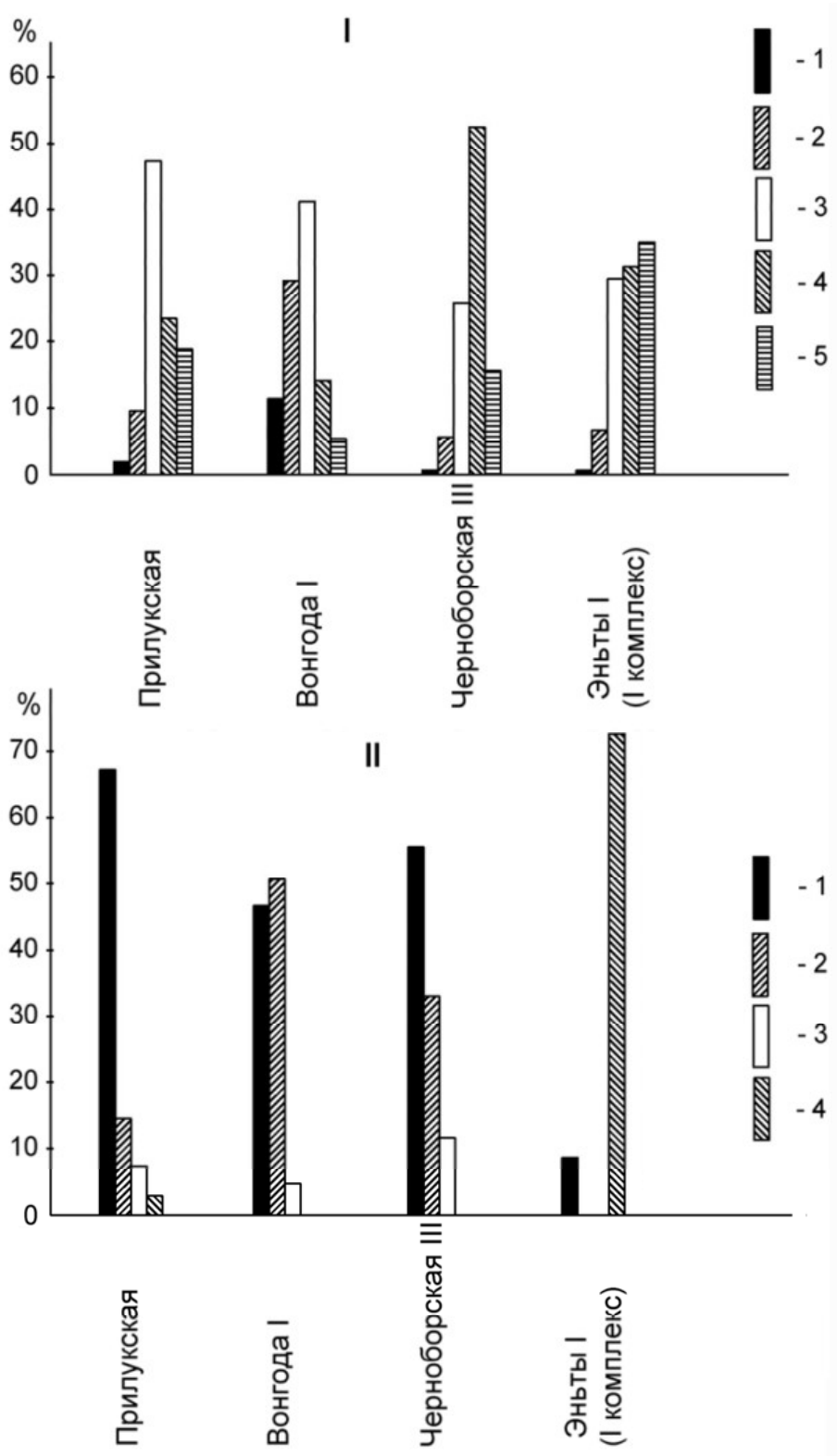

Рис. 57. Процентное соотношение различных групп пластин и сечений-вкладышей на стоянках черноборской группы:
 а) 1 — 0—0,5 см; 2 — 0,6—1,0 см; 3 — 1,1—1,5 см; 4 — 1,5—2,0 см; 5 — более 2 см; б) 1 — короткие; 2 — средние; 3 — длинные; 4 — трапеции

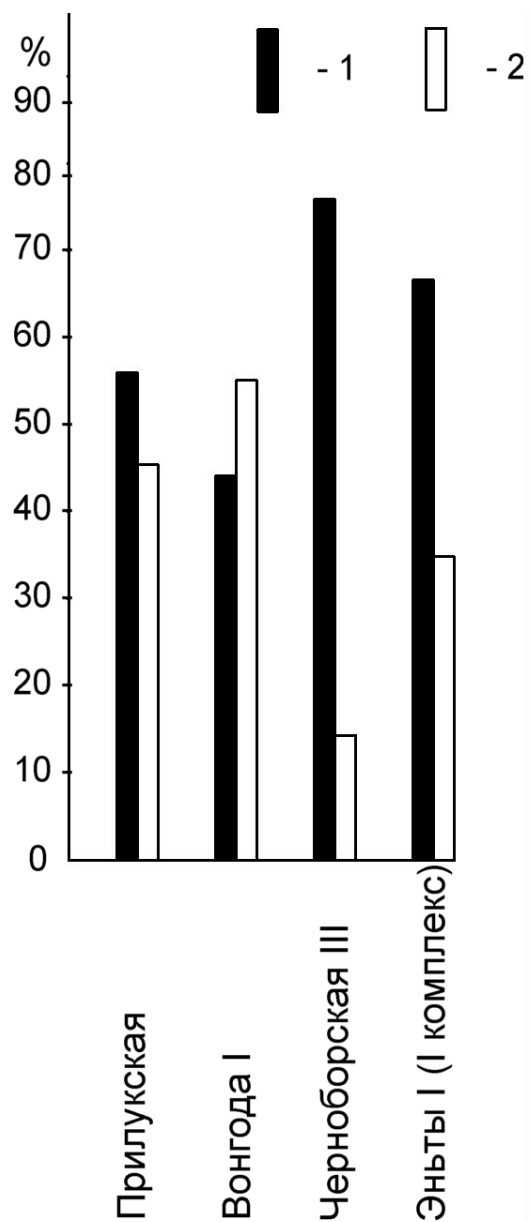

Рис. 58. Процентное соотношение пластин и сечений с ретушью и следами сработанности на стоянках черноборской группы:

1 — пластины и сечения с ретушью; 2 — пластины и сечения со следами сработанности

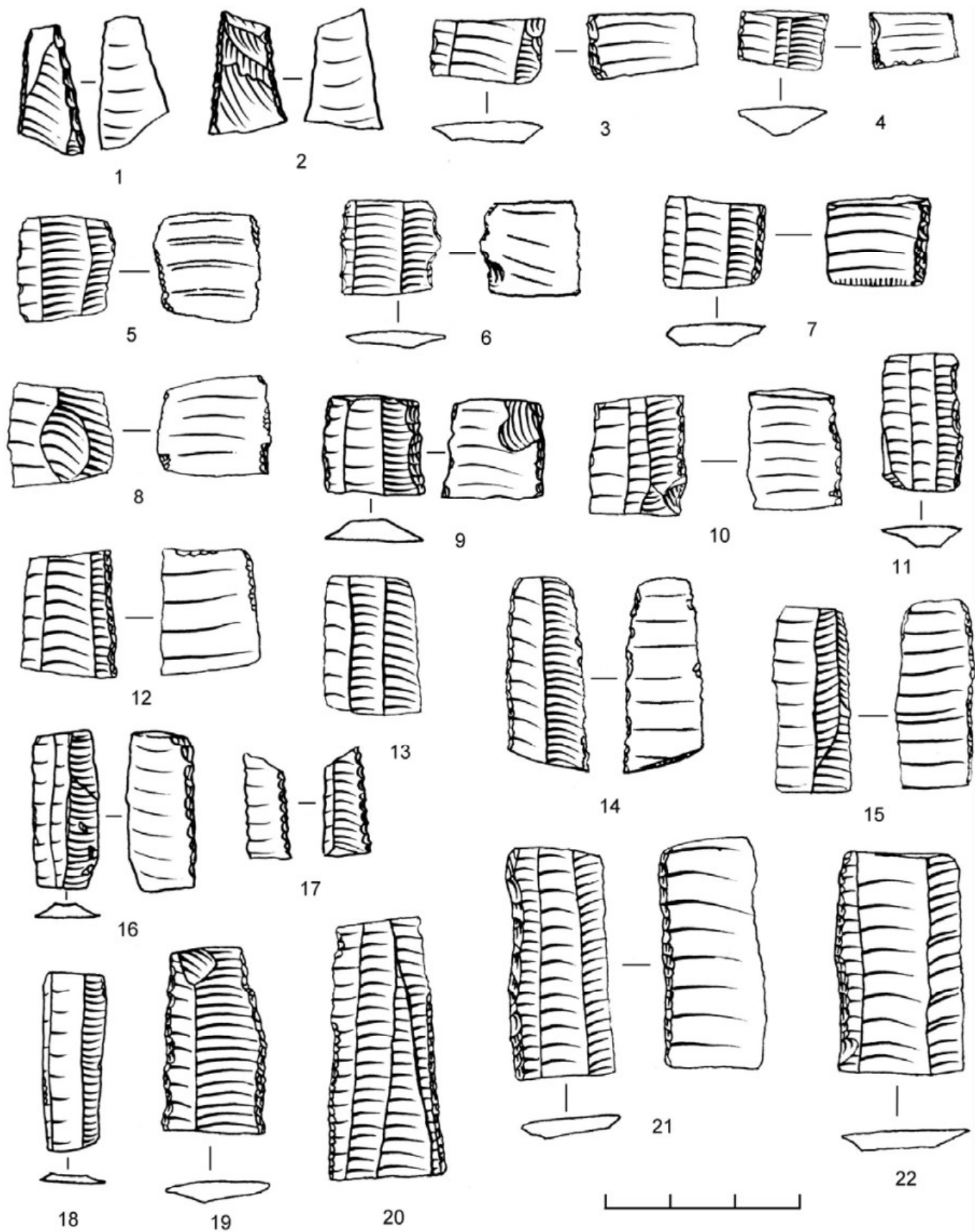

Рис. 59. Прилукская. Сечения пластин

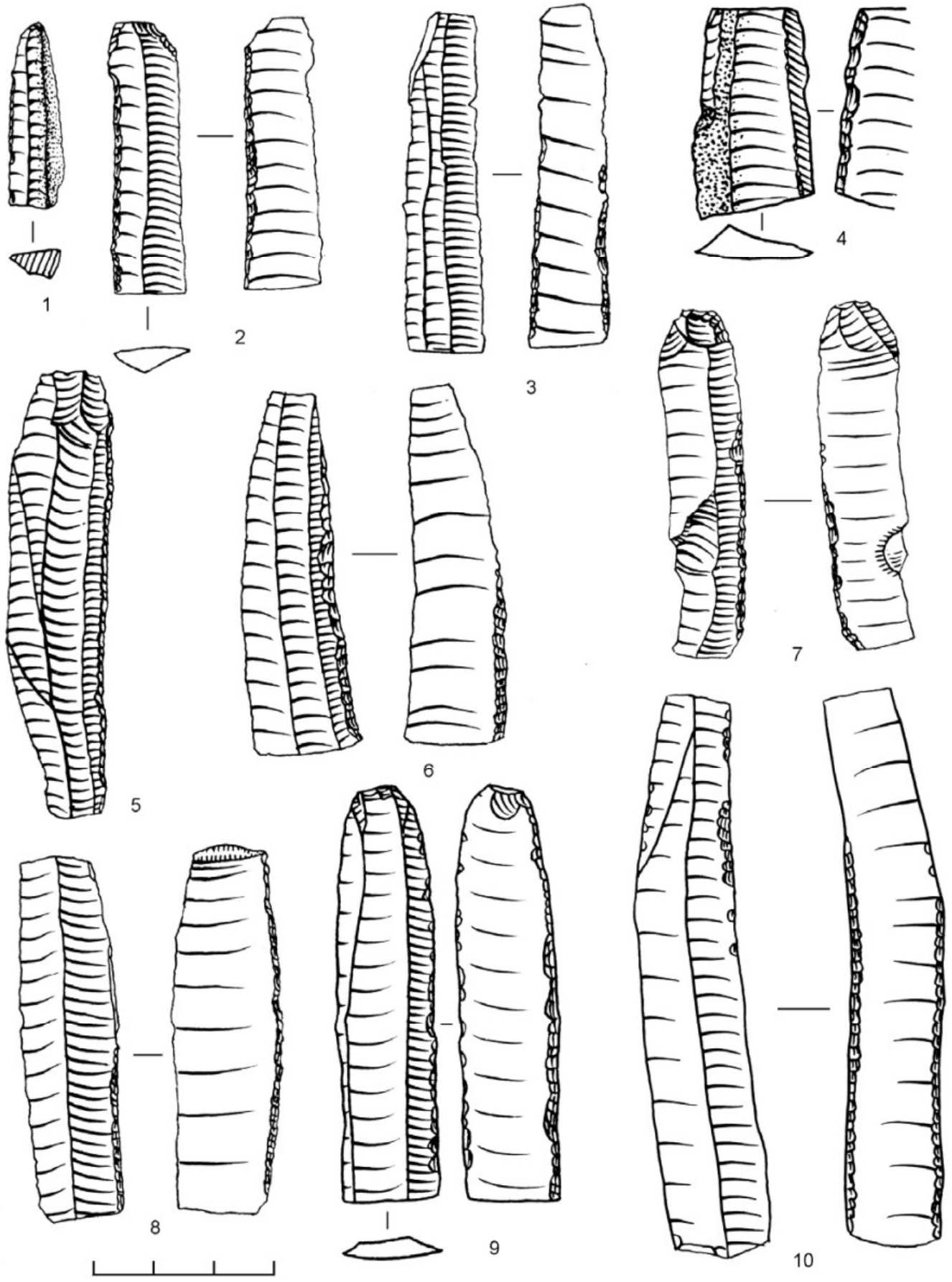

Рис. 60. Прилуцкая. Пластины с ретушью

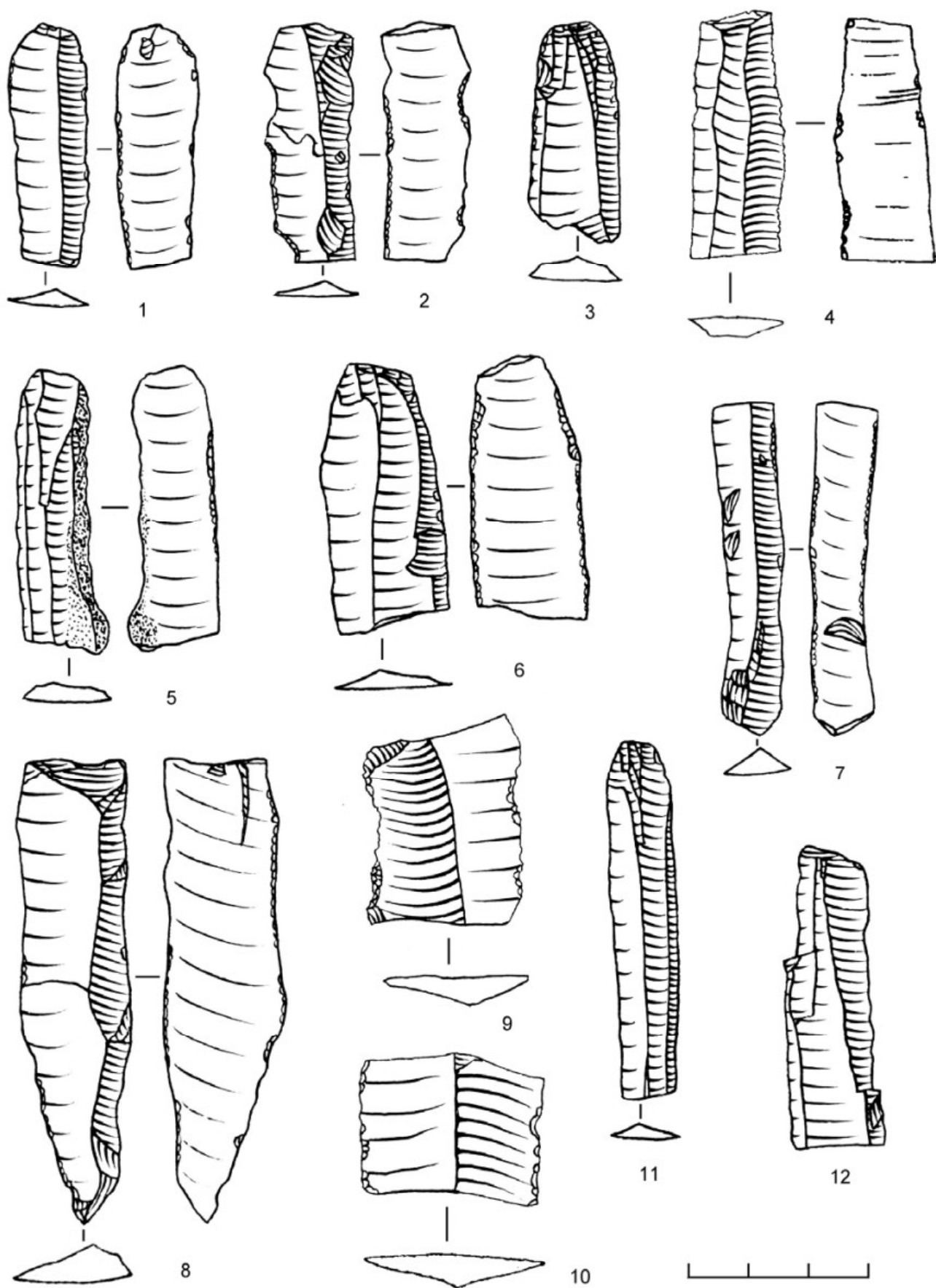

Рис. 61. Прилукская. Пластины со следами сработанности

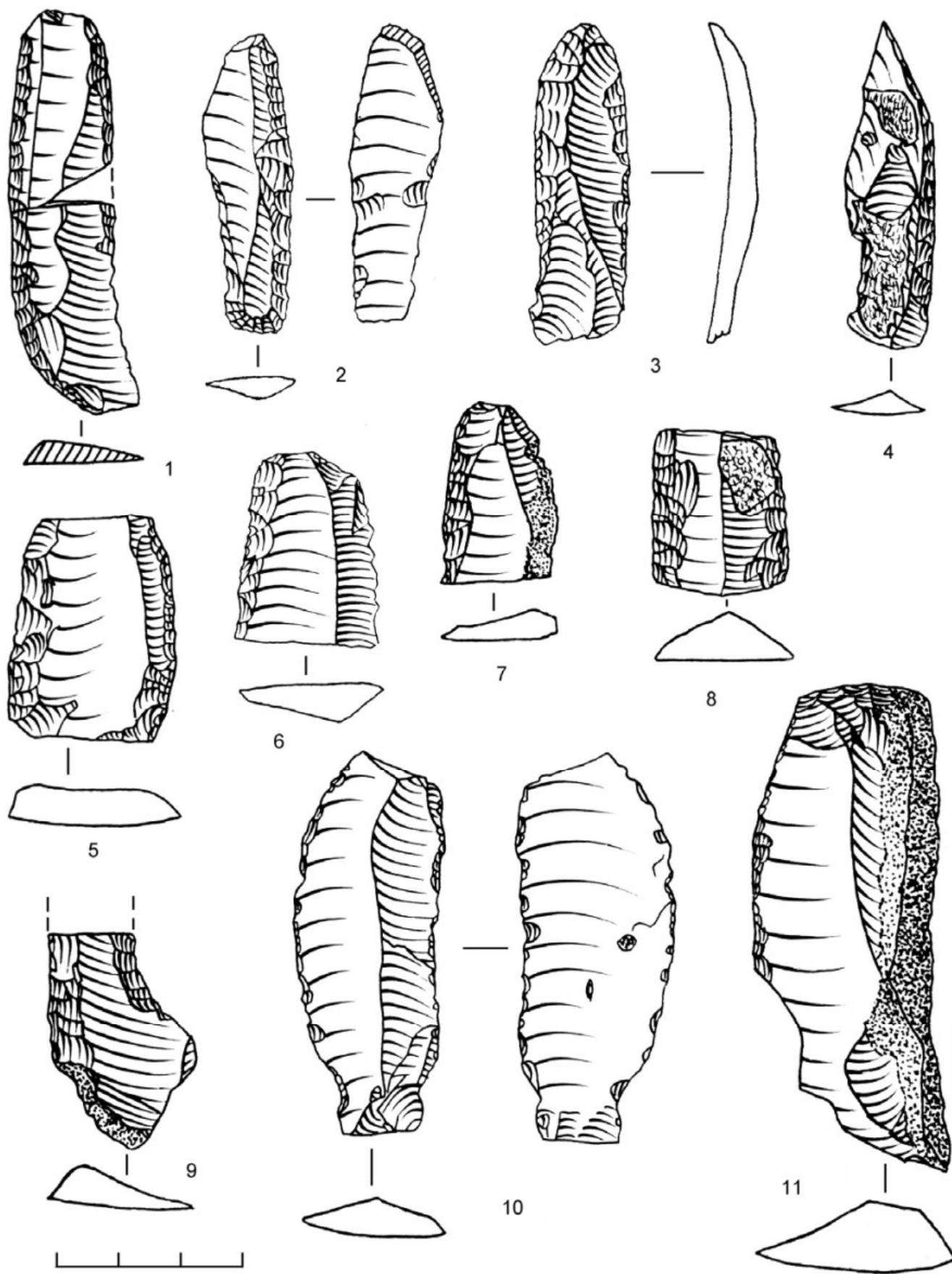

Рис. 62. Прилукская. Ножи

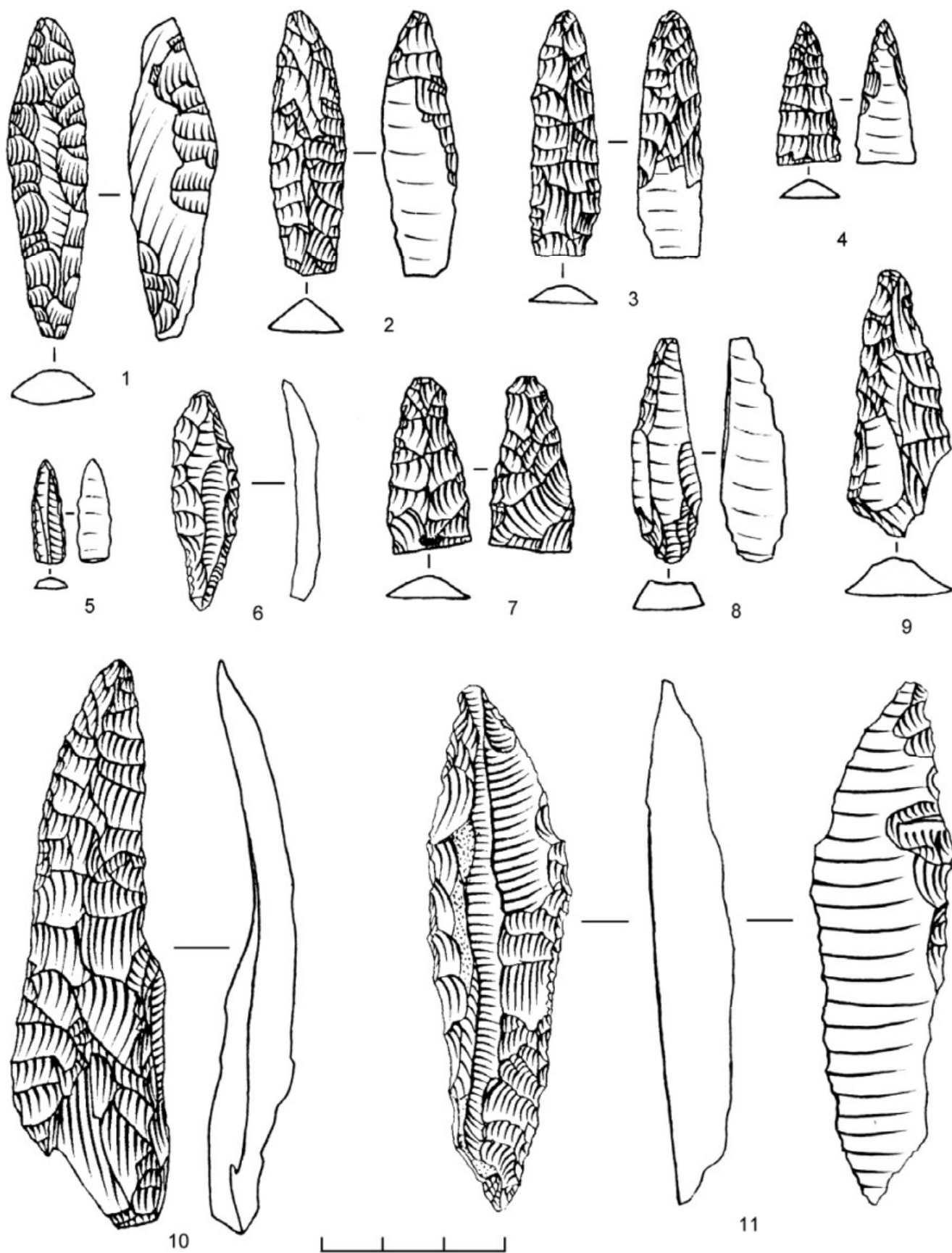

Рис. 63. Прилукская:

1—7, 9, 11 — наконечники стрел и копий; 8 — сверло; 10 — нож

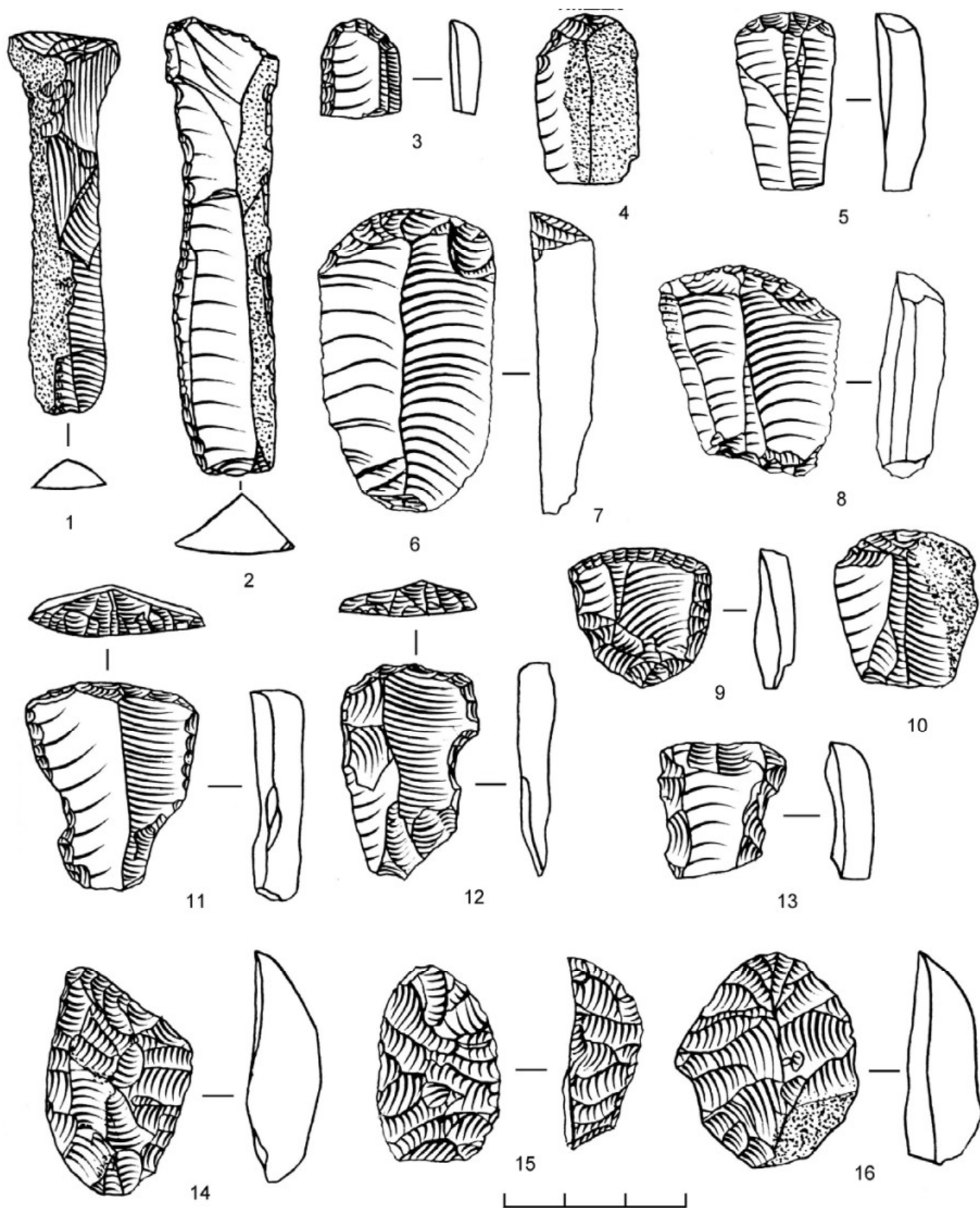

Рис. 64. Прилукская. Скребки

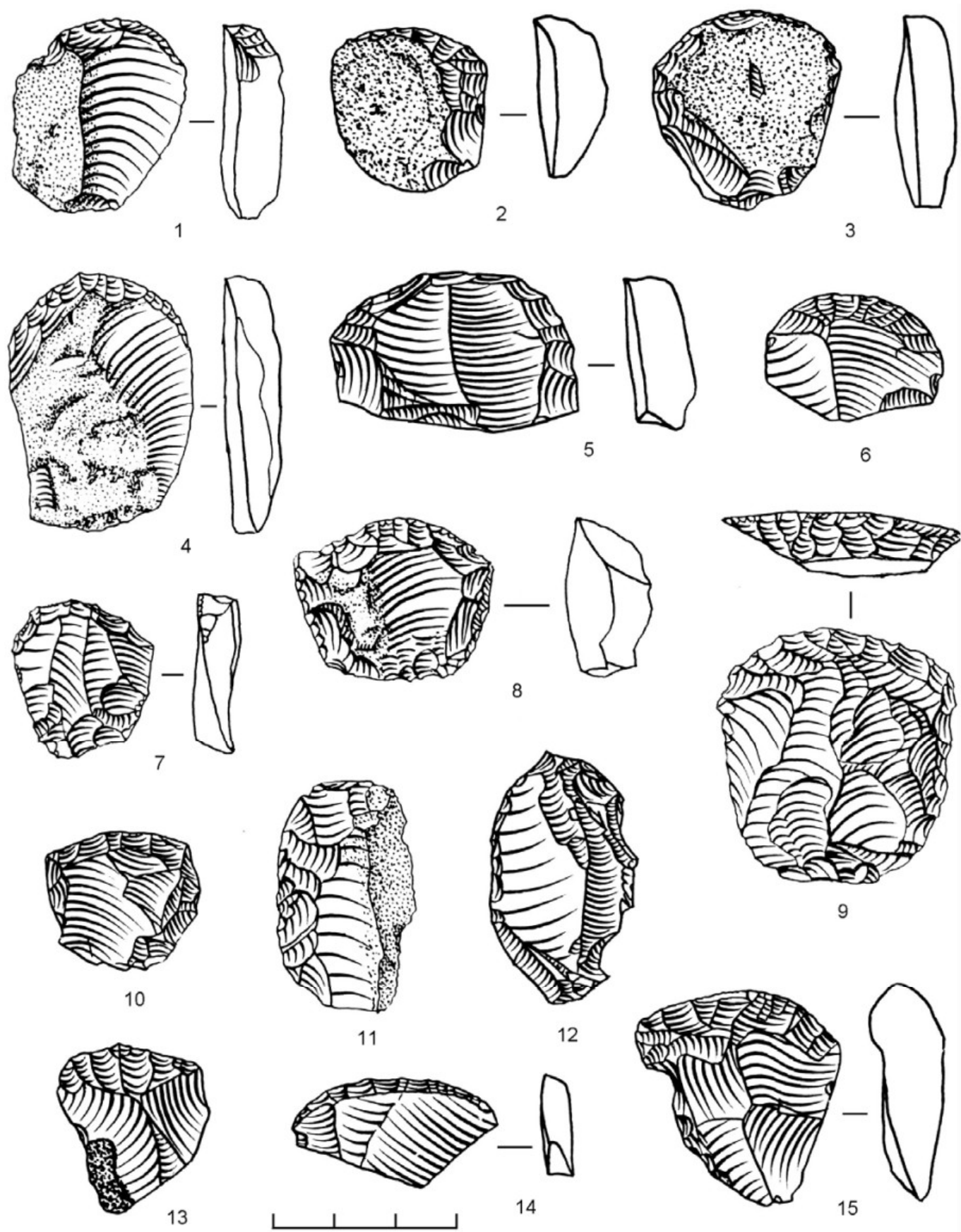

Рис. 65. Прилукская. Скребки

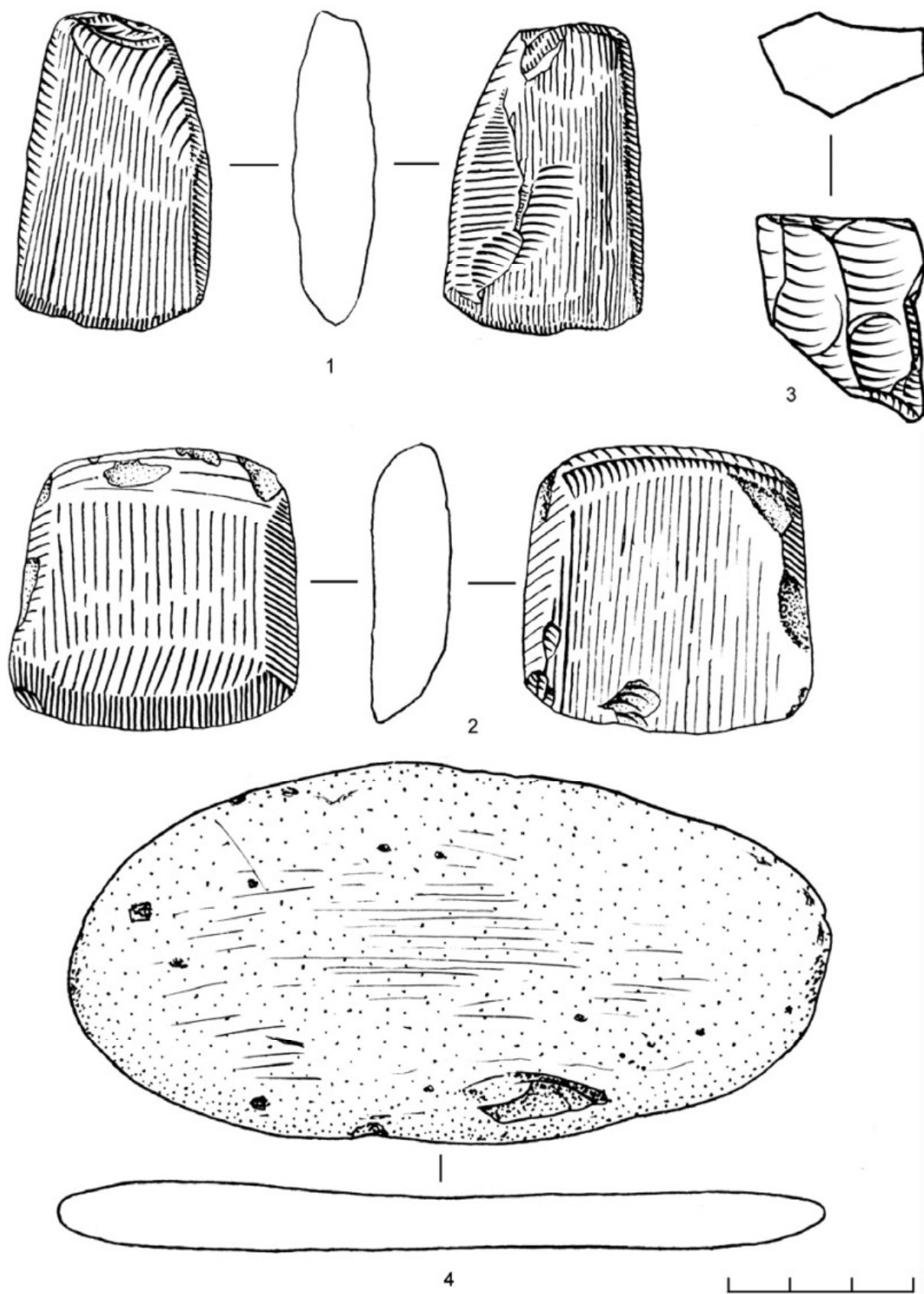

Рис. 66. Прилуцкая:

1, 2 — рубящие орудия; 3 — обломок нуклеуса; 4 — ложило для керамики

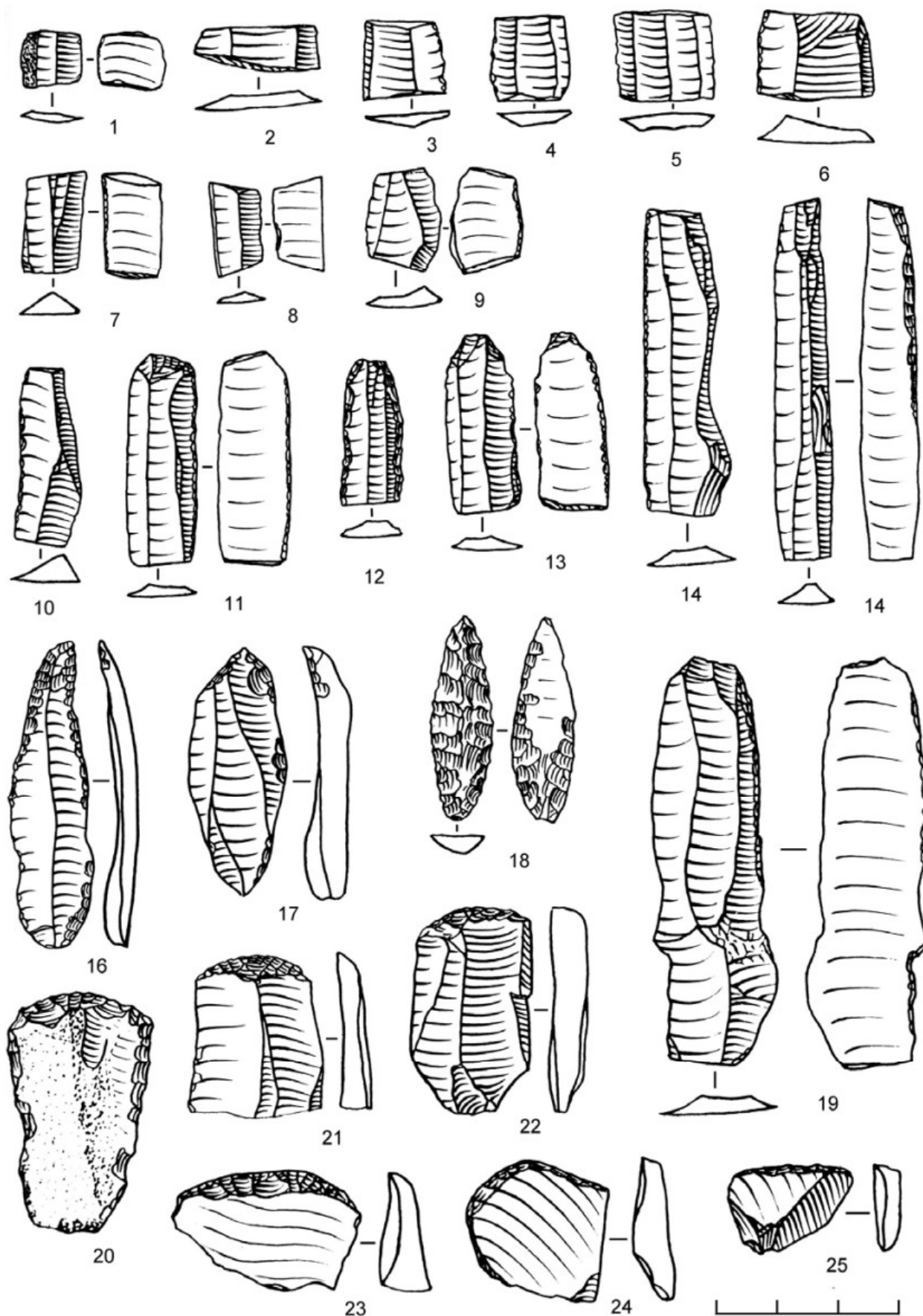

Рис. 67. Вонгода I. Кремневый инвентарь

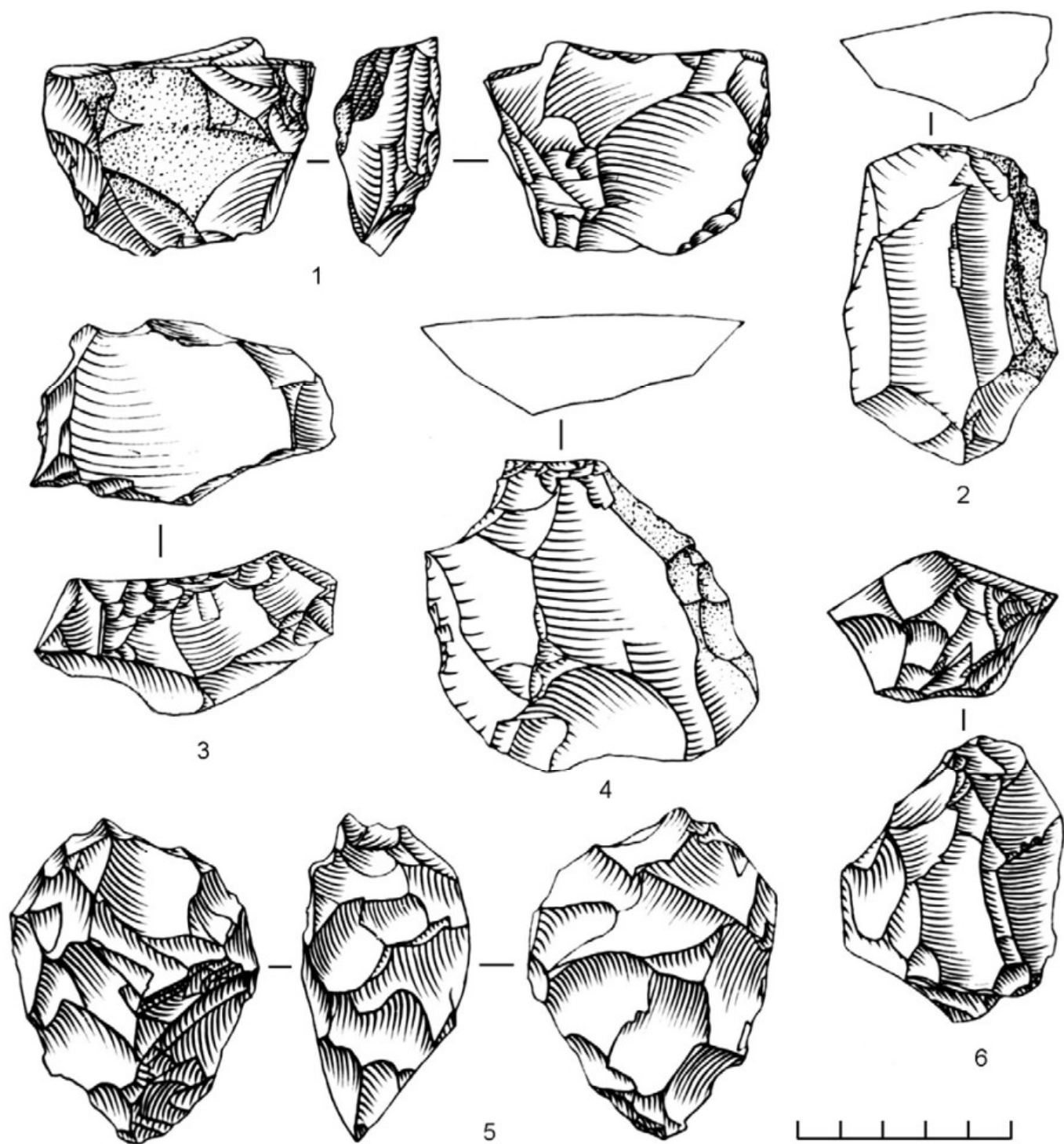

Рис. 68. Черноборская III. Нуклеусы

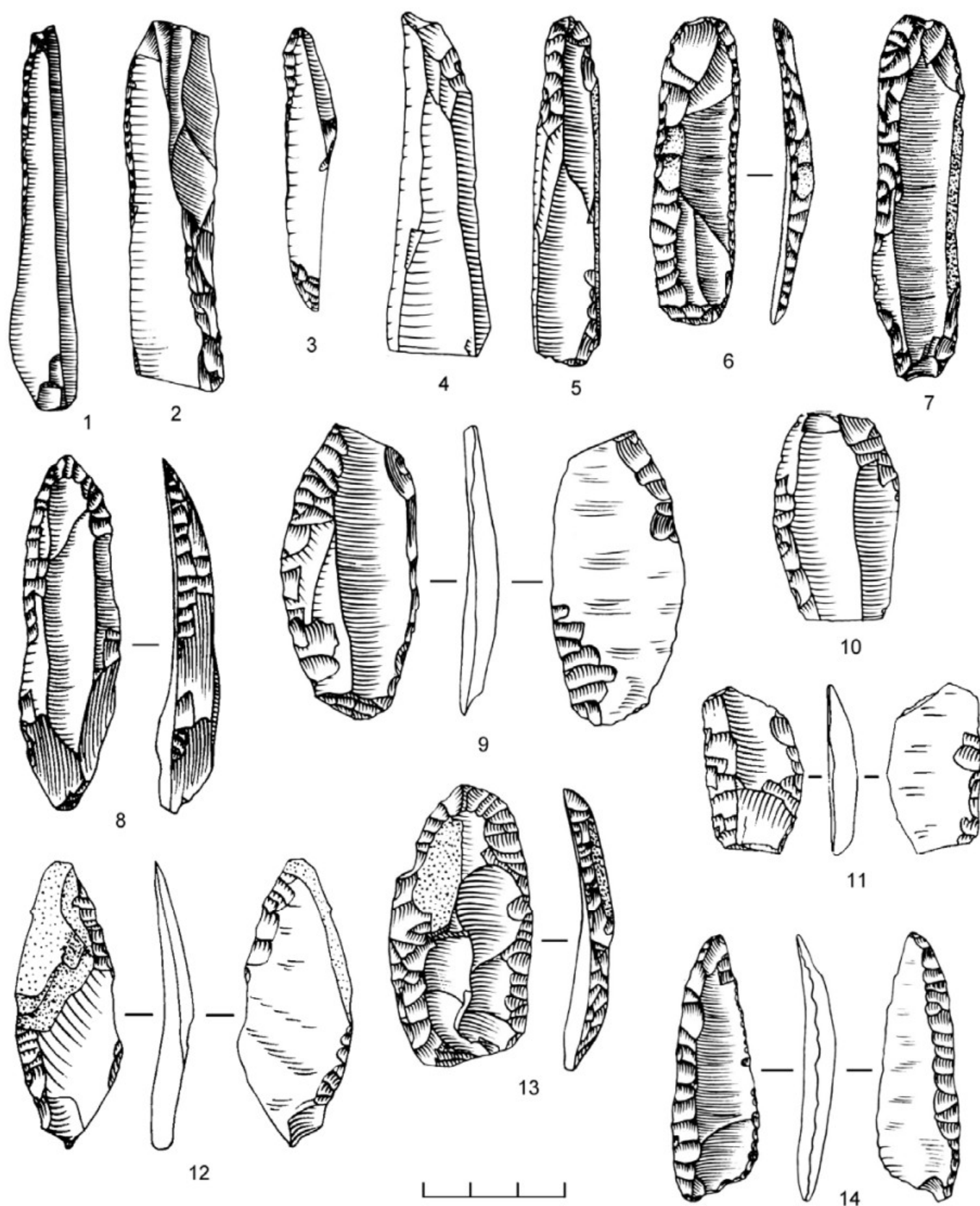

Рис. 69. Черноборская III. Ножи

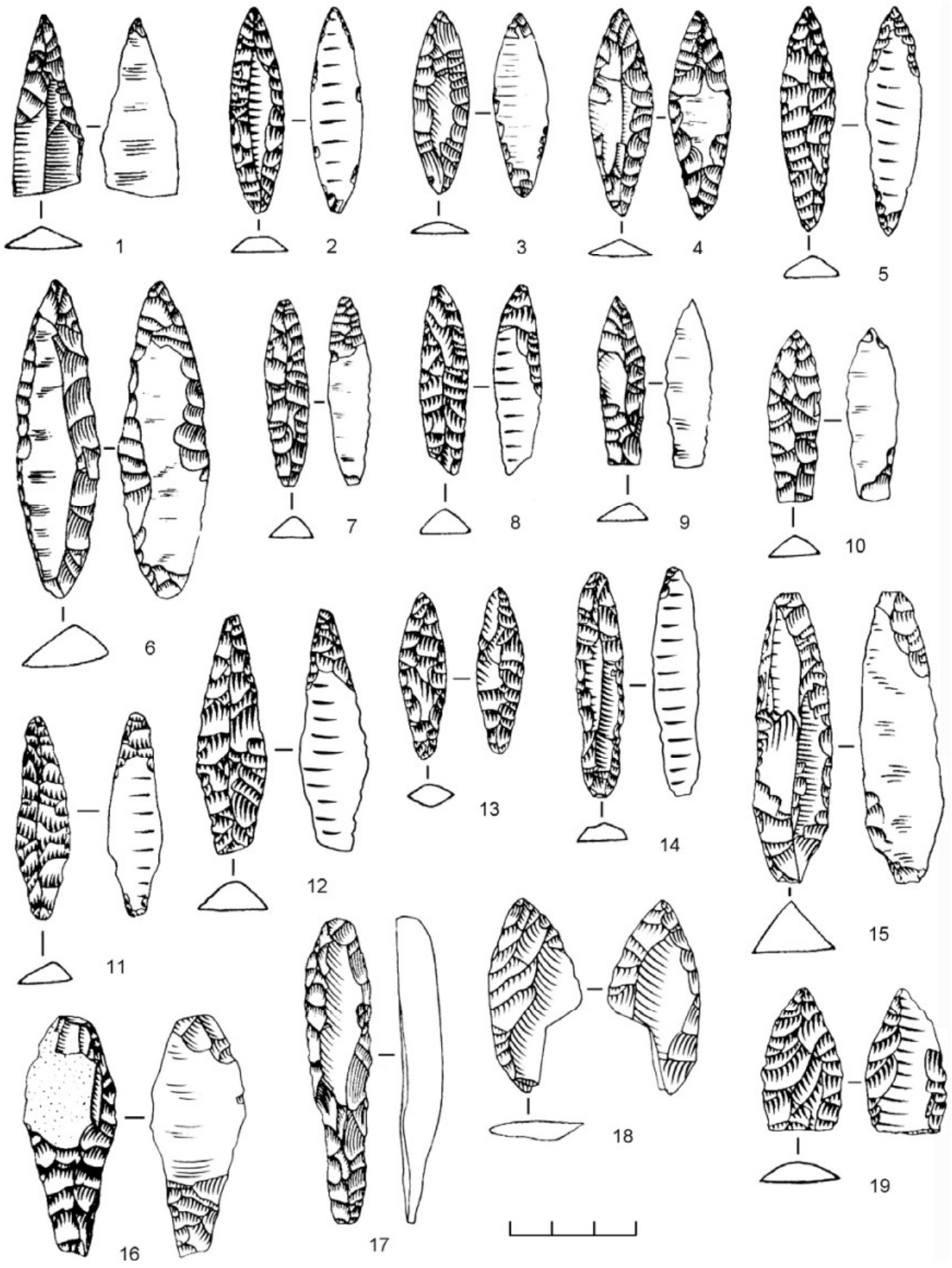

Рис. 70. Черноборская III:
1—15, 18, 19 — наконечники стрел; 16, 17 — сверла

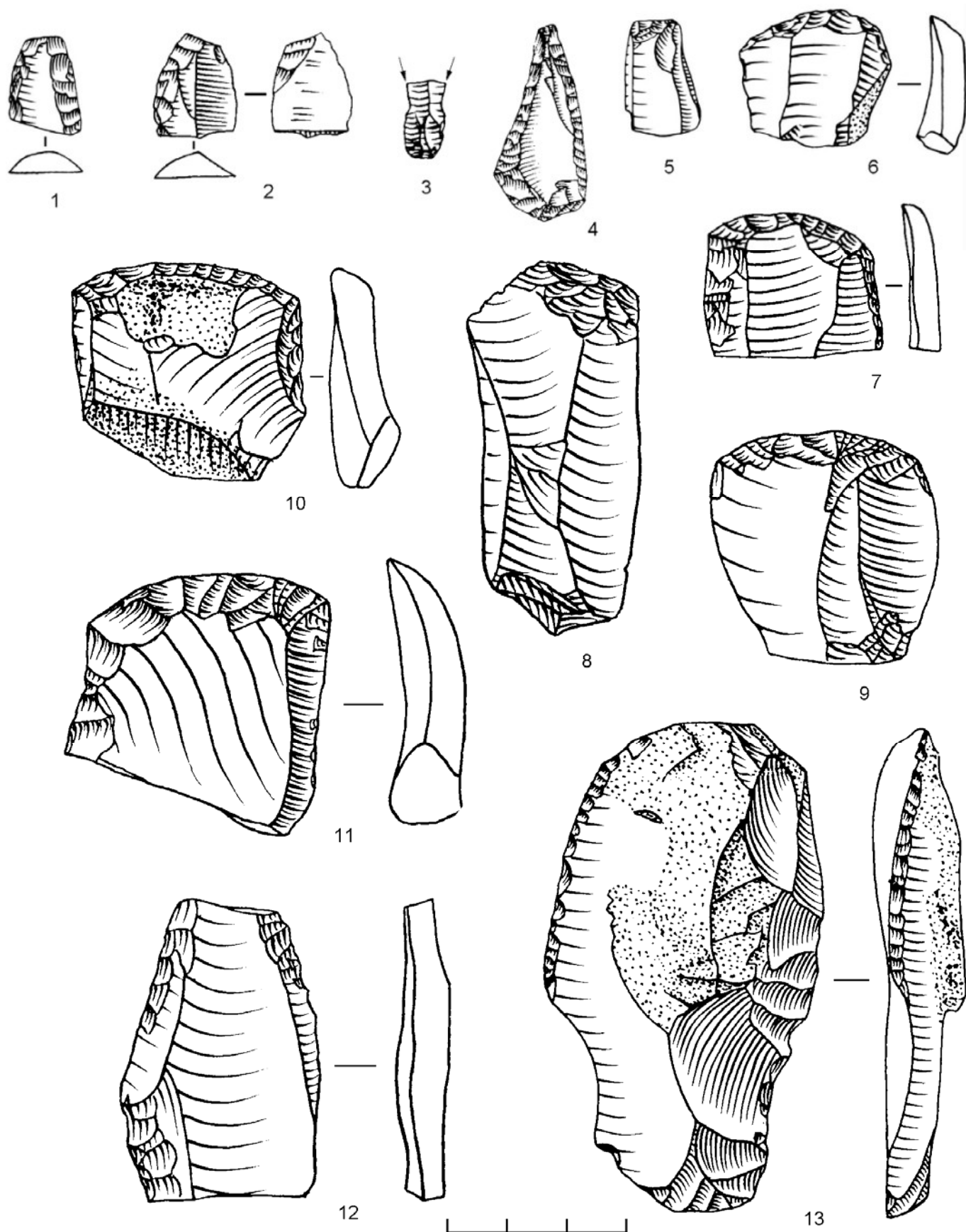

Рис. 71. Черноборская III. Кремневые орудия

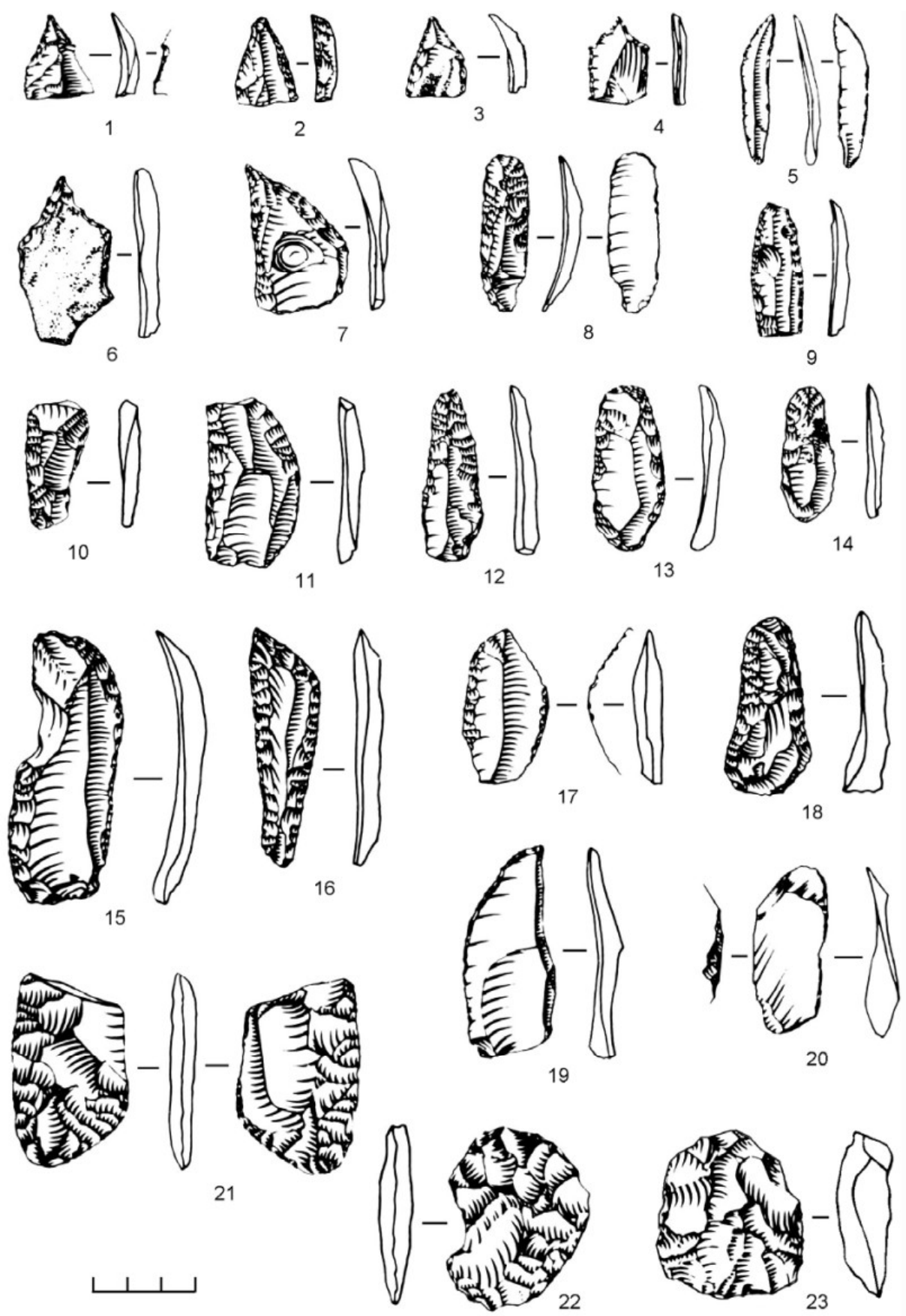

Рис. 72. Энты I (первый комплекс):
1—7 — проколки и сверла; 8—23 — ножи

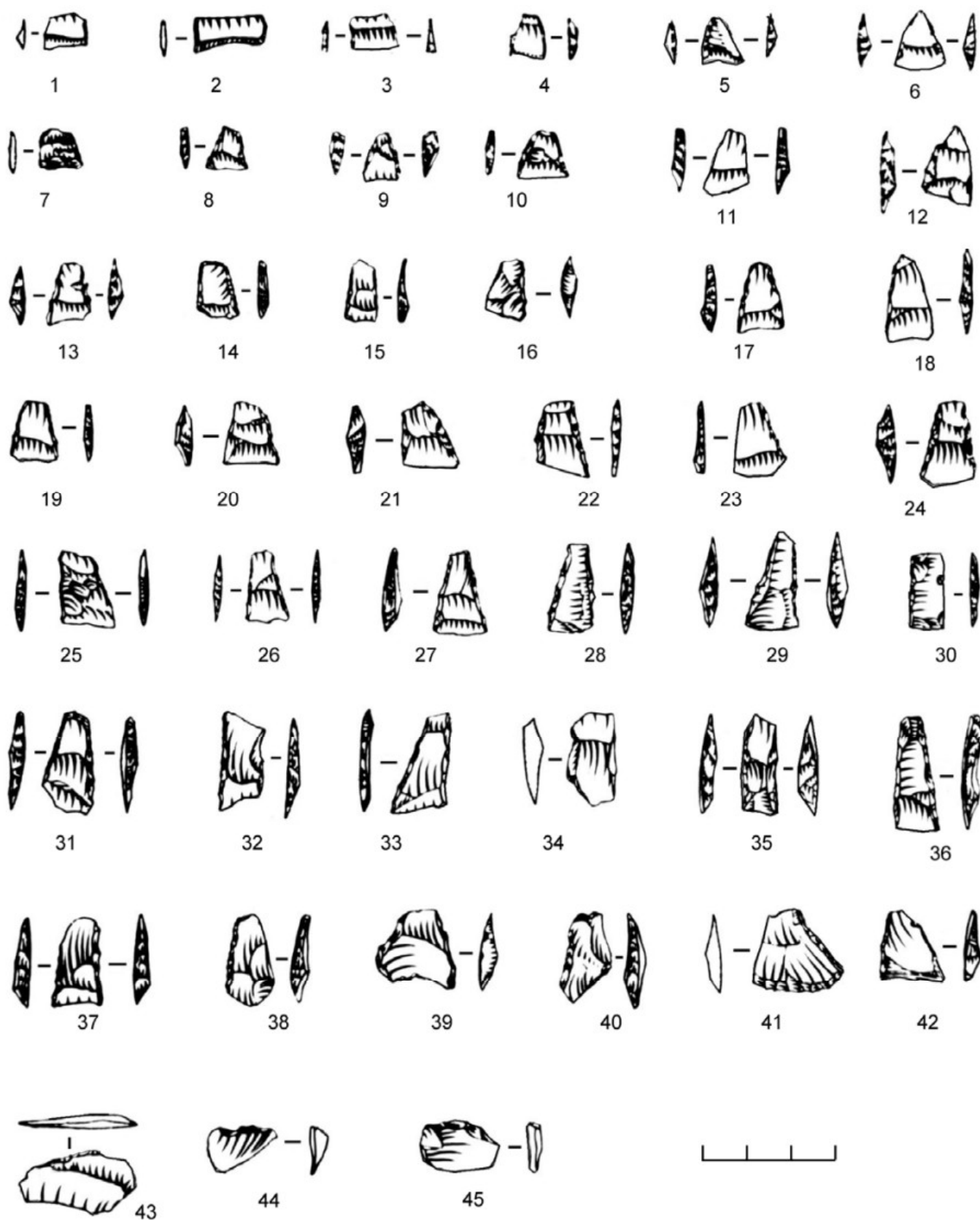

Рис. 73. Энты I (первый комплекс). Трапеции

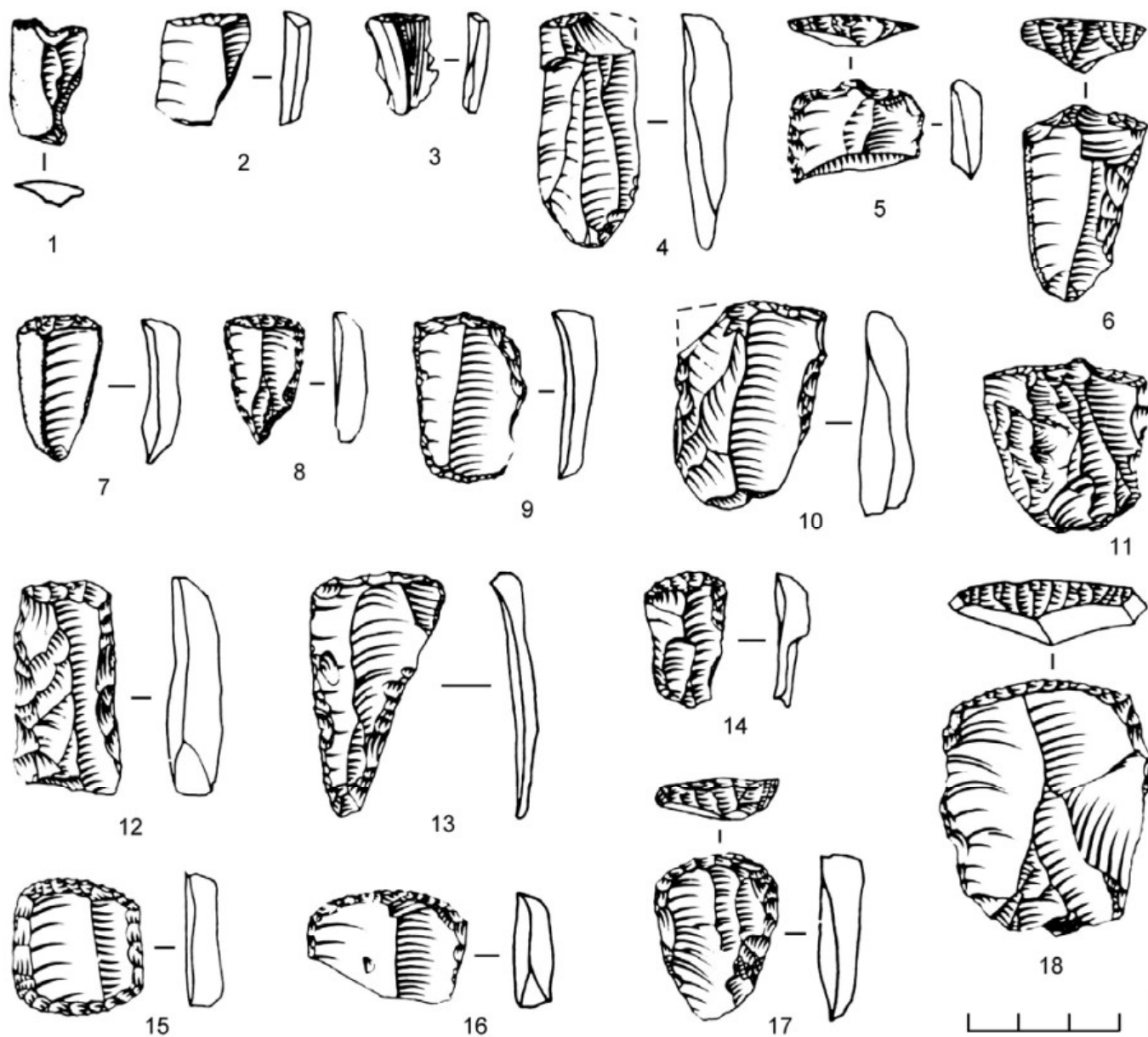

Рис. 74. Энзы I (первый комплекс). Скребки

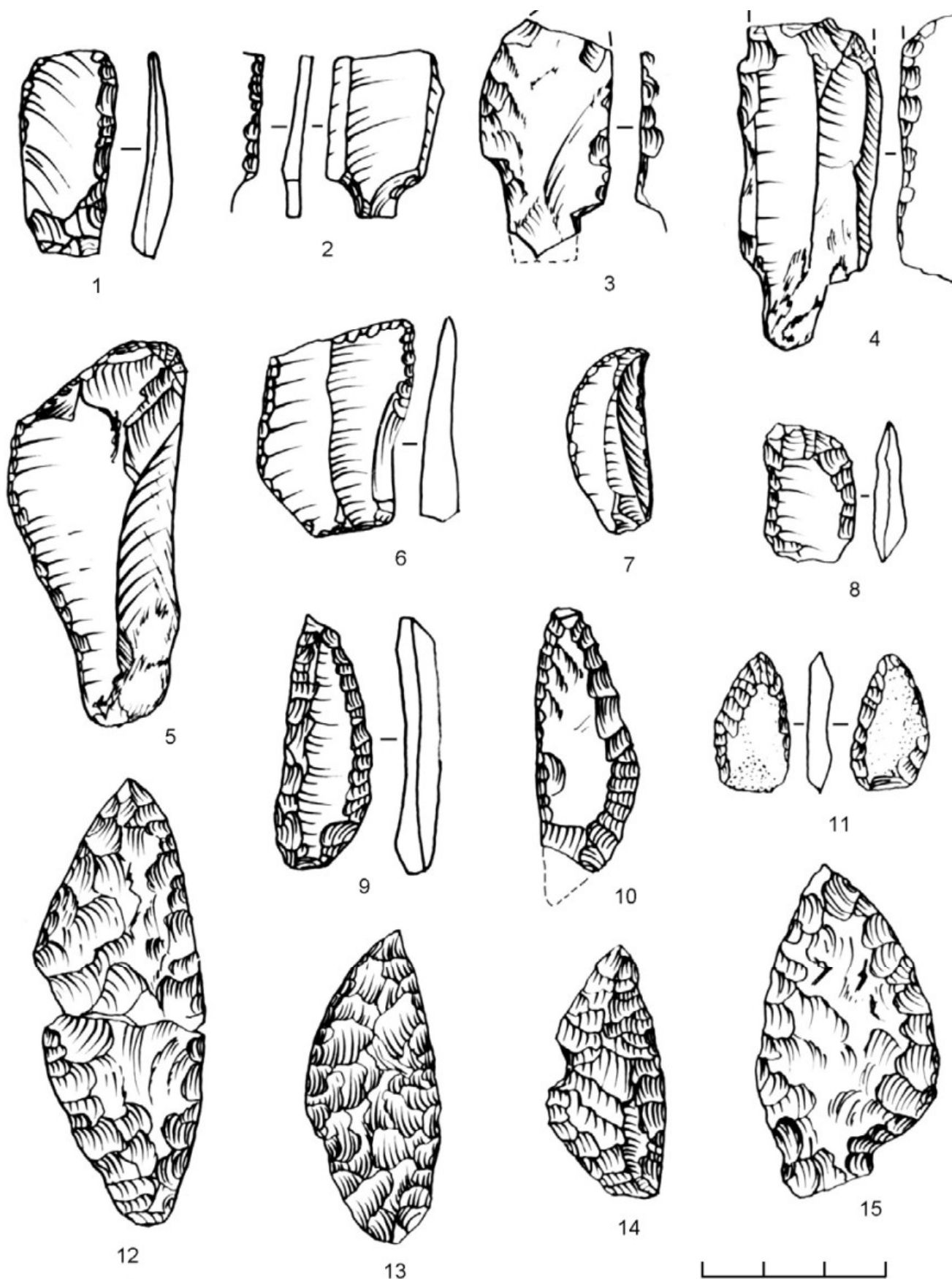

Рис. 75. Ножи с однослойных поселений печоро-двинской культуры: 1, 2, 9 — Кыстырью 3; 5, 13, 15 — Эньты III; 8, 11, 12, 14 — Эньты I; 10 — Печорская; 6, 7 — Явроньга I

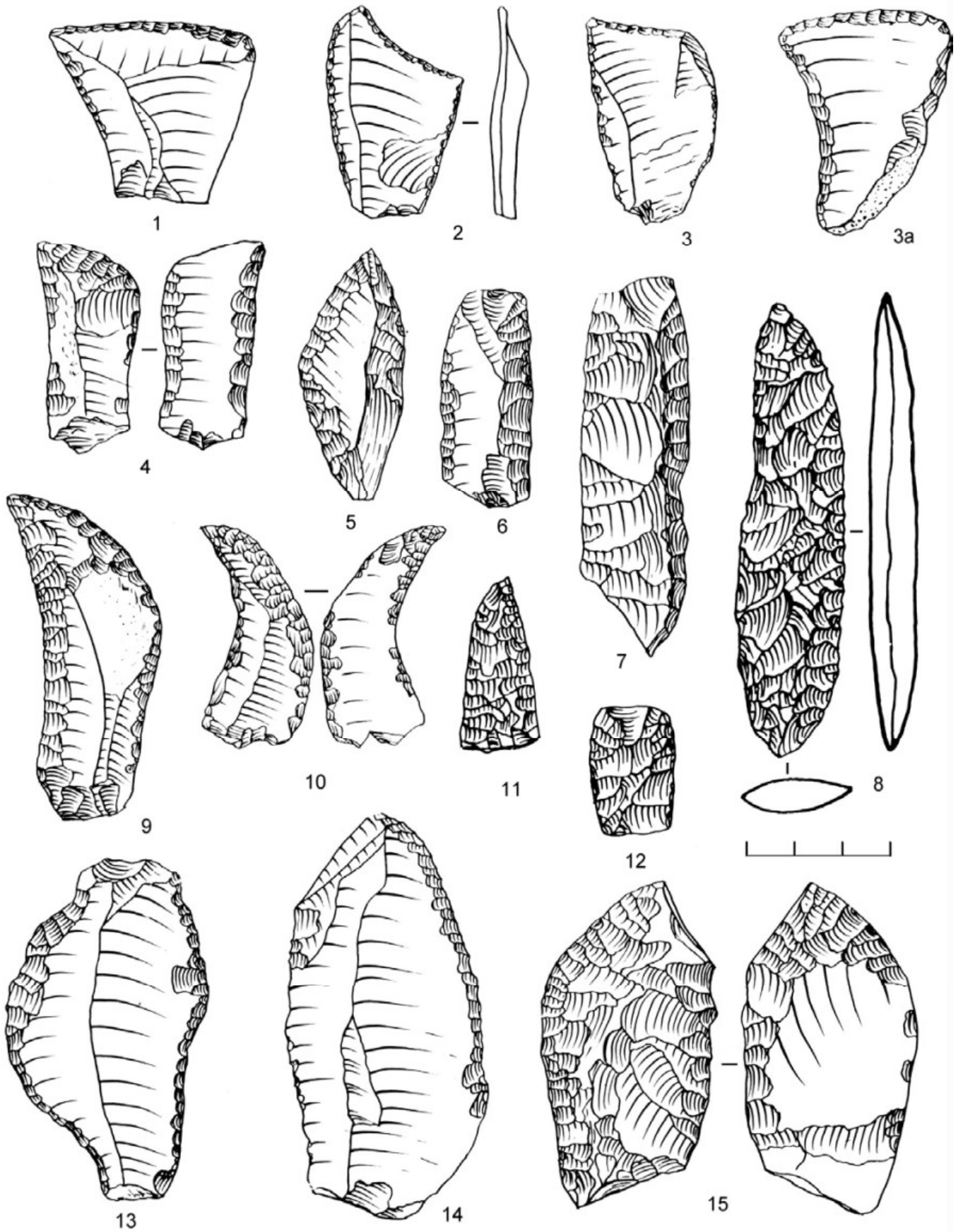

Рис. 76. Неолитические ножи с поселений Синдорского озера: 1, 2, 5–8 — Вис I; 6, 7, 11–13, 15 — Вис II; 3, 4, 9, 10 — Вис III

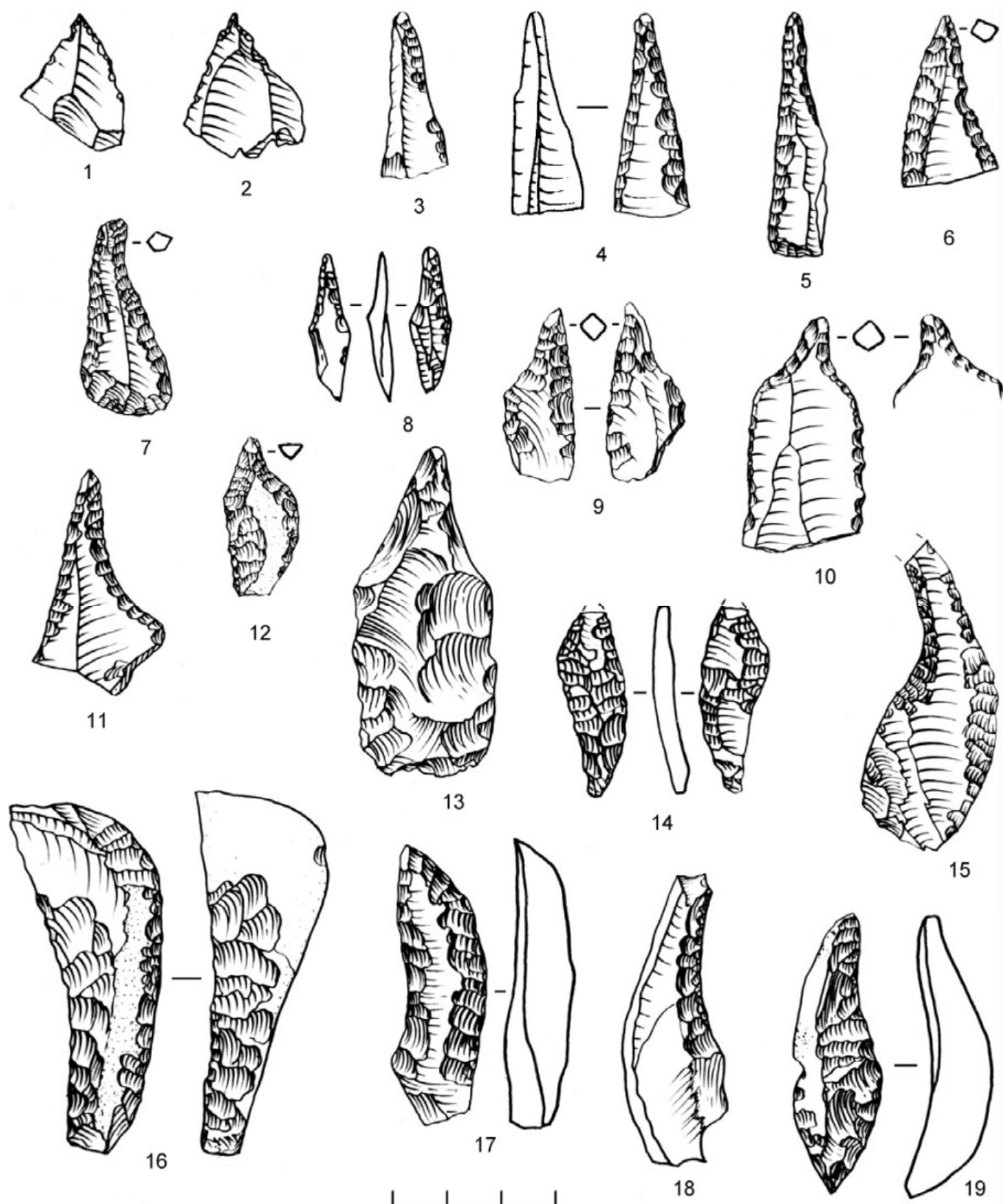

Рис. 77. Проколки, скребла, скобели с поселений печоро-двинской культуры: 1, 2 — Явроньга I; 3—5, 17 — Вис I; 6, 7, 9 — Вис II; 10—13 — Вис III; 8—14 — Кыстырю

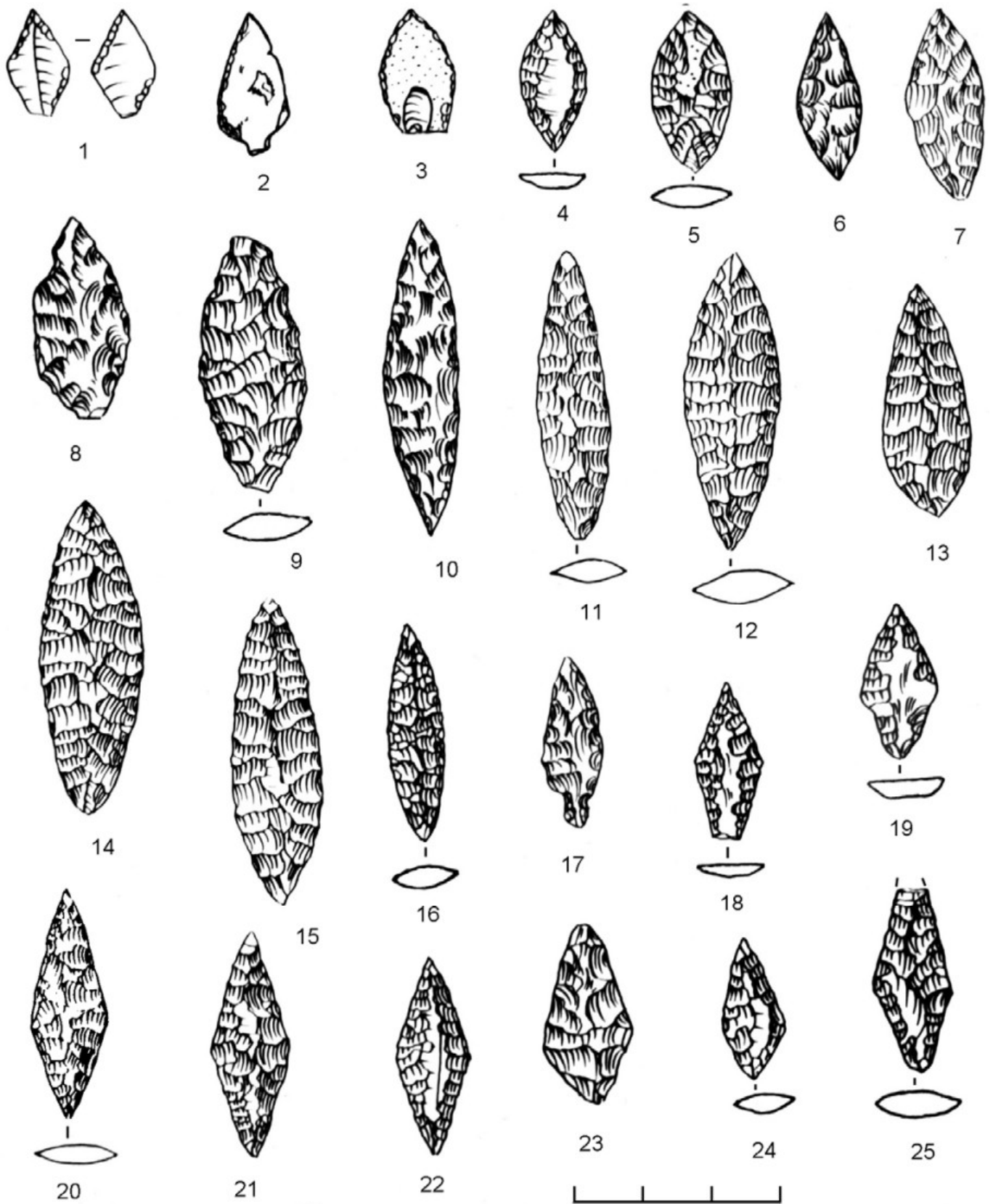

Рис. 78. Наконечники стрел с поселений печоро-двинской культуры: 4, 18, 19, 21, 25 — Печорская стоянка; 14, 15 — Вис I; 16 — Вис II; 1, 3, 5 — второй комплекс Эньты I; 2, 6 — Эньты III; 17 — Эньты IV; 7, 10, 20 — Ружникова; 11—13 — Яврньга I

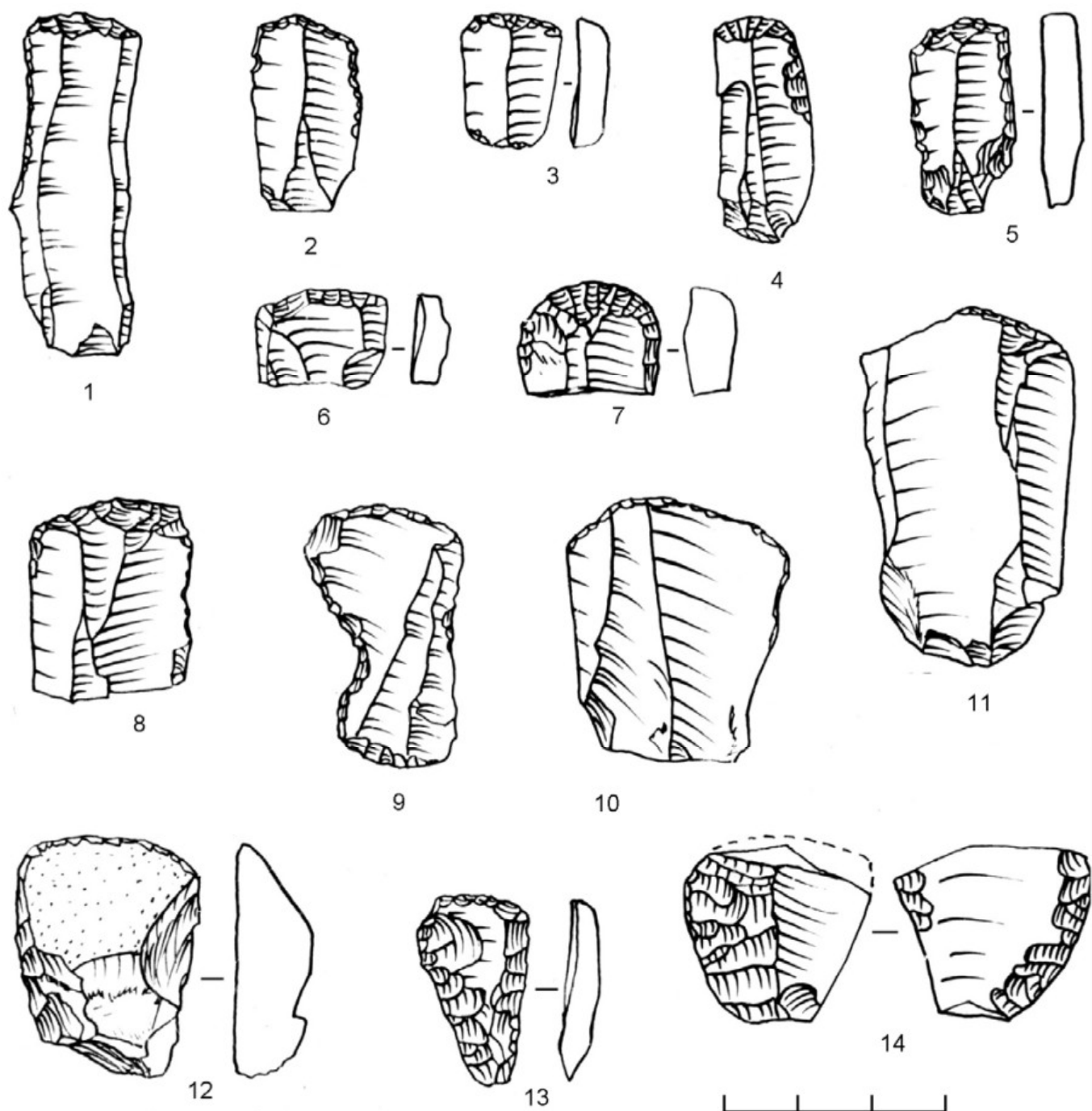

Рис. 79. Скрепки с однослойных поселений печоро-двинской культуры: 1, 2, 13, 14 — Эньты I (второй комплекс); 10, 11 — Эньты III; 8, 9, 12 — Эньты IV; 5, 7 — Печорская; 3, 4 — Кыстырью

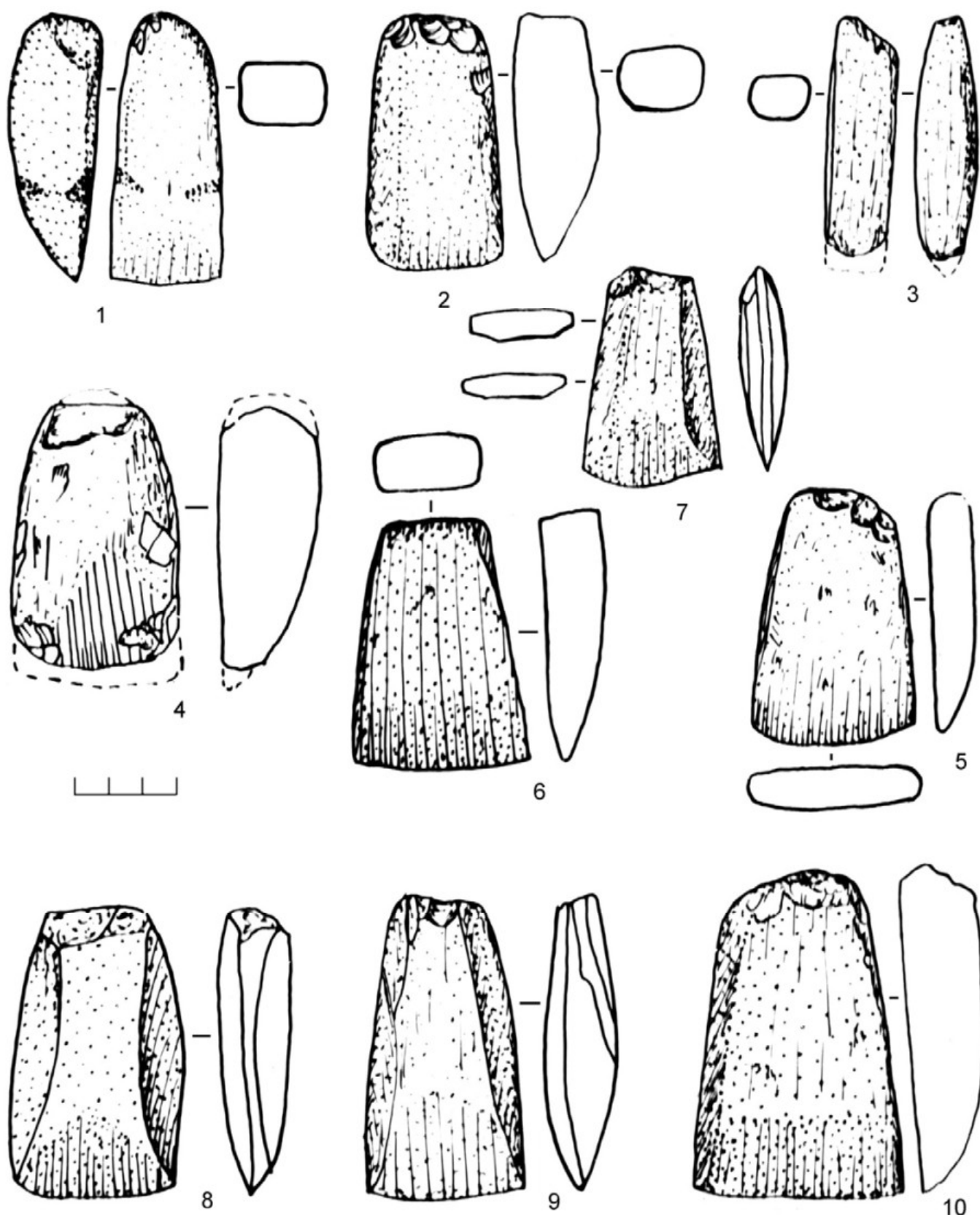

Рис. 80. Рубящие орудия с поселений печоро-двинской культуры: 1—7 — Вис II; 8 — Вис I; 9 — Пижма I; 10 — Ружникова

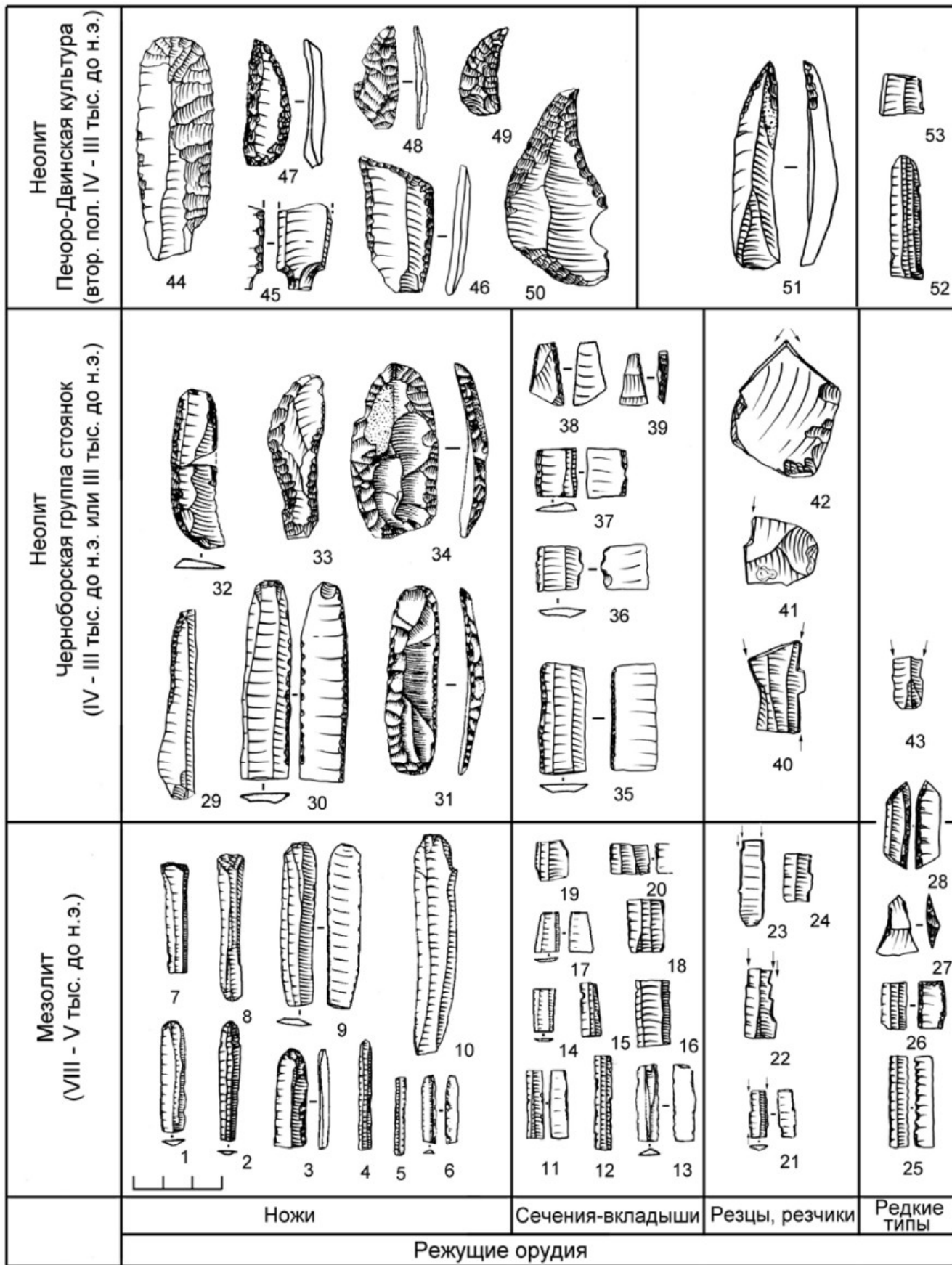

Рис. 81. Основные типы орудий, характерные для мезолита и неолита

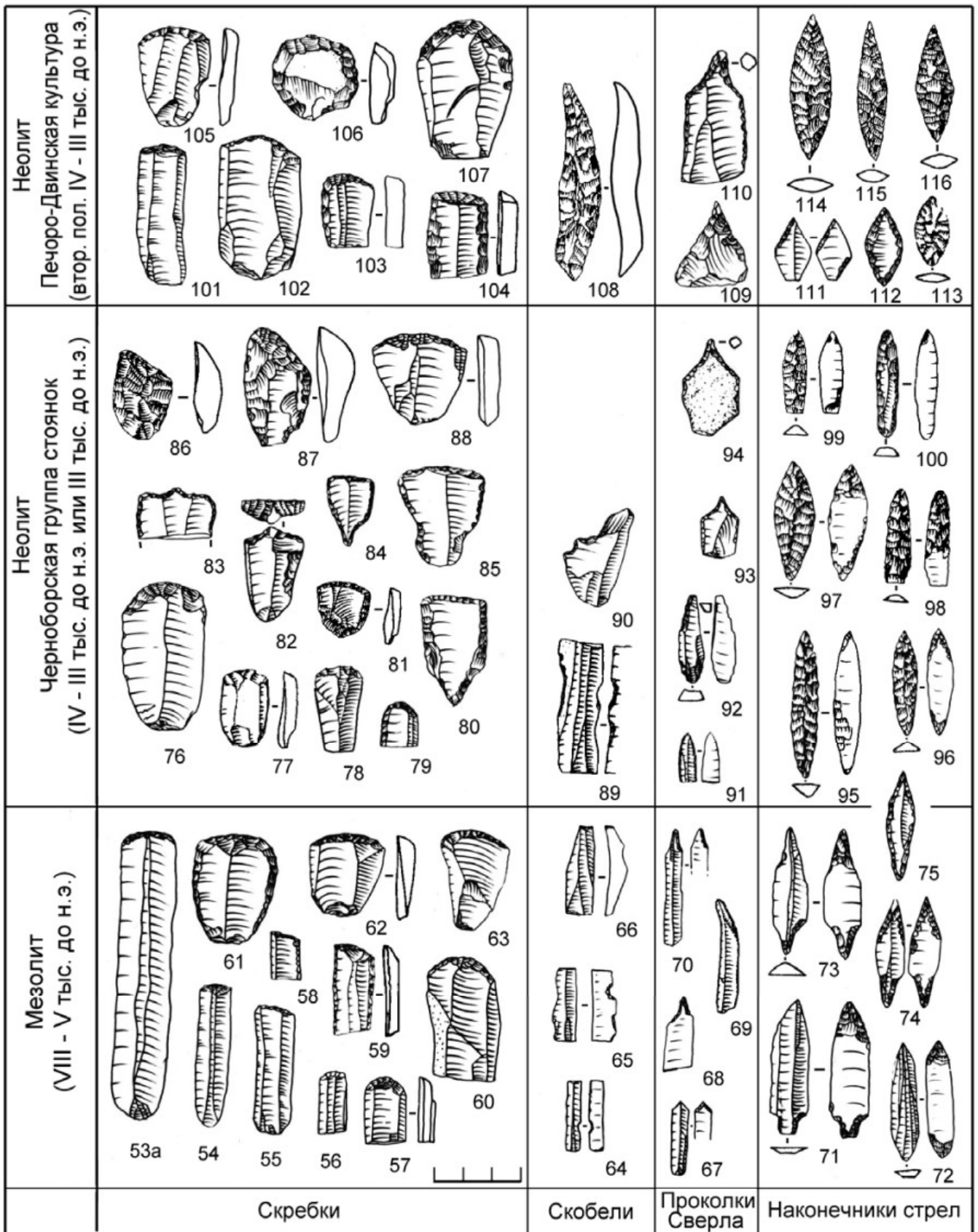

Рис. 81 (продолжение). Основные типы орудий, характерные для мезолита и неолита

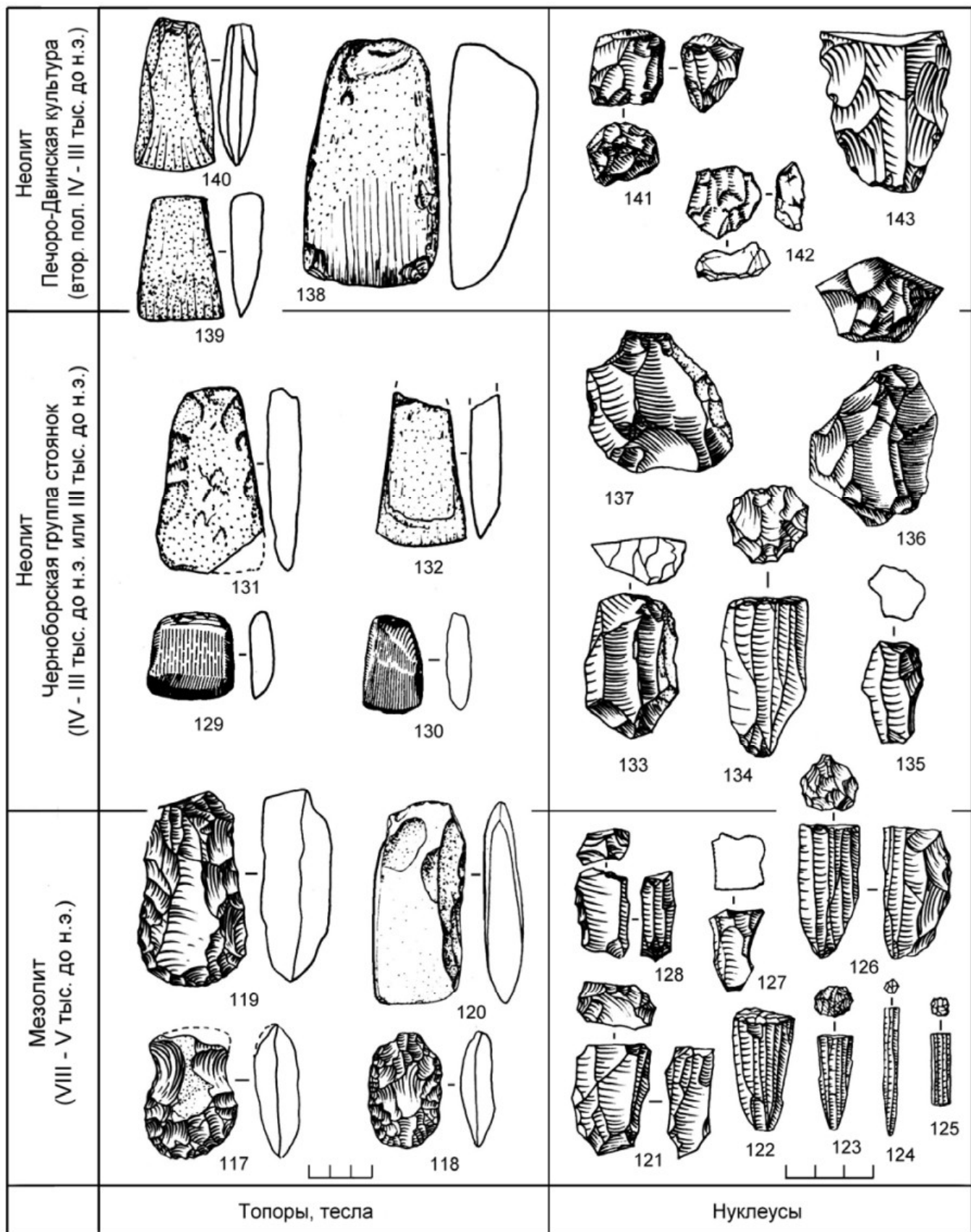

Рис. 81 (продолжение). Основные типы орудий, характерные для мезолита и неолита

Профилировка			Загнутые внутрь или прямые										Отогнутые наружу						
Форма венчика			Без утолщения					С утолщением					Без утолщения					С утолщ.	
Группы керамики	Типы орнаментации	Варианты орнаментации	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	
III	БА	2	■	▨	▨	●	●	●	●	▨	●	●	■	▨	▨	▨	▨	●	
		3	■	▨	●			▨			●			▨					
	АБ	4	▨	▨	●	●	●				▨			■	▨	▨	■	●	
		5						▨	▨	▨	▨				▨	●			
	Б	1							●	●	●	■							
II	АБВ		■	■	●			■	▨	▨	●								
	АБ	1	■	■	●	●		■	■	▨	▨					●	●	●	
	А		■	■	●			■	▨	▨	▨							●	
I	БВ		■														▨		
	В		■	▨													▨		

Рис. 82. Оформление венчиков различных групп керамики
 Условные обозначения: 1 — характерные, часто встречающиеся; 2 — характерные, но реже встречающиеся; 3 — единичные

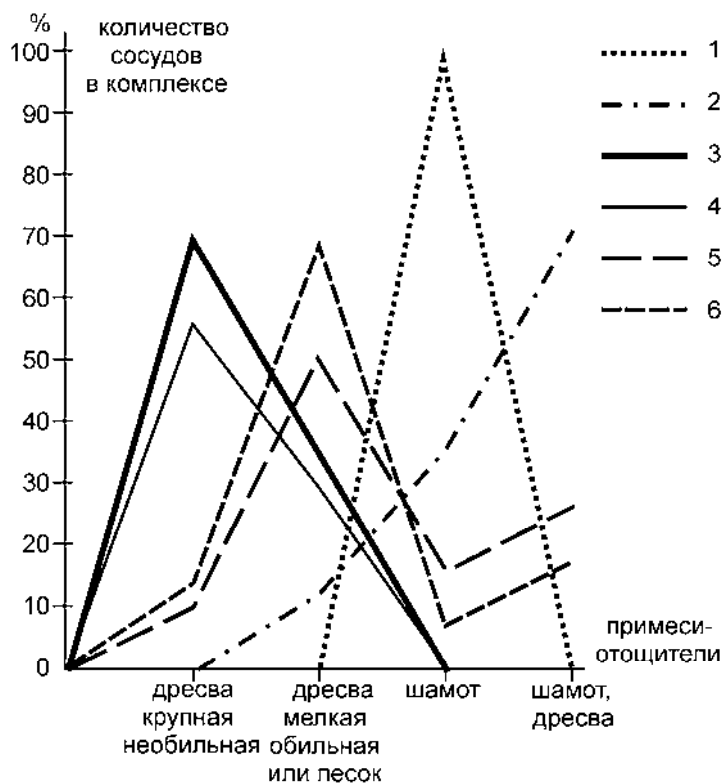

Рис. 83. Процентное соотношение примесей в тесте сосудов различных групп керамики:

I группа керамики: 1 — Прилуцкая, 2 — Эньты I, первый комплекс; II группа керамики: 1 — Ружникова, 2 — Явроньга I, второй комплекс; III группа керамики: 1 — Эньты I, второй комплекс; 2 — Вис II

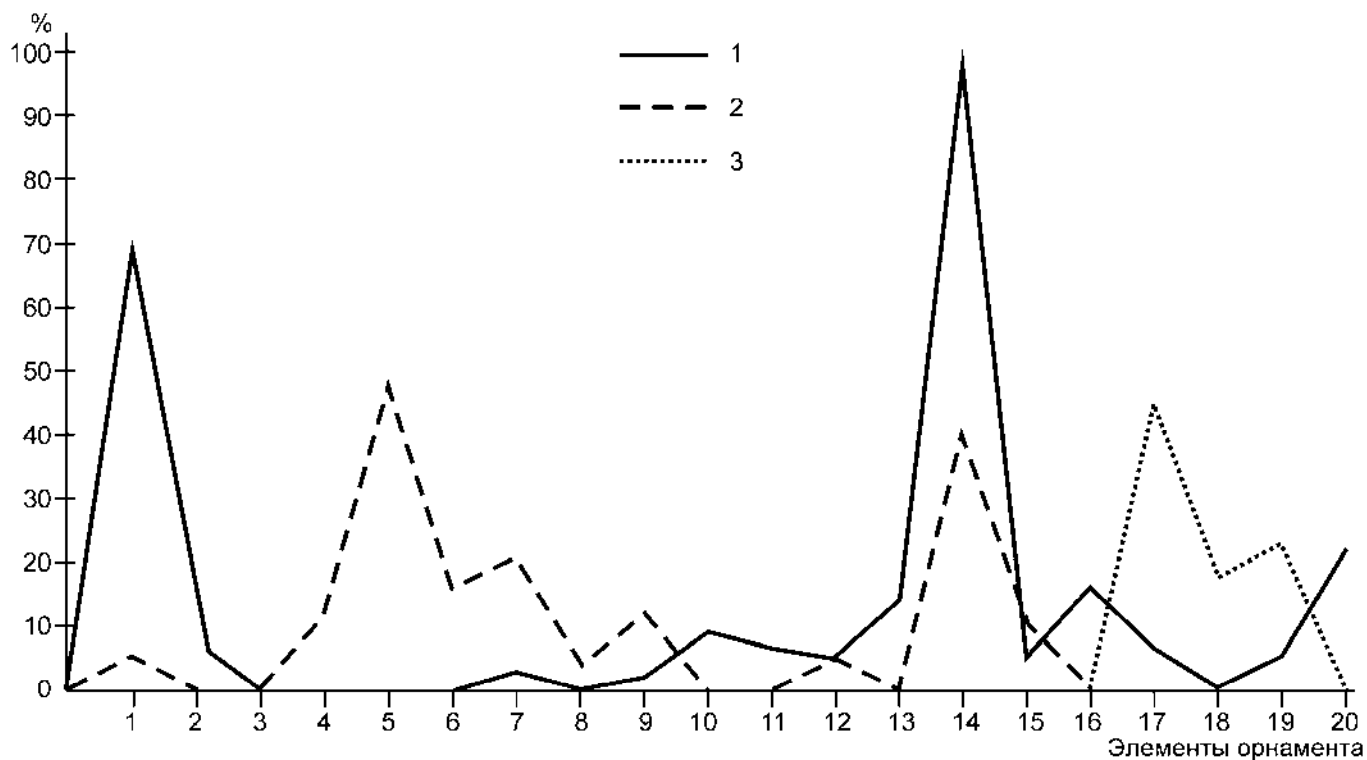

Рис. 84. Процентное соотношение элементов в орнаменте керамики различных групп:

1 — Ружникова (II группа керамики); 2 — Эньты I, второй комплекс (III группа керамики); 3 — Прилуцкая (I группа керамики)

Группы элементов	Гребенчатые и прочие, их имитирующие											Ямочные				Ямчато-накольчатые				
	Б											А				В				
Группы керамики	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
Типы орнаментации																				
Варпанты																				
БА	2																			
АБ	1																			
АБВ	2																			
Б	1																			
АБВ																				
АБ	1																			
А																				
БВ																				
В																				

Рис. 85. Степень встречаемости элементов в орнаменте различных групп керамики. Условные обозначения: 1 — характерные, часто встречающиеся; 2 — характерные, но реже встречающиеся; 3 — единичные

№ п/п	Элементы Мотивы	Элементы																		
1		-1	-2	-2	-2					-1	-2	-2	-2	-2	-2	-3				
2		-3					-1	-1		-1										
3					-2	-1		-2												
4		-2					-2													
5		-3			-2	-2	-1						-3							
6		-2	-2	-2			-2				-2	-2								
7								-3		-2		-3								
8								-3												
9							-3													
10					-3	-3														
11					-3	-3														
12												-1	-1	-1	-1	-2	-2	-2		
13															-2	-2	-2			
14		-1				-2				-3	-3	-3		-3	-2	-2	-3			
15													-3				-3			
16																-3	-2			
17		-1	-2				-2			-2	-2	-2	-2	-1						
18		-3				-1				-3	-3	-3	-1							
19		-1				-2				-3	-3	-3	-1							
20					-2	-1	-2						-3							
21						-2														
22		-1				-3							-2							
23	Валик																По валику	-3	-3	-3

Рис. 86. Степень встречаемости мотивов орнамента с учетом составляющих элементов
 Условные обозначения: 1 — характерные, часто встречающиеся; 2 — характерные, но реже встречающиеся; 3 — единичные

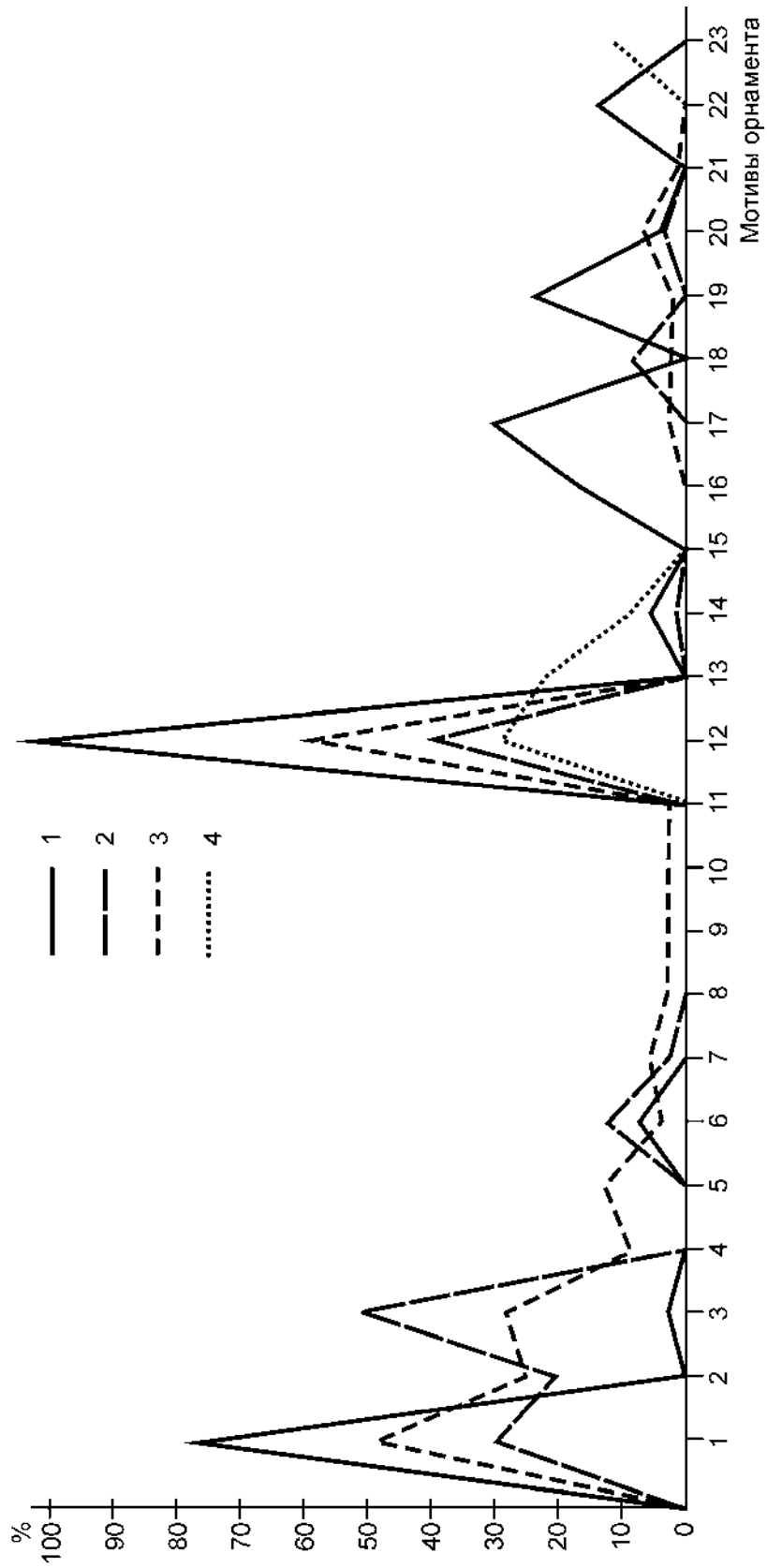

Рис. 87. Степень встречаемости орнаментальных мотивов в керамике опорных памятников:
1 — Ружникова; 2 — Эньлы I, первый комплекс; 3 — Явронецга; 4 — Прилукская

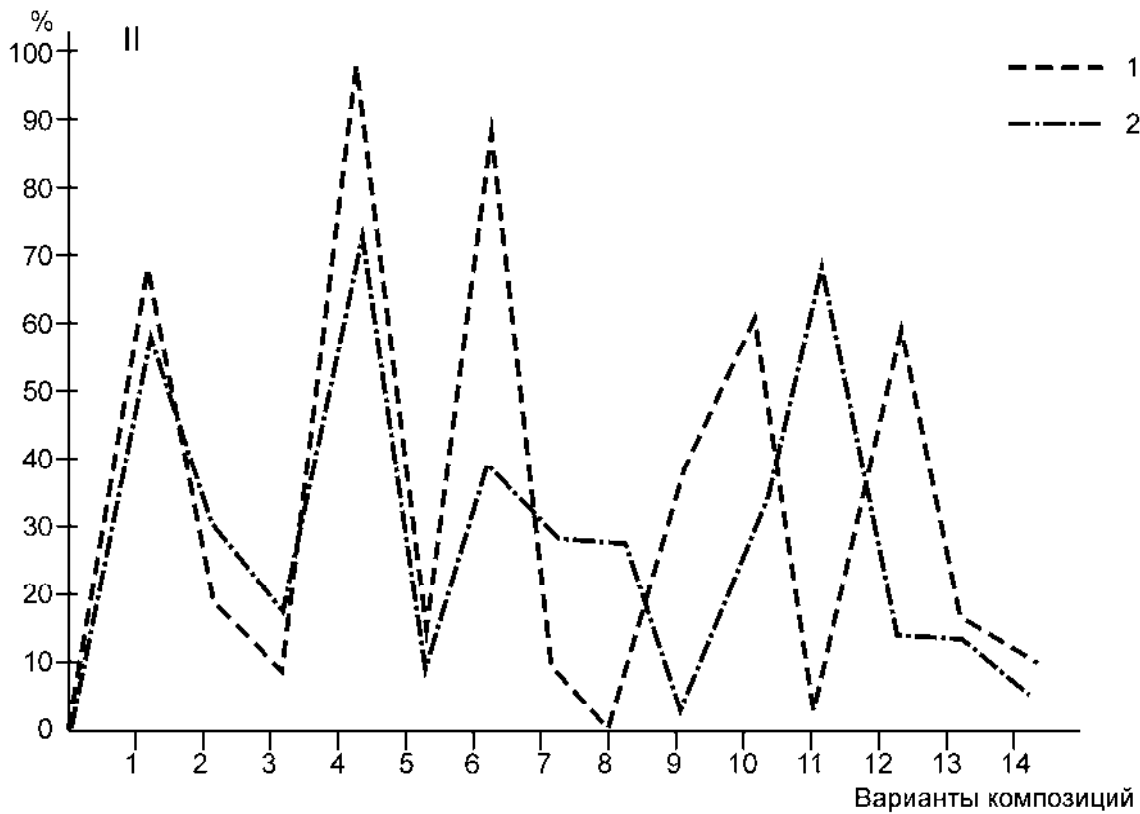
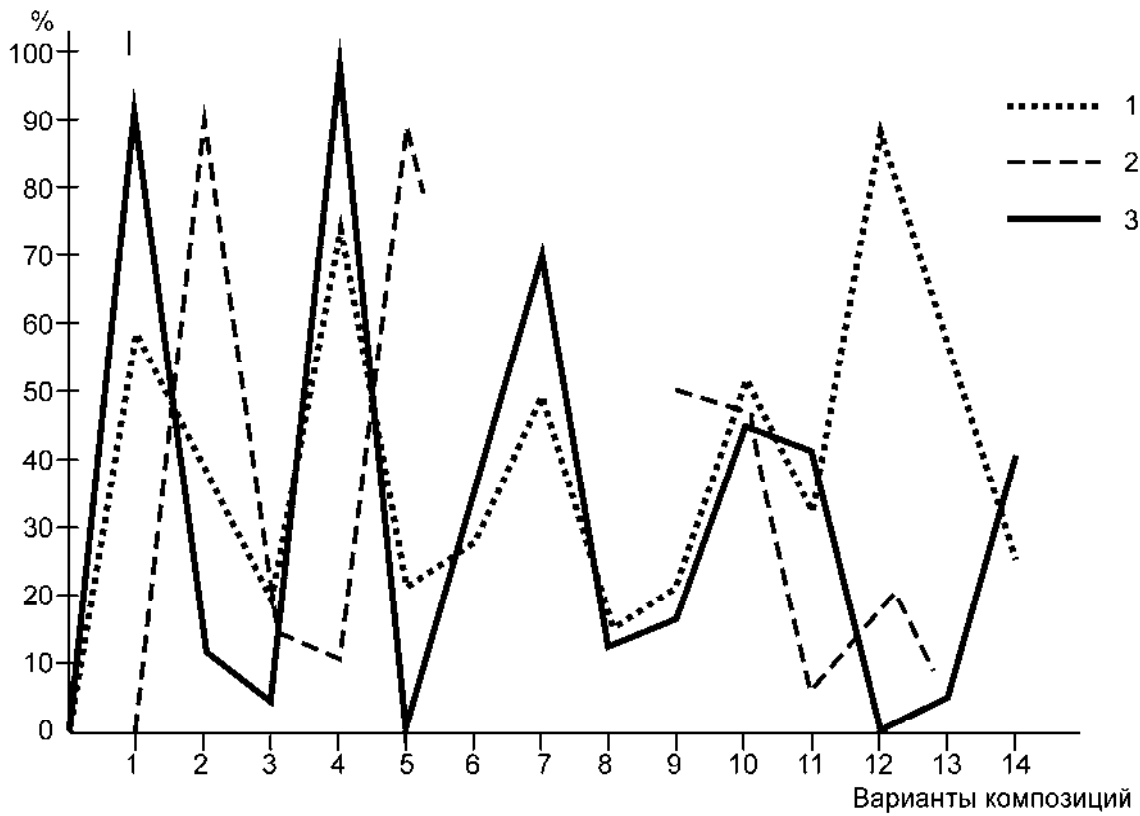

Рис. 89. Процентное соотношение композиционных особенностей в орнаменте керамики различных групп на опорных памятниках (описание признаков — в тексте работы):

1 — Ружникова; 2 — Эньты I, первый комплекс; 3 — Прилуцкая; 4 — Эньты I, второй комплекс; 5 — Вис II

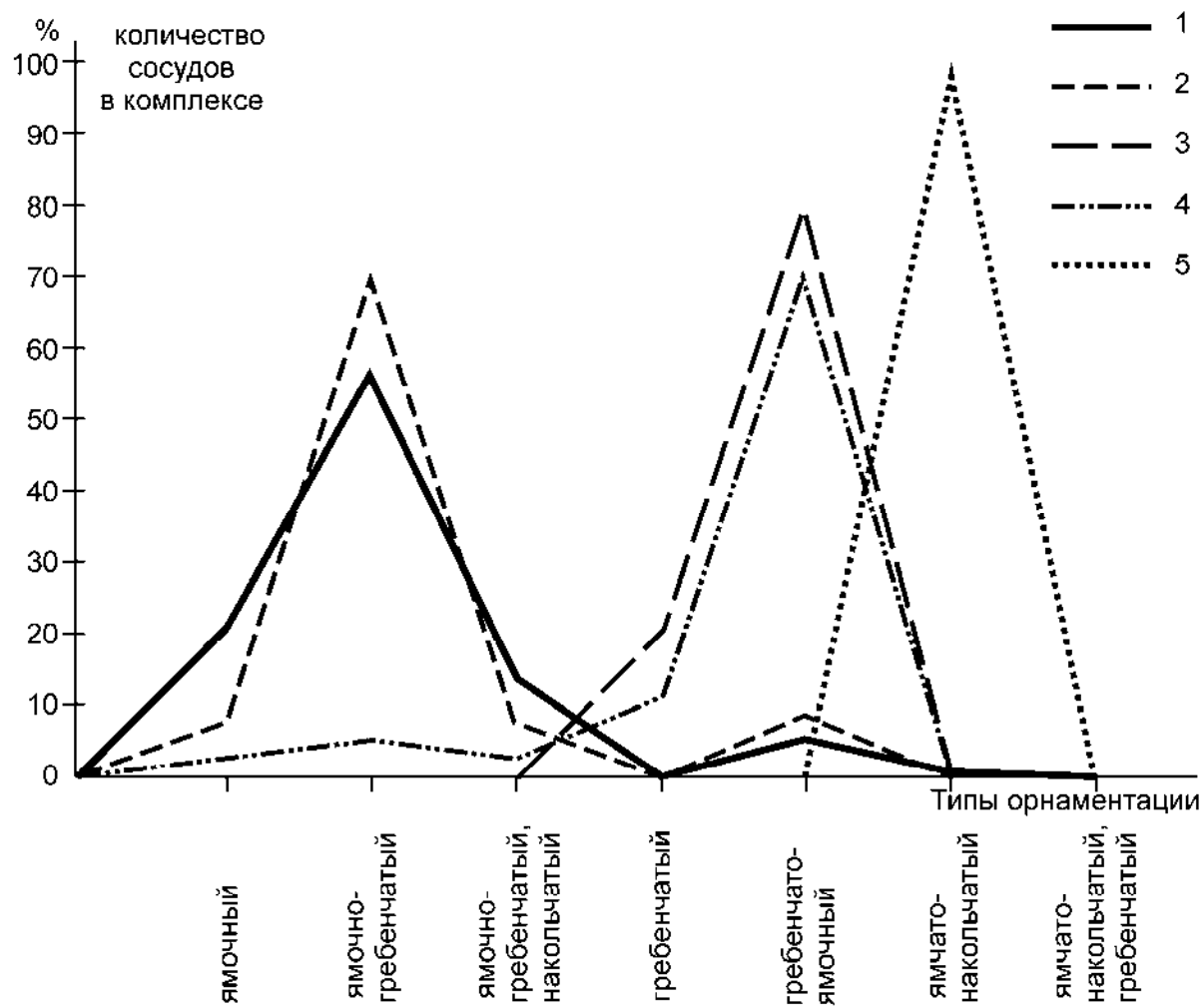

Рис. 90. Степень встречаемости различных типов орнаментации на посуде опорных памятников:
 1 — Ружникова, 2 — Явроньга I, второй комплекс (II группа керамики); 3 — Эньты I, второй комплекс; 4 — Вис II (III группа керамики);
 5 — Прилукская (I группа керамики)

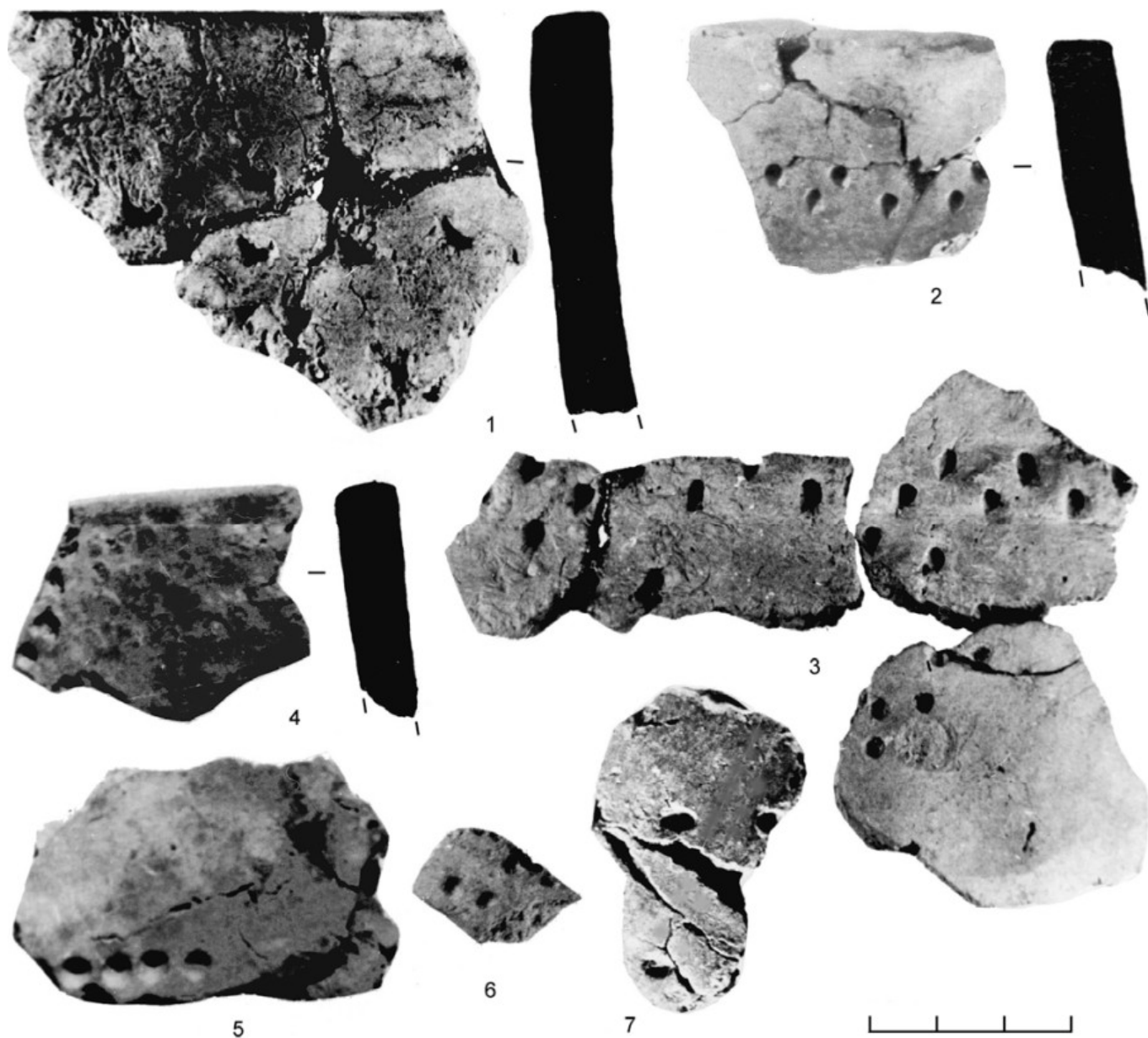

Рис. 91. Керамика с ямчатым и ямчато-валиковым орнаментом: 1—3 — Прилукская; 4, 5 — Черноборская III; 6, 7 — Вонгода I

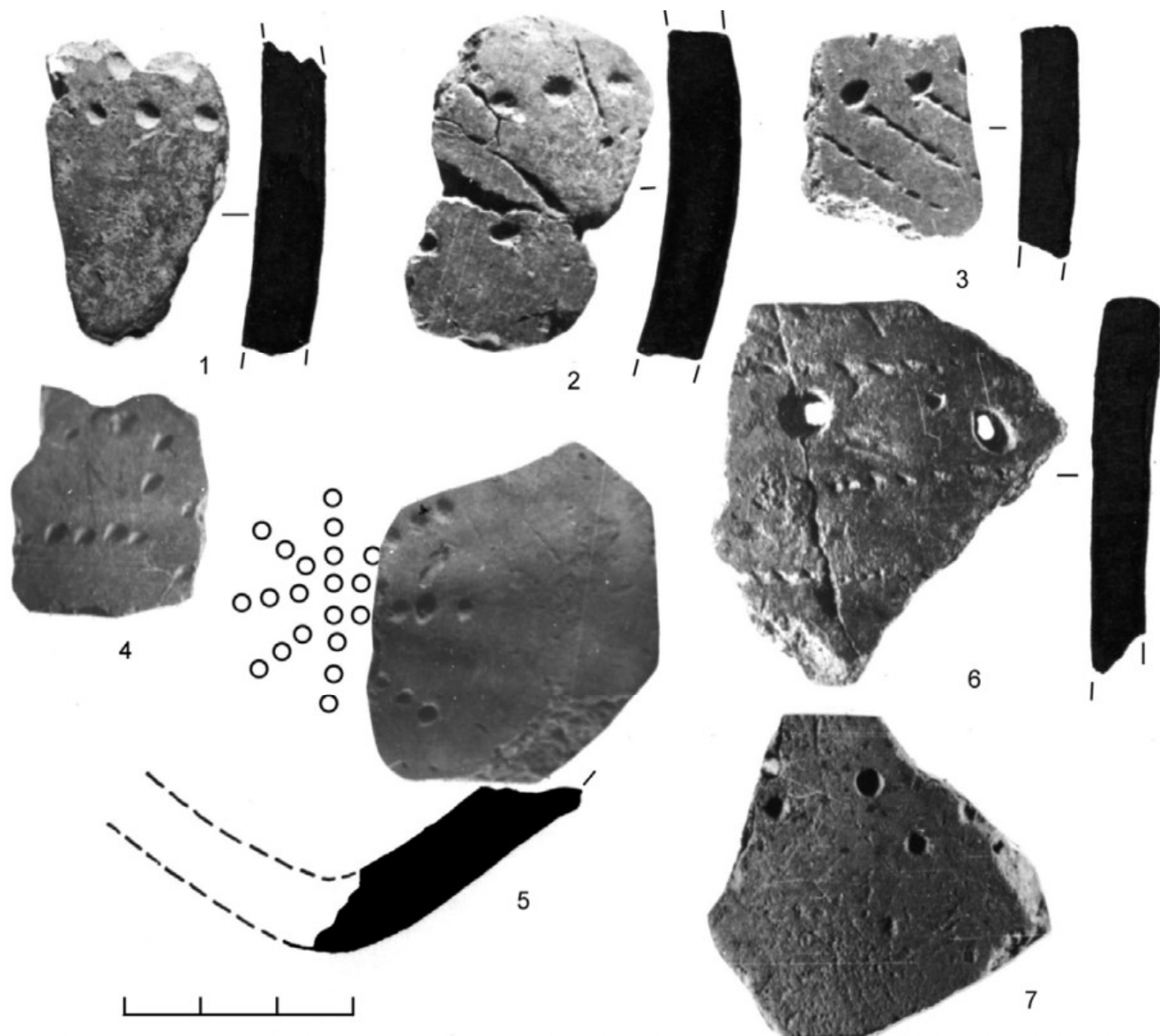

Рис. 92. Явроньга I

1, 2, 4-7 — ямчатая керамика; 3 — гребенчато-ямчатая

Рис. 93. Вис I. Ямчатая и ямчато-валиковая керамика

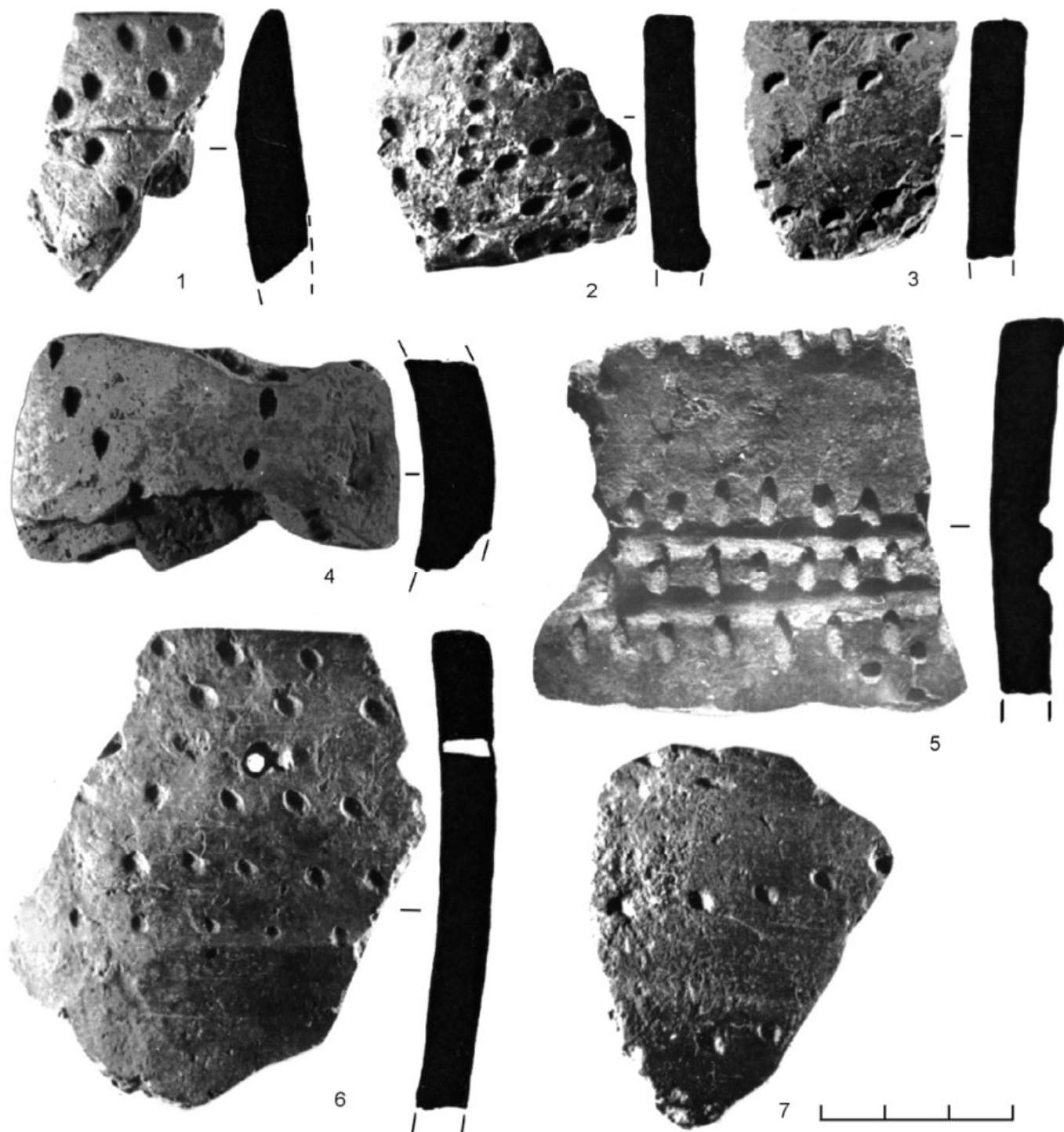

Рис. 94. Вис II. Ямчатая и ямчато-валиковая керамика

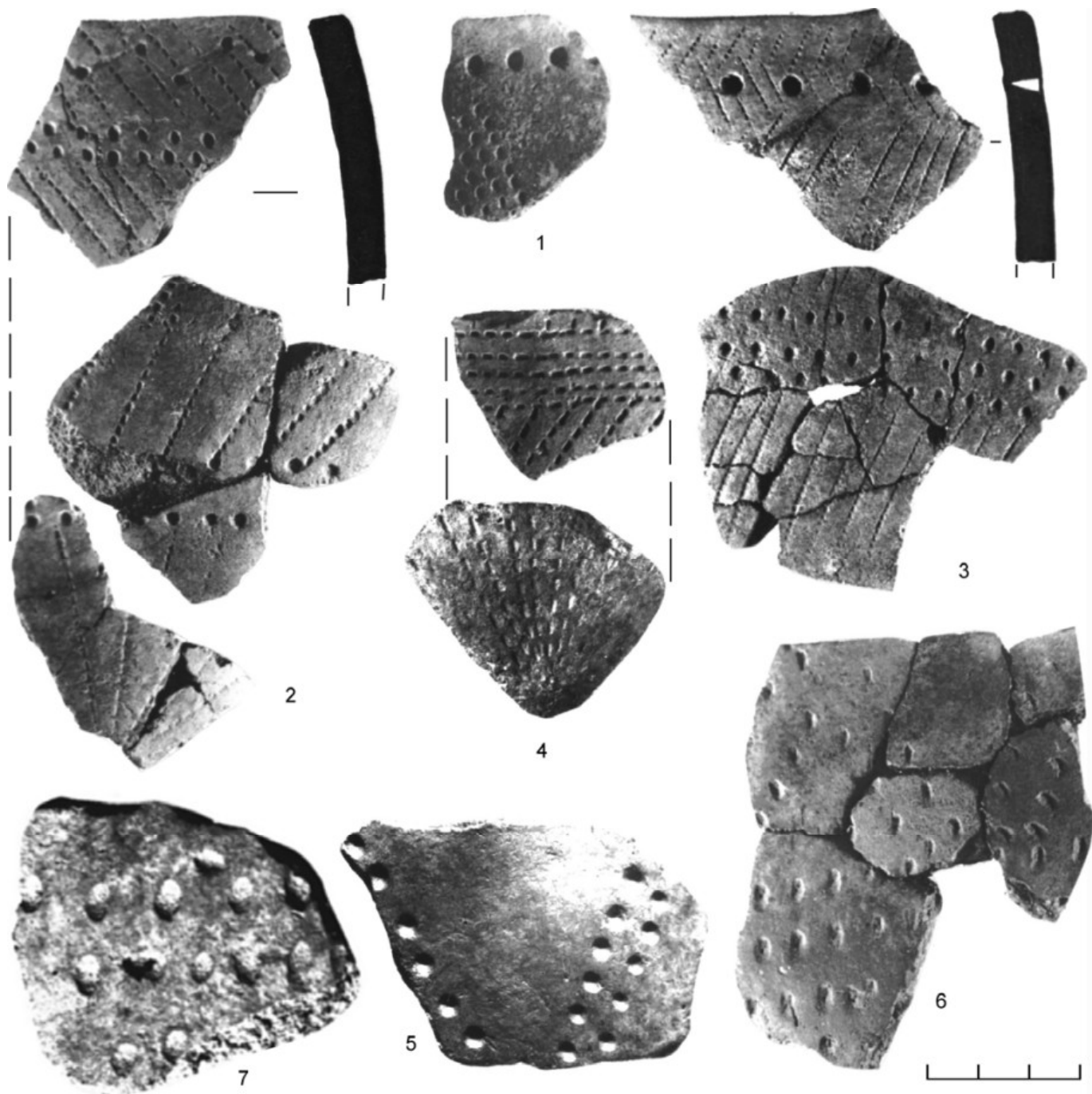

Рис. 95. Эньты I (первый комплекс). Ямчатая и гребенчато-ямчатая керамика

Рис. 96. Эньты I (первый комплекс). Гребенчато-ямчатая керамика

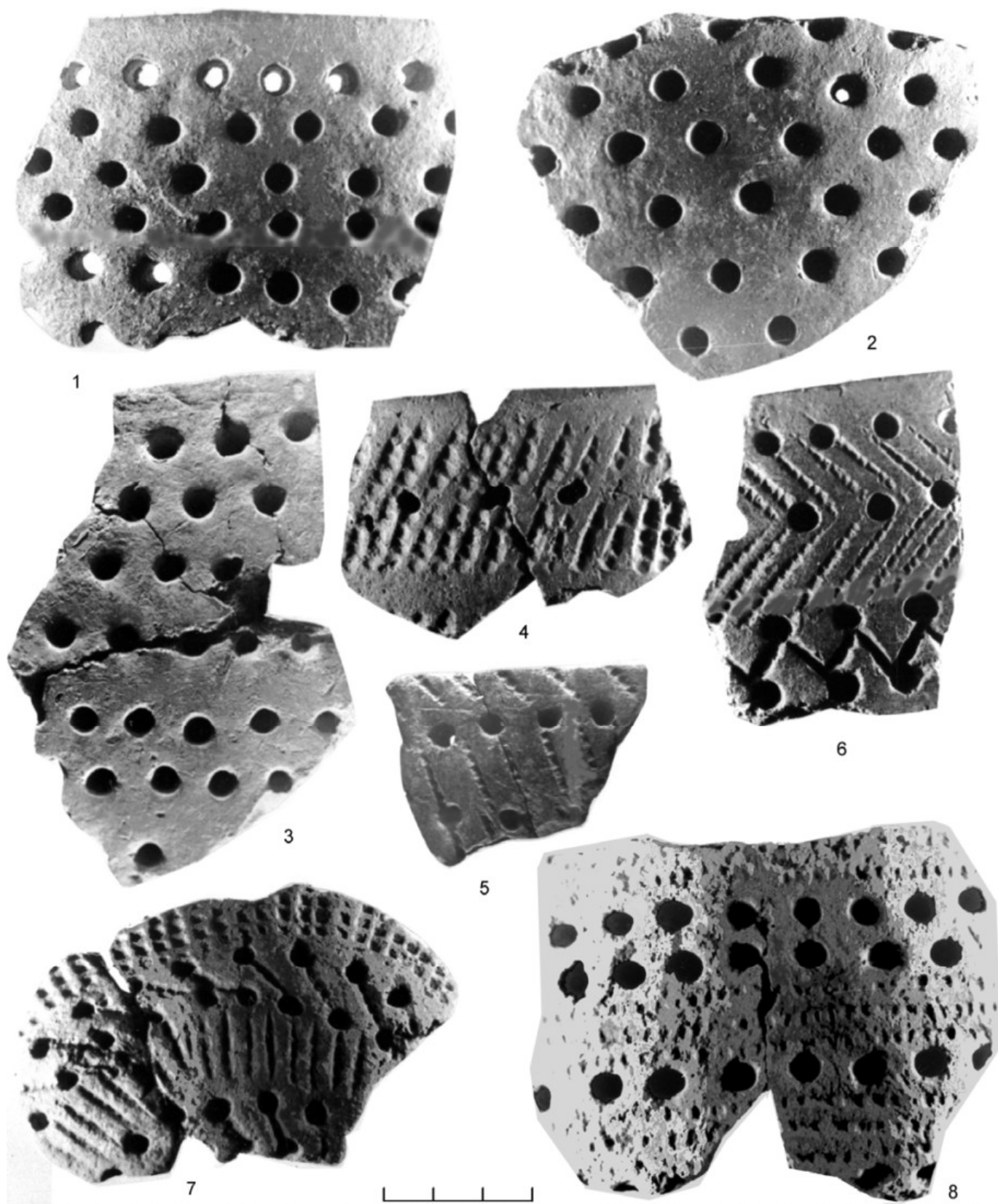

Рис. 97. Ружникова. Керамика с ямочным и ямочно-гребенчатым орнаментом

Рис. 98. Ружникова. Керамика с ямочно-гребенчатым орнаментом

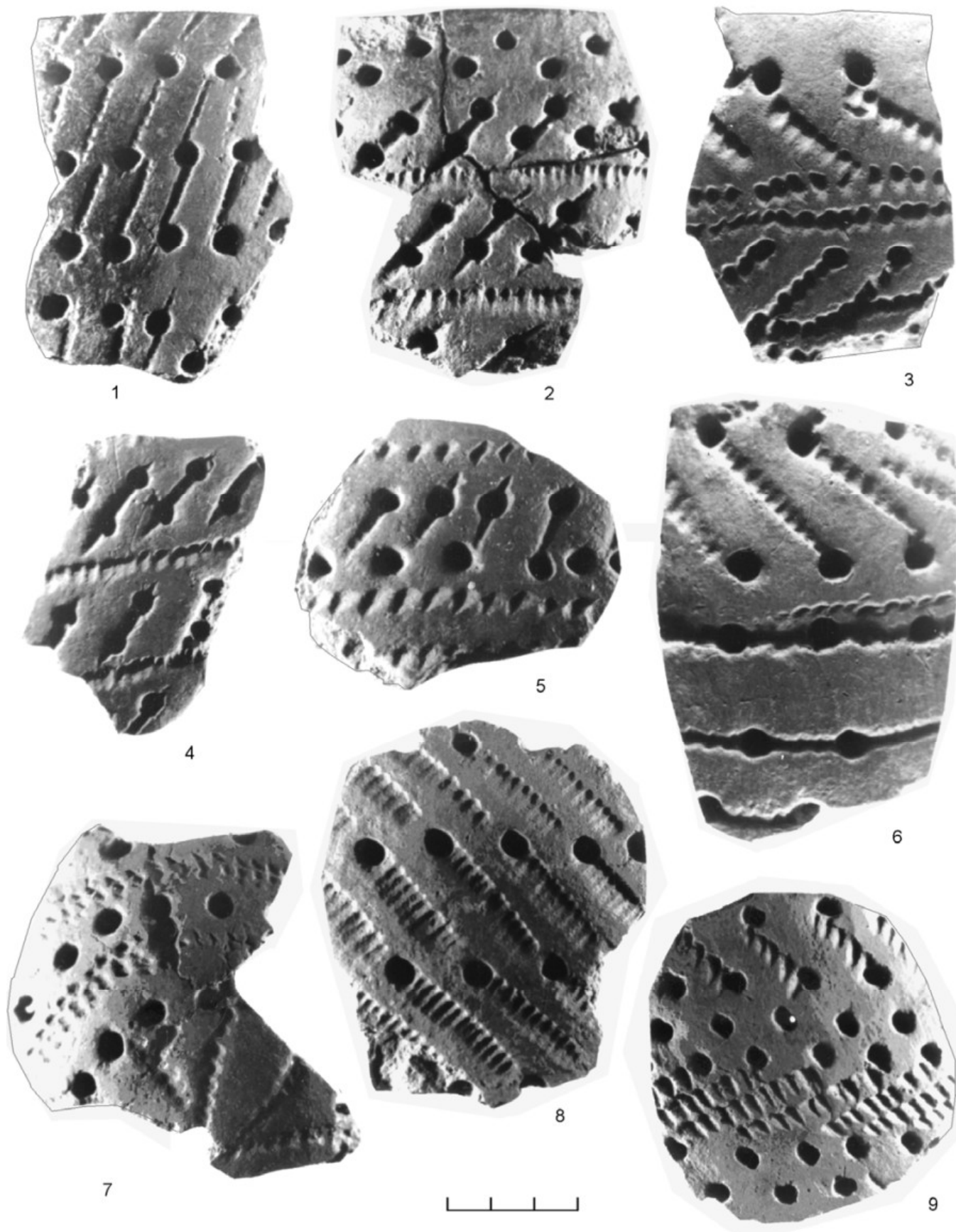

Рис. 99. Ружникова. Керамика с ямочно-гребенчатым орнаментом

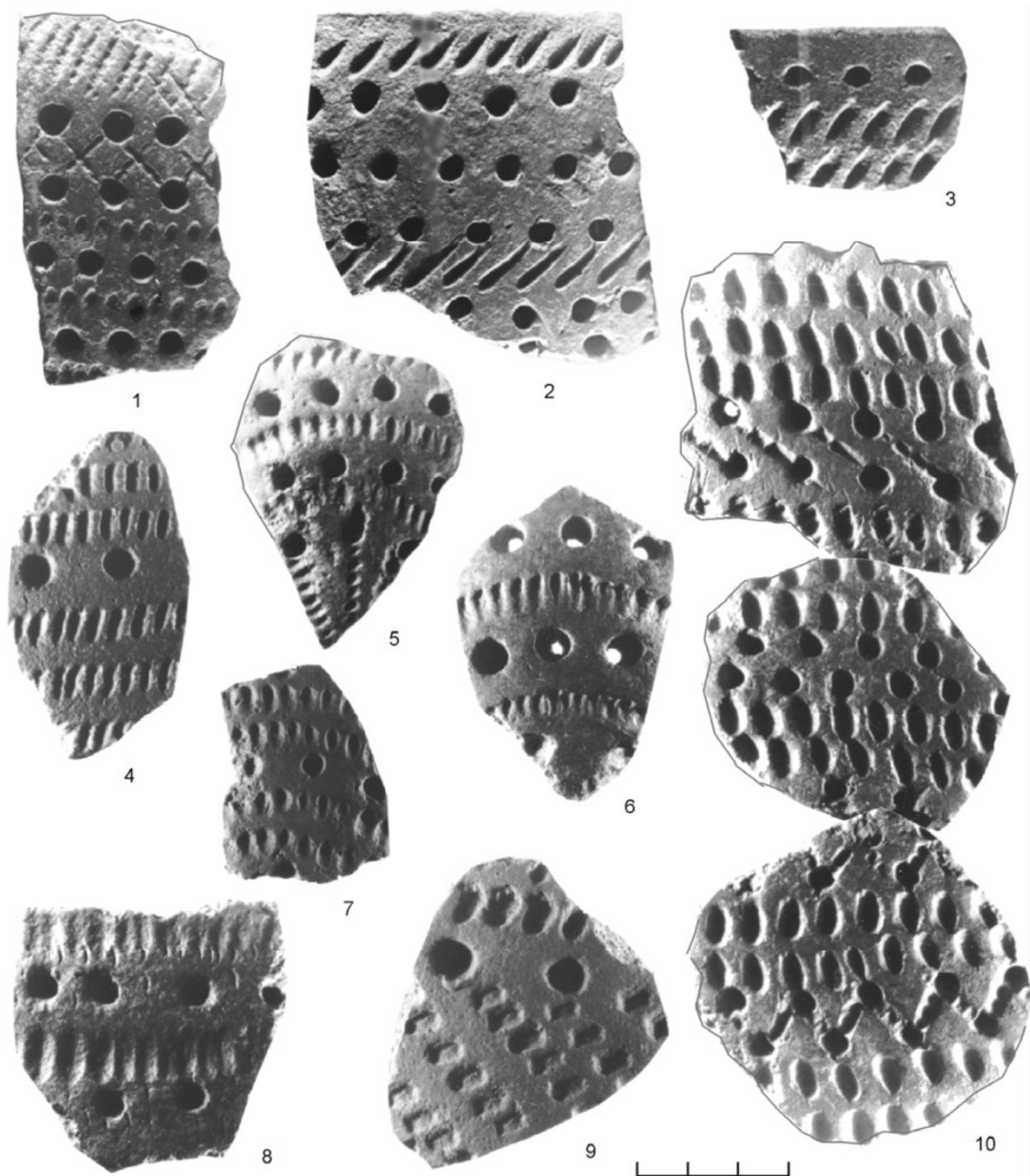

Рис. 100. Ружникова. Керамика с ямочно-гребенчатым орнаментом

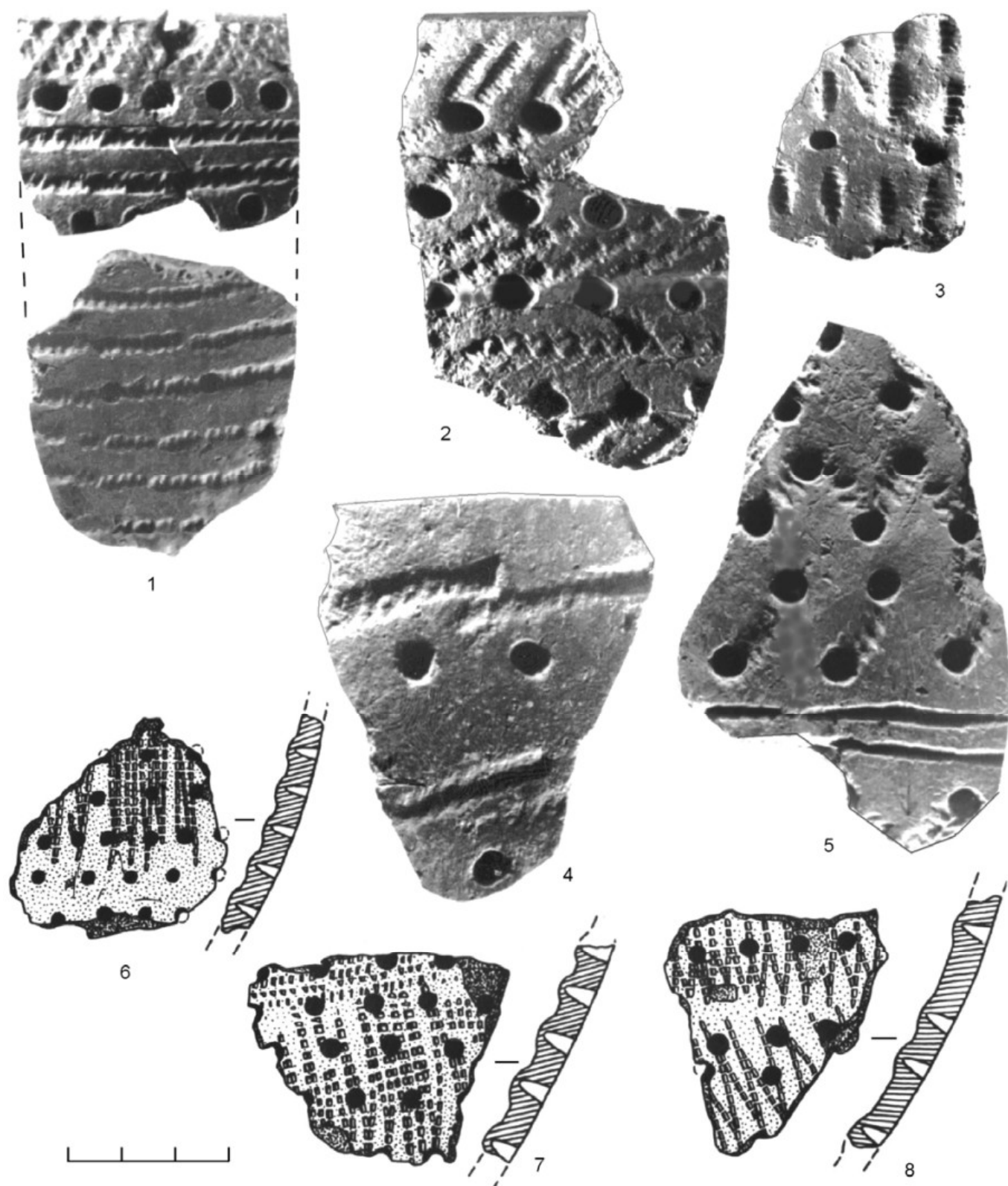

Рис. 101. Ружникова. Керамика с гребенчато-ямочным орнаментом

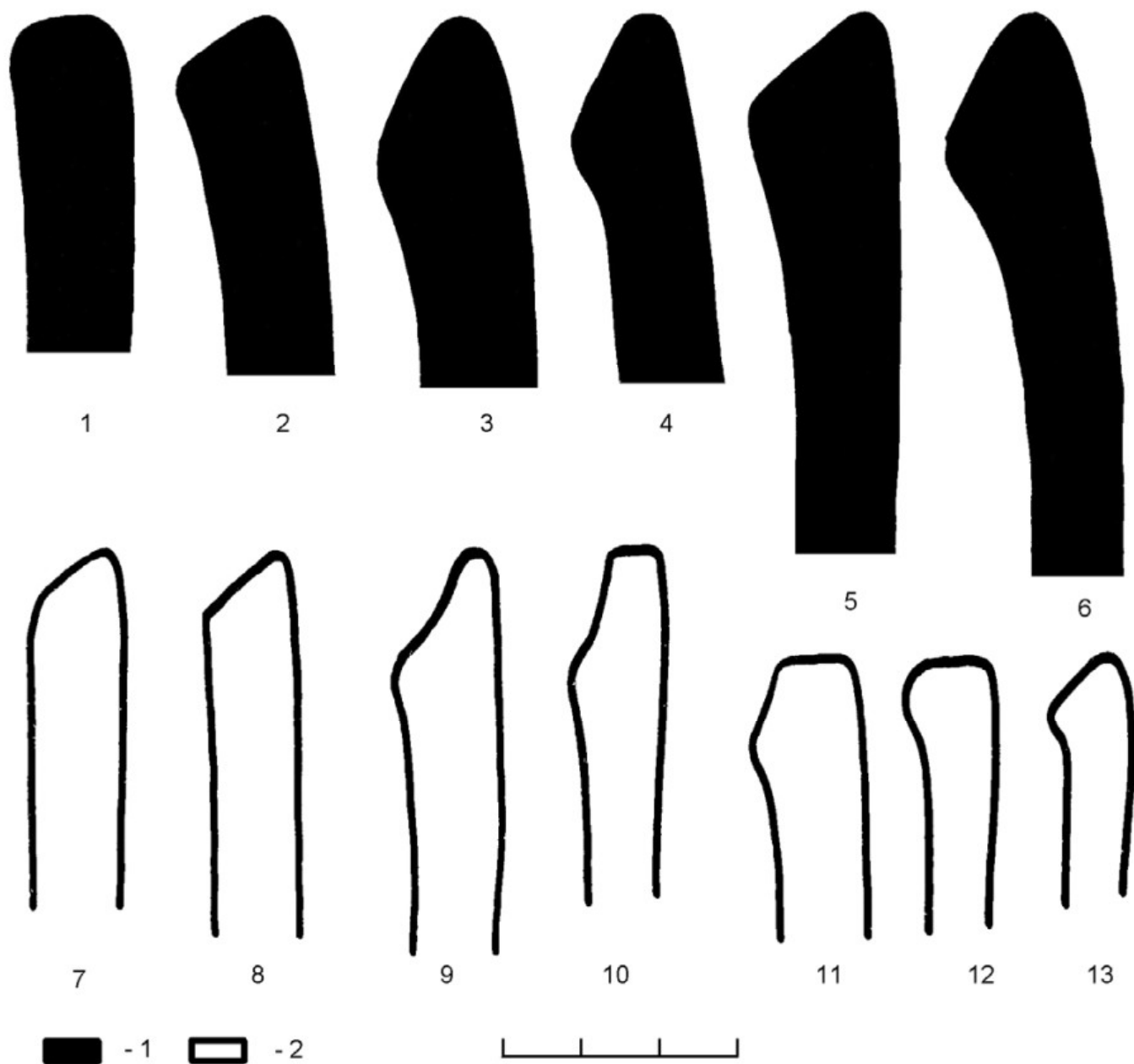

Рис. 102. Ружникова. Разновидности венчиков:

1 — характерные и преобладающие (1—6); 2 — единичные (7—13)

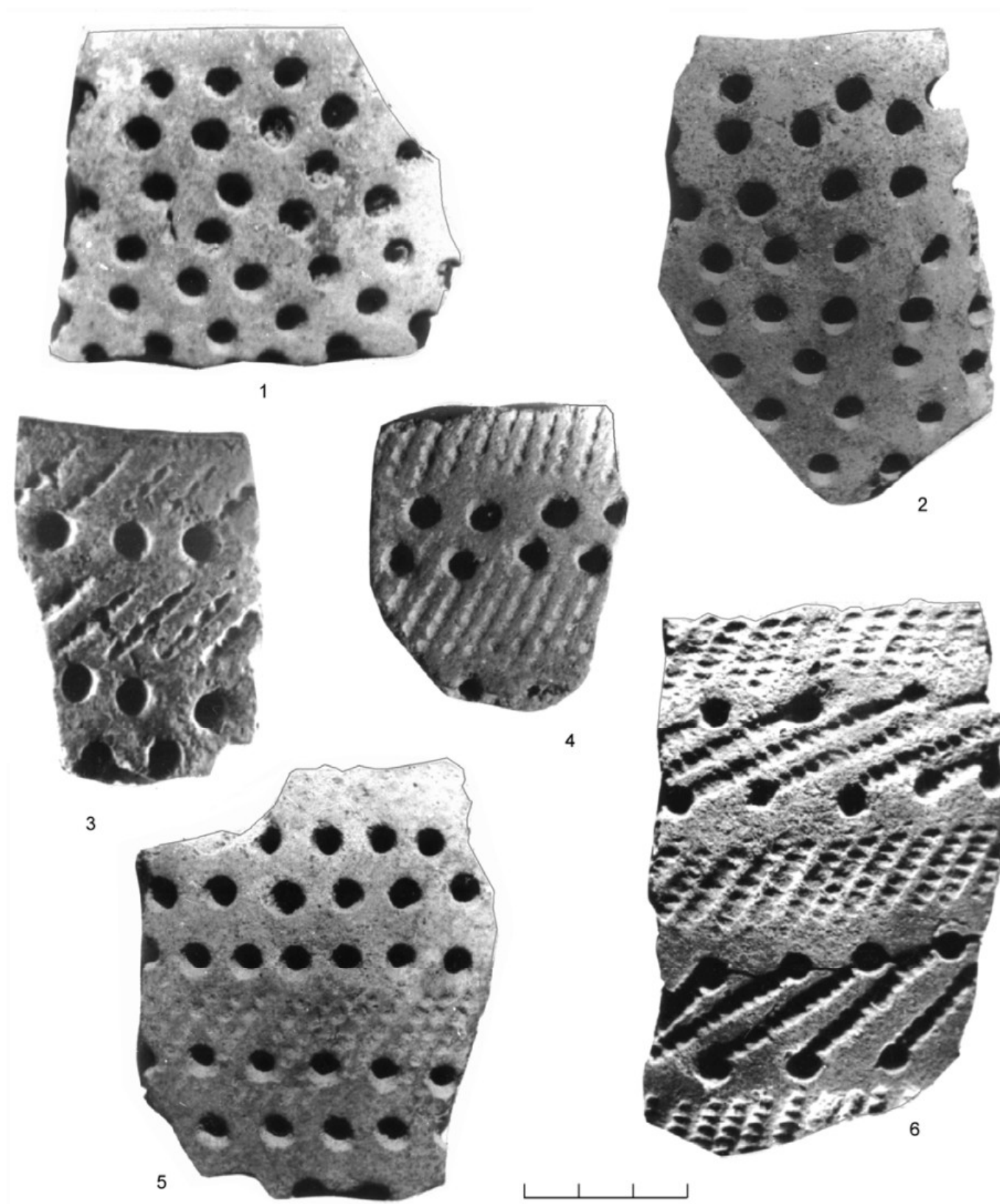

Рис. 103. Вис I (пойменный комплекс). Керамика с ямочным и ямочно-гребенчатым орнаментом

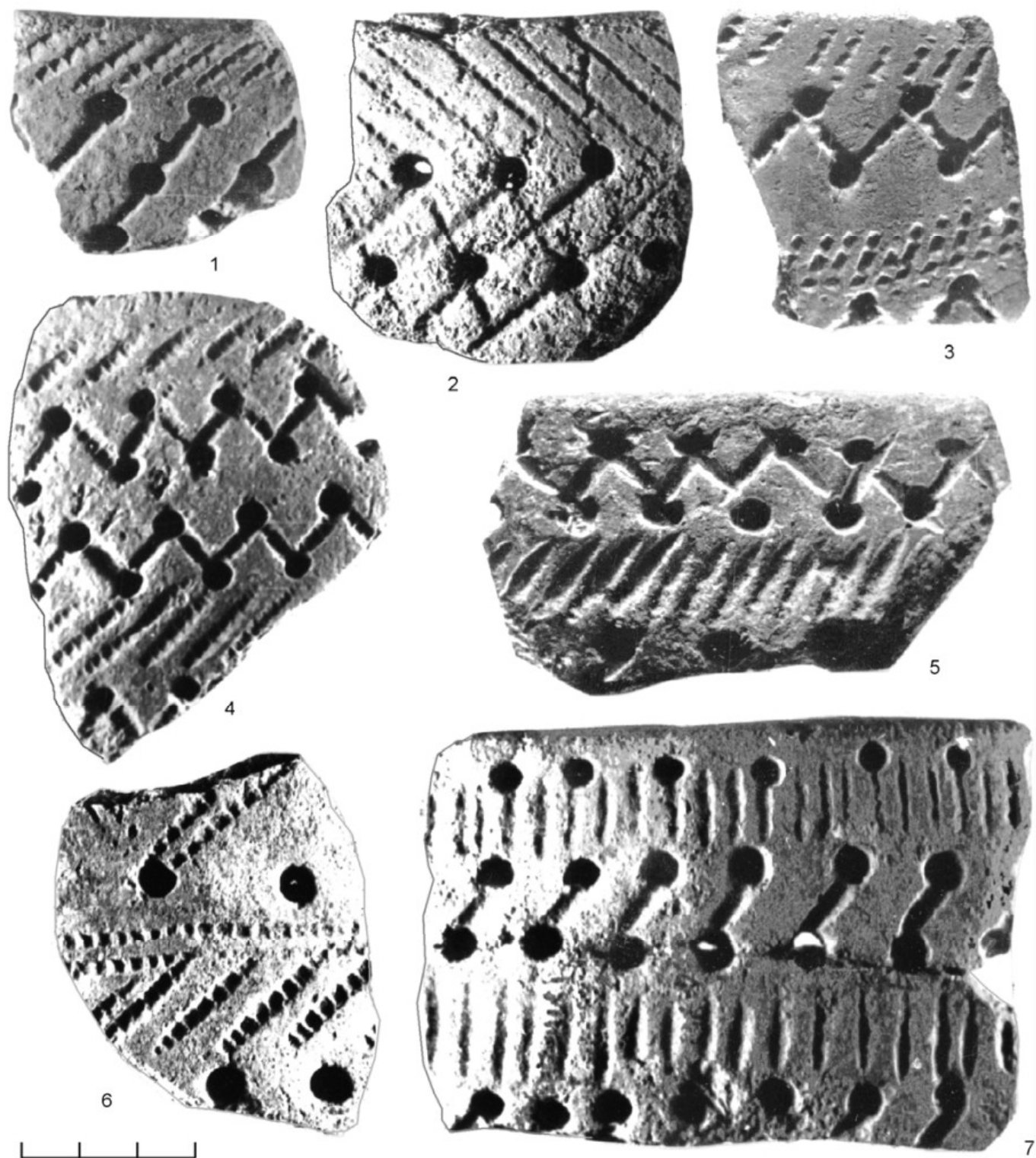

Рис. 104. Вис I (пойменный комплекс). Керамика с ямочно-гребенчатым орнаментом

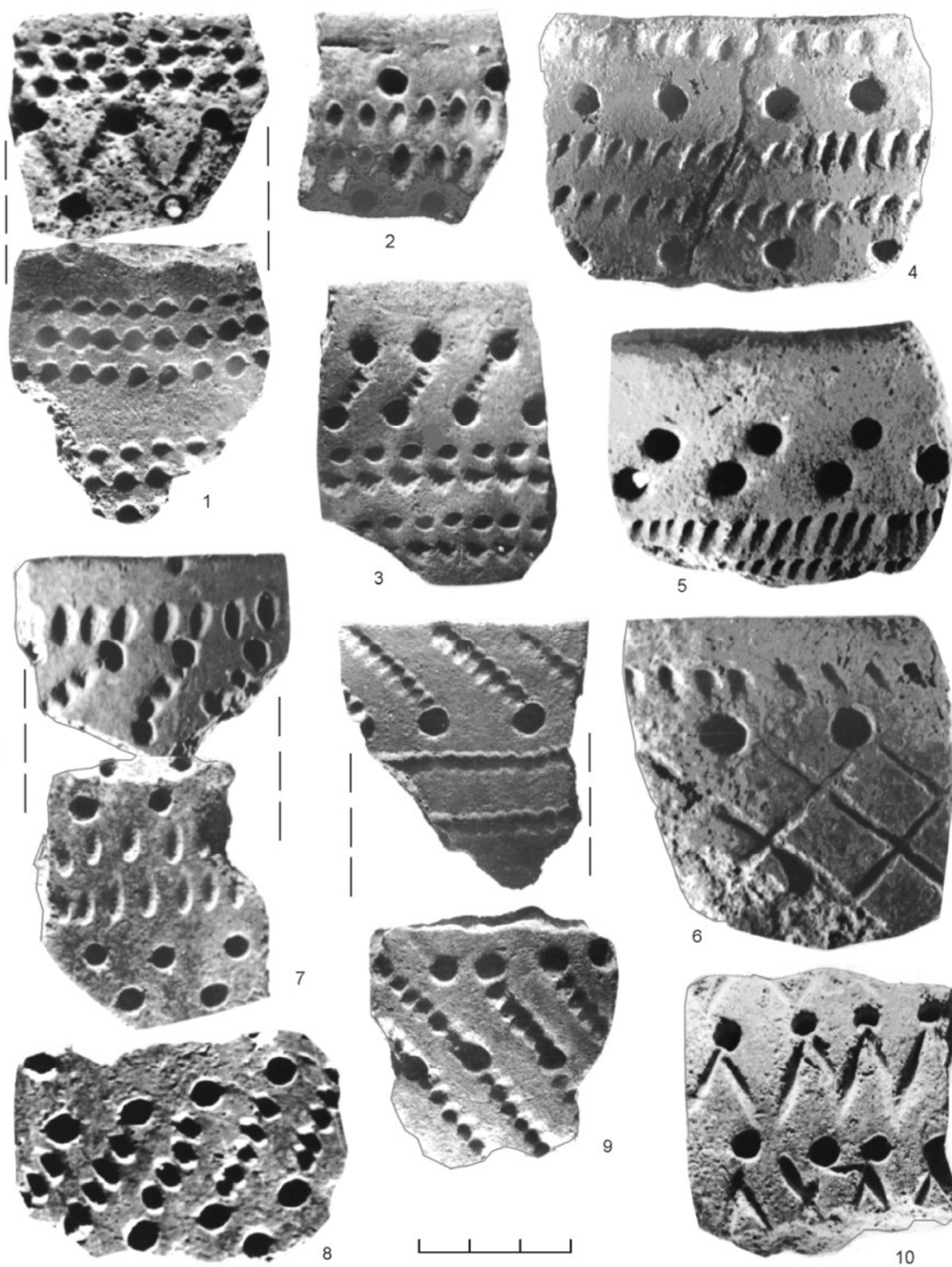

Рис. 105. Вис I (пойменный комплекс). Керамика с ячно-гребенчатыми и имитирующими их мотивами

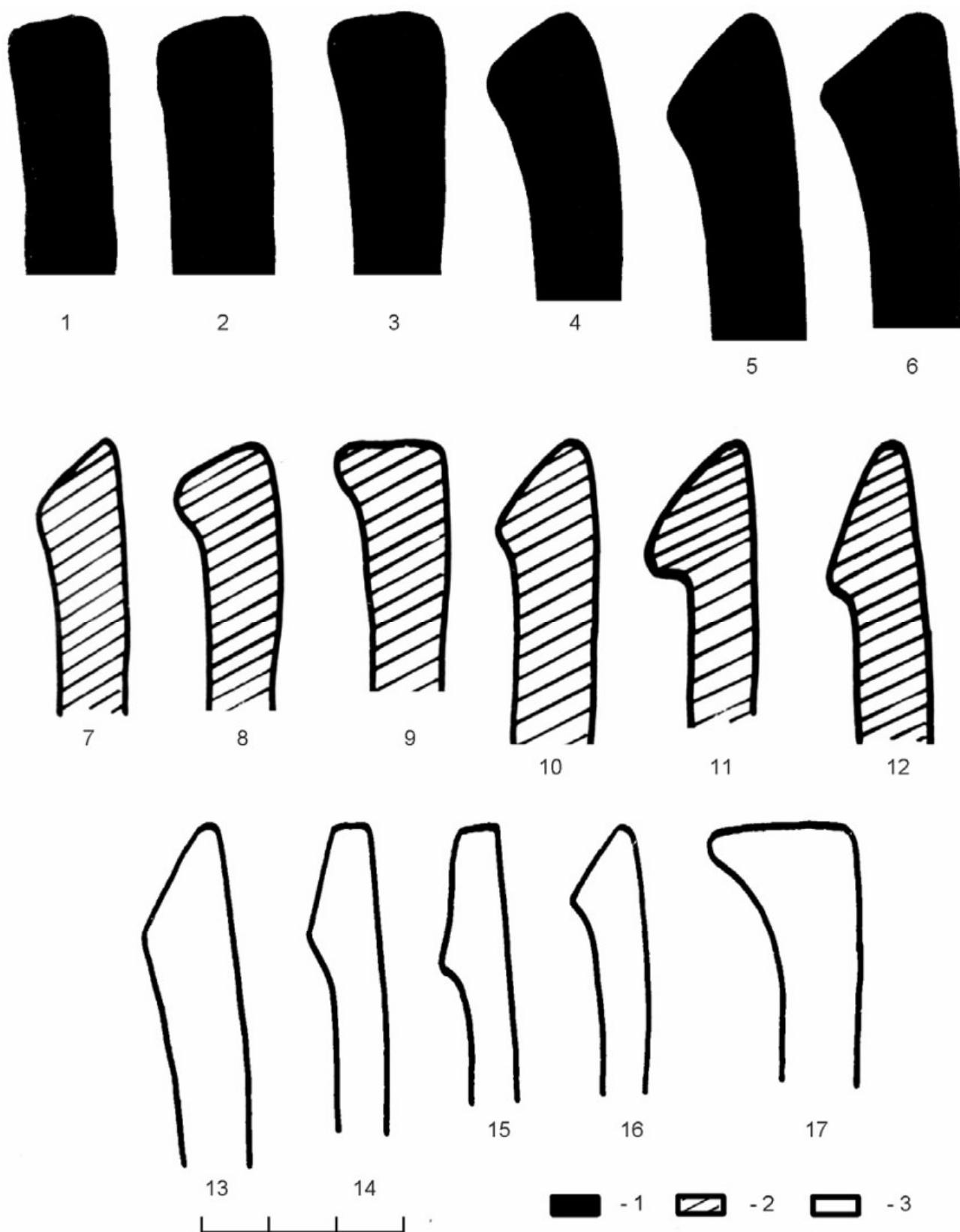

Рис. 106. Вис I (пойменный комплекс). Венчики сосудов с ямочно-гребенчатым орнаментом: 1 — характерные и преобладающие (1—6); 2 — характерные, но реже встречающиеся (7—12); 3 — единичные (13—17)

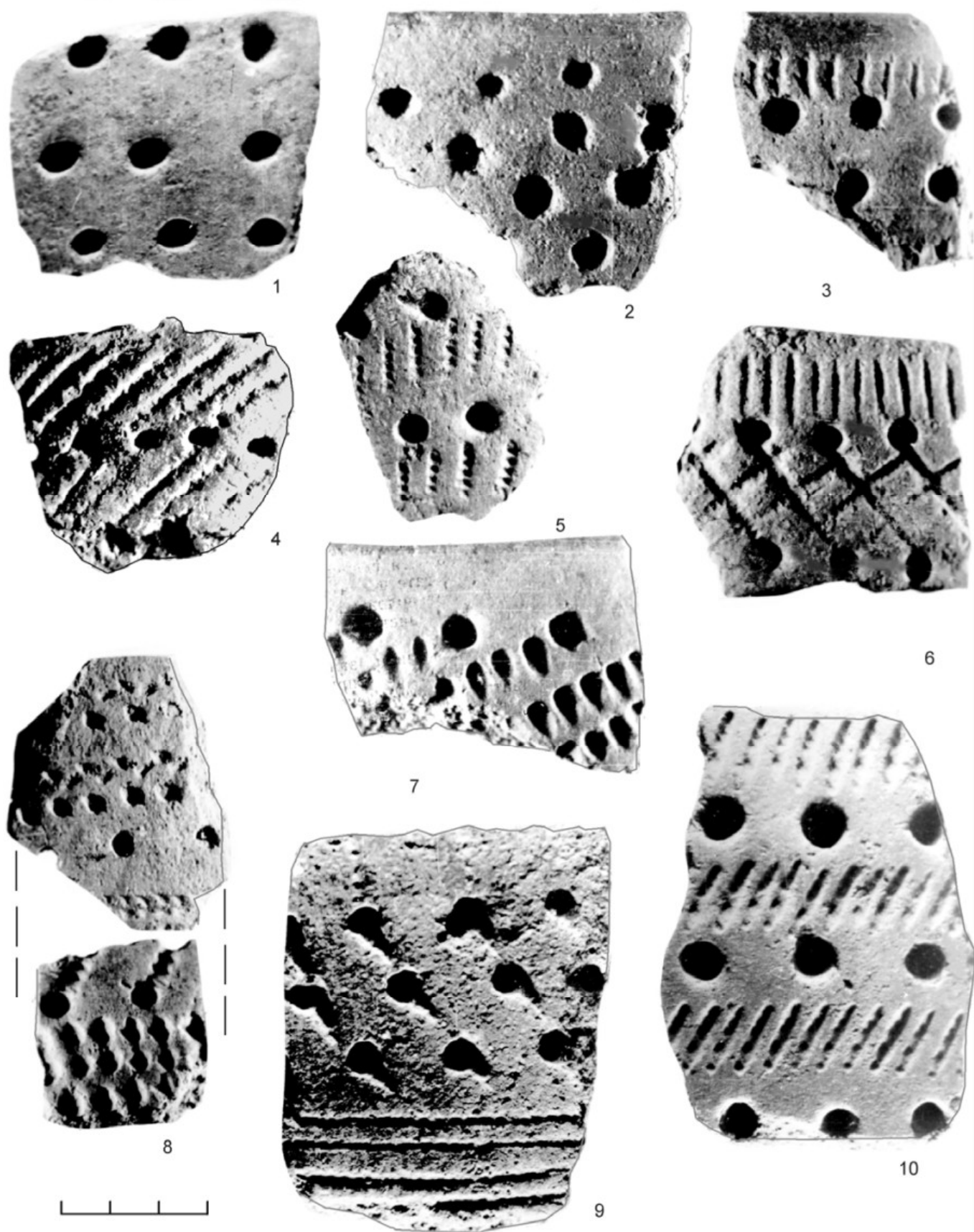

Рис. 107. Вис III. Ямочно-гребенчатая керамика

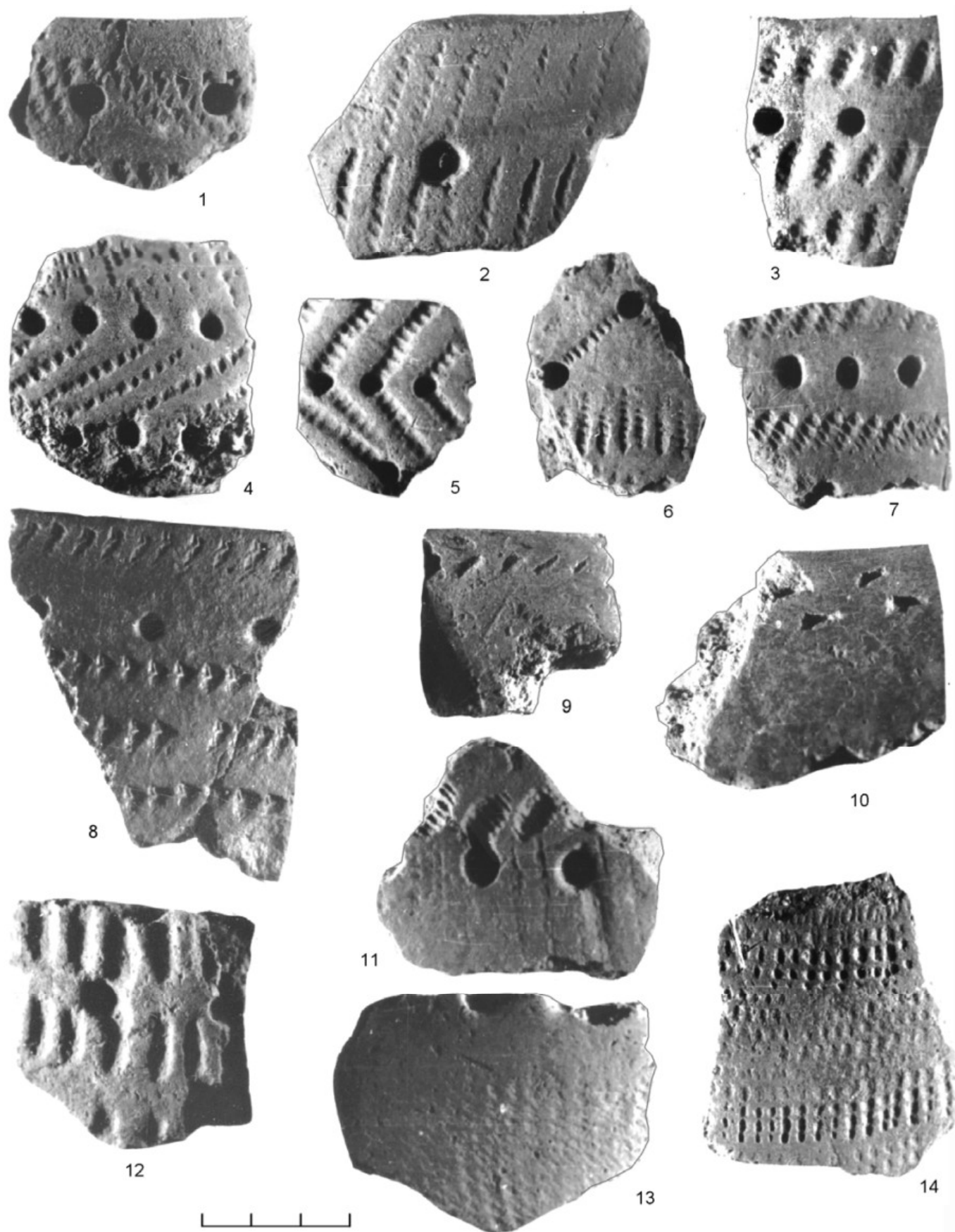

Рис. 108. Вис III:

9, 10, 14 — гребенчатая керамика (вариант I); 1—8, 11—13 — гребенчато-ямочная керамика

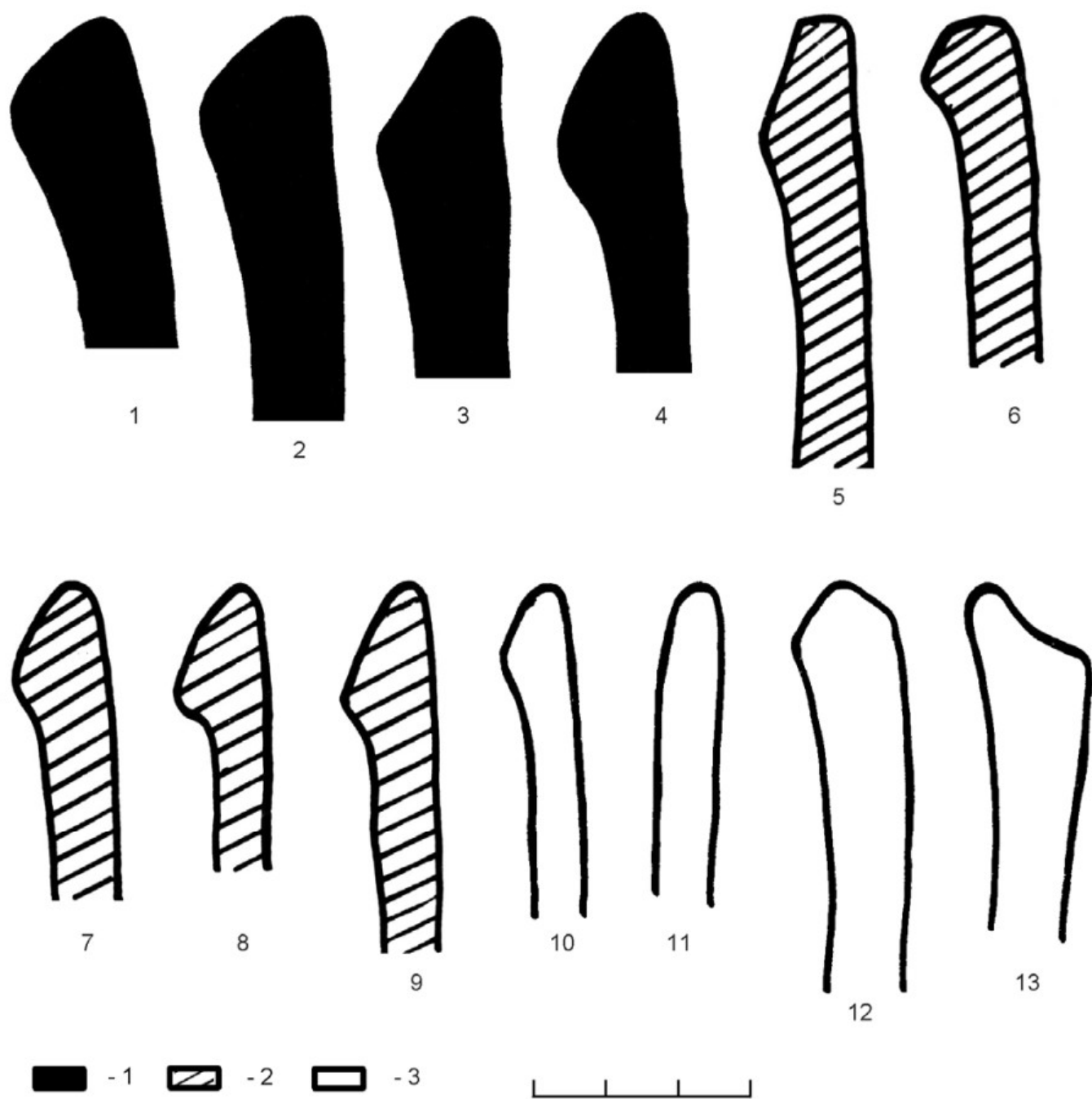

Рис. 109. Вис III. Венчики сосудов:

1 — преобладающие (1—4); 2 — реже встречающиеся (5—9); 3 — единичные (10—13)

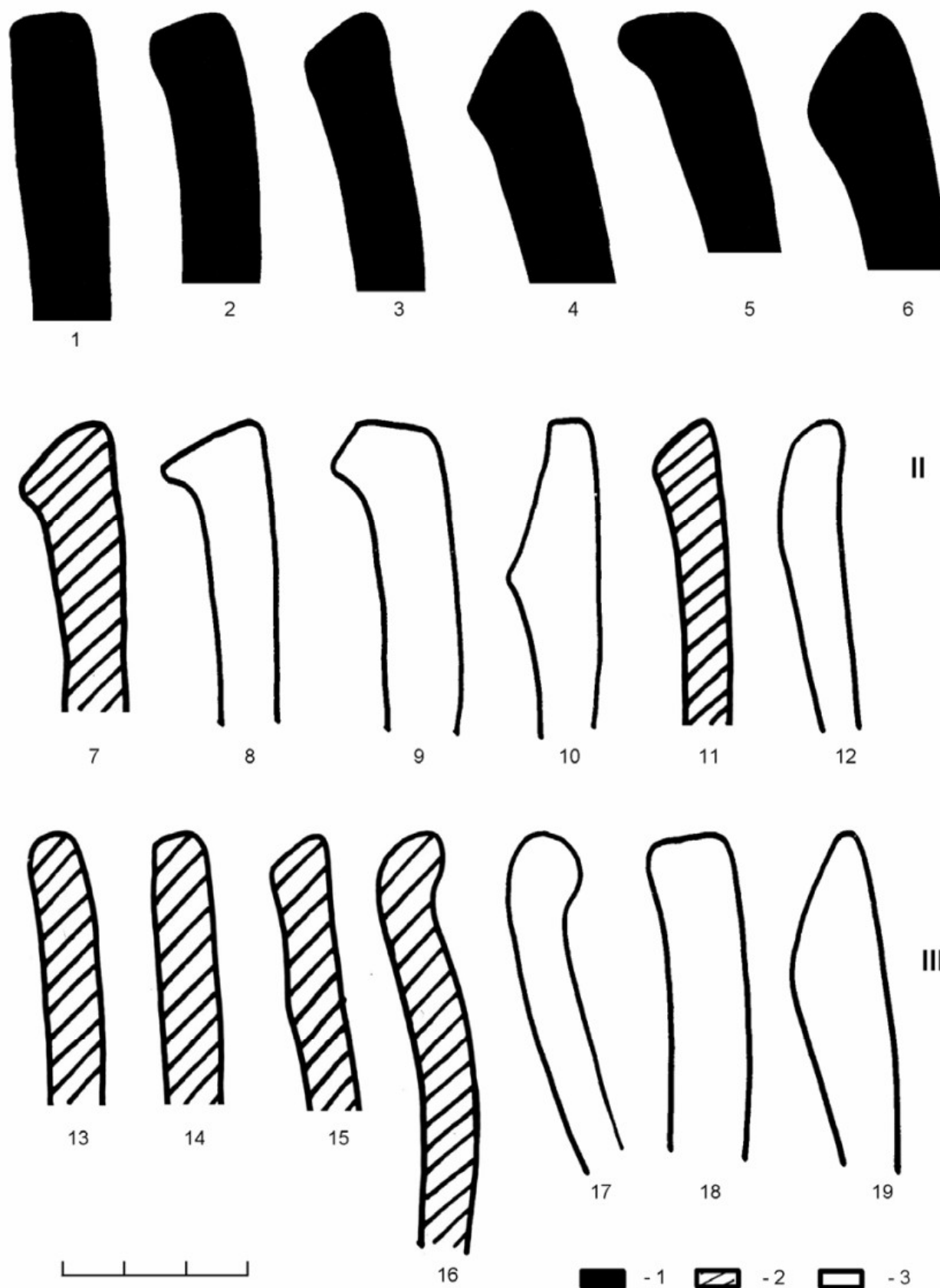

Рис. 110. Явроньга I. Венчики ямочно-гребенчатой керамики (II группа):

1 — преобладающие (1—6); 2 — реже встречающиеся (7, 11); 3 — единичные (8—10, 12)

Венчики гребенчато-ямочной керамики (III группа):

2 — реже встречающиеся (13—16); 3 — единичные (17—19)

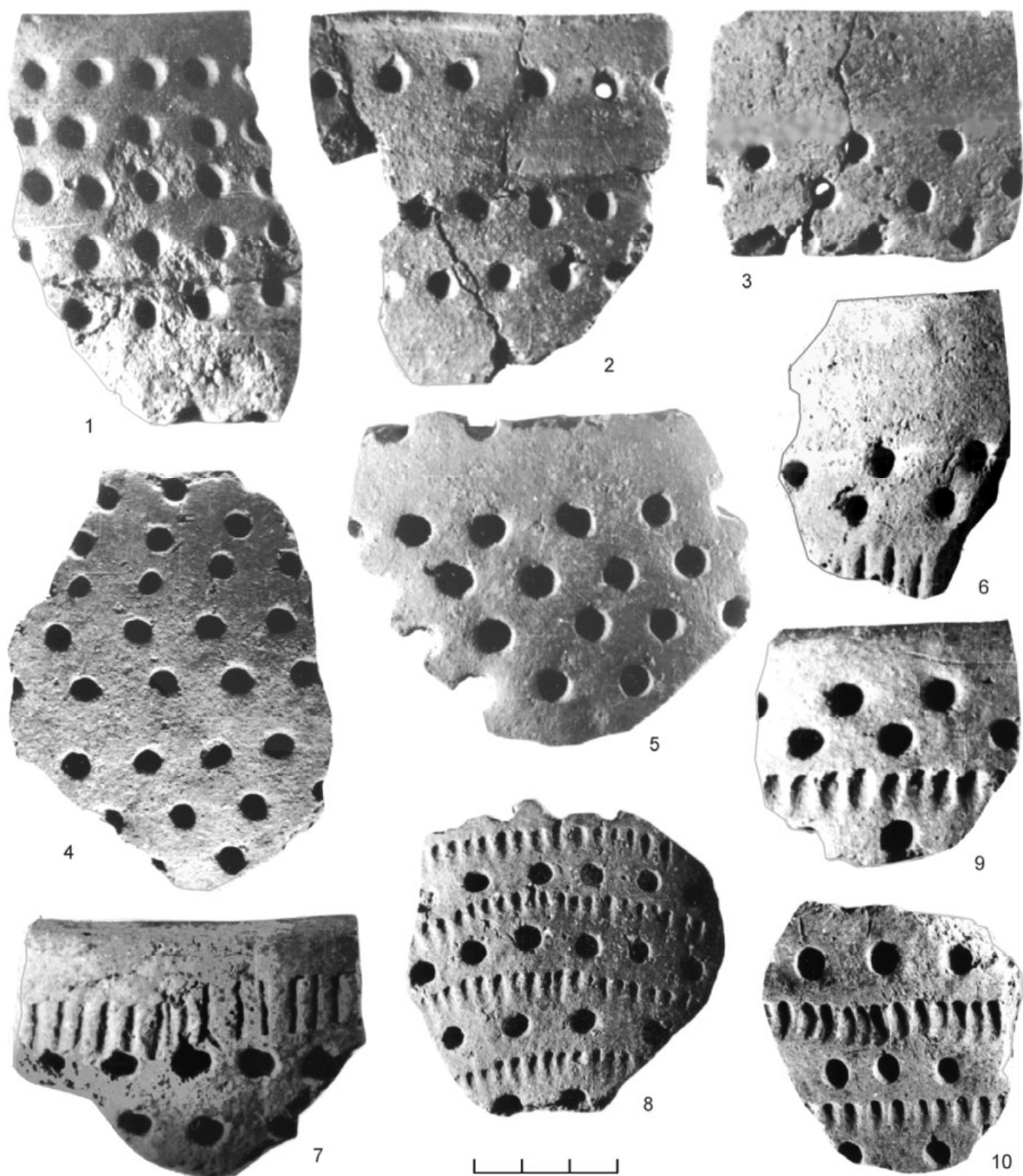

Рис. 111. Явроньга I. Ямочно-гребенчатая керамика

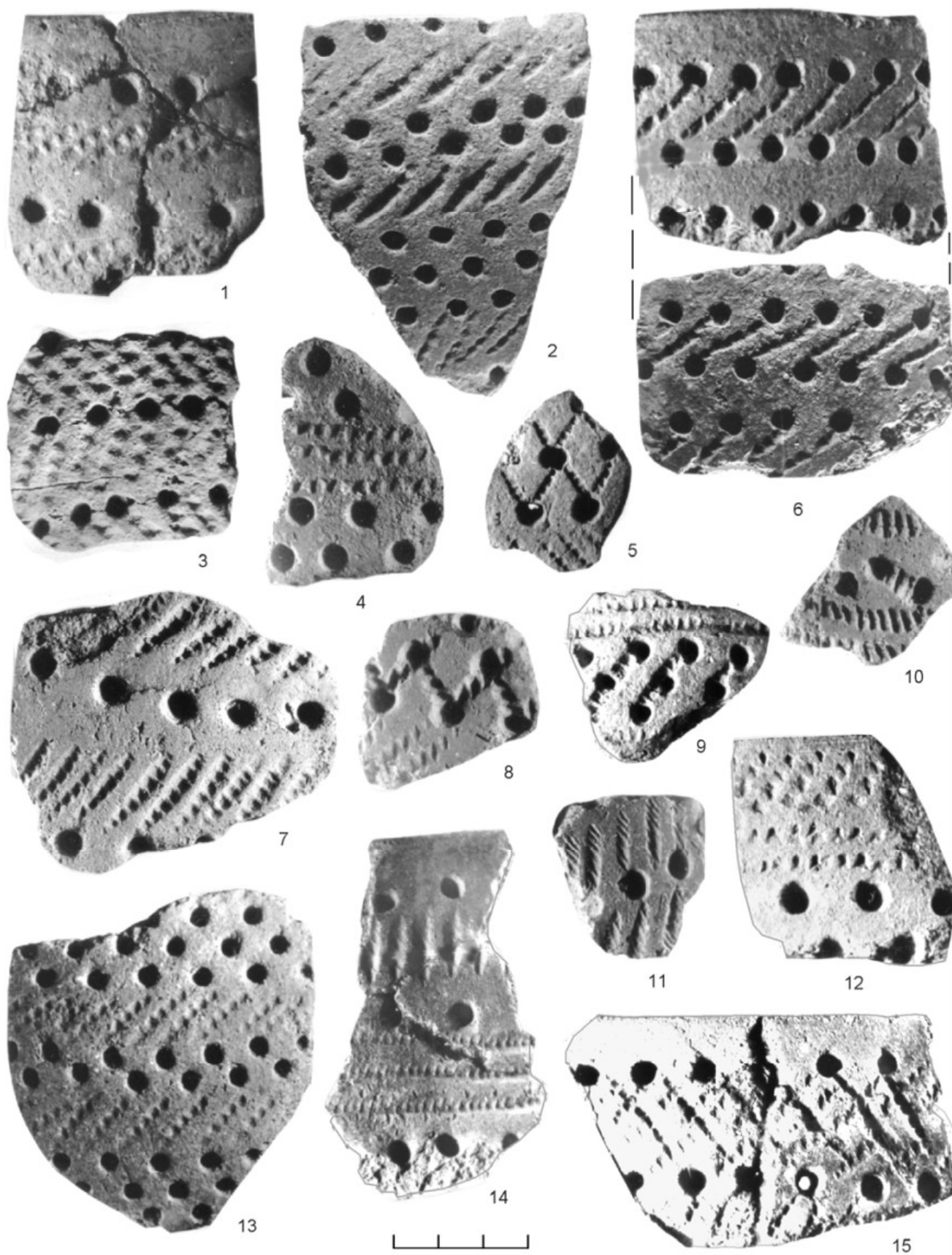

Рис. 112. Явроньга I. Ямочно-гребенчатая керамика

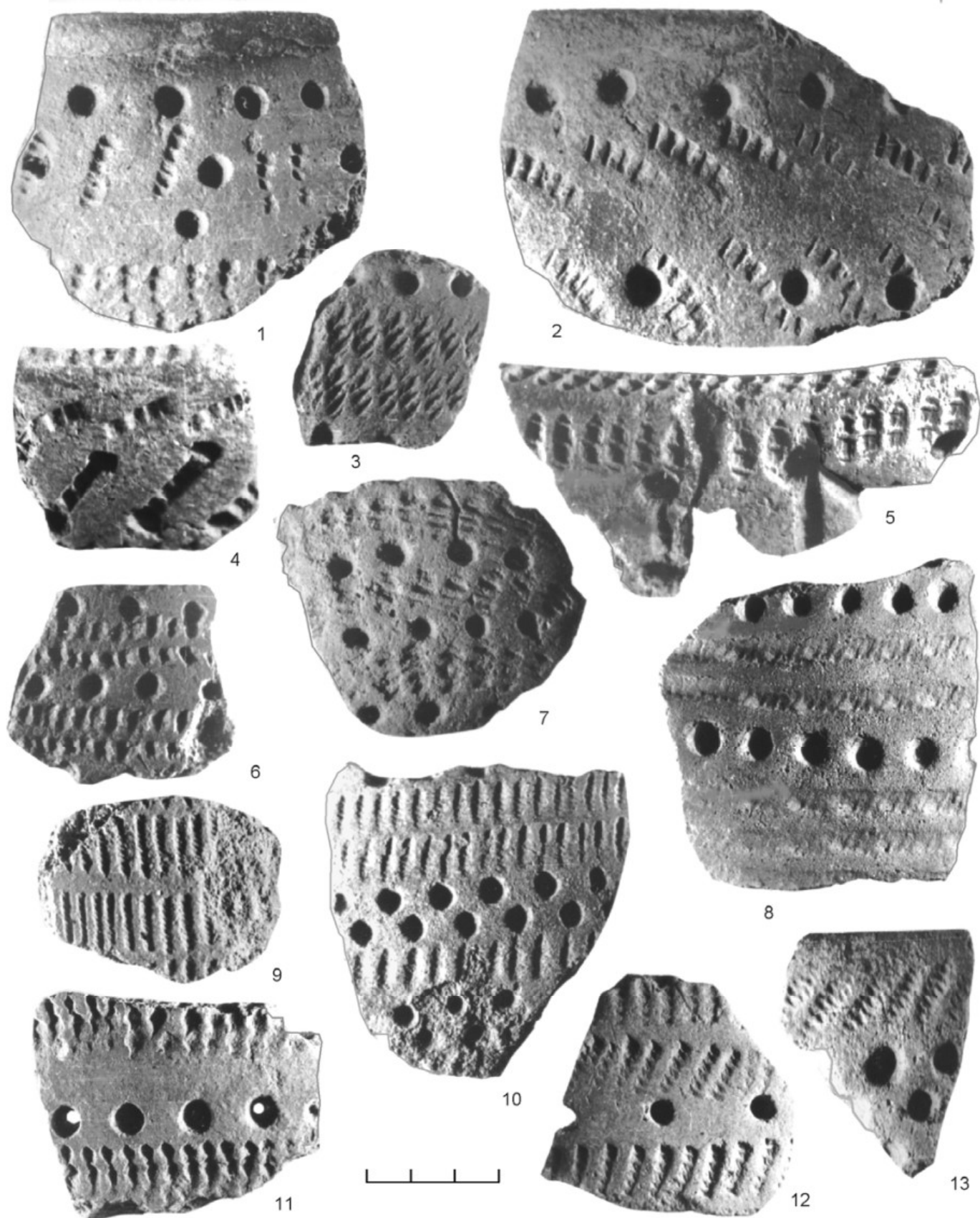

Рис. 113. Явроньга I. Гребенчато-ямочная керамика

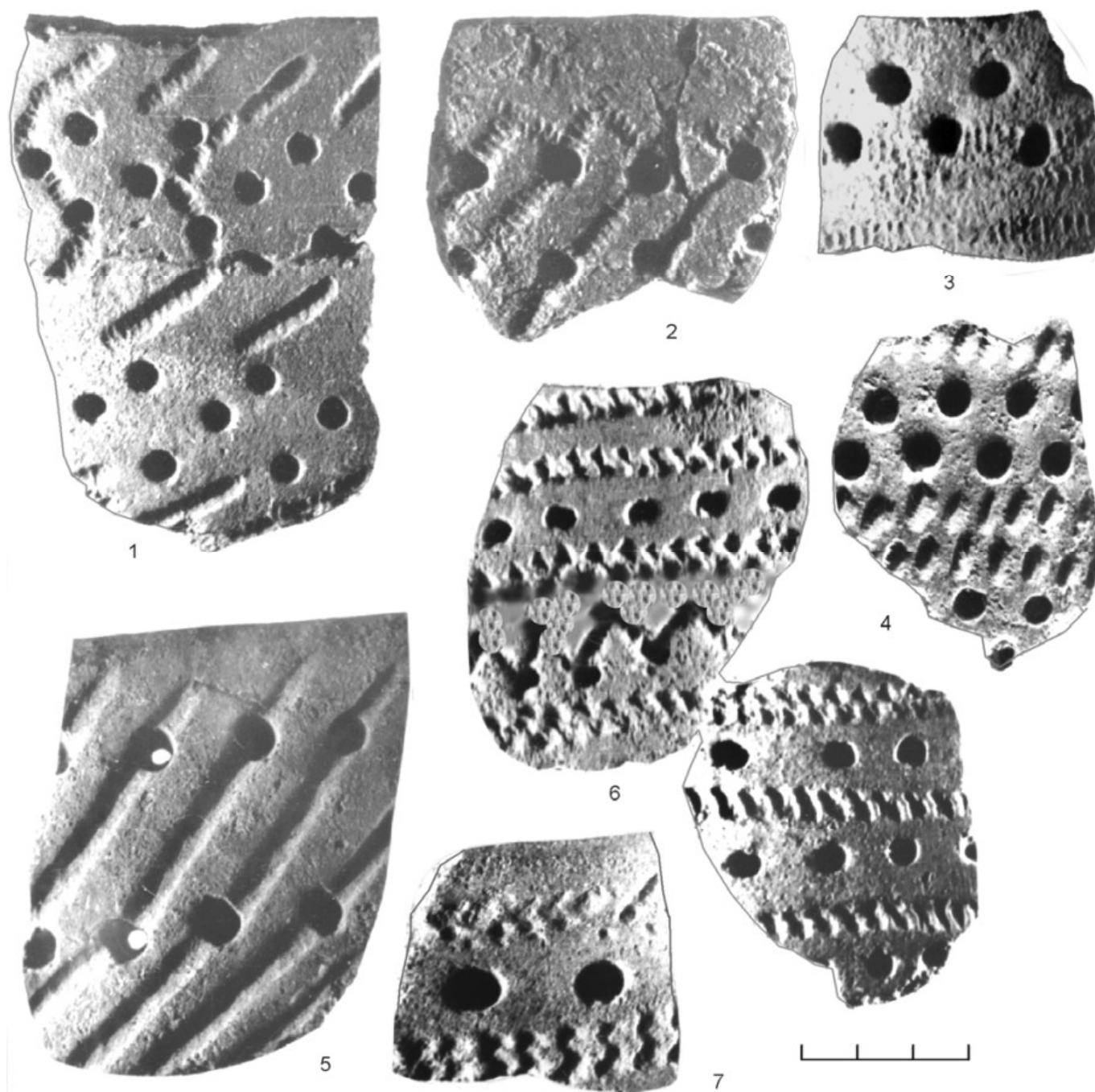

Рис. 114. Вис I (суходол). Ямочно-гребенчатая керамика (вариант 2)

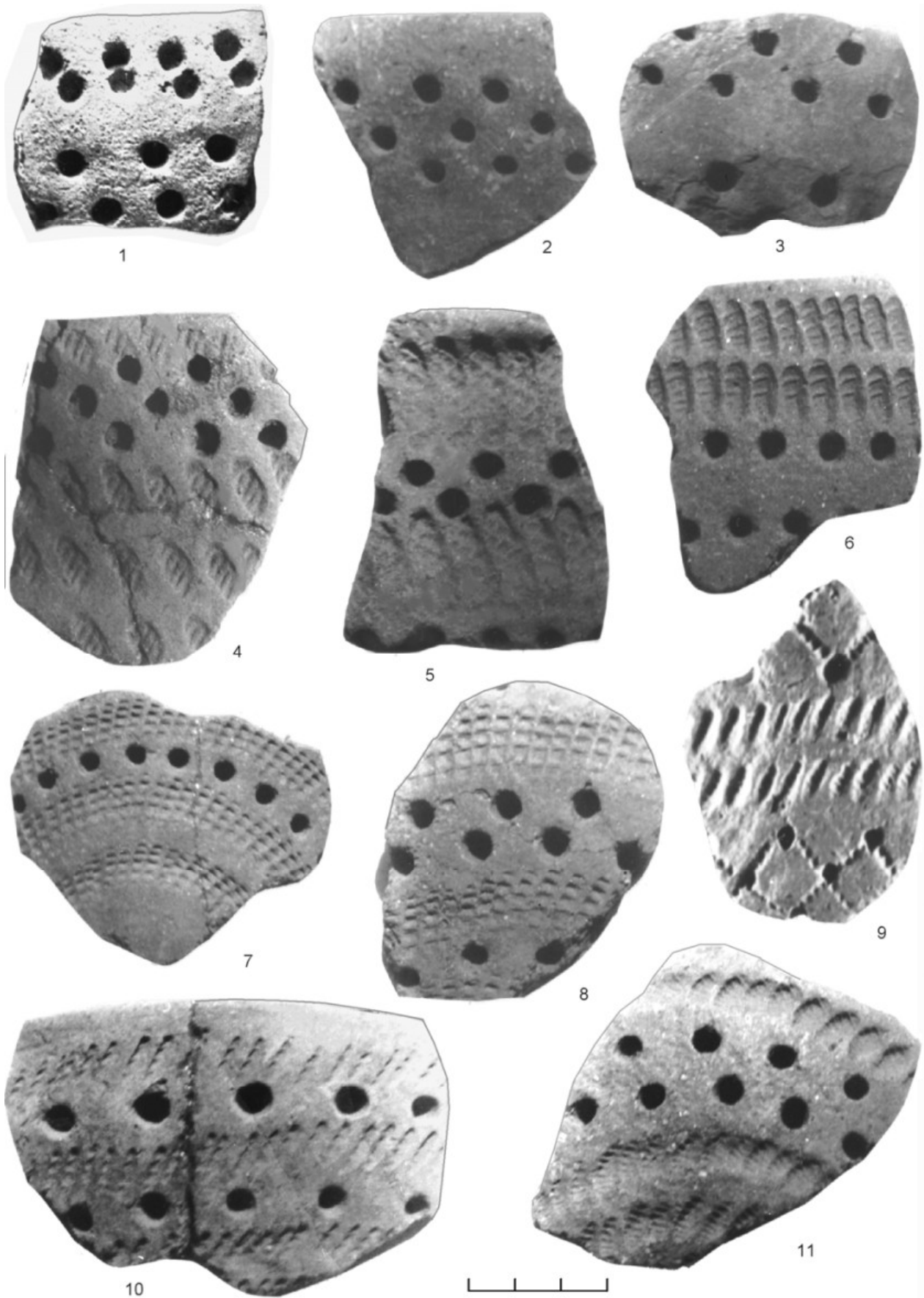

Рис. 115. Вис I (суходол). Ямочно-гребенчатая керамика (вариант 2)

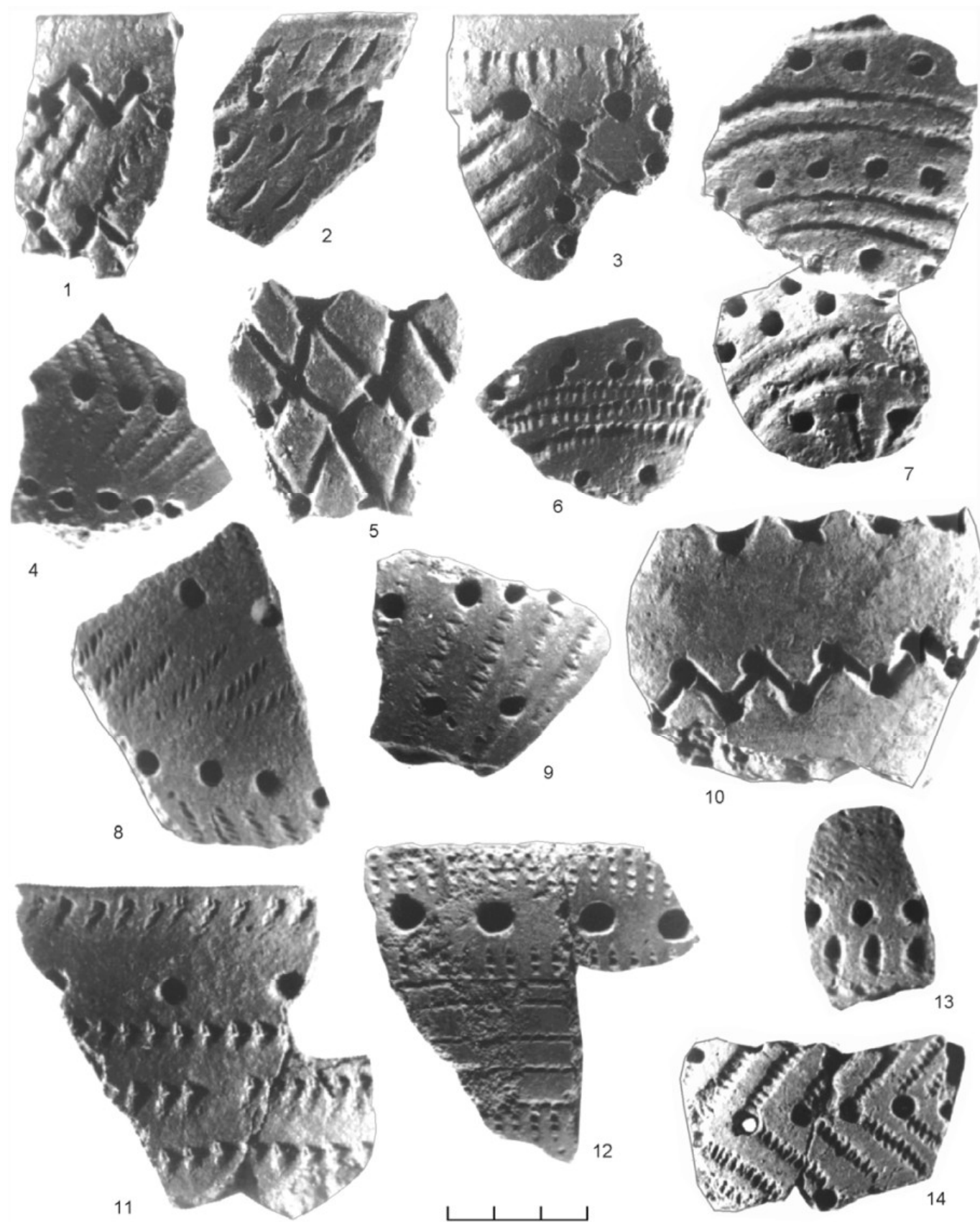

Рис. 116. Ямочно-гребенчатая и гребенчато-ямочная керамика с поселений Пижма I — 1—7; Кыско — 8—14

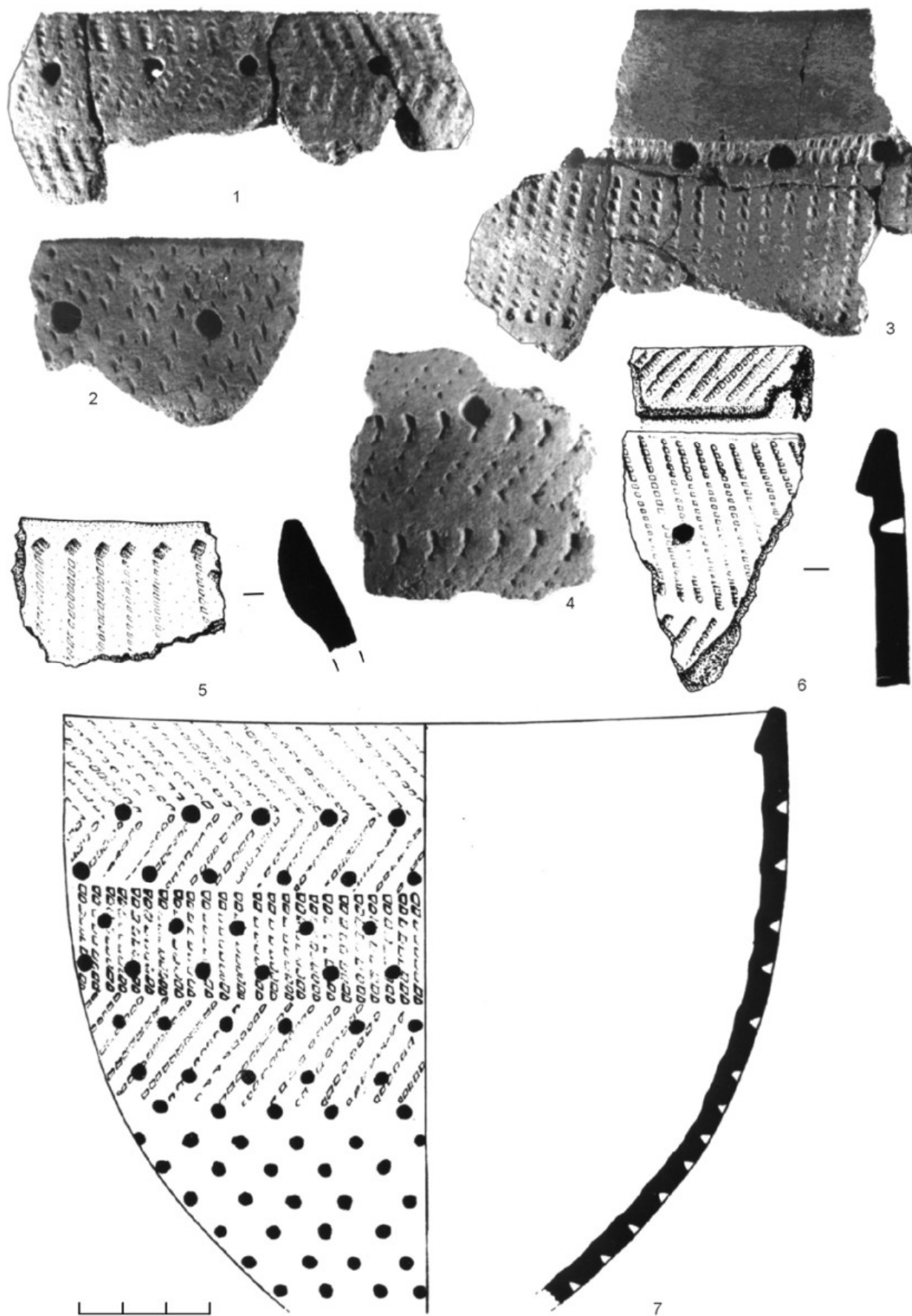

Рис. 117. Эньты I (второй комплекс). Гребенчато-ямочная керамика

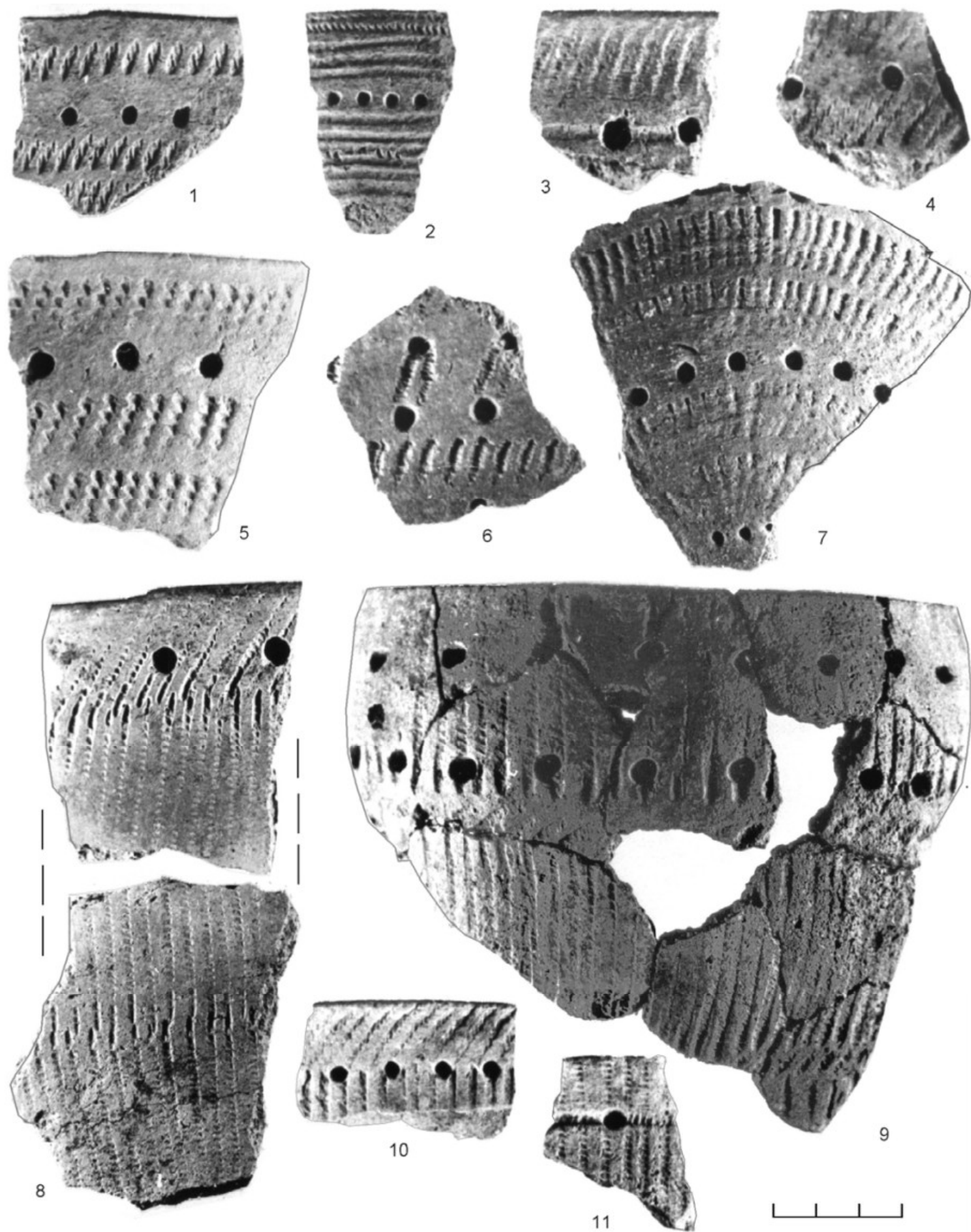

Рис. 118. Эньты III. Гребенчато-ямочная керамика:
1—7 — жилище 2; 8—11 — жилище 1

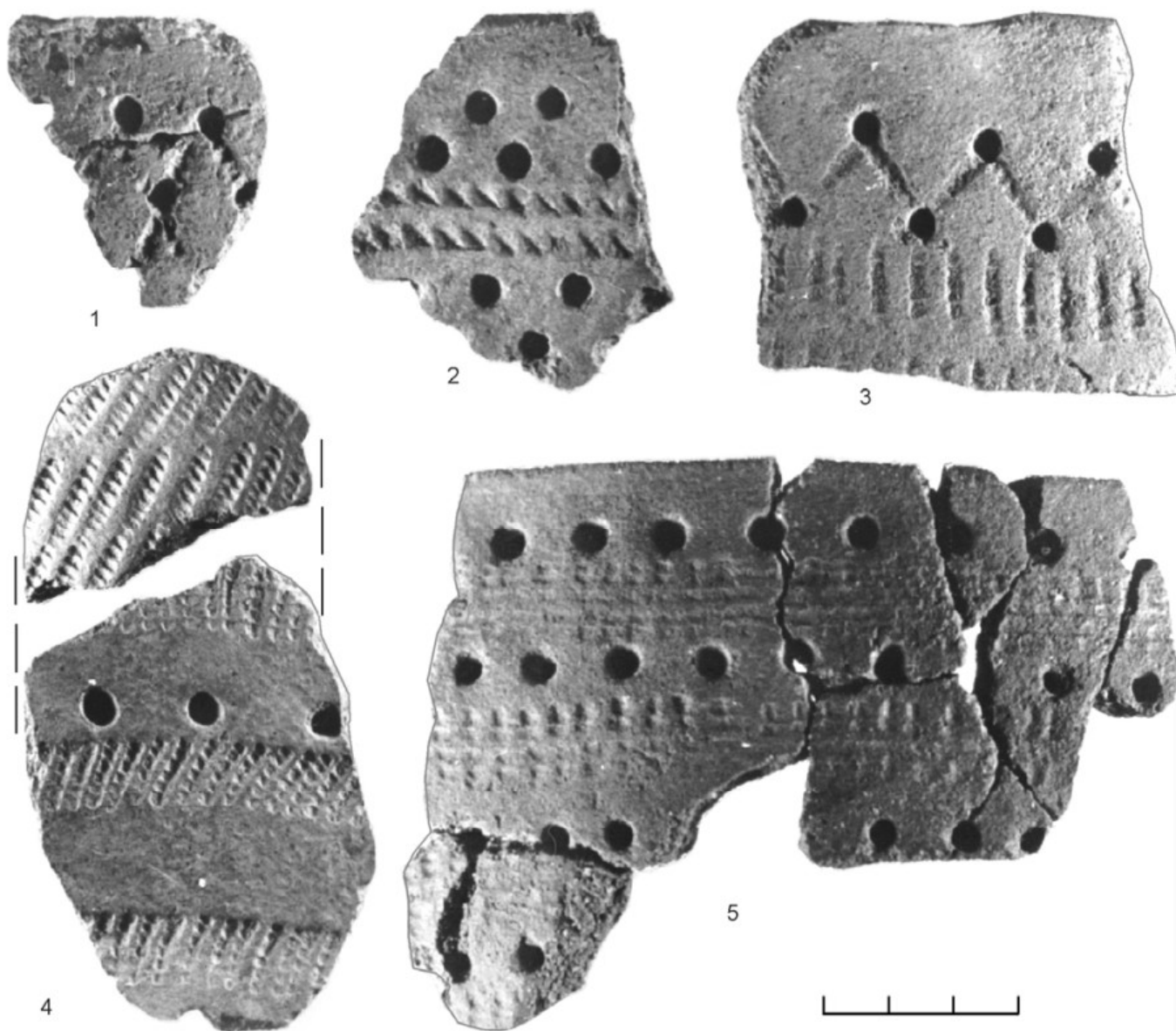

Рис. 119. Энты IV. Гребенчато-ямочная керамика

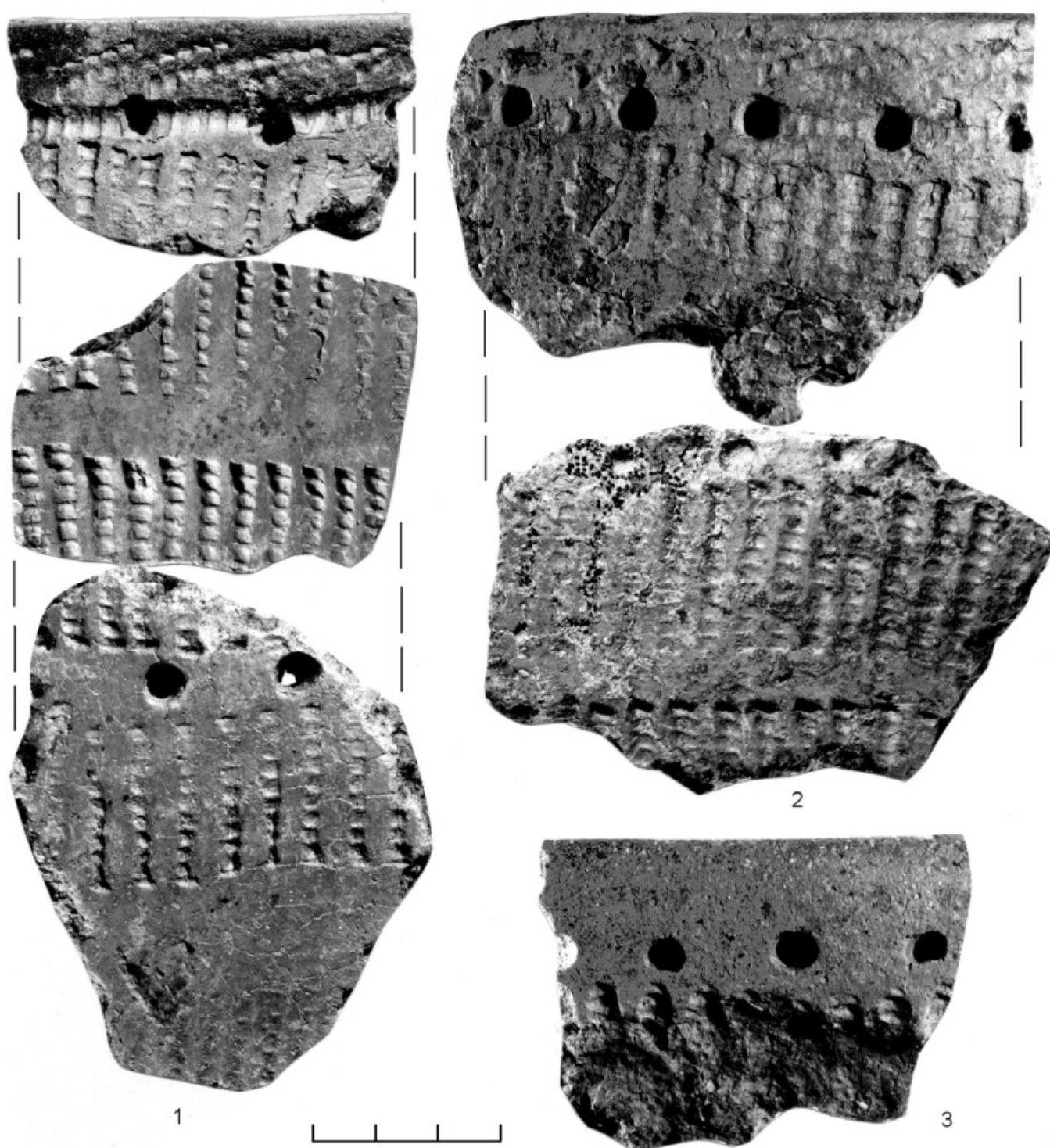

Рис. 120. Печорская стоянка. Гребенчато-ямочная керамика

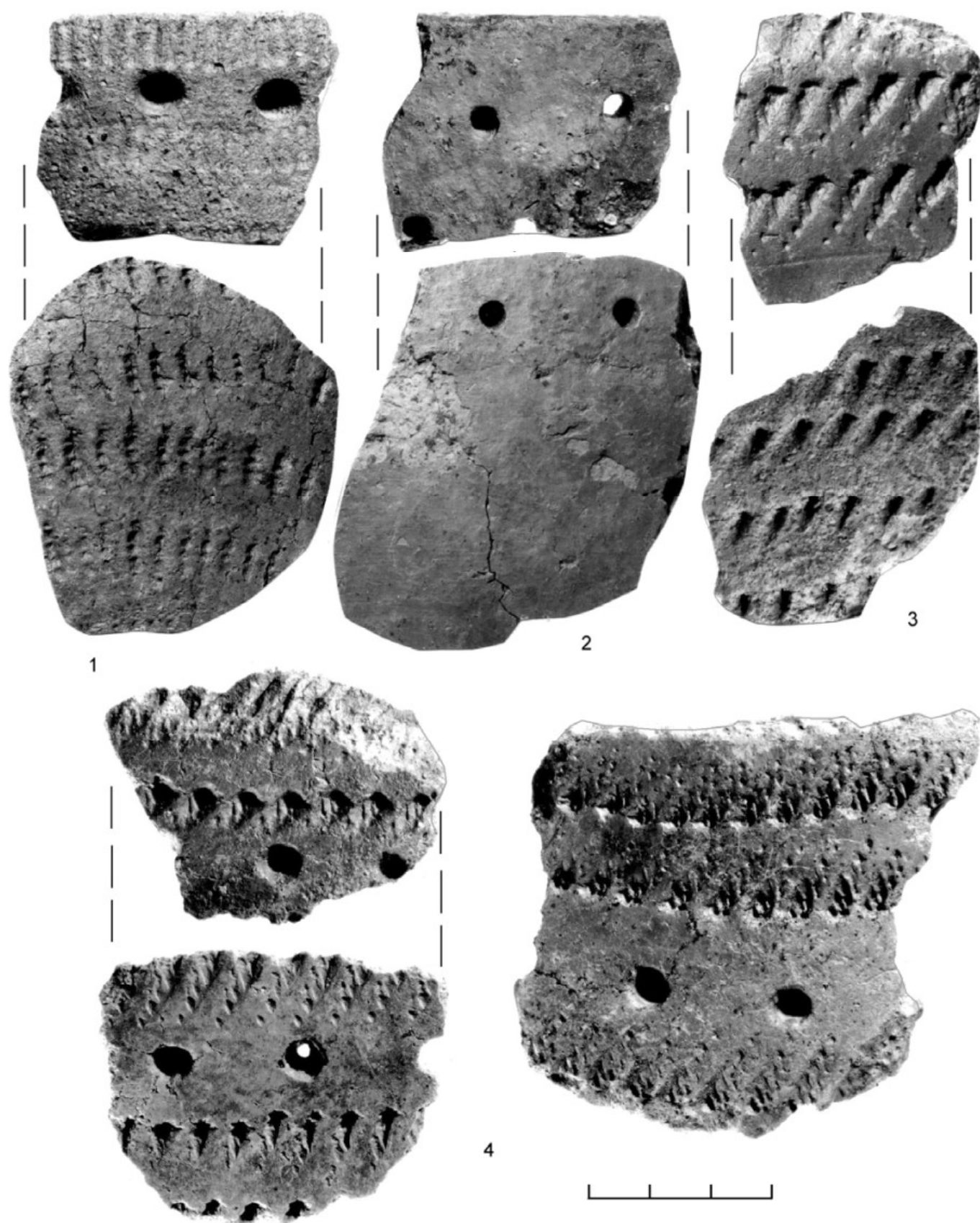

Рис. 121. Печорская стоянка. Гребенчато-ямочная керамика

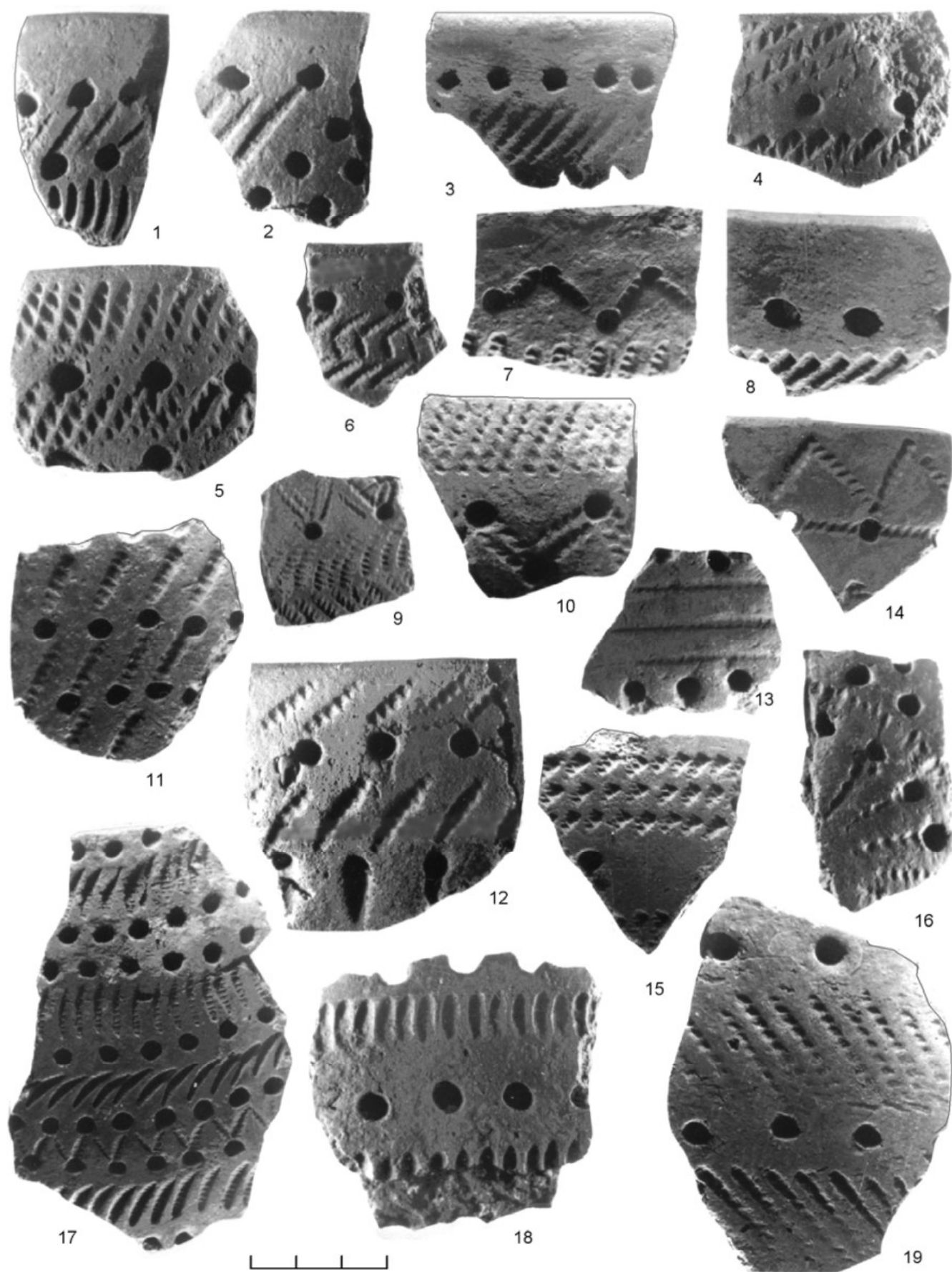

Рис. 122. Пижма II. Ямочно-гребенчатая и гребенчато-ямочная керамика

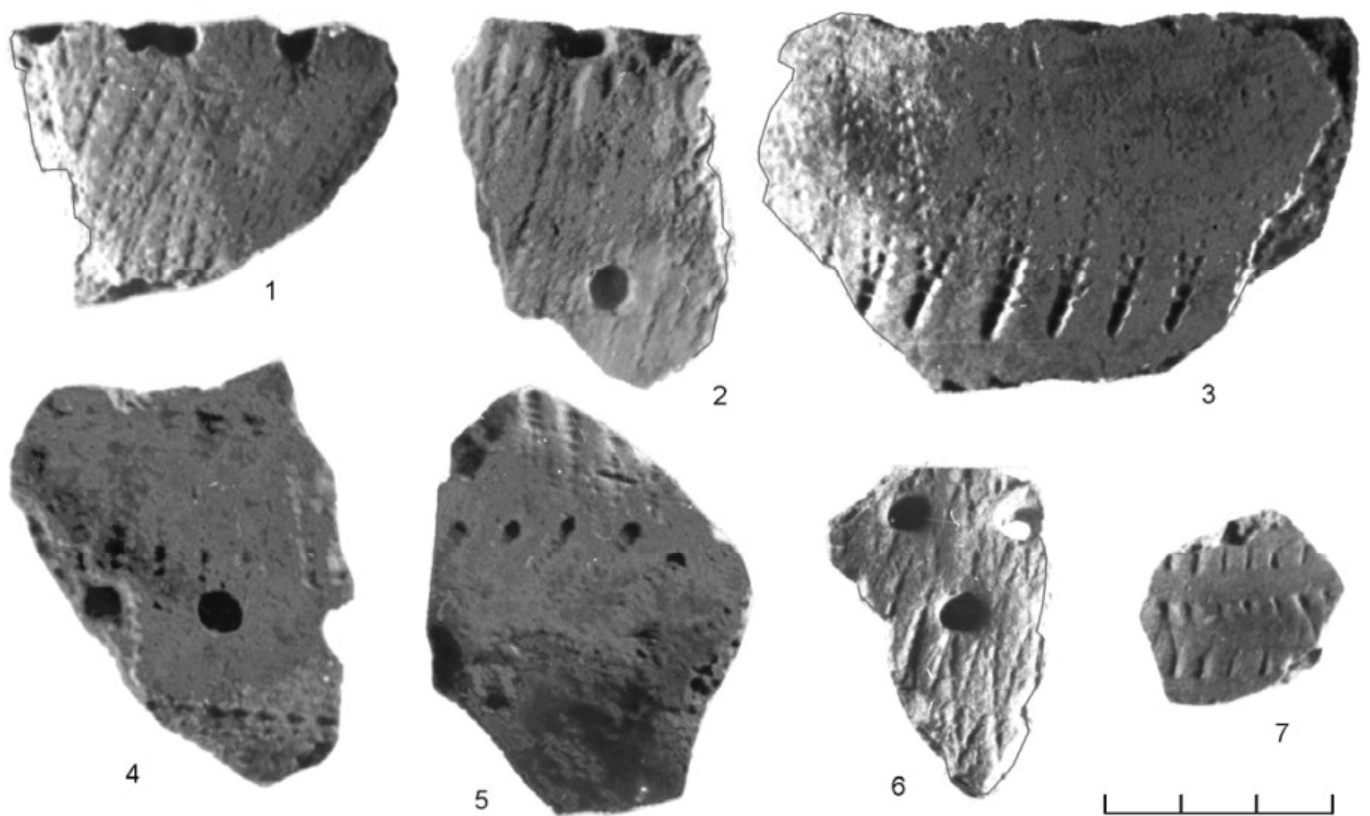

Рис. 123. Пижма II. Гребенчато-ямочная керамика

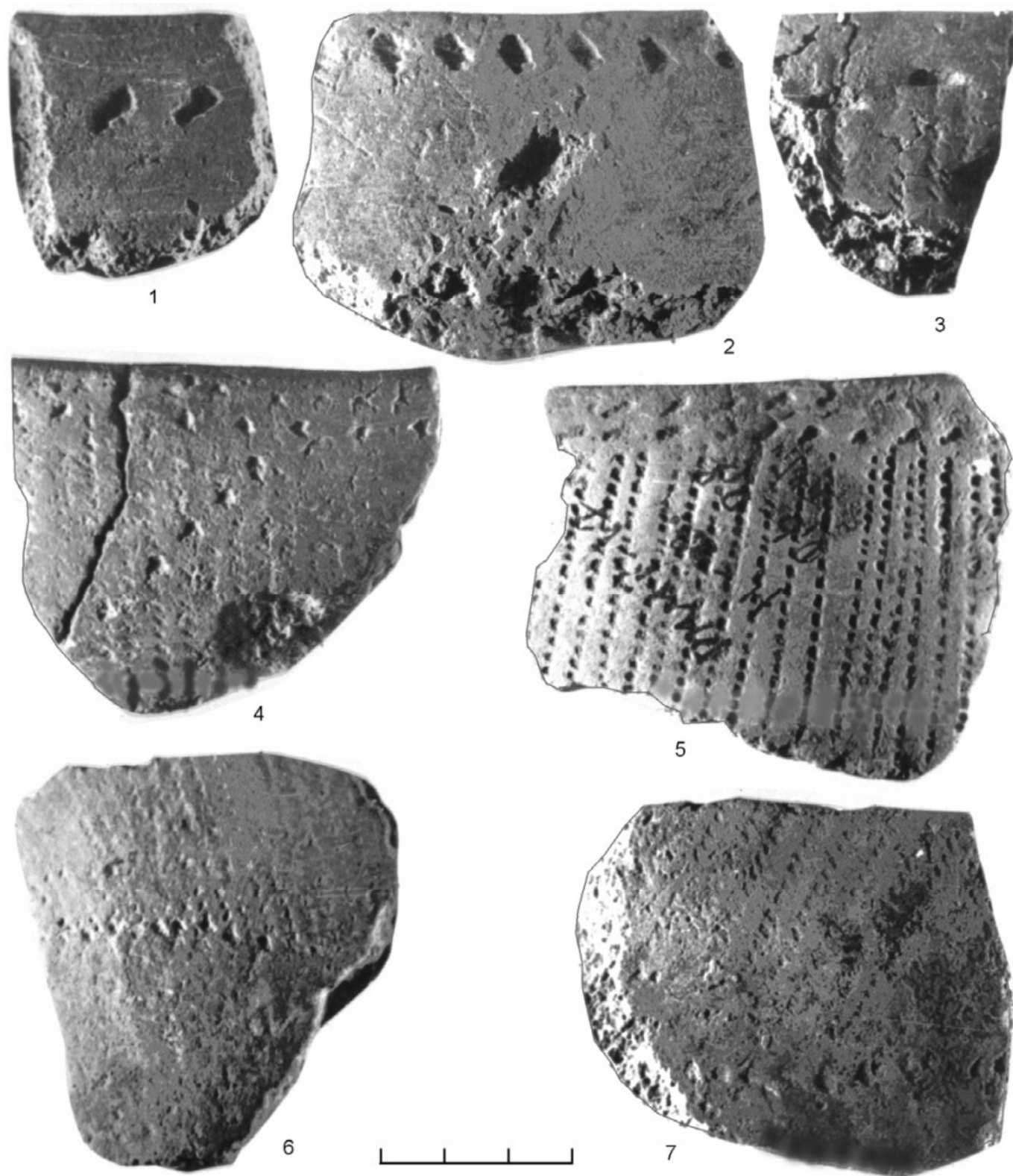

Рис. 124. Вис I. Гребенчатая керамика (вариант 1)

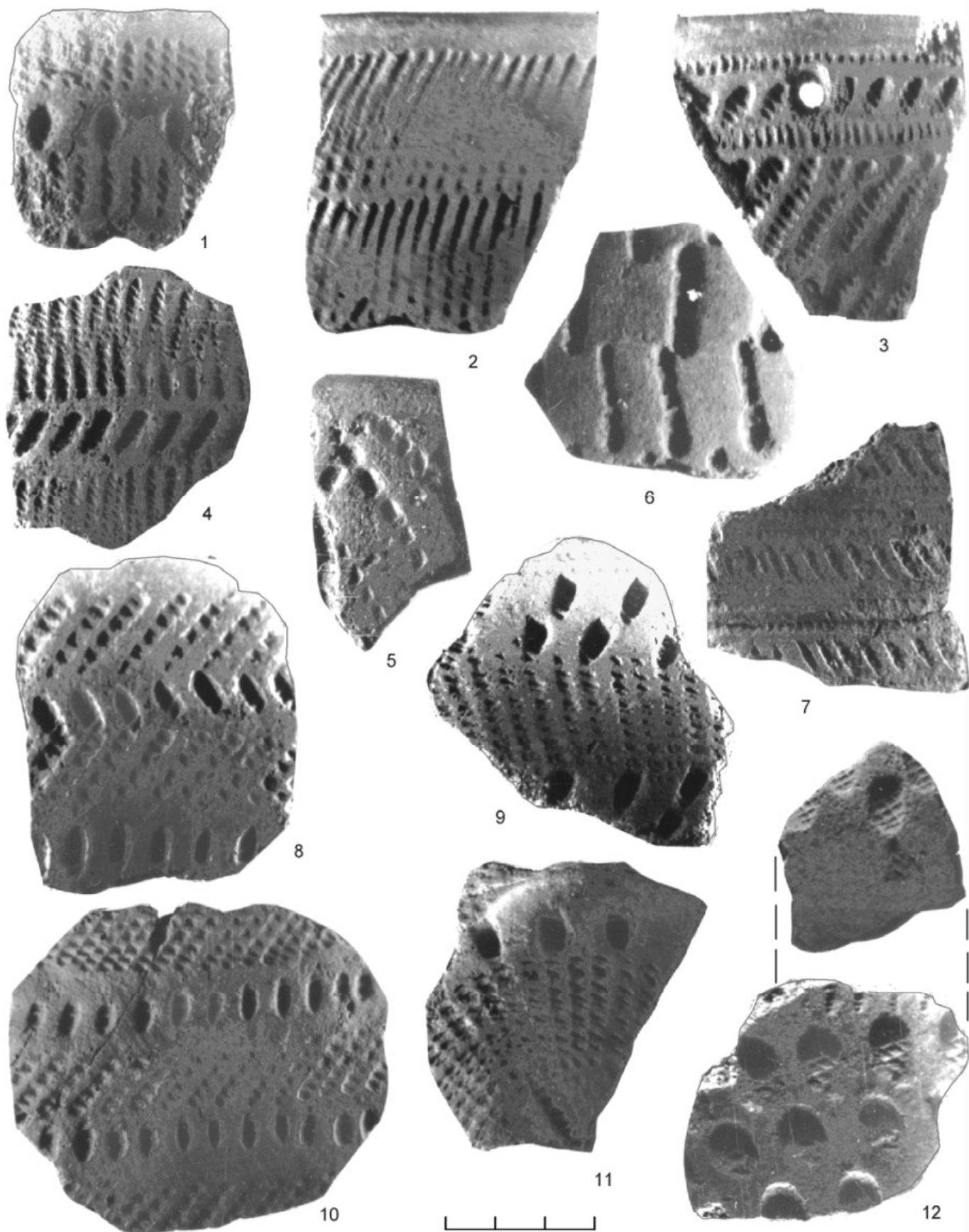

Рис. 125. Вис I. Гребенчатая керамика (вариант 2)

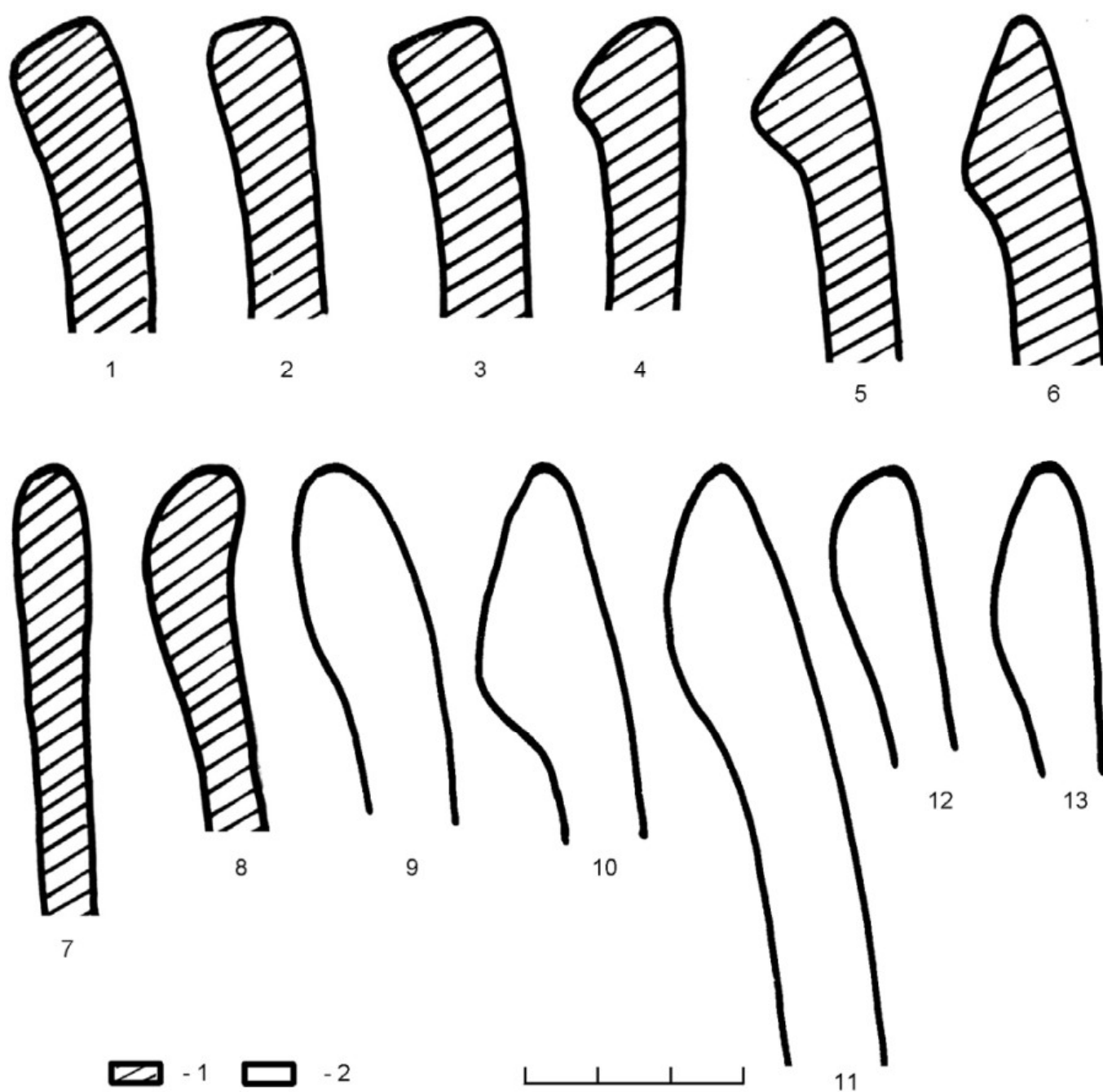

Рис. 126. Вис I (суходол). Венчики сосудов с гребенчатым орнаментом:
1 — вариант 2 (1—8); 2 — вариант 1 (9—13)

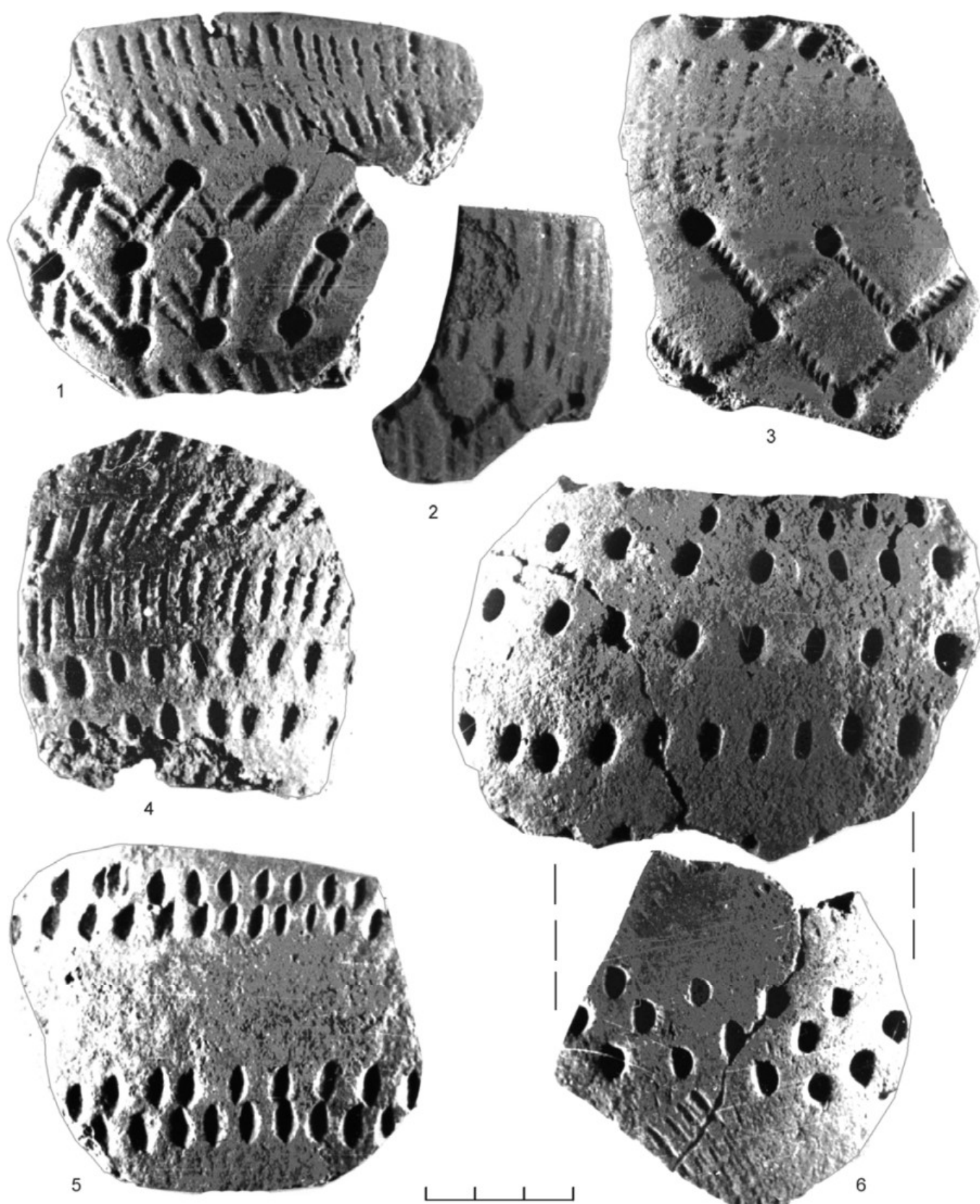

Рис. 127. Вис I (суходол). Гребенчато-ямочная керамика (вариант 2)

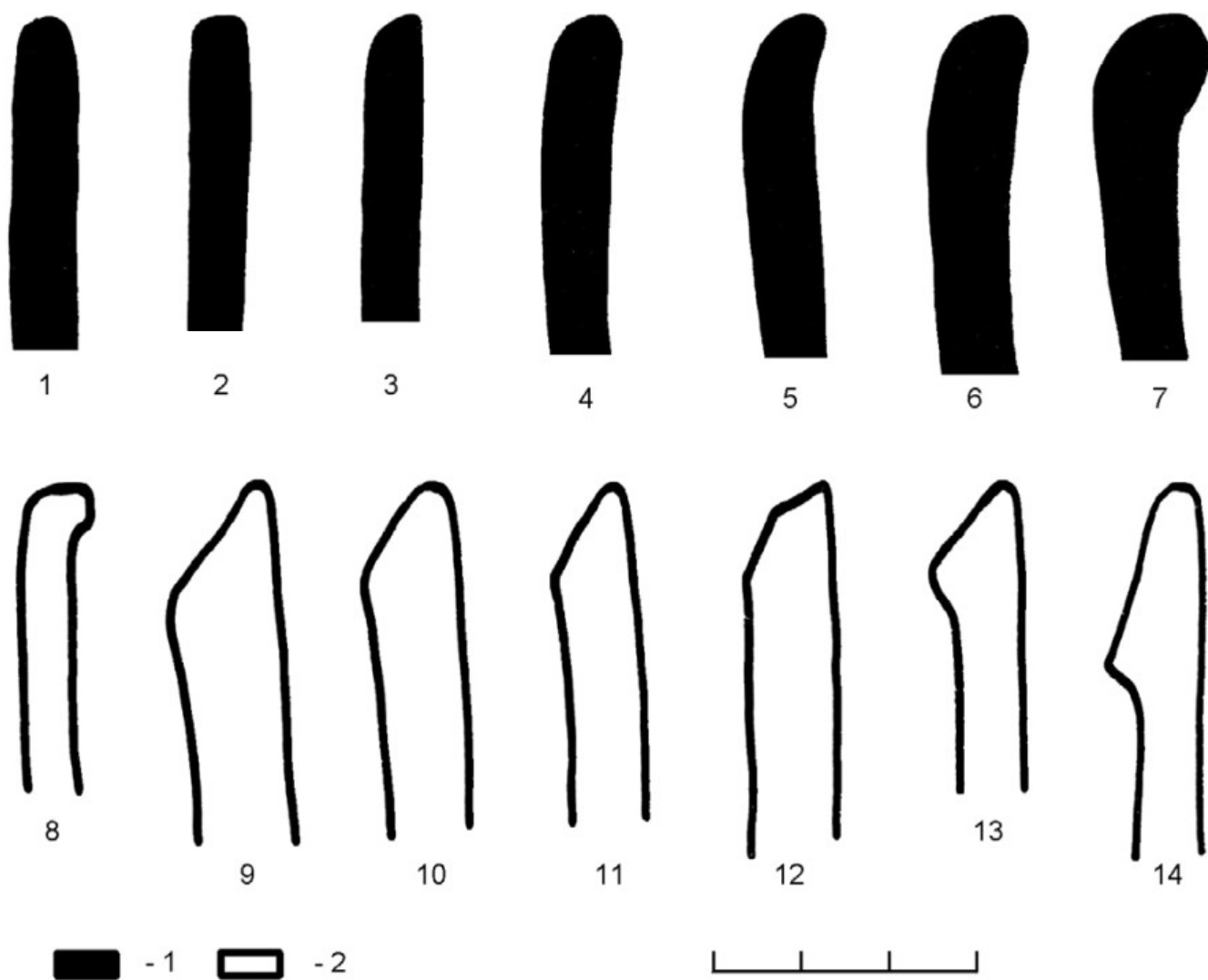

Рис. 128. Вис I. Венчики сосудов с гребенчато-ямочным орнаментом (вариант 2):
1 — преобладающие (1—7); 2 — единичные (8—14)

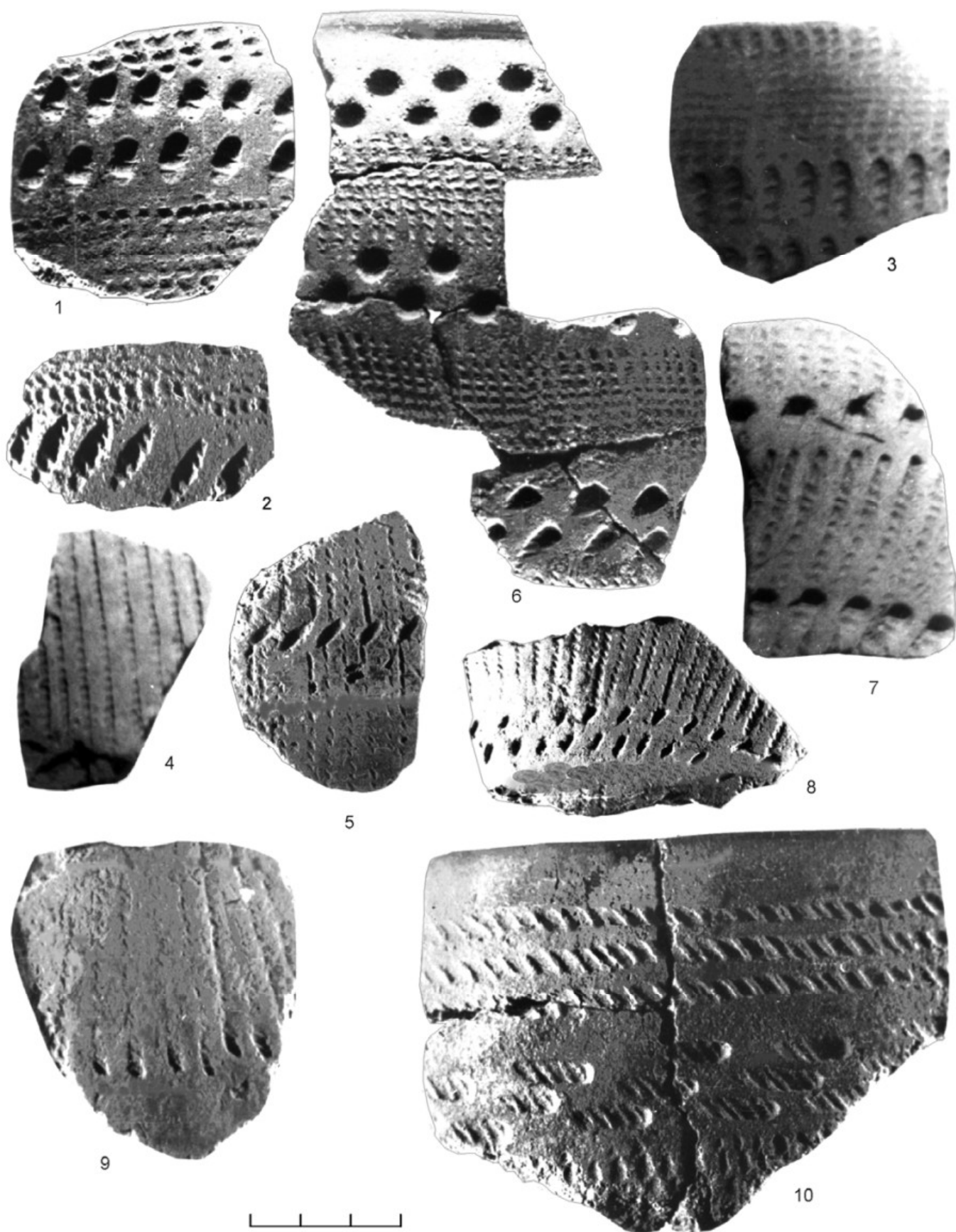

Рис. 129. Вис I. Гребенчатая керамика (вариант 2)

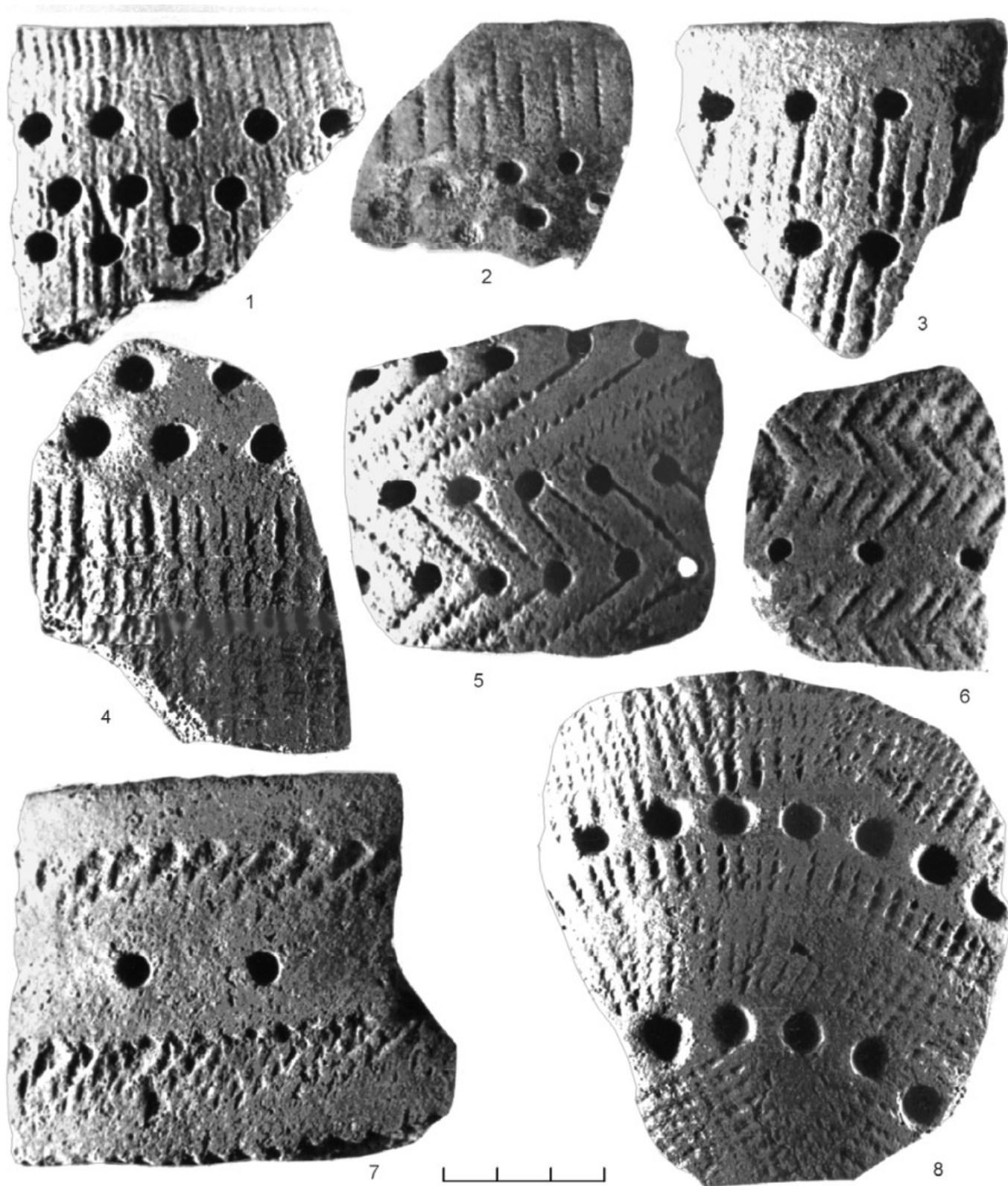

Рис. 130. Вис II. Гребенчато-ямочная керамика

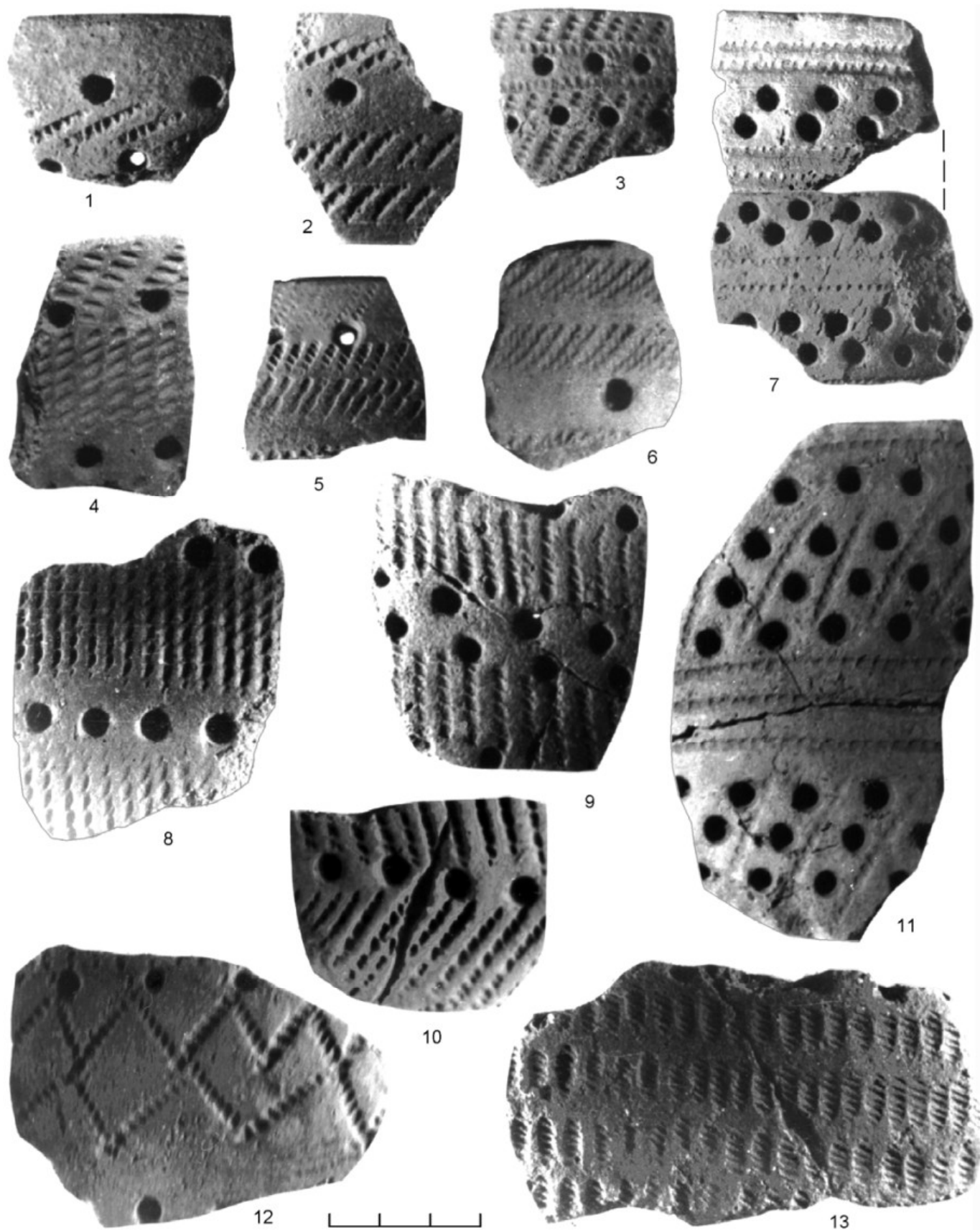

Рис. 131. Вис II. Гребенчато-ямочная керамика

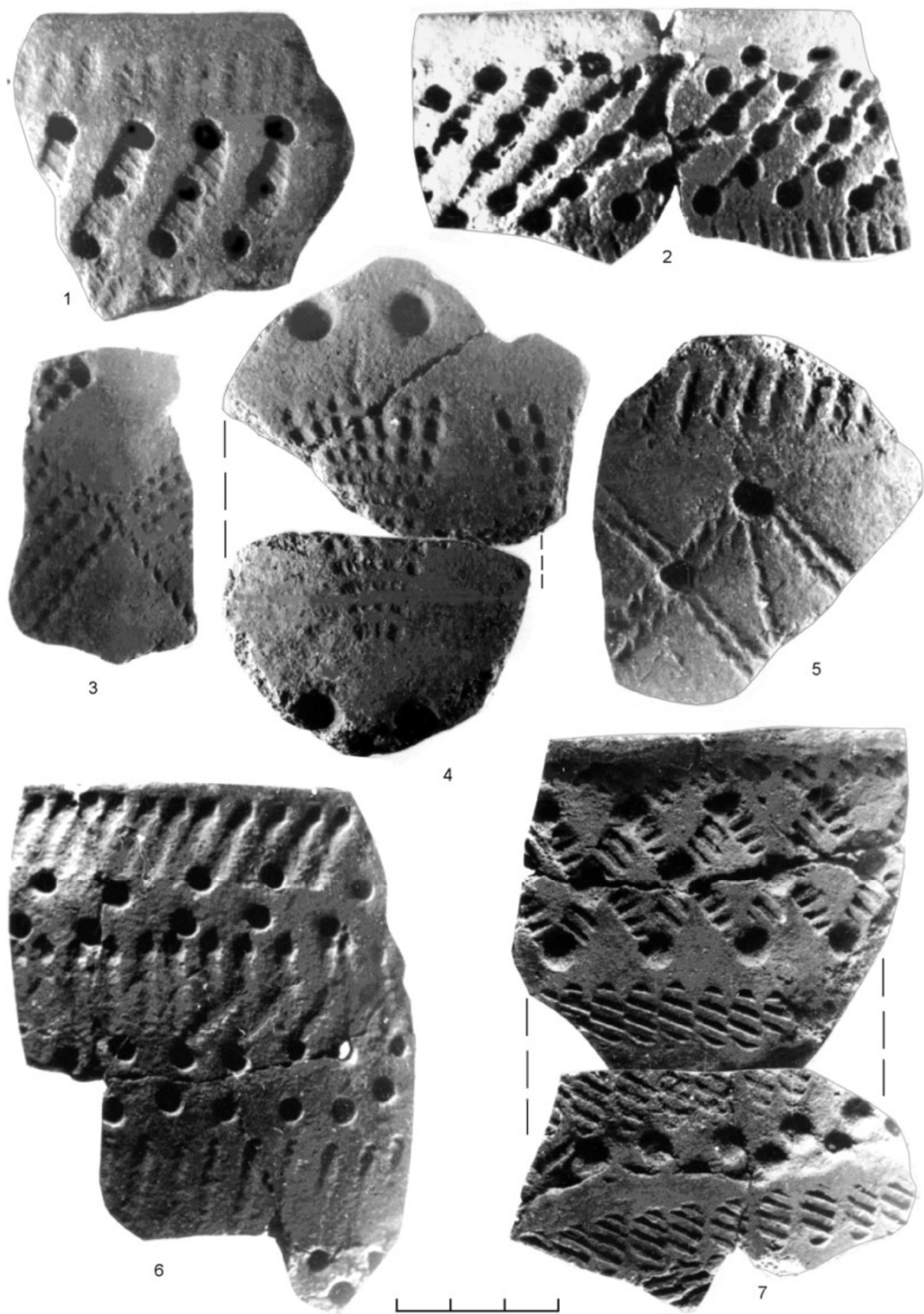

Рис. 132. Вис II. Гребенчато-ямочная керамика

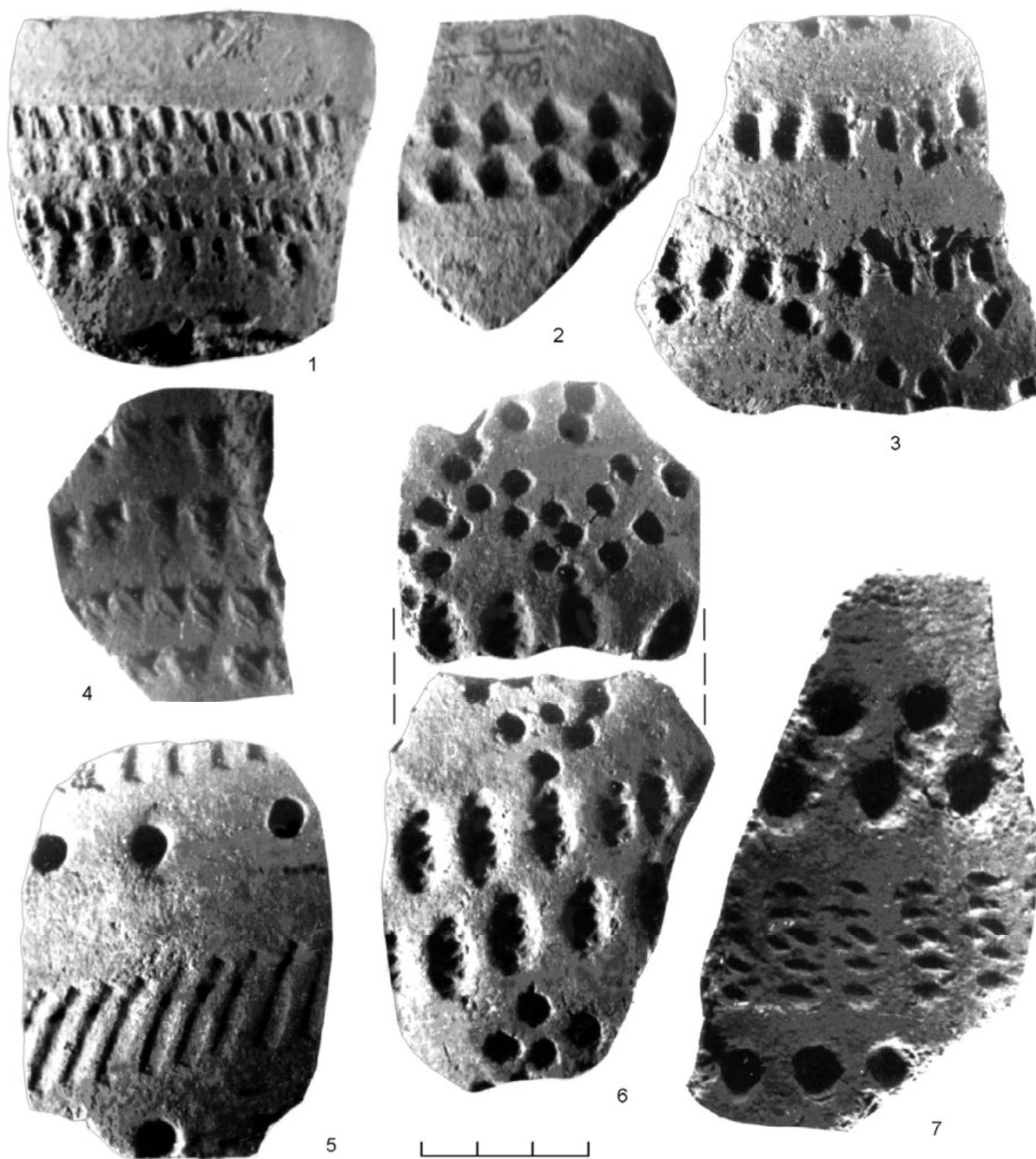

Рис. 133. Вис II. Гребенчато-ямочная керамика

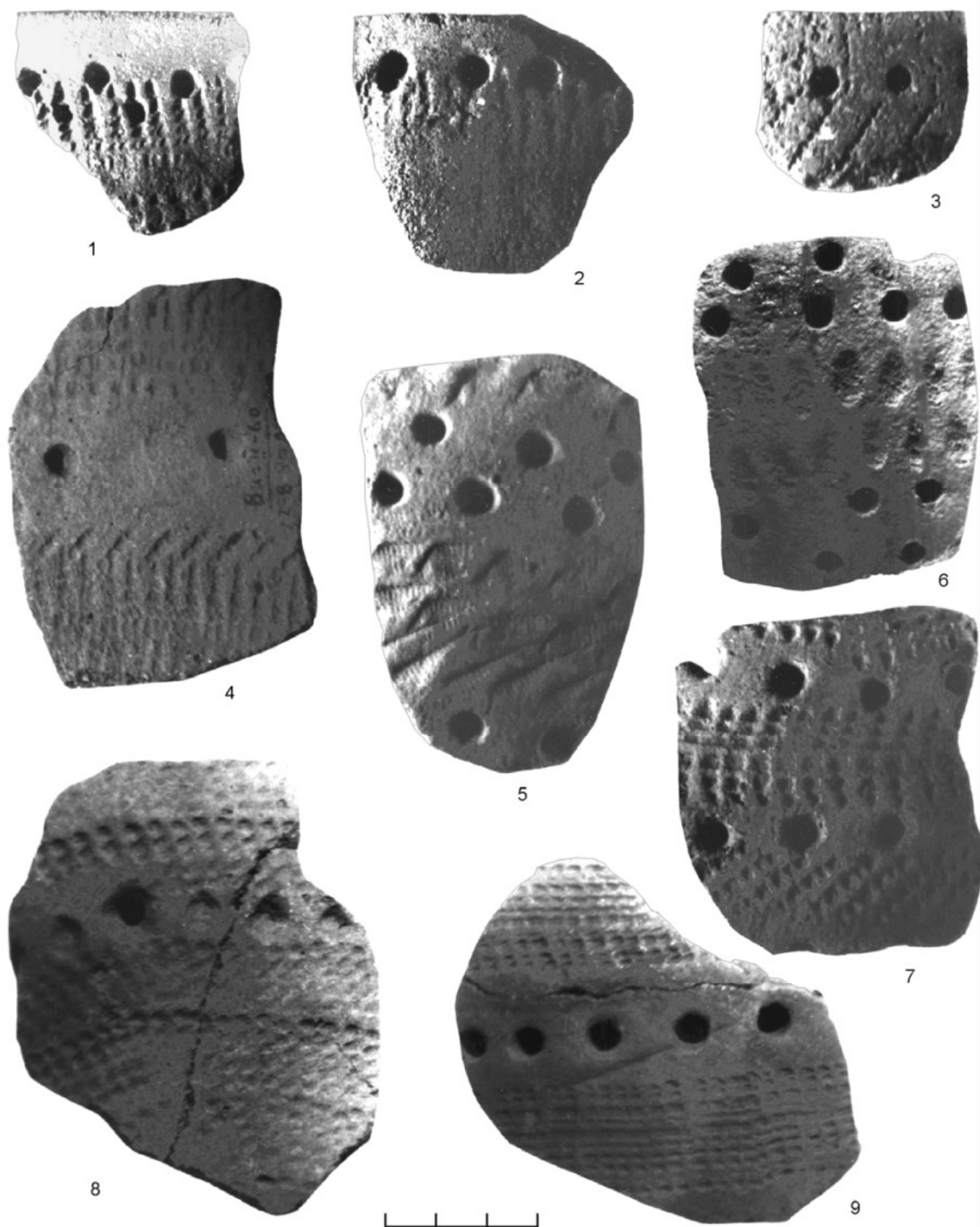

Рис. 134. Вис II. Гребенчато-ямочная керамика

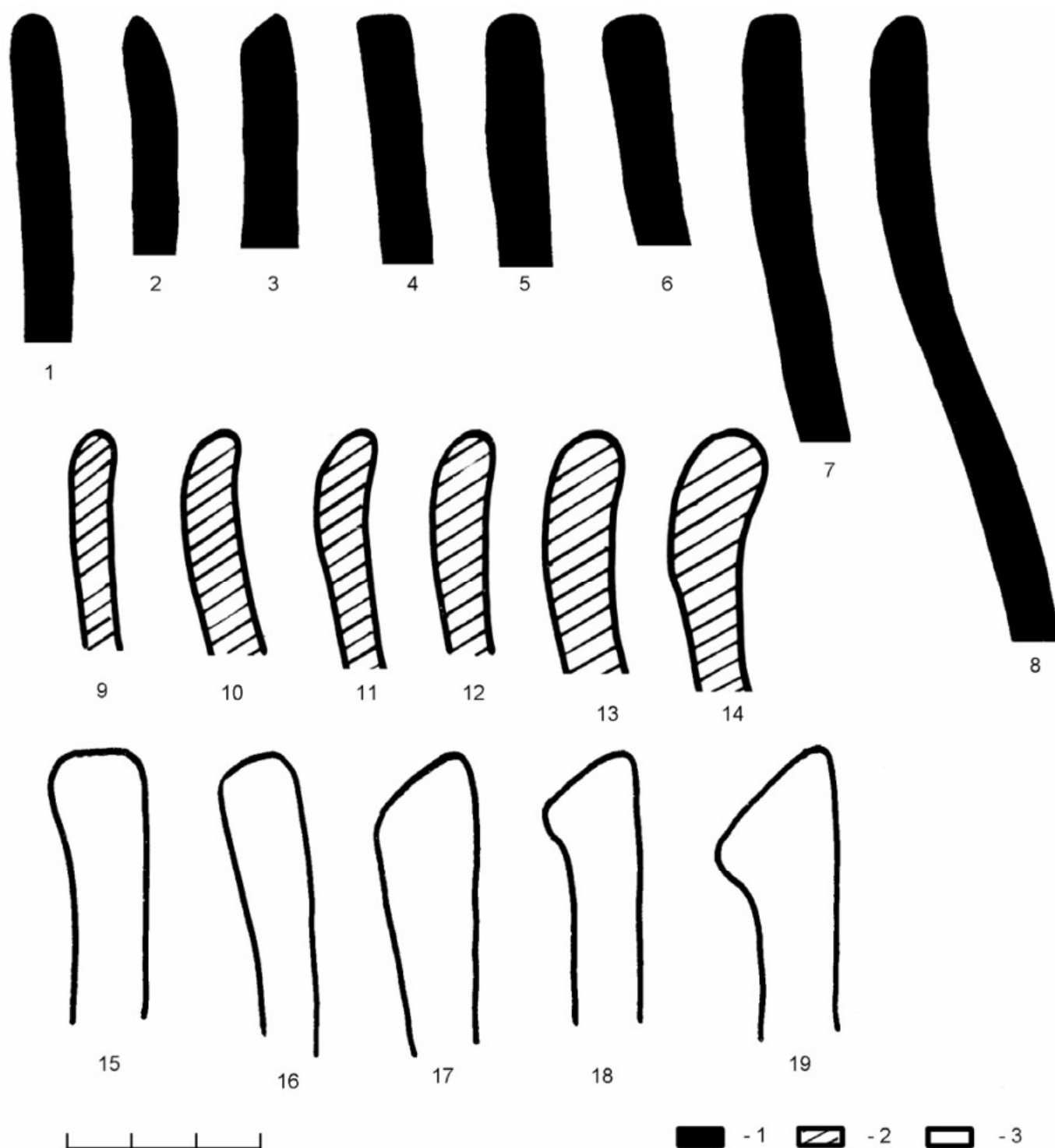

Рис. 135. Вис II. Венчики гребенчатой и гребенчато-ямочной керамики (вариант 2):
 1 — преобладающие (1—8); 2 — реже встречающиеся (9—14); 3 — единичные (15—19)

Об авторе

В археологии, как и в жизни, чаще встречаются не «везунчики», но труженики. Именно такой представляется мне Ирина Викентьевна Верещагина. Вся ее жизнь и научная деятельность были связаны с русским Севером — краем, не терпящим пустой суеты, располагающим к обстоятельности и упорному труду. Уроженка Архангелогородчины, по окончании ЛГУ она получила распределение на работу в Коми филиал Академии наук СССР. Там, в Сыктывкаре, мы познакомились и сдружились. Уже тогда Ирина показалась мне неординарной личностью — и лицом, словно сошедшим со старинной северной иконы, и спокойным, сильным характером, и глубоким умом, и сдержанным юмором. Она вместе с другими такими же молодыми специалистами жила в общежитии КФАН. Их маленькая девичья комната была наполнена человеческим теплом, уютом, дружелюбием. Особенно захватывали интересные вечерние разговоры, какие могут затеять между собой представители разных профессий, увлеченные каждый своим делом, — археолог, геолог и биолог. Думается, что эти рассказы, рассуждения, споры в итоге становились для нас, молодых, своего рода творческой лабораторией, где оттачивалось понимание нами комплексности задач археологического исследования, вырабатывались методики анализа материала и даже еще незрелые концепции происхождения и развития древних культур. Через несколько лет Ирина вернулась в Ленинград, но и после этого многие годы мы не теряли связи с ней. Она всегда оставалась старшим товарищем, помогая советами, щедро делясь идеями, открытиями и проблемами. Судьба ее не баловала, ее преследовали жизненные неурядицы, но она всегда оставалась верной любимому делу — археологии.

Научные интересы Ирины Верещагиной лежали в области каменного века Европейского Северо-Востока, «лицо» которого только начинало вырисовываться в те теперь далекие 1970-е годы. Ее полевые сезоны проходили большей частью на Северной Двине. Разведки в доселе не исследованных районах, раскопки вновь открытых памятников постепенно наполняли новыми археологическими данными обширное «белое пятно» этого региона.

И. В. Верещагину еще в ее сыктывкарские годы отличали завидная эрудиция, профессионализм археолога-«каменщика», глубокое проникновение в материал, умение выявлять природные, стратиграфические, типологические особенности исследованных памятников. Именно ей принадлежит первая статья по мезолиту Большеземельской тундры, обобщившая разрозненные и рассеянные до тех пор по разным хранилищам материалы. Ею же исследованы и опублико-

ваны первые стоянки мезолита и раннего неолита в бассейне Северной Двины, открывшие целый культурный пласт этой территории. И. В. Верещагина исследовала и памятники более поздних эпох — от энео-

Ирина Викентьевна Верещагина

лита до железного века, но эти материалы в научный оборот практически не введены.

В 1980-е годы она проделала огромный объем работы по сбору, анализу и обобщению материалов мезолита и неолита обширной (от Северной Двины до Урала) территории, сумела разработать стройную и тщательно обоснованную концепцию развития культур региона, до сих пор не потерявшую своей актуальности. Результаты этой работы легли в основу ее диссертации.

*Л. Л. Косинская. Ведущий научный сотрудник
Уральского государственного университета
им. А. М. Горького. Проблемная научно-исследовательская лаборатория (ПНИАЛ УрГУ)*

Оглавление

Предисловие	5
Глава I. КРАТКАЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПАЛЕОГЕОГРАФИИ КРАЙНЕГО ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА	6
Глава II. ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ КАМЕННОГО ВЕКА НА КРАЙНЕМ ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ	10
Глава III. МЕЗОЛИТ НА КРАЙНЕМ ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ	14
3.1. Краткий обзор мезолитических памятников, особенности их топографии, стратиграфии и планиграфии	14
3.2. Классификация каменного инвентаря и его особенности на мезолитических стоянках различных районов	16
3.3. Культурная принадлежность, хронология и периодизация мезолитических памятников крайнего Европейского Северо-Востока	25
Глава IV. КРАЙНИЙ ЕВРОПЕЙСКИЙ СЕВЕРО-ВОСТОК В ЭПОХУ НЕОЛИТА	29
4.1. Краткий обзор неолитических памятников и сравнительная их характеристика	29
4.2. Классификация неолитической керамики	31
4.3. Анализ каменного инвентаря стоянок с ямчатой, гребенчато-ямчатой и ямчато-валиковой керамикой	40
4.4. Характеристика каменного инвентаря поселений с ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной керамикой	43
4.5. Культурная принадлежность, периодизация и хронология неолитических памятников крайнего Европейского Северо-Востока	47
Заключение	54
Литература	57
Список сокращений	62
Приложение I. Статистические таблицы	63
Приложение II. Краткий свод (табл. 1) и описание опорных памятников эпохи мезолита и неолита	76
ИЛЛЮСТРАЦИИ	96
Об авторе	231